ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

Москва
2019

УДК 930.1
ББК 63.3(2)
И 90

Издание основано в 1937 году,
Возобновлено в 1995 году

Редакционная коллегия:
Е.И. ПИВОВАР (составитель и ответственный редактор),
Л.А. БЕЛЯЕВ, М.Ю. МУХИН (зам. ответственного редактора),
Н.А. САПОЖЕНКОВА (секретарь), П.П. ЧЕРКАСОВ
В.С. ХРИСТОФОРОВ

Рецензенты:
доктор исторических наук Г.Н. ЛАНСКОЙ
доктор исторических наук Е.Н. ЦИМБАЕВА

Исторические Записки. 18 (136) М.: РАН. – 2019 – 336 с.

ISBN 978-5-907036-21-5

Очередной номер ежегодника «Исторические записки» даёт широкую панораму современного состояния отечественной историографии. Статьи, помещённые в номере, сгруппированы по рубрикам, представляющим исследования по наиболее актуальным направлениям работ российских историков на современном этапе. Это история средневековой Руси, социально-экономическая и социально политическая история России в XX – начала XXI века, история культуры, исследования в области востоковедения, а также история эмиграции.

Для историков, преподавателей истории и студентов высших учебных заведений.

ISBN 978-5-907036-21-5 © Е.И. Пивовар, 2019

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

18 (136)

Ответственный редактор
член-корреспондент РАН
Е.И. ПИВОВАР

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

В. А. ТИШКОВ (Россия) — сопредседатель Совета

М. ЭМАР (Франция) — сопредседатель Совета

А. БЕРЕЛОВИЧ (Франция)

П. ГАТРЕЛЛ (Великобритания)

А. П. ДЕРЕВЯНКО (Россия)

С. П. КАРПОВ (Россия)

М. А. ЛИПКИН (Россия)

Н. А. МАКАРОВ (Россия)

И. П. МЕДВЕДЕВ (Россия)

Р. М. МУНЧАЕВ (Россия)

Ю. А. ПЕТРОВ (Россия)

Е. И. ПИВОВАР (Россия)

М. Б. ПИОТРОВСКИЙ (Россия)

У. РОЗЕНБЕРГ (США)

Р. Б. РЫБАКОВ (Россия)

А. Н. САХАРОВ (Россия)

Р. ТОРСТЕНДАЛЬ (Швеция)

Л. ХЕЙМСОН (США)

М. ХИЛЬДЕРМАЙЕР (Германия)

А. О. ЧУБАРЬЯН (Россия)

Ю. ШЕРРЕР (Франция)

В. Л. ЯНИН (Россия)

РУССКОЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Л.А.Беляев

Алексеевский и Зачатьевский: два монастыря Москвы в зеркале археологии и истории XIV–XVI веков.

Аннотация.

В статье рассматриваются материалы раскопок (2003–2010-е годы) на участке Зачатьевского монастыря (Москва). Были открыты постройки из камня и дерева, погреба с сосудами, керамика, монеты, надгробные плиты, вещи из могил (сосуды для окропления елеем, крестики подвесные, иконки) и другое. На их основе строится хронология участка. В XV–XVI веках жители здесь были высоко активны и обладали высоким социальным статусом. Начало освоения возможно в XIV в. Более поздний этап развития относится к XVII–XVIII вв. Археология делает вывод о появлении церковного участка в XIV(?)–XV вв., а также о том, что по крайней мере с начала XVI в. этот участок принадлежал богатому монастырю. Более того — что монастырь этот имел храм, посвященный св. Алексею. Удается датировать гибель многих построек в пожарах XVI века. Временное прекращение жизни на участке относится к моменту пожара 1571 г. После этого планировка была изменена.

Сведения документов не сочетаются с данными археологии: согласно записям о выдачах ладана церквам, Зачатьевский монастырь был составлен только в 1585 г. Правда, Жалованная грамота царя Михаила Федоровича монастырю (1623 г.) сообщает интересный эпизод. Оказывается, Алексеевский монастырь после большого пожара перенесли поближе к Кремлю, под защиту стен Белого города. На его старом месте был устроен новый, Зачатьевский. Но это объясняет далеко не все. Остается вопросом дата составления первого Алексеевского монастыря; его отсутствие в других источниках вплоть до 1470-х гг.; слабые следы XIV в. в данных археологии; возможность существования двух владений монастыря на небольшом (600 м) расстоянии друг от друга вдоль одной дороги в XVI в. Очевидно, что исследования в Зачатьевском монастыре предлагают новую модель соотношения традиционных и археологических источников.

Ключевые слова: источниковедение, историческая топография, Москва, археология монастырей, средневековые кладбища.

Two Convents of Moscow, Saint Alexius and the conception of Saint Anna: archaeology versus the historical tradition of the 14th–16th centuries

Abstract

The informative base for the paper is the general results of the excavations (2003–2011) at the site of the Convent of the conception of St. Anna (Moscow). There were revealed the remnants of stone buildings, wooden and earth constructions, pottery and coins assemblages, grave stones (some of them with the inscriptions) and burials with the grave goods (the pots for the oil of the extreme unction, pendant crosses and icons) etc. The chronology and the construction history of the site was established. It was proved that in the 15th and 16th cc. the inhabitants of the land lot were economically well doing people and their social status was rather high. The period of the site formation is marked by the first pottery sherds and one of the grave stones of the late 14th c., and the latest time is the 17–18th cc. The conclusion could be done that the church yard appeared here close to the late 14th — early 15th c. The epitaphs show that the well doing convent flourished here since the beginning of the 16th c. (not later) and that the altar of Saint Alexius was between of the convent churches. Also, several dreadful fires of the wooden buildings of the Convent were documented during the 16th c. After the strongest of them, in the 1571, the life of the Convent was interrupted and later it was reestablished, but the layout changed, at least partly.

As a matter of fact there is the obvious contradiction with the historical sources. The reliable acts (the financial registers) show that the Convent of St. Anna was established only in the year of 1585, not earlier and not later. Yet the Charter of Tsar Alexei Mikhailovich Romanov, which was given to the Convent in 1623, strove to explain the contradiction by the story of the transmission of the ancient Alexius Convent inside of the wall of Beliy Gorod (late 16th c.). The transmission happens after the Big Fire of Moscow, and the new Convent of Anna was established at the old property. But there are a bunch of questions without answer. The traditional date of the first Convent of Saint Alexius goes back to the 14th c. But in the documents and narratives of the 15th c. the Convent is absent up to the late 1460s. The dates of the archaeological finds of the 14th c. cannot prove the existence of two convents at the short distance of 500–600 meters. Evidently the investigation of the Convents shows us the new model of the cooperation between two groups of historical groups of sources, the archaeological and the traditional ones.

Key words: Moscow, sources for her history and planning, monastic archaeology, Late Medieval graveyards

Археологические исследования Института археологии РАН на земле Зачатьевского монастыря на Остоженке (Москва), пик которых пришелся на 2003–2011 гг., стали одной из ключевых точек в общем процессе изучения хронологии, исторической топографии и других сторон жизни Московского царства.[1] Но их серьезного обзора до сих пор нет. Причина проста: процесс накопления источников путем раскопок в Москве набирает обороты.

Становление археологии монастырей Москвы началось при изучении трех древнейших, Данилова, Богоявленского и Высоко-Петровского, на рубеже 1970–1980-х гг.[2] К середине 1990-х гг. она образовала отдельную ветвь медиевистики: процесс передачи Церкви древних памятников втянул археологов в круглогодичную полевую работу (отказ был равнозначен гибели почти совершенно не исследованных руин храмов, бытовых построек, остатков кладбищ). Параллельно пошли раскопки в Новом Иерусалиме (2009–2017 гг.), в Сретенском, Рождественском, Новоспасском, а с конца 2010-х гг. и в Новодевичьем монастырях Москвы.

Результаты этих исследования публикуют предварительно, спорадически, подчас научно-популярно; излагаются главные выводы, вводятся в науку те находки, объекты и сюжеты, которые легко извлечь из контекста. Подготовка итоговых публикаций движется, но медленно (если так пойдет, окончательно их сдадут в печать не участники полевых работ, а второе-третье поколение сотрудников экспедиции). Паллиативное средство, способное улучшить ситуацию, — подготовка проблемных обзоров, основанных на полноте собранных данных и отражающих достигнутое к данному моменту состояние их изученности, включая демонстрацию «археологической кухни» (не вполне знакомой и не всегда доступной исследователям письменных памятников).

На таком подходе и построена данная статья. В ней представлены сведения для общей исторической планиметрии монастыря; характеристика стратиграфии и необходимые ей анализы массового, исчисляемого в сотнях единиц материала (керамика, монеты, надгробия, свидетельства веры); некрополь (погребальные древности), предметы быта. Затем полученные данные будут сопоставлены с ранней историей монастыря, отраженной в письменных источниках (увы, немногочисленных). Такой подход называют комплексным, полагая, что возможна перекрестная проверка и взаимное дополнение сведений, предоставляемых разнотипными источниками. Опыт показывает, что эта сочетаемость зачастую не более чем иллюзия — отличия в методах извлече-

---

[1] Работы вела Московская археологическая экспедиция Института археологии РАН под руководством автора статьи. Раскопками и камеральной обработкой материалов руководили О.Н. Глазунова, И.И. Ёлкина, А.В. Лазукин и, частично, М.А. Капитонова. В данной статье ряд их разработок использован с соответствующими отсылками, в том числе на неопубликованные отчеты. Следует учесть также, что многие материалы публикуются в статье впервые.

[2] Ее продолжила серия статей, в 2010 г. собранных в третье (электронное) издание той же книги. См.: Беляев Л.А. Древние монастыри Москвы (конец XIII–XV вв.) по данным археологии. М., Институт археологии РАН, 1994. — 458 с. 2-е стереотипное изд. 1995 г.; 3-е (электронное расширенное) изд.: М., Институт археологии РАН, 2010.

ния данных и в характере самих источников дают две параллельные колонки, факты в которых не пересекаются или прямо противоречат друг другу (как в случае с датой «Богоявления каменного»). Но изредка этого удается избежать. Зачатьевский монастырь — именно такой случай.[3]

Постараемся сохранить в исследовании независимость двух линий анализа. И более того, нарушить традиционную иерархию источников, в которой первое место всегда принадлежит письменным материалам (если таковые имеются), поставив на их место археологические. Промежуточное положение в двух потоках информации, своего рода мостик между ними — это археологически добытые, но отчасти письменные свидетельства (лапидарная эпиграфика, нумизматика) и факты иконографии (мелкая церковная пластика, орнамент плит и др.). Архитектурной археологии будет уделено меньше внимания, чем обычно, так как оба каменных здания XVI в. подробно опубликованы, требуются лишь некоторые поправки.[4] Задав такие критерии, посмотрим, к чему это нас приведет.

Картография и планиметрия. Зачатьевский монастырь лежит недалеко от древнейшего ядра Москвы, то есть от холма над впадением Неглимны в Москва-реку. Но в прошлом добраться сюда из Кремля было непросто: местность была пересечена болотистым устьем Неглимны и еще одним ручьем, известным как Чарторый/Чарторыя. В то же время, исторически местность, известная как Остожье/Острожье, была мало благоприятна для обороны, и до конца XVI в. ее ограждала только линия Земляного города, проходившая достаточно далеко к юго-западу. В паре сотен метров от монастыря протекает Москва-река, по берегу которой, по участкам приречной террасы, шла дорога на запад. Археологические памятники, известные в окрестностях, указывают на малоизученный ранний субстрат, возможно, не имеющий отношения к Москве как городу. Их названия дошли до нас в топонимах: «Обыденское городище», «Могильцы на Остожье» (курганная группа?) и другие. В XIX в. в устье Черторыи были найдены остатки клада восточного серебра IX в.[5]

---

[3] Список публикаций по раскопкам в монастыре уже обширен, но в тексты попало много сырых данных. В статье они комментируются и исправляются по ходу анализа. Общую историю, источники и литературу до 2008 г. см.: Беляев Л.А. Баталов А.Л., Иулиания (Каледа, игуменья). Зачатия праведной Анной пресвятой Богородицы женский монастырь // Православная энциклопедия. Т. XIX. М., 2008. С. 715–728.

[4] См. Беляев Л.А., Ёлкина И.И. Открытие каменной трапезной XVI века в Зачатьевском Алексеевском монастыре // Образ христианского храма. Сборник статей по древнерусскому искусству к 60-летию А.Л. Баталова. [Составители Беляев Л.А., Седов Вл.В.]. М.: «Арткитчен», 2015. С. 416–452; Ёлкина И.И. Храм конца XVI века в Алексеевском Зачатьевском монастыре: Результаты исследований 2003–2005 гг. // Московская Русь. Проблемы археологии и истории архитектуры. Сборник статей к 60-летию Л.А. Беляева. М., 2008. С. 394–404.

[5] См.: Кренке Н.А. Каталог памятников археологии X–XIII вв. на территории г. Москвы // Культура средневековой Москвы. Исторические ландшафты. Т. 1. М., 2004. С. 326, №№ 176, 177; карты: рис. 3 и 4; Он же, Древности бассейна Москвы-реки от неолита до Средневековья: этапы культурного развития, формирование производящей экономики и антропогенного ландшафта. Москва — Смоленск: ИА РАН, 2019.–392 с. С. 146, № 177м (Могильцы на Остоженке в списке домонгольских памятников бассейна Москвы-реки);

Сам монастырь, по крайней мере с XVIII–XIX вв., окружала низкая ограда из кирпича, (выявлено два уровня кладки основания; нижний может восходить к концу XVII–XVIII вв.); крепостного назначения она иметь не могла. В плане это прямоугольник со скругленным юго-западным углом. Наиболее старой и аутентичной частью в периметре ограды является надвратная церковь Спаса Нерукотворного (1692–1697 гг.). Здания XVIII – XIX вв. сохранились вдоль всех стен, образуя внутреннюю линию периметра в составе: новой трапезной (начало XX в.), корпуса келий, двух больших палат (включая игуменский корпус) с севера; ряда небольших келий и хозяйственных сооружений. Западная и юго-западная части этой линии (7–8 небольших келий) утрачена. В западной части монастыря в середине XIX в. была построена (восстановлена в XX в.) церковь Святого Духа.

В середине и на востоке центральной площадки до XX в. стоял собор, увеличенный к западу за счет пристроек (трапезная, фланкированная двумя соборными приделами, и, по оси, колокольня, дополненные связкой из двух придельных церквей, Казанской и Неопалимой Купины; в последнюю входило пятно погребальной палатки, где почитали память основательниц монастыря). Этот соборный ансамбль снесли в 1930-х гг., складывался же он путем замены более древних объемов и добавления новых, что заняло более полувека, с 1750-х по 1810-е гг.

Чрезвычайно развитое основание собора, включавшее высокий ступенчатый кирпичный цоколь под всеми стенами, открылось в ходе предварительной расчистки в монастыре в 2003–2004 гг. В его составе выделялись кладки предшествовавших зданий XVII в., использованные вторично. Более древние белокаменные фундаменты не несли нагрузки, но их явно намеренно сохранили, окружив новыми. Эту густо застроенную площадку пересекали прямые линии литого бетона — остатки школы 1930-х гг., снесенной после возвращения монастырю его статуса в начале 2000-х.

Фундаменты соборного комплекса имели разную глубину: ниже всех уходило основание собора XVIII–XIX вв.; промежуточное положение занимали кладки XVII в.; мельче всех оказалась подошва белокаменного фундамента начала XVI в.[6] Здания соборного ансамбля никогда не имели ни подклетов, ни подвалов: единственное исключение — подземный зал церкви Казанского Образа Богоматери (1887 г.). В ходе дальнейших работ было найдено еще одно каменное здание, в прошлом стоявшее на свободной площадке северо-западнее соборного комплекса. До раскопок о его существовании не было известно: оно исчезло не позднее середины XVIII в. и в источниках, по-видимому, не отражено (или его трудно отождествить с упоминаемыми там постройками). Это была серия сравнительно небольших, но хорошо построенных сводчатых подвалов или глубоких подклетов, стратиграфия и строительные особенности которых указывали на вероятность сооружения его

[6] В ходе раскопок эти фундаменты воспринимались как построенные в 1580-х гг. См.: Ёлкина И.И. Храм конца XVI века... С. 394–404). С поступлением новых данных мы с И.И. Ёлкиной сдвинули дату к 1510-м гг., но опубликованные в ее статье описания полностью сохраняют достоверность.

в 1540–1570-х гг. По-видимому, это трапезная палата (во всяком случае, планировка на это указывает).[7]

Перечисленными зданиями и руинами ограничен список монументальных построек, известных к настоящему времени в монастыре. Однако следует указать и на следы деревянных, тем более что их обнаружение в зоне сухого культурного слоя в московском монастыре — большая редкость. При работах южнее и юго-западнее соборного участка обнаружены серии прямоугольных погребов, принадлежавших отдельно стоявшим деревянным домам, возможно, кельям. Они тянулись по прямой, вдоль соборной площадки (гораздо ближе к ней, чем проходит ныне красная линия жилого корпуса и келий XVIII–XIX вв.), поворачивая на юг, в сторону трапезной XVI в. Эта линия построек была передвинута по крайней мере однажды, ближе к собору, с сохранением ориентировки. При этом из оставленных погребов все вынесли, засыпав их затем песком. Гибель новой серии построек была трагична: большой пожар надежно запечатал их погреба упавшими горелыми балками стен и полов, причем в подпольях остались стоять кувшины с запасами. Группы деревянных подполий, более крупных по размеру, а также отдельных заглубленных в землю построек раскрыты и в центральной части монастыря (на месте будущей церкви Неопалимой Купины), а также (три постройки) к северу от трапезной XVI в. и к югу от нее же (две постройки).[8] Возможно, эти последние представляют хозяйственно-бытовой комплекс более древней деревянной трапезной. Несомненно, построек из дерева, в том числе хозяйственных, было в монастыре намного больше.[9]

Важный элемент планиграфии любого монастыря — его кладбище. Пятно мощного перекопа, возникшее благодаря повторным погребениям на ограниченных участках, занимает всю соборную зону, выходя за ее пределы, особенно к востоку. Там лежавшие на своих местах надгробия середины XVI в. встречены даже за линией апсиды XVIII–XIX вв., а древнейшие могилы, содержавшие материал XIV–XVI вв., сгруппированы в северо-западной части центрального участка, в пределах собора XVIII–XIX вв. и сразу за его стенами. В планировке некрополя и жилой зоны удалось проследить ряд изменений.[10] Естественной границей распространения кладбища с юга и запада служили линии ранней келейной застройки,

---

[7] Беляев Л.А., Ёлкина И.И. Открытие каменной трапезной XVI века..., 2015. С. 416–452.

[8] Часть данных опубликована: Глазунова О.Н. Комплексы керамики из жилых построек второй половины XV — начала XVI в. Зачатьевского монастыря (г. Москва) // РА. 2008. № 2. С. 128–141.

[9] Список сооружений, прекративших существование после закрытия монастыря в 1930-х гг., дополняют остатки колодца, найденного между северо-восточным игуменским корпусом и собором XVIII–XIX вв.

[10] В слое и засыпке могильных ям на северо-западе кладбища почти нет бытовой керамики, но обильны строительные материалы (половая плитка, черепица, кирпич, белый камень XV–XVIII вв.). То же и с восточной стороны собора, внутри и снаружи апсиды. Горизонт кладбища перекрыт здесь слоем строительного мусора, под которым открывались верхний ярус захоронений и своды кирпичных склепов. Глубокие могильные ямы впущены в светлый материковый песок; бытовых находок здесь тоже мало. Ориентация могил и находки связывают этот участок с храмом начала XVI в. К югу и юго-западу от участка собора в слое много керамики XIV–XV вв. На участке трапезной середины XVI в. погребения XVII–XVIII вв. есть, но они опущены только до уровня ее разобранной кладки.

но после их гибели в пожаре вся жилая зона сдвинулась на периферию монастыря, а бывший участок келий заняла погребальная палатка (см. инже), которую вскоре густо окружили могилы. Кладбище продолжило развитие и в промежутке между восточным фасадом трапезной XVI в. и соборным комплексом — здесь отмечена могила игуменьи и другие погребения 1590-х гг., связанные с нею, а родовые могильные участки будут возникать неподалеку вплоть до середины XVIII в., если не позже. Таким образом, участок кладбища не только расширялся, он еще и перемещался, так что локацию некрополя в разные периоды пришлось восстанавливать. Видимо, связанная с ранним кладбищем деревянная церковь стояла в западной части соборного участка, но существенно восточнее древней трапезной. Ее следы не сохранились, однако концентрация признаков раннемосковских деревянных храмов, а именно керамических плиток пола с углублением («ковчегом») на обратной стороне, кусков обожженных глиняных обмазок, погребального инвентаря и остатков самих погребений, свидетельствуют в пользу такого вывода.

Стратиграфия. К сожалению, постоянный рост кладбища, вкупе с активной строительной деятельностью, практически лишил монастырский слой стратиграфии, в частности, слои пожаров фиксируются только локально, линзами, не образующими сплошных страт. О стратиграфии в обычном понимании термина можно уверенно говорить только применительно к подвалам деревянных келий и участку древней трапезной, в остальных случаях речь может идти о крайне незначительных пятнах, чудом сохранивших порядок слоев. Эти зоны стоит описать подробнее. Стратиграфия участка трапезной проста. При строительстве затронули раннее кладбище, перекрыв его уровень выбросом с материалами конца XIV–XV вв. В засыпку зазора отрытого котлована попала керамика: белоглиняная грубая (48,6%), красноглиняная гладкая (40,5%) и грубая раннемосковского времени, явно пережиточная для XVI в. (6,8%); ангобированная сплошь и чернолощеная (единичные фрагменты), а также обломок красноглиняной половой плитки с «ковчегом» (XIV–XV вв.).[11] Из монет встречена только медная заготовка для пула московского типа (1462–1533 гг.).

Ближайшие деревянные постройки с прямоугольными и квадратными подпольями были заброшены за ветхостью и в результате пожара XVI в. В их заполнении кухонная и тарная керамика, много красно- и чернолощеной (в том числе часть сосуда с отверстиями в плечиках — кадильница?), а в обратной засыпке собрано 14 монет 1462–1533 гг. (пула и денги)[12]. Мо-

[11] В статье используется система учета фрагментов керамики, разработанная М.Г. Рабиновичем и развивавшаяся в Москве всю вторую половину XX в. в работах С.З. Чернова, Н.А. Крекне и др. В настоящее время существует более детальная методика В.Ю. Коваля, но в отчетах по Зачатьевскому монастырю применялась традиционная сетка статистики — она отражена и здесь.

[12] Определения монет — П.Г. Гайдукова при участии А.А. Зайцева, А.М. Колызина, А.В. Лазукина. См. опубликованную справку: Беляев Л.А., Гайдуков П.Г. Средневековые монеты из раскопок в Зачатьевском монастыре в 2005 году // Проблемы спасательной археологии. М., 2006. С. 40–41.

нeты этого периода обильны и в слое, отложившемся до постройки трапезной: недалеко от восточной стены, в слое засыпки, обнаружен маленький «клад» из пяти московских пул (см. ниже). Самые поздние монеты, связанные с трапезной: две серебряные денги (1533–1547 гг.), одна из которых взята из-под кирпичного пола подклета и, возможно, относится к периоду бытования. Современные представления о датировке маломерного кирпича, которым были сложены своды трапезной, также говорят о строительстве второй — третьей четверти XVI в. Хронология разрушения памятника это подтверждает. В подклете на слой пожара рухнула ровными слоями масса кирпичных сводов (высота завала до 1,75 м). Время запустения представляют: почти 400 фрагментов более поздней, чем в котловане, белоглиняной грубой керамики, в том числе развал белоглиняного грубого кувшина, характерного для XVI в., и «красный» рельефный изразец с растительным орнаментом рубежа XVI — первой половины XVII в. При выборке белого камня из стен подклета для вторичного использования в обратную засыпку занесли вещи, хронологически разнородные: серебряная денга эпохи Ивана Грозного и поздние монеты регулярного чекана 1730-х гг.; крест-энколпион XV в. и «зеленые» изразцы; керамика от XV до конца XVII в. Поверх слоя разборки успело образоваться новое кладбище XVIII века: его могилы доводили до остатков кладки или чуть заглубляли в нее.

Стоит отметить, что кладбище XVI–XVII вв. развивали с учетом трапезной: в нескольких метрах к востоку помещались могилы 1580–1590-х гг., в том числе погребение игуменьи Мариамны (Марии); к северо-восточному углу пристроена ограда участка или семейная палатка с кирпичными склепами первой половины XVIII в. Но к XIX в. о здании забыли, отчасти затронув фундаментами колокольни 1800–1810-х гг. и церкви Святого Духа. Итак, уже во второй трети XVI в. в монастыре было каменное здание на заглубленном подклете, перекрывшее соседнее кладбище и жилые постройки, причем оно обладает всеми признаками, присущими трапезным палатам.

Стратиграфия подвалов деревянных построек сводится к двум слоям: нижний связан с бытованием сооружения и датируется на основе стоящих на полу сосудов, верхний — с пожаром и засыпкой пепелища. В засыпке одной из них собрана внушительная серия серебряных и медных монет середины XVI в., в основном денги времени Ивана IV великокняжеского периода (1535–1547). Их присутствие указывает, что постройка функционировала, вероятно, в середине — третьей четверти XVI в. Во всяком случае, эта и другие соотносимые с нею постройки погибли при пожаре, случившемся до 1580–1590-х гг., когда эту часть жилой зоны уже занимают могилы. Значение кладбища для общей истории монастыря особенно велико, поэтому перейдем к анализу погребальных древностей.

Некрополь — центральная тема археологического исследования для любого монастыря, но в процессе работ его материалы были опубликованы

лишь выборочно.[13] Остановимся на них со всей возможной подробностью, тем более что история этого некрополя до сих пор не изучалась и сведений о кладбище мало, хотя с XVIII в. документация достаточно подробна. Почти ничего не говорит о кладбище опись прапорщика Павлова, где учтено всё движимое и недвижимое имущество монастыря с указанием живущих в нем лиц.[14] От второй половины XIX в. дошло указание на разрушение погребений при строительстве Казанского придела (упомянуты надгробия и, возможно, саркофаг)[15]. Случайные находки захоронений порождали обычные городские слухи о церковных кладах и подземных ходах.[16] Таких информаций, конечно, недостаточно. Можно сказать, что история Зачатьевского кладбища раскрыта археологией впервые. Как сказано выше, пятно могильного перекопа занимает всю центральную часть территории (изучено около 2 000 кв.м). Подавляющее большинство могил разрушено повторными захоронениями и последующим строительством,[17] но сохранились отдельные части, в том числе с инвентарем.[18] Среди них есть одно сравнительно раннее, чудом уцелевшее в окружении фундаментов XVIII–XX вв. на юго-восточном участке собора. Оно содержало поливную чашу-миску XIV(?) в.[19]

Историю самого кладбища можно в буквальном смысле слова прочесть на плитах известняка — традиционных для Москвы намогильных камнях. К времени до конца XVII в. относится более 150 плит, целых и в крупных

---

[13] Иногда с досадными ошибками, требующими исправления. Они допущены, в частности, прорисовками и описаниями, которые публиковались еще в разгар работ. См.: Беляев Л.А., Кренке Н.А. Монастырский некрополь XVI–XVII вв. Плиты из Зачатьевского монастыря // Русское средневековое надгробие. Материалы к своду. Вып. 1. М., 2006. С. 44–50.

[14] Опись Зачатейского девичья монастыря, ученённая Лейб-гвардии Измайловского полку прапорщиком Фёдором Павловым 1763 года, Мая 28 дня // ЦИАМ, ф.454, оп.3, д.54, лл.135–145.

[15] Сообщалось, в частности, о находке, среди обломков белокаменных надгробий, «загипсованных» останков: «*…разбитый на куски гипсовый, толщиной в два вершка, футляр, в котором находился покойник. Вместо гроба он во весь рост с головой, лицом и ногами был, так сказать, наглухо замуравлен, т.е. облит толстым слоем гипса и в таком виде похоронен*». Журналист отметил редкость такого вида «захоронения» для христиан и попытался объяснить «*жестокими и коварными нравами древности*» — Бочарова Н.П. Раскопки в Зачатьевском монастыре // «Московский листок», №101, 12 апреля 1887 г.

[16] Проживавший в бывшем келейном корпусе в 1931–1951 гг. Пахомов Михаил Григорьевич (1926 г.р.) сообщил, что во время время строительства земляного погреба около церкви Св. Духа в 1933 или 1934 году был обнаружен гроб «*с полочками, на которых стояли чайные приборы — подстаканники, ложки, вилки — из золота и серебра*». См.: Глазунова О.Н. История монастыря в советский период в свидетельствах современников // Беляев. Л.А. Отчёт о раскопках на территории Зачатьевского монастыря в 2004 г. Архив ИА РАН (не оприходован). С.192, 200.

[17] К 1994 г. внешних признаков кладбища уже не было (кроме «таблиц» в стене надвратного храма и двух надгробий XVIII в.). Раскопки выявили погребения по всему центру монастыря. Судя по наблюдениям, их нет на периферии: западнее ц. Св. Духа; за богадельней и игуменским корпусом; вдоль южной, восточной и северной стен (в том числе под корпусами келий).

[18] Некрополь сильно изрыт, перекопы и слой XIX–XX вв. включают разрозненные кости и обломки могильных плит (они обычно проявлялись в уровне костных останков; антропологически изучены около 1000 костяков). От кирпичных «склепов» XVIII в. уцелело до полусотни, почти все в разрушенном виде.

[19] Погребение № 56, находка № 381.

фрагментах.[20] Хотя *in situ* обнаружено не более десятка,[21] эти резные камни надежно датируются и без помощи стратиграфии, на основе орнамента и текстов. Наиболее ранний экземпляр без надписи — хорошо сохранившийся орнаментированный камень. Такие встречаются в основном в Москве (кладбища при Успенском соборе в Кремле, при соборе Богоявленского за Торгом монастыря), но их происхождение владимиро-суздальское.[22] В данном случае декор архаичной антропоморфной схемы, что позволяет говорить о последней четверти XIV — начале XV в. [23]

Далее сразу следуют плиты конца XV — первой четверти XVI в. В этот период, переходный от плит без надписей, резчики, следуя антропоморфной схеме декора, не выделяли еще специального поля («рамки») для нанесения текста, но постоянно вводили в композицию дополнительные элементы, такие как дуги и штриховки в углах, «свечи» и т.п.[24] В конце периода становятся более многочисленными надписи, такие как на плите безымянного младенца (+08.12.1526 г. — пока древнейшая надпись в монастыре).[25] Вторая четверть XVI в. представлена плитой [Михаила ?]Беклемишева (+1537/38), а третья — уже серией, включая плиты Василия Даниловича Ушекова (+ 23.04.1551), схимницы Ливинеи (Ливия? Лавиния? +1560), Соломонии Матвеевны Собакиной (+1567)[26]. Среди больших фрагментов плиты без надписей[27] или с текстами, сохранившимися частично, в числе которых интересная надпись священнослужителя: «...преставися поп Ива(н) Оле//ксе-

---

[20] Могильные плиты вторично использованы во всех фундаментах соборного комплекса, от XVI до XX в.: в основании колокольни XIX в. (разобрано зимой 2005–2006 гг.); в кладках собора XVIII–XIX вв. (более 30 экз.; самый поздний — 1770 г.) и более ранних; в ряде кирпичных «склепов» XVIII–XIX вв. (северная стена склепа 8 образована плитой схимницы Ливии, 1560 г.; в склепе 11 часть плиты с декором XV–XVI вв. уложена в изножье, и т.д. Масса камней была вмурована в бетон советской школы и погибла.

[21] Над могилами оставались плиты 2003/2 (вторичная по отношению к могиле 30, XVII в. вблизи церкви Неопалимой Купины) и 2003/9 (погребение 31, младенец Антонида, +1592) — плита лежала на фундаменте из кирпичных половинок, пролитых раствором. К востоку на эти плиты опиралось каменное основание надгробия конца XVI — начала XVII вв. (n. 18, монахиня-схимница). На месте оказались плиты Елены Болотниковой (+1600) и плита n. 11 без надписи (1560е–80-е гг.?). Надгробия и их основания in situ группировались и вблизи могилы игуменьи Маремьяны.

[22] См.: Беляев Л.А., Глазов В.П., Зыков П.Л., Иоаннисян О.М. Погребальные сооружения XII–XV веков на месте собора Рождества Богородицы во Владимире (по материалам работ 1997–2000 годов) // Земли родной минувшая судьба… К юбилею А.Е. Леонтьева — М.: Институт археологии РАН, 2018. С. 62–72.

[23] Плита 26/2006. Вторично использована в кладке фундамента перехода на колокольню Рождественского собора (нач. XIX в). Сохранилось около двух третей длины ([92]x44x10 см, два фрагмента с изголовьем). Центральная розетка без заполнения, ее диаметр 18 см).

[24] Образцы таких орнаментов — плиты Зм27/2006 и Зм44/2006. Об истории этих орнаментов в целом: Беляев Л.А. Русское средневековое надгробие. Белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII–XVII вв. М.: Институт археологии РАН. М., 1996.–568 с.

[25] Зм2/2008, плита младенца; + 08.12.1526.

[26] Зм3/2003, Василий Данилович Ушеков (+ 23.04.1551); Зм 25/2006, младенец (+ 155?), орнаментация этой плиты — один из самых ранних примеров использования жгутового орнамента и его сочетания с каннелированными боковыми гранями; Зм4/2003, схимница Ливия [Ливинея?] (+1560); Зм5/2003, Соломония Матвеевна Собакина (+ 1567); две плиты неизвестных, умерших в 1568 г. (Зм6/2003 и Зм 46/2006).

[27] В ряде случаев почти целые: Зм20/2006; Зм36/2006, Зм11/2003.

евъской а во иноцех Игна//[те]й»[28]. Всего плит, от древнейшей до конца второй трети XVI в., учтено около полусотни (все они, практически без исключений, украшены треугольчатым орнаментом в его вариантах).

Гораздо многочисленнее плиты конца 1580-х и 1590-х гг., когда от промежутка в 12 лет до нас дошло 11 надгробий, причем исключительно женских и принадлежащих почти только инокиням[29], включая схимниц[30] и, в одном случае, игуменью Маремьяну Елизарову.[31] Фрагменты без указания года в это время трудно отделить от более поздних — вплоть до 1620-х гг. орнаментальная и палеографическая традиция показывают мало изменений (что естественно, так как мастер мог после изготовления некоторое время товар хранить, да и покупали их заранее). Так или иначе, для последней четверти XVI — первой четверти XVII в. надписей и орнаментов достаточно много.[32] В их числе рядом с игуменьей Маремьяной позднее погребена «инока схимница Анисия, дочь Андрея Вирова»[33] и другие схимницы. Избранный для них участок кладбища к западу от собора и восточнее фасада трапезной XVI в. останется престижной частью кладбища до XVIII в.

Надгробия XVII в., как ни удивительно, уступают в числе плитам XVI в. Если говорить о камнях с точными датами между 1600 и 1700 годами, то их окажется совсем немного — около десятка. Среди них плиты Елены Болотниковой[34], смолянина Т.П. Макшеева[35]; Натальи (во иноцех схимница Нео-

---

[28] Зм2/2003. На той же плите с изнанки размашисто прочерчено владельческое граффити из 4-х букв: «НАША». См.: Беляев Л.А. Лапидарная эпиграфика Москвы XV–XVII вв.: современные проблемы // РА. 2007. № 1. С. 133–142.

[29] К ним относятся: Зм8/2003, безымянное (+ 1588/9); Зм48/2006, инока-схимница Марфа (+8.05.1589); Зм9/2003, младенец Антонина (Онтонида) Терентьева дочь (21.05.1592); Зм10/2003, инока-схимница Елена (+10.12.1592); Зм11/2006, инока (10.10.1593); Зм5/2006 неизвестная (+ 2.02.1596); Зм3/2006 инока-схимница, жена бронника Василия Усольцова (+ 21.06.1596 г.); Зм74/2006, инока-схимница (22.12.1597); Зм6/2004, инока (23.05.1599).

[30] Среди них — плита Зм7/2003 (инока-схимница Анисья жена Тимофея Головкина, + 20.12.1596) с граффити на боковой грани. Оно хорошо читается: ЕУѲЕРЬЯ//ЛЕТ ЗР[Е] (=7105–5509=1596) ДЕКАБРЯ К (=20) ДН[я] // ИНОКА СК[ИМНИЦА]. Такие записи для памяти часто оставлял резчик, чтобы воспроизвести позже на лицевой стороне. Мастер ошибся, пропустив цифру 5 и сразу поставив букву Д. Ему пришлось исправить эту букву на Е, а далее начертать еще одно Д. Но первая была врезана так сильно, что все равно больше походила на Д, чем на Е. О традиции деловых граффити см.: Беляев Л.А. 7000 лет и деловые пометки: к палеографии надгробий Москвы XVI — начала XVII в. // Сборник статей к юбилею А.А. Медынцевой. М.: ИА РАН, 2019. В печати.

[31] Зм1/2010, инокиня игумения Маремьяна Елизарова (+ 23.10.1596). Плиты, в которых упоминаются игуменьи, исключительно редки; игуменья монастыря Маремьяна из иных источников неизвестна (как, впрочем, неизвестны имена игумений вплоть до начала XVII в. Да и после этого они встречаются как исключение, их непрерывный ряд появится только с XVIII в.

[32] А именно: Зм5/2004»ски[м]ни[ц]а … треева доч»; Зм 13/2006 («инока Яна»); Зм22/2006 (инока Ульяна); Зм41/2006 («инока Венедихта»)

[33] Зм2/2010.

[34] Зм7/2004, инока Елена Болотникова (+ 5.04.1600; Болотниковы — распространенная фамилия среди мелких помещиков центральных уездов России).

[35] Зм12/2003, смолянин Тимофей Петров сын Макшеев (+ 21.02. 1634). Макшеевы известны среди патриарших и митрополичьих слуг XVII в., но указание на происхождение Т.П. Макшеева из Смоленска, особенно в сочетании с датой смерти, привлекает внимание.

нила, в миру попадьи)[36], еще одной жены священника[37] и ряд других[38], важных для характеристики социального состава некрополя.

К середине — второй половине XVII в. относятся, конечно, палеографически определимые фрагменты без указания года, внешние признаки которых (обронная резьба, каннелюры на боковых гранях, плетеный орнамент, атрофия ножной части и заполнение ее надписью) соотносимы с орнаментальной традицией этого столетия. Именно таковы плита жены дьяка Аврама Кощеева, Феодосии Григорьевны[39] (вторая половина века) и ряд других.[40] Но общее число все равно меньше, чем памятников как предшествующих, XVI в., так и последующих, XVIII в.

Надгробий XVIII в., учтенных при археологически работах, многие десятки (только для первой половины столетия их около 35); информативных надписей на них отмечено не менее 25. Их облик изменился радикально: преобладают настенные доски, памятники в форме гробов и саркофагов; появляются вертикальные формы. Они по-своему очень интересны: надписи можно сопоставить с архивной документацией, для Нового времени довольно богатой и включающей даже списки с надгробий.[41] Кое-что дает мемуарная литература, особенно воспоминания прихожанок монастыря из

---

[36] Зм15/2003, (+ 1638/39). К сожалению, не сохранилось полное название престола, у которого служил супруг Неонилы, вероятно, к моменту ее пострига уже покойный. Оставшееся окончание позволяет восстановить эпитет святого как Египетского, что сужает круг поиска, позволяя искать престол с соответствующим посвящением.

[37] Зм9/2004, попадья попа Тихона Максимова (+?.08.1654) — здесь, наоборот, остается неизвестным имя его супруги.

[38] Зм53/2006 (ж., +14.06.1607); Зм10/2006, инока Анастасия Семенова, дочь или жена ... овинова (+?.08.1654; надпись не поместилась на лицевой грани и продолжена (?) на правой боковой). Особенно необычен камень Зм6/2006 (+ 1679; погребен в том же году). К сожалению, сохранился только угол торца с двумя строками обронной надписи, сообщающей о смерти «на память пророка Михея» (05.01 или 14.08); к ней по «длинной» боковой грани уже врезными буквами добавлено сообщение о погребении — вероятно, надпись начали резать при жизни погребенного, а закончили после смерти. Этот редкий вариант заставляет вспомнить о больших плитах с эпитафиями, таких как памятник Симеону Полоцкому (см.: Беляев Л.А. Надгробия с эпитафиями в культуре Москвы конца XVII в. и «Эпитафион» Сильвестра Медведева в память Симеона Полоцкого // «Вертоград многоцветный». Сборник к 80-летию Бориса Николаевича Флори. — М.: Индрик, 2018. — 528 с. С. 501–516).

[39] Абрам Кащеев, дьяк Земского приказа в 1657–1660 гг. (упоминается до 1676/7 г.), служил также по четям Костромской, Новгородской и Устюжской. См.: Лисейцев Д.В., Рогожин Н.М., Эскин Ю.М. Приказы Московского государства XVI–XVII вв. Словарь-справочник. М-СПб, 2015. С. 271 (указатель).

[40] Плита Зм60/2006 (Мария, жена Моисея Яковлевича Канинцова, инока-схимница Марфа, начало XVII в.). Части обронных надписей второй половины — конца XVII или начала XVIII в.: «стряпчих стольник»; «над гробомъ ево» и более мелкие

[41] Такие как списки с чугунных досок Касаткиных-Ростовских в стене старой колокольни: «1734 года генваря 31 дня убит раб Божий. Князь Илья Петрович Касаткин Ростовский в новом месте же от поляков, защищая отечество двадцати трёх лет и шести месяцев и вывезено тело его в Москву и погребено марта 10 числа против сей таблицы. Подле его гробница, положены тела внучат его сыновних детей княгиня Наталья Александровна Касаткина Ростовская пять лет князь Пётр Александрович одного году и одного месяца князь Сергей Александрович одиннадцать месяцев» — «Преставися Раба Божия монахиня Назарета Кононовна (…) в мире была за князем была Петром Львовичем Касаткиным Ростовским из фамилии Ладыженских и назывался княгиня Наталья Кононовна тело ея погребено против сей таблицы» — ЦГИАМ, ф.454, оп.3, д.54. Это плиты солдата Семеновского полка И.П. Касаткина-Ростовского, убитого в войне за польское наследие 1733–1735 гг., его матери Натальи Кононовны Ладыженской и ее маленьких внуков.

семьи Римских-Корсаковых (воспоминания Благово и др.). Но эта отдельная тема «литературной археологии» не имеет отношения к нашему анализу средневекового контекста.[42]

Обратимся теперь к находкам в погребениях и переотложенным из могил в культурный слой. Отсутствие стратиграфии заставляет систематизировать их согласно принятой к настоящему времени хронологии изделий. Первые из таких предметов, постоянно и системно связанных с погребальной традицией предметов Московской Руси, — сосуды, помещаемые в гроб после отпевания. Это вместилище для масла (елея) соборования, общецерковное их название — лампадка, народное — слезница, на жаргоне археологов — елейница. Оставлять сосуд в могиле стало церковной нормой по крайней мере с конца XIV в., что отражено в послании митрополита Киприана (1390–1405) игумену Афанасию Высоцкому, которое открывается ответом о правилах погребения священнослужителей и монахов.[43] Благодаря этому мы получаем довольно длинные серии однородных по функции предметов, которые при жизни могли служить бытовой посудой или использоваться только один раз, как вместилища освященного елея, но в любом случае удовлетворяли требованиям ритуальной чистоты. Всего на территории Зачатьевского монастыря, в основном на соборном некрополе, найдено не менее 55 елейниц, которые образуют последовательность, доходящую до XX в.

Ранние формы давно известны по находкам на древних кладбищах в Кремле и в остальной Москве. Прежде всего это чарки/чашечки с разложистым краем, невысоким поддоном, иногда — рифлеными стенками. Сде-

---

[42] См.: Беляев Л.А. Археология, архитектура и литературные источники XVIII—XIX веков: культурно-исторические сюжеты // Жизнь в Российской империи. Новые источники в области археологии и истории XVIII века. Материалы международной научной конференции Москва, 31 октября — 1 ноября 2018 г. М.: ИА РАН, ИРИ РАН, 2018. С. 20–23; Лазукин А.В. Некрополь Зачатьевского монастыря: белокаменные надгробия XVIII века // Там же. С. 75–78. Полные версии готовятся к публикации в сборнике «Жизнь и смерть в Российской империи: новые данные по археологии и истории XVIII века».

[43] После облачения и укладывания тела в гроб поступают так: «вина мало с маслом древяным смесив, преливает священник кресообразно от главы первое, таже у ногу, потом же от десна, таже левую сторону; чашу же, в ней же масло с вином, повержет у ног» — РИБ. Т. VI. СПб, 1908, № 32, с. 245, подробный разбор послания см.: Мансветов И.Д. О трудах Митрополита Киприана по части богослужения // Прибавления к Творениям св. Отцов, 1. № 29. 1882. — 54 с. В чиновниках XVII в. поливание маслом упомянуто «По отпетии гроб с телом положен подцерковь; выкладено место кирпичем; поливал архиерей маслом и пеплом посыпал, покрывши» — Голубцов А. Чиновники 17 века: Новгородского Софийского собора (ЧОИДР 1899. Кн. 2) и Холмогорского Преображенского собора (ЧОИДР 1903 кн. 4). В XVIII–XIX вв. этот обряд, как восходящий к древней, греческой, церкви, упоминается в полемике со ссылкой на Симеона Фессалоникского: «в могиле же тело поставляем… елей из лампады крестообразно возливая и землею из какого-либо сосуда посыпая…» // Никифор (Феотоки), митрополит. Ответы… на вопросы старообрядцев. М., 1809. С. 63. Обряд оставления сосудов в гробах отмечен в Москве до XX в.: «в них хранилось оставшееся при соборовании масло с красным вином, которым после отпевания поливали тела усопших, а чашечки клали в гроб; также делается и теперь, почему в гробах погребаемых можно находить и чашечки и пузырьки» — Скворцов Н.А. Археологии и топографии Москвы. М.1913. С.478. Типы сосудов менялись соответственно эпохе. См. литературу и обзор: Беляев Л.А. К истории и методике изучения погребальных сосудов Позднего Средневековья // De mare ad mare. Археология и история: сборник статей к 60-летию Н.А. Кренке. Смоленск: Институт археологии РАН — Свиток, 2017. С. 119–136.

ланы они, как правило на круге, из красножгущейся (реже беложгущейся) глины, снаружи и изнутри покрыты простейшей желто-зелено-коричневой поливой, обычно по ангобу. Размер колеблется от крошечных, почти с наперсток, до крупных чаш и мисок. Наиболее ранняя находка в Зачатьевском монастыре[44] имеет аналогами в Кремле чарки из гробницы Дмитрия Донского и саркофагов в соборе Спасского (в приделе) и Вознесенского монастырей, а в селах — сосудики с кладбищ сел Коломенского, Даниловского и других сел и монастырей. Их датируют соответственно концом XIV — началом XV в.[45] Иного происхождения крупная чаша-пиала[46] из чудом уцелевшей могилы. В городах Золотой Орды такие относят к массовому материалу[47], датируя XIV веком; наш экземпляр сделан, видимо, в Москве по ордынским образцам.[48] В связи с этими находками осторожно укажем на встреченный в древнейшей зоне Зачатьевского монастыря развал миски из селадона. Примерно к тому же времени относится поливная чашечка (фрагмент) из светлой глины со штампованными изображениями птицы и зверя с открытой пастью, приподнятой передней когтистой лапой и разветвляющимся хвостом (лев?). Таких сосудов известно больше в Твери[49], чем в Москве (отдаленный аналог в Кремле — кубок XV в. с рельефным изображением кентавра/китовраса).[50] Представлен и тип елейниц XV–XVI вв.: 8 фрагментов и 2 целых[51] сосуда-кубка, значительно более крупных, чем ранние.[52]

Несколько сложнее обстоит дело с керамическими елейницами в XVII в. Их как особый вид сосудов трудно выявить. Видимо, сказалась возраставшая доступность стекла (в погребениях высшей аристократии уже в XVI в. стали появляться стеклянные бутылочки и кубки) и привозных фаянсов. В XVIII столетии тех и других станет очень много, они плавно перейдут и в начало XIX в. — возможно, археологи пока не в состоянии выделить тот слой елейниц, который принадлежит не XVI и не XVIII–XIX, а именно XVII

---

[44] № 239 — конусообразная невысокая (3,5 см) чарка (диаметр венчика 5,5 см, поддона 2,5 см), очень неровная, в тесте примесь мелкого песка и слюды.

[45] Подробнее литературу см.: Беляев Л.А. К истории и методике изучения погребальных сосудов.., 2017. С. 119–136; известная сводка 1980-х гг.: Авдусина Т.Д., Владимирская И.С., Панова Т.Д. Русская поливная керамика из раскопок Московского Кремля // Советская археология. 1984. № 2. С. 201–211.

[46] № 381. Высота 7,5 см, диаметр отогнутого венчика 15,0 см, поддона — 5,8 см.

[47] На ранних кладбищах Кремля подлинные золотоордынские пиалы (в обломках) встречены, но это еще не доказывает их использования именно в качестве елейниц.

[48] Глазурь низкого качества, хотя положена по белой опесчаненной глине. Подобные изделия встречались в Москве в контекстах золотоордынской эпохи, см.: Шеляпина Н.С. Археологические наблюдения в Московском Кремле в 1963–1965 гг.// МИА. Вып.167. С.124. Рис.4. Благодарю В.Ю.Коваля за консультацию.

[49] Романов В. В., Романова Е. А. Литургические поливные сосуды из раскопок Твери // Тверской археологический сборник. Том II. Вып. 6. Тверь, 2007. С. 261–269.

[50] См. Воронин Н.Н., Рабинович М.Г. Археологические работы в Московском Кремле. СА №1 1963 г. С.253–278

[51] № 243 и 334.

[52] Высота около 8 см, диаметр венчика 10–12 см. Красножгущиеся глины, ангоб, желто-зеленая полива, рифление.

веку. Подробнее мы их здесь не рассматриваем.[53] Представим другие классы находок, связанные с некрополем. Важный для хронологии нумизматический материал в могилах крайне скуден, так как сами они плохо сохранились. В двух погребениях юго-западнее соборного участка найдены медные монеты: тверское пуло (в засыпке над погребением вне гроба, куда могло попасть и в XVI в.)[54] и пуло с неопределённым местом чеканки (условно: московский денежный двор, период правления Ивана III (1462–1505).[55] Всего в погребениях найдено 4 монеты.[56]

Следует полагать, что многочисленные совершенно целые христианские апотропеи и символы благочестия из металла, камня, кости, слюды, янтаря, дерева (подвесные крестики, иконки) тоже были связаны с погребениями, тем более что они концентрируются на одном и том же древнем участке. Выделим, во-первых, художественно исполненный (резьба по кости, скань) и сохранивший оправу из металла образок с сюжетом «Святой Никита и бес» XV (?) в.[57] Затем два каменных почти равноконечных крестика: один из винно-красного порфира или пирофиллита, другой из сероватого пятнистого мрамора. Они принадлежат к предметной общности, не раз становившейся предметом изучения под вполне условным названием «корсунчики». Такие крестики многочисленны в домонгольских городах, но распространены и позднее, так что наши экземпляры легко вписать в период XIV–XVI вв. На мраморном крестике была металлическая рельефная накладка с изображением Голгофского креста, а красный имел глухую металлическую оправу со всех сторон, причем лицевую сторону прикрывало рельефное изображение Голгофского креста — оба признака указывают на послемонгольский период. [58] К одному из ранних погребений относилась, видимо, и крошечная подвесная иконка с закругленным верхом и плохо читаемым изображением двух фигурок святых воинов.[59] Иконки такого размера, в которых поле изображения не больше квадрата со стороной в полтора сантиметра, типичны для Москвы XIV–первой половины XV в.[60]

---

[53] В могилах Зачатьевского монастыря найдено более 40 сосудов для елея нового типа, из белой глины (лощеный горшочек, мисочка, два стаканчика), чаще из фаянса (позже также фарфора) и стекла. В большинстве это маленькие поливные и фаянсовые чашечки с росписью, типологически восходящие к посуде для кофе (есть и прямой импорт из Османской империи); встречаются глазурованные бутылочки и рюмочки. Стеклянные слезницы (15 экз.) включают аптечное стекло и стаканчики, той же формы, что белоглиняные и поливные.

[54] Погребение № 63, находка № 259. См.: Гайдуков П.Г. Медные русские монеты конца XIV–XVI вв. М.: Наука, 1993. С.70.

[55] Погребение № 137, находка № 253. См.: Там же, с.80.

[56] Кроме уже указанных, №329 и №454.

[57] № 205; найден завернутым в льняную тряпицу; оборотная сторона закрыта глухой оправой.

[58] См. подробнее: Беляев Л.А. Корсунские реликвии в Московской Руси: подлинная история креста-«корсунчика» // Русь эпохи Владимира Великого: государство, церковь, культура… М. — Вологда: Древности Севера, 2017. С. 530–542.

[59] Ширина 1,7, высота с ушком 2,8 см. Найдена в 2008 г.

[60] Подобная иконка, хорошо датированная по слою рубежом XIV–XV вв., встречена в 2015 г. в раскопе № 7 Московской археологической экспедиции в Зарядье.

С разрушенным погребением связан, видимо, наперсный крест-мощевик из засыпки ранней трапезной.[61] Это тип 12-конечного креста с прямоугольными ветвями (концы перечеркнуты) и квадратным щитком в средокрестии. Крест рельефный, причем во всех перекрестьях перегородки образуют маленькие крестчатые поля, куда вписаны отдельные иконные образы. В центральном щитке, в нашем случае, «Распятие»[62] и «Никита, побивающий беса».[63] Аналоги известны в коллекциях музеев[64]; их все больше находят и при разведках, и в культурном слое,[65] к сожалению, почти всегда более позднем, чем сами кресты (Новгород, Тверь, Псков, Селитренное городище). Появление их датируют XIII в., а распространение XIV — началом XV в. Наш экземпляр крупный, хорошей сохранности, с высоким рельефом, отлит по свежей модели и вполне может восходить к концу XIV в.

Массовая литая металлическая христианская пластика представлена подвесными крестиками. [66] Они встречаются в кладбищенском перекопе (14 экз.), но большинство собрано в сравнительно сохранных погребениях (считая со склепами XVIII–XIX вв. — не менее 43 экз.). Древнейшие из них XIV — начала XV в.: два подражания энколпионам с округло-каплевидными концами[67]; три односторонних, с рельефным Распятием, с двумя квадратными табличками и с заостренным нижним концом[68]; четыре крестика близкой формы с рельефно-линеарным Голгофским крестом, атрибутами Страстей Христовых (терновый венец, трость, копье) и монограммами;

---

[61] Размер 86х65 мм; найден в 2007 г. в закрытом состоянии; оглавие утрачено, но сохранились обе шарнирные петли. Изучен, отреставрирован и раскрыт А.В. Лазукиным. Вложений не обнаружено.

[62] На правой ветви — поясная фигура Богоматери в трёхчетвертном повороте к центру, слева рельефная надпись (разборчивы только верхние две буквы МР). На левой — поясная фигура Иоанна Богослова в трёхчетвертном повороте к центру; рельефная надпись с именем апостола неразборчива; в полях на стволе даны ростовые фигуры архангелов с мерилами и зерцалами.

[63] Св. Никита дан в полуобороте, за плечами развевается плащ, одежда короткополая, ноги полусогнуты (левой он пинает беса). В правой руке, занесённой в замахе, кандалы, похожие на палку, а левой он держит за уши беса. В верхнем и нижнем поле ствола поясные фигуры архангелов с зерцалами (Михаил и Сихаил?); в левом конце перекрестья поясная фигура бородатого святого в трёхчетвертном повороте к центру, с молитвенно сложенными руками; в правом — такая же, но другого святого (Николай Чудотворец?). В промежутках неразборчивые рельефные надписи.

[64] См.: Асташова Н.И., Петрова Л.А., Сарачева Т.Г. Кресты — энколпионы из собрания Государственного исторического музея. М.: ГИМ, 2013. С. 285–291, №№ 264–274; Ханенко Б.И., Ханенко В.Н. Древности русские. Кресты и образки. Киев, 1899, Табл. IV. 32, 33; 16, с. 7–8; Гнутова С.В., Зотова Е.Я. Кресты, иконки, складни. Медное художественное литьё XI — начала XX вв. из собрания Центрального музея древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублёва. М., 2000, №14, №15; Гнутова С.В. Каталог // Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода. Художественный металл XI–XV вв. М., 1996, №131; Николаева Т.В. Произведения мелкой пластики XIII–XVII вв. в собрании Загорского музея. Каталог. Загорск, 1960, рис.2.

[65] Алексеев Л.В. Мелкое художественное литьё из некоторых западнорусских земель (кресты и иконки Белоруссии)// СА, 1974, №3, рис 2,3,4; Колпакова Ю.В. Энколпионы из Пскова и Изборска // Древности Пскова. Археология, история, архитектура. Вып. 2. К юбилею Лабутиной Инги Константиновны. Псков, 2011. С. 141–156; Пигарёв Е.М. Редкий тип энколпиона с Селитренного городища // Поволжская археология. № 1 2012. С. 120–121.

[66] В подготовке материала по массовому металлическому литью принимала участие М.А. Капитонова.

[67] В средокрестии — Распятие, на обороте, в ромбическом поле, Богоматерь Знамение (2 экз., №1007 и №1090, оба из перекопа, один целый, от другого фрагмент).

[68] Все три переотложены.

оглавие гранёное, с ромбовидным клеймом[69]. От этой формы происходят крестики с рельефным Распятием и треугольно-вытянутой нижней частью ствола[70]. Иную традицию представляют два маленьких простых крестика с чуть удлиненным стволом, в центре которых дана композиция «Никита, побивающий беса»; они имеют низкий рельеф и, по крайней мере один из крестиков, следы цветной эмали.[71] Обращает на себя внимание постоянное, непременное использование сюжета из «Сказания о Никитиных мучениях», сопровождаемое иногда молитвенной надписью: «Мученик НИКИТА ХР[ани]». Его популярность именно в XIII–XVI вв. подтверждает соотнесенность выделенной группы изделий христианской пластики с другими находками раннемосковского слоя в Зачатьевском монастыре.[72] Отмечу, что и согласно предложенной Д.А. Беленькой хронологии описанные здесь кресты и иконки не могут датироваться позднее начала XVI в., а в массе принадлежат концу XIV–XV в.[73] Крестов из погребений становится больше с конца XVI в. и особенно в конце XVII–XVIII в., а их материал разнообразнее: дерево, янтарь, слюда. Среди них есть мощевики новых форм. В их числе деревянный, тонкой резьбы, с изображением Богоматери и, на обороте, небольшим ковчегом, в медной рамке для подвешивания, и «монстрацы» из слюды в оправах из оловянисто-свинцового (?) сплава.[74]

Материалы некрополя доказывают, что: (1) погребения на месте монастыря достоверно восходят к концу XIV–XV в.; (2) это престижное для той эпохи кладбище, на нем встречены те же типы древностей, что и на кладбищах Кремля, главных городских церквей, великокняжеских сел; (3) вероятно, это монастырское кладбище: с появлением в начале XVI в. надписей на плитах упомянуты многие инокини и схимницы; (4) кладбище развивается с конца XIV — начала XV до конца XVIII в. Это главные выводы, но их можно дополнить наблюдениями, важными для истории самого кладбища и русского некрополя в целом. В XVI–XVII вв. социальный состав погребенных неоднороден и типичен для монастырского московского кладбища. Хоронят семьи бояр и дворян; высокопоставленных приказных; посадских

---

[69] № 238 — из разрушенного погребения; 622 и 870 — переотложены; 996 — из предматерикового слоя.

[70] Их два: № 309 из заполнения погребения 203 и аналогичный ему № 689 из переотложенного слоя.

[71] № 160 из погребения № 106, на обороте нечитаемая рельефная надпись.; №587 — из заполнения постройки №3 (начало XV — начало XVI в., односторонний; фон — голубая эмаль.

[72] Иконографию и символику апотропеев с изображением Никиты-бесогона изучают с 1960-х гг. активно, и нет необходимости подробнее комментировать его появление на предметах мелкой пластики. О сюжете: Тихонравов Н. Житие мученика Никиты // Памятники отречённой русской литературы. Т. II. — М., 1863, с.112–120; Тетерятникова Н.Б. Изображения Святого Никиты // Вестник Русского христианского движения. Т. III. Париж; Нью-Йорк; Москва, 1979., № 129, с. 180–189.

[73] Беленькая Д. А. Кресты и иконки из курганов Подмосковья // Советская археология, №4. 1976. С. 88–94; Она же, Медная пластика городов Московской Руси (XIII–XV вв.) // КСИА. Вып. 208. 1993. С. 11–19.

[74] №№ 359 и 825. В позднюю группу, заслуживающую отдельного изучения, попадают именной крестик Петра Андреевича Зиновьева (находка № 110), положенный (как благословение?) в женское захоронение (№ 53), и крестик со вставками из камней красного и зелёного цветов (№ 404). Оба изготовлены мастерами-ювелирами.

людей. Половозрастной состав понятен для девичьего монастыря: мужских погребений мало, женских примерно три четверти от всего состава, много и детей. Монахини среди погребенных за период до конца XVII в. упомянуты 24 раза. В большинстве это схимницы, в 21 случае сохранились их имена. Среди мужчин монахов нет.[75] Три надписи упоминают о священнослужителях: в одном случае назван иерей, в двух — жены иереев (тех и других на плитах Москвы упоминают редко). Монашеские погребения выявлены на разных участках кладбища, выделить особую «сестринскую» зону по их локации не удается. Монашеские захоронения определяют не только надписи, но и характерные находки: кирпичи, уложенные под голову[76]; кожаные сандалии и тапочки (калиги); в редких случаях — железные цепи-вериги, позже чётки.[77] В погребениях мирян достаточно часты элементы одежды, головных уборов (для XVI–XVII вв. — волосники[78]), обуви, украшений, но в большинстве случаев это поздний материал. Закончив анализ центральной темы, монастырского некрополя, обратимся к бытовым находкам — хотя бы для того, чтобы проверить, подкрепляют ли они формирующуюся постепенно хронологию.

Монеты. Поскольку ясно, что погребальная деятельность на территории монастыря восходит к рубежу XIV–XV вв., логично обратиться теперь к материалам нумизматики — до сих пор о монетах только упоминалось. Они, наряду с надписями надгробий, могут дать точные даты, ведь в изучаемый период в Северо-Восточной Руси многие удельные князья начали чеканить свою монету. При раскопках в монастыре собрана большая нумизматическая коллекция — не менее 100 монет ручной чеканки с конца XIV по начало XVIII в.[79] Дадим их краткое описание.[80]

---

[75] Возможное исключение: Зм67/2006.

[76] Типичный для монашеских погребений символический элемент, кирпич вместо подушки, обнаружен почти в двух десятках погребений (см. об обряде: Макаров Н.А. Каменные подушки в погребениях древнерусских некрополей // СА. 1981 № 2. С.113; Беляев Л.А. Камень под головой и лестница в небо: археология, иконография, источник // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. V.2 (5), Вопросы истории и теории христианского искусства. М., 2011. С. 72–84, там же библиография).

[77] Железные вериги, то есть цепи, опоясывали талию и плечи, перекрещиваясь на груди и спине, где их концы скрепляли пластины в виде четырёхконечного креста. Такие обнаружены в трех захоронениях (№№ 138, 179, 524); в погребении № 263 — железная цепь-«пояс»; отдельно от погребений найден полный комплект вериг (все находки XVII — начала XVIII в.).

[78] Погребальные облачения светских женщин XVI–XVII вв. отличают фрагменты текстиля (лен, шёлк, шерсть, парча) и, особенно, головные уборы, *волосники*. Это небольшая шапочка с сетчатым верхом, часть головного убора замужних знатных и среднего слоя дам. Волосники найдены в погребениях XVI — начала XVII вв. (№№ 246, 268 и 279), их очелья богато украшены шитыми растительным, тератологическим и зооморфным орнаментами. См. частичную публикацию: Ёлкина И.И. Волосники XVI–XVII вв. из погребений Зачатьевского монастыря в Москве // РА. 2008. № 2. С. 142–149.

[79] Монеты XVIII–XIX вв. тоже есть, но немногим более десятка. Монеты Российской Федерации и советского периода регулярно встречались в поздних горизонтах и перекопах. Здесь ни те, ни другие не учтены.

[80] Экспертизу нумизматического материала для отчетов проводили П.Г. Гайдуков, А.М. Колызин и А.В. Лазукин. Выражаем им свою глубокую признательность.

Самые ранние серебряные монеты в коллекции принадлежат к концу XIV — началу XV вв. и в чеканке Московского княжества входят в число ранних серий. Это тип денги с подражанием арабской надписи на обеих сторонах. Такая денга (к сожалению, плохой сохранности[81]) найдена на дне углубленного в материк сооружения XV–XVI вв. на участке церкви Неопалимой Купины, и еще две — в перемещенном грунте на месте Казанской церкви[82].

В засыпке упомянутого погреба обнаружено небольшое скопление из восьми ранних серебряных монет (небольшой клад?).[83] Среди них денга, вероятно, князя Василия Васильевича Тёмного (1425–1462).[84] Шесть монет клада относятся к правлению Ивана III (1462–1505), из них одна довольно редкого типа, с латинской надписью «ORnI/SToTE/LES» на обороте и всадником с саблей вправо на аверсе; всадника окружает плохо читаемая надпись, отчеканена на Московском денежном дворе.[85] Большинство исследователей связывают авторство штемпелей таких монет с иностранными мастерами и относят их к периоду от 1473 г. до середины 1480-х гг.[86] Там же отчеканена денга с изображением всадника на аверсе и трёхлепесткового цветка на реверсе; вокруг цветка частично сохранилась надпись: … (ИВА) НЪВАСИ(ЛЬЕВИЧ)… (66/8). Ещё четыре монеты Ивана III изготовлены на Новгородском денежном дворе между 1478 и 1505 гг.[87] На их аверсе размещено изображение всадника вправо, вокруг которого идет надпись: «КНЯЗЬ ВЕЛИКИЙ ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ». Между копытами коня помещена буква «М». На реверсе идет продолжение надписи, но уже в четыре строки: «ОСПОДАРЬ ВСЕЯ РУСИ». Для денег-новгородок характерен и вес в 0,73–0,75 г,[88] что превышает вес московских монет вдвое. Последняя по времени в кладе — денга Ивана III или Василия III (1505–1533) без имени князя.[89] Клад сокрыт не ранее начала второй трети XVI в., но вряд ли существенно позже; к сожалению, он не может определить момент засыпки постройки, которая последовала после большого пожара: при перемещении грунта в засыпку могли попасть сколь угодно ранние вещи.

Выше уже говорилось о сосредоточении[90] монетных находок в засыпках построек южной части центральной зоны, на «монастырской улице». Здесь

---

[81] № 100. Здесь и далее указывается номер по полевой описи.

[82] №№ 726 и 737. Определение П.Г. Гайдукова.

[83] Все экземпляры под общим № 66, с указанием на конкретную монету.

[84] № 66/1. Изображение человеческой головы вправо и всадника, пронзающего копьем змеиную голову под копытами коня. Вокруг всадника помещена надпись; читается: …(К)НЯЗЯ(?)ВЕЛИК…

[85] № 66/3.

[86] См.: Зайцев В.В. Русские монеты времени Ивана III и Василия III. Киев: Юнона-монета, 2006. С. 18.

[87] №№ 66/2, 66/5–66/7.

[88] Исключением обломанный экземпляр № 66/5.

[89] № 66/4.

[90] Отчасти оно объясняется массированным применением здесь металлодетектора и тотальным просеиванием грунта.

представлены серебряные денги и копейки Ивана IV (1533–1584). Их 12 экземпляров, причем больше всего монет великокняжеского периода (1535–1547), отчеканенных на Московском денежном дворе (8 экземпляров); одна монета (№ 644) — в Твери. Денга (№ 626) царского периода также московская, 1547–1554 гг. В Пскове изготовлены две копейки Ивана IV: монета (№ 597) с буквой «А» под копытами коня (1535–1547 гг.) и копейка (№ 627) с буквами «ГР» (1547–1550-е гг.).

Более многочисленные медные пула делятся на два периода: конец XIV — середина XV в. и вторая половина XV — первая треть XVI в. Ранние монеты, отчеканенные в Москве и её уделах, исключительно важны для русской нумизматики этого времени. Таково пуло Петра Дмитриевича Дмитровского (1389–1428) с изображением на лицевой стороне человеческой головы вправо и двуглавым орлом на обороте[91]. Надписей нет, но подобное изображение человеческой головы хорошо известно на подписных серебряных монетах Петра Дмитриевича. Не менее интересно пуло Ивана Андреевича Можайского (1432–1454). На его лицевой стороне изображён двуногий дракон влево с раскрытой пастью и поднятым над головой хвостом, а на обороте помещена трёхстрочная надпись: «ПУЛО/МОЖА/ИКОЕ». [92]

Началом XV в. датируется русское подражание золотоордынскому пулу: на одной стороне помещена арабская надпись, на другой — растительный орнамент.[93] Подражание арабской надписи помещено и на реверсе трёх медных монет. Пуло первой половины XV в. несет на лицевой стороне изображение летящей птицы; по мнению В.В. Зайцева, оно изготовлено в Коломне.[94] Ещё две монеты с арабской надписью на реверсе и изображением птицы на аверсе, условно отнесены к московскому чекану.[95]

Среди монет второй хронологической группы два медных пула, изготовленых в XV в. на Тверском денежном дворе: одно (без имени князя и названия города, с грубым изображением птицы влево и четырёхконечного креста в точечном ободке; второе подквадратной формы, еще худшего качества; аверс и реверс прочеканены фрагментарно; вероятно, на лицевой стороне помещена человеческая фигура впрямь, а на обороте трёхстрочная надпись: «ПУЛ/ТФЕР/СКІ».[96]

Продукция Московского денежного двора периода правления Ивана III (1462–1505) и Василия III (1505–1533) представлена самым большим количеством маленьких пул, их 29 экземпляров. Уникальна *медная* монета №724: ее лицевая сторона отчеканена штемпелем *для серебряной* мо-

---

[91] № 727. Место чеканки монет Петра Дмитриевича пока не определяется. Ср.: Зайцев В.В. Материалы по русской нумизматике XV в. Киев: Юнона-Монета, 2004. С.111, № 51.

[92] № 592; монету отличает хорошая сохранность, мелкие детали на лицевой и оборотной сторонах просматриваются чётко. Ср.: Гайдуков П.Г., 1993. С.205. № 418

[93] № 677.

[94] № 604. Ср.: Зайцев В.В. 2006. С.56.

[95] №№ 253 и 725. Ср.: Гайдуков П.Г., 1993. С.80.

[96] Ср.: Гайдуков П.Г., 1993. С.185. № 296; с. 170. № 161

сковской денги Ивана III с изображением всадника с саблей, а оборотная — для *медного пула* с двуглавым орлом и надписью: «ПУЛО МОСКОВСКОЕ».[97]

Для большинства (найдено 15 экземпляров) московских пул характерно изображение крылатой сирены на аверсе и четырёхстрочной надписи «ПОУЛ/ОМОСК/ОВЬСК/ОЕ» на реверсе. Ещё одна группа московских монет (10 экземпляров) украшена двуглавым орлом. И только на лицевой стороне трёх пул помещена птица с распростёртыми крыльями.[98]

Монета с изображением петуха на лицевой стороне и плохо читаемой надписью на другой к московским пулам отнесена условно, ее обратная сторона выбита штемпелем уникальной серебряной монеты времени Ивана III и Василия III без имени князя.[99] Ещё одна монета, условно отнесённая к чеканке Московского денежного двора, имеет на оборотной стороне надпись в четыре строки «ПУЛЪ/ОСПОДА/РЯВСЕЯ/РУСИ» и изображение птицы на лицевой.[100] Достоверно определить место её чеканки не удаётся, но основная масса монет этого типа происходит из Москвы, а из Твери и Новгорода лишь незначительное количество.

Семнадцать медных монет отчеканены на Тверском денежном дворе. Девять из них несут на лицевой стороне изображение четвероногого крылатого животного и четырёхстрочную надпись «ПУЛ/ОТВЕРЬ/СКОЕ…/…» на обороте. Ещё у пяти монет аверс украшен птичкой с распростертыми крыльями (обращена влево), а на двух экземплярах изображение птицы влево, с головой, повёрнутой назад; в клюве она держит цветок на длинном стебле. У одной монеты на лицевой стороне помещен двуглавый орел.[101] На Новгородском денежном дворе изготовлены три монеты с изображением двуглавого орла и трехстрочной надписью «ПУЛО/НОВАГО/РОДА».[102]

Остальные монеты коллекции — 11 подражаний маленьким пулам. Они появились в конце XV в., активно обращались всю первую половину XVI в. и, видимо, позже. Их появление на внутреннем рынке объясняют дефицитом мелкой разменной монеты.[103] Эти подражания копируют маленькие пула Москвы и Твери, но тексты на них не читаются и могут представлять бессмысленный набор букв; сохранность часто неудовлетворительна.[104]

---

[97] Вес монеты 0,49 г. Ср.: Гайдуков П.Г. Русские полуденьги, четверетцы и полушки XIV–XVII вв. М., 2006. С.116. Рис.89, 10; Он же, 1993. С.203. №407, 408.

[98] Гайдуков, 1993. С.202–203. №№ 405–409.

[99] № 591. Ср.: Гайдуков, 1993. С.204. № 412

[100] № 656.

[101] Гайдуков, 1993. С.192–193. №№ 356–360.

[102] Гайдуков, 1993. С. 209. № 440–441)

[103] Гайдуков, 1993. С.79

[104] Исключения: пуло № 729; на лицевой стороне просматривается изображение крылатого четвероногого животного вправо, и пуло № 625 с всадником влево.

Отдельная группа монет — серебряные копейки Михаила Фёдоровича (1613–1645), отчеканенные на Московском денежном дворе. На двух экземплярах имеется дата выпуска[105]; один со следами производственного брака.[106] Самые поздние проволочные монеты относятся к 1700-м годам (их две, на каждой под копытами коня поставлена буквами дата: 1703 и 1707).[107]

Итак, проволочные монеты ручной чеканки обнаружены в заполнении хозяйственных построек XV–XVI вв., в культурном слое XVI–XVII вв. и в слое монастырского кладбища, а четыре медных пула XVI в. — в захоронениях (см. выше). Пик выпадения (особенно мелких номиналов) приходится на первую половину — середину XVI в. Монет XVII в. сравнительно немного, как и более поздних. Обилие монет эпохи раннего Московского царства (от Ивана III до Ивана IV включительно). Однако и количество монетных находок раннего периода весьма значительно, причем хорошо представлены наиболее редкие монеты конца XIV — XV в. Все это указывает на экономическое процветание с XV до последней четверти XVI в. и в целом на особую финансовую активность монастыря в ранний период. Такое выпадение монет начала и середины XV в. в слои наблюдается, например, в зоне Мытного двора (раскоп № 7, Зарядье, 2015 г., работы ИА РАН), а монет XVI в. — в слоях Опричного двора в Занеглименье.[108] И напротив — близкие по времени слои даже богатых монастырей такого потока нумизматических материалов не знают.[109]

Бытовая керамика столь точных дат не дает, зато рисует хронологию жизни на участке с максимальной надежностью. Уже в первые годы работ (2003–2007) выявился ее общий состав и разница в плотности находок на отдельных участках. Тогда было учтено в общей сложности более 60 000 фрагментов. Древнейшие из них (не более двух десятков) принадлежат горшкам, изготовленным на круге медленного вращения с крупной (до 0,4 см) дресвой в тесте; их формы венчиков и тип орнамента позволяют говорить об очень раннем периоде, возможно, на участке существовало славянское селище, но курганной керамики или других вещей, строго датирующихся ранее XIV в., не найдено. С конца XIV в. керамика откладывается непрерывно, но неравномерно, в основном в западной и юго-западной частях соборного участка. Перекопы переместили ранние фрагменты («серая»

---

[105] № 715 — 1616 г. и № 668 — 1644 г.

[106] № 254; двойной удар по заготовке.

[107] «1703» — на копейке № 628, «1707» — на монете № 602.
Монет регулярного чекана XVIII–XIX вв. вообще мало и представлены они мелкими номиналами — полушками, денгами, копейками. Два серебряных 20-копеечника найдены в закладном камне, вложенном в кладку Казанской церкви. Их дата, 1867 г., не совпадает с известной датой строительства придела — 1887 г. в десятках, что несколько странно.

[108] Кренке Н.А. Романов двор

[109] Например, Новодевичий, где экспедицией ИА РАН за 2017–2019 гг. вскрыты тысячи квадратных метров.

и «красноглиняная грубая») в верхнюю часть культурного слоя, в результате там они составляют до 30%.[110] В центральной зоне, возможно, жилой застройки не было,[111] но по ее периметру с юга, востока и северо-востока идут полосы хозяйственных ям и домов XIV–XVI вв. Здесь керамика до первой половины XVI в. составляет 60–70%, а сосудов конца XVI–XVII в. не более 14%. Это объяснимо: с конца XVI в. в юго-западной части прежнюю жилую зону сменило кладбище, и выпадение бытовой керамики резко сократилось.

Там, где жилые комплексы остались на прежнем месте (северо-восточная, северная и западная зоны), над пластом с керамикой XV–XVI вв. залегал слой со следами постоянной хозяйственной деятельности (постройку № 4 в юго-западной части прорезает яма XVIII в.; за храмом Святого Духа постройка XVI в. существует вплоть до XVIII — начала XIX в.). Да и позже, в XIX в., именно по периметру стен продолжали строить кельи и хозяйственные сооружения.[112] Особенно важна (в том числе для археологии Москвы в целом) керамика из двух глубоких погребов построек №1 и №3, где посуду оставили в момент пожара. Хронотипологию этих сосудов стоит рассмотреть подробнее. Их заполняют обугленные балки, не менее 10% керамики оплавлено. *В погребе постройки №1*[113] вдоль стен, среди углей, стояли 8 сосудов[114], в том числе 2 кубышки.[115] По восточной стене и в юго-восточном углу — 4 крупных белоглиняных кувшина,[116] а ближе к входу, с запада, 2 краснолощеных (они гораздо мельче белоглиняных гигантов).[117] Скопление фрагментов, деформированных в пожаре, отмечено и в юго-западном углу (низ

---

[110] Горшки трех типов: с косо обрубленным и слегка отогнутым вперед венчиком (орнамент «косая волна» по венчику); с прямым горлом, прямым или слегка отогнутым вперед венчиком (с пологой, слабо выраженной волной по плечику); со слабо отогнутым вперед или прямым венчиком, без орнамента

[111] Кроме того, здесь и в границах Алексеевского придела культурный слой уничтожен при строительстве Рождественского собора XIX в., а затем школы 1937 г.

[112] Их выравнивающие подсыпки и смыв по рельефу увеличили объем поздних материалов в юго-восточной, нижележащей части территории.

[113] Погреб прямоугольный, 2,6 х 2,4 м; стены каркасно-столбовые; с запада, по обе стороны от входа, столбовые ямки и остатки сгоревших ступеней.

[114] У северной стены лежала железная сковородка и крупные, частью ошлакованные и оплавленные фрагменты красноглиняной керамики, возможно, упавшие сверху.

[115] Обе ангобированные сплошь: одна гончарной работы, вторая — «домашнего» изготовления. Стоявшую ближе к северо-восточному углу кубышку с двумя полосами линейного у основания горла и, ниже, волнистого орнамента можно было принять за чернолощеную, настолько обожжена ее верхняя часть. Другая, в северо-западном углу, напоминает формой бутылку; глина розовато-желтого цвета с примесью песка, плохого (неполного) обжига, а поверхность неровная, обработана небрежно.

[116] Два более высоких (46–55 см) — из желтоватой глины с примесью мелкого (природного) песка в хорошо отмученном тесте; пониже (40–45 см) — из белой глины с примесью крупного песка и дресвы. Один из них сохранил следы сетчатой оплетки лыком, видимо, для переноски (ручки кувшинов вряд ли были способны выдержать их вес в заполненном состоянии).

[117] Их высота 19,5–25,5 см. Сходные по тесту (глина темно-красного цвета с примесью мелкого песка в тесте, обжиг ровный, горновой) и лощению (косые полосы по средней части сосуда), они различны по форме: один с вытянутым яйцевидным туловом и высоким горлом, второй шаровидный со слабо выраженным невысоким горлом, видимо, более раннего типа (морфологически восходит к кувшинам-кружкам).

горшка красноглиняного грубого с клеймом «крест в круге»), здесь же — камень-валун (гнёт?).

Разнообразие формальных и технологических признаков может говорить о длительном использовании погреба. В сосудах, размещенных на хорошо читаемом возвышении в юго-восточном углу и на деревянных стеллажах (полках?), явно хранили запасы продуктов. Что именно было в больших тарных кувшинах, сказать трудно. До сих пор считалось, что воду и иные напитки (О.Н. Глазунова[118] вспомнила об описании Павла Алеппского, где упомянуты напитки в погребах-ледниках, но о глиняной посуде не говорится).[119] Статистика фрагментов из заполнения постройки после пожара говорит, как и общий состав сосудов, о середине XVI в.[120] *Постройка № 3* дала иную картину. В ее вытянутом пространстве и подвальной части[121] доминируют два технологических вида керамики, по численности примерно равные: белоглиняная грубая (40%) и красноглиняная гладкая (35,5%).[122] Примесь ранней красноглиняной грубой (6,5%), фрагменты чернолощеной и полное отсутствие белоглиняной гладкой говорят о первой половине — второй трети XVI в.[123] Столовой посуды от 3% до 10 %, она разнообразна.[124]

Полтора десятка полных форм обгорели при пожаре, из них в верхней части постройки — семь: красноглиняный гладкий горшок (позднего типа; клеймо «крест с двумя перекладинами» в овале) и крупный, приземистый, необычно широкий краснолощеный кувшин с шаровидным туловом и риф-

---

[118] Глазунова О.Н. Комплексы керамики из жилых построек второй половины XV — начала XVI в. Зачатьевского монастыря (г. Москва) // РА. 2008. № 2. С. 128–141.

[119] Говорится о напитках «из вишни, яблок и многих других (плодов), коих имен мы не знаем»; названы мед, квас и пиво «в больших оловянных кувшинах», разные сорта меда и пр. О погребах сказано: «Мы томились от зноя в своих комнатах, а московиты, от богатых до бедных, находились со всеми своими бочонками напитков в погребах на льду, который они набрали с рек в течение Великого поста и наполнили им погреба… По причине сильной студености их воды и напитков, которые держат летом в погребах, никто не мог вдоволь напиться из опасения лишиться зубов». — Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном архидиаконом Павлом Алеппским. М.2005. С. 424, 426.

[120] Количество достаточно для оценки — 873 фрагмента. Белоглиняной грубой и красноглиняной гладкой поровну (37,0 и 40,5%), красноглиняная грубая только в следах (до 7,0%); столовая краснолощёная (4,4%), ангобированная пятнами и расписанная по ангобу. Часть фрагментов, в том числе горелых, собрана в тонкой прослойке песка на границе между обугленным деревом и глиняным завалом (остатками печи?).

[121] Размеры постройки 3,2 (С-Ю) х 2,4 (З-В) м. Посредине пола слабо читается контур квадратного люка; сохранилась часть юго-восточного угла подвала, срубленная из бруса «в лапу». В верхней, более обширной части, западнее подвала виден развал печи. В северо-восточном углу подвала найдены обломки каменного жернова.

[122] Фрагментов сосудов в постройке собрано 1283.

[123] Подсчет по однотипным венчикам. Кажется, что белой грубой вдвое меньше, чем красноглиняной гладкой, но при подсчете ситуация скорее обратная: дело в том, что белоглиняные кувшины гораздо крупнее и, соответственно, распадаются на большее количество черепков. Деление по техно-формам: красноглиняная гладкая — горшки (40 сосудов), крышки от них (3) и миски (4); белоглиняная грубая — горшки (19) и кувшины (4).

[124] Краснолощеные кувшины (5), кружечка и горшочек (ангоб пятнами), чернолощеные миски, стенки кумгана, носик рукомойника. В среднем по участкам более 6%: краснолощеная, ангобированная сплошь, ангобированная пятнами, чернолощеная.

леным горлом. [125] Белоглиняная грубая представлена низким горшком без орнамента.[126] Из чернолощеных форм — миска с двусторонним лощением (XV–XVI вв.) и два кумгана.[127] В восточной части подвала осталась целая кубышка[128] и восемь развалов, из них пять кувшинов (белоглиняная грубая). Но они иные, чем в постройке № 1. Там глина желтоватая с примесью мелкого песка, а по форме кувшины высокие и отличаются один от другого. Кувшины в постройке № 3 пониже (в среднем 43,5 см), очень схожи, их глина чисто белого цвета, с примесью крупного песка и дресвы, на ручках насечки и линии (орнамент не повторяется, возможно, помогая различать сосуды). Развалы трех «варочных» горшков плохого обжига, напротив, очень разные[129], да и в целом керамику постройки № 3 отличает технологическое, формальное и функциональное разнообразие.[130] Таковы два набора сосудов, погибших вместе с постройками при пожаре не ранее середины XVI в. Дополняют статистику другие комплексы, в том числе и более ранние: из постройки № 2 (первая половина — вторая треть XV в.[131]) и ямы № 4 (XV в.).[132]

Гораздо больше комплексов второй половины XV до середины — третьей четверти XVI в., таких как из крупной (длина не менее 5 м) постройки № 11.[133] К началу XVI в. относятся постройки № 10[134] и № 12[135] ,

---

[125] Тесто кирпично-красного цвета с примесью мелкого песка.

[126] Типичен скорее для земель к западу и юго-западу от Москвы.

[127] Один с узким горлом на поддоне (ошлакован в пожаре), второй шаровидный с широким, невыраженным горлом. Все на основе красной глины; лощение по ангобу.

[128] Грушевидная, ангобированная сплошь, с неглубоким рифлением и линейным орнаментом.

[129] Крупный (белоглиняная грубая) типичен для московской керамики XVI в., а красноглиняные грубые и почти лепной красноглиняный (подправлен на ручном круге) трудно идентифицировать (толстый черепок, слабый обжиг)

[130] В обоих погребах белоглиняные тарные кувшины размещены одинаково, в восточной-юго-восточной частях, остальные — в северо-восточной части.

[131] Но материала немного, 94 фрагмента. Более половины красноглиняной гладкой — 59,6%, в основном ранний вариант, и много красноглиняной грубой (27,7%).

[132] 495 фрагмента: 84,0%, красноглиняной гладкой, в том числе ранних вариантов — 11%

[133] Выделены два слоя: в верхнем 46 фрагментов белоглиняной грубой (это 47,8%) и 37,0% красноглиняной гладкой (в основном поздний вариант), красноглиняный кувшин без лощения, три стенки белоглиняных гладких, один фрагмент чернолощеный и три — красноглиняной грубой. В нижней части постройки (всего 26 фрагментов) белоглиняной нет вовсе, в основном это красноглиняная гладкая (вариант XV в.), по три фрагмента красноглиняной грубой и краснолощеной, два — красноглиняной из слабоожелезненной глины.

[134] Длина снаружи 4, 3 м, внутри — 3,9 м. 239 фрагментов (в том числе ангобированная голова коника). Красноглиняной гладкой (47,3%) больше, чем белоглигняной грубой (32,6%); в нижней части постройки 195 фрагментов) это различие еще очевиднее (красноглиняной гладкой 51,3%, белоглиняной грубой — 26,7%). Столовая керамика: ангоб пятнами (6 фр.), ангоб сплошной (28 фр.), красное лощение (9 фр.) и один фр-т краснолощеной корчаги; три фр-та красноглиняной грубой. Два развала: кружка красноглиняная гладкая и горшок московского типа (белоглиняная грубая с оваром).

[135] Это глубокий (на 1, 6 м в материке) подвал, размерами 2,7 х 3 (и более) м; вход шириной 1 м (?) по центру восточной стены. Керамики много, 1 096 фрагмент: красноглиняная гладкая значительно преобладает над белоглиняной грубой (50,6% и 26,5%), более ранней керамики7%. Столовая посуда (4,4%) — краснолощеная, чернолощеная ранняя (единицы), ангобированная пятнами и сплошь. Донце красноглиняного гладкого горшка с клеймом «крест в круге»; найдена часть треугольной красноглиняной плитки пола.

а также ряд хозяйственных ям: № 1[136], № 5[137], яма в постройке 9Б[138] и другие.[139]

Целиком в пределы XVI в. попадают еще две постройки: самая крупная из заглубленных, № 13, где собрано до 10 000 фрагментов[140]; № 6 (с типовым набором керамики середины столетия[141]) и, возможно, квадратная постройка № 5[142]. Последняя по времени группа построек, состав керамики в которых, к сожалению, загрязнен поздней засыпкой, возникла не позднее XVI в. и погибла в его конце или в начале XVII в. В нее входит постройка №4[143], погибшая при пожаре: 3,2% керамики обгорело, найдены оплавленный северокавказский сфероконус (определение И.И.Волкова) и фрагмент кашин-

---

[136] Целый чернолощеный рукомойник (барашек) и 40 фрагментов: красноглиняный гладкой горшок, краснолощеный кувшин, немного белоглиняной грубой (мелкие фрагменты), фрагмент красноглиняной грубой и ангобированной сплошь.

[137] 223 фрагмента: больше половины красноглиняной гладкой (54,9%), затем белоглиняная грубая (36,9%), включая развал белоглиняного грубого кувшина; донца горшков и кувшинов, практически целые: кумган расписной по ангобу (зональный геометрический орнамент краснокирпичного цвета), ангобированный пятнами кувшинчик-кружка с поддоном.

[138] 383 фрагмента. Красноглиняная гладкая 39,2%, белоглиняной только 26,4%. Почти четверть (22,4%) столовой посуды: 12% краснолощеная, 3,1% чернолощеная, 4,7%, ангобированная (сплошь, пятнами, роспись). Развалы крупного (высота не менее 32 см) краснолощеного кувшина и горшочка, ангобированного пятнами.

[139] В яме 6а всего 7 фрагментов красноглиняной гладкой и белоглиняной грубой керамики, в яме 9–19 фрагментов, в основном красноглиняной гладкой ранней, и 3 развала классических московских горшков из белоглиняной грубой керамики.

[140] Точнее, 9 796. Преобладает белоглиняная грубая, более 60% (возрастает в глубину от 50,3% до 64,4 %), в основном горшки с линейным, реже волнистым и ногтевым орнаментом, венчики диаметром 15–18 см и 23–30 см, но есть и кувшины. Красноглиняной гладкой ранней нет, а поздняя (XVI в.) составляет более 20% (от 19,7% до 26,2 %), в среднем горшки мельче белоглиняных грубых (диаметр 14–16 см); на донцах есть клейма «крест в круге»; немного крышек горшков, кувшинов и кастрюлек. Есть ранние фрагменты: курганная (0, 1 %), серая (1, 2%); красноглиняная грубая (2,8 %); красноглиняная грубая из белой глины (0,3%), но почти столько же и белоглиняной гладкой (4,6 %), возможно, не московского производства.
Украшенная посуда разнообразна: горшки (чаще мелкие), кувшины, кувшинчики, кувшины-кружки, миски и другие формы. Сплошь ангобированная дает по слоям от 1,9% до 4,4 % (горшок с клеймом «крест в круге» и горшкообразная прорезная кадильница). Краснолощеной 1,4%–4,3%, чернолощеной от 0,5% до 4,7% (кумган, миска с клеймом «крест в круге»), ангобированной (сплошь, пятнами и с росписью по ангобу) от 0,2 до 1,9%; представлены светлолощеная (кувшин?) и белоглиняная со штампованным орнаментом под зеленой поливой (кумганчик).
Развалы: три небольших красноглиняных гладких столовых горшочка, красноглиняные грубые сковородка и горшок, два белоглиняных грубых горшка (один со следами оплетки, другой с толстым черепком и венчиком «тверского» типа); ангобированный сплошь горшок (имитация белоглиняной грубой); две полные чернолощеные миски (у одной на донце клеймо «крест в круге») и др.

[141] Вскрыта ее часть длиной 2,6 м. Фрагментов менее тысячи (868), в том числе белоглиняной грубой 61,2% красноглиняной гладкой 20,6%, обломок кувшина или кумгана с орнаментом под зеленой поливой), в нижнем слое немного красноглиняной грубой (горшки).

[142] Сторона 2,4 м, углубленность в материк более 0,6 м, со столбовыми ямками. Собрано 383 фрагмента: половина белоглиняной грубой (52,0%), красноглиняной гладкой меньше (39,2%); столовая посуда единична (краснолощеная, ангоб и роспись по ангобу, фрагменты кувшина или кумгана с зеленой поливой. Домешка белоглиняной гладкой (2,1%).

[143] Всего 1022 фрагмента. Половина белоглиняной грубой (49,2%), до 20 % (17,1%) белоглиняной гладкой ранних вариантов. Красноглиняной гладкой керамики менее 2%), но есть ранняя (2,3%).
Из украшенной керамики — развал белоглиняного гладкого горшочка, два донца красноглиняных гладких горшков с клеймом «крест в круге», верхняя часть чернолощеного рукомойника-барашка, ангобированная сплошь игрушка-лошадка.

ного золотоордынского кувшина с синей росписью (оба — конца XIV в.). У строго прямоугольной, заглубленной в материк постройки № 7 сохранился обвал сгоревших наземных конструкций юго-восточного угла и, в северной части, пятна глины от кирпичной вымостки. Здесь найдены фрагменты горшковых изразцов (?) с прорезными заглушками.[144] Постройка № 8 также заглублена в материк[145], в ее центральной части осталось скопление крупных обломков кирпича и комков глины (печь?). 6 медных пул (включая маленькое) до 1533 г. и две серебряные денги до 1547 г.[146] (см. выше) датируют комплекс серединой — второй половиной XVI в., керамика же указывает более позднюю дату, возможно, за счет проникновения в верхний слой фрагментов из балласта.[147] Среди находок — части льячек; очень крупных толстостенных сосудов и крышек (возможно, огромного котла или печи), в ручки которых продевался штырь; часть белоглиняного горшка (корчаги?) с дресвой и крупным песком в тесте.[148]

Суммируя, подчеркнем, что материал жилых и хозяйственных построек, сохранившийся в слоях монастыря, принадлежит в основном второй половине XV–XVI вв., однако среди находок присутствуют более древние фрагменты, в том числе «курганной» и «серой» керамики. Однако керамика и другие бытовые находки способны не только уточнять хронологию — их обзор позволяет сделать ряд историко-культурных заключений, важных для перехода к исторической части анализа.

Керамика и быт: историко-культурные аспекты. Важно оценить материал XIV(?) — начала XVI в. с точки зрения статуса жителей. Их хозяйственная активность очевидна уже из выпадения в слой большого количества монет, в том числе ранних. Надежным маркером статуса можно считать облик кладбища раннемосковского облика с редкими для XIV–XV столетий находками (елейницы, белокаменное надгробие). К этому стоит добавить

---

[144] Размеры 3,4 х 2, 3 м, вход в северо-восточном углу, с востока, шириной 0,6 м. Керамика (555 фрагментов включая поздние: белоглиняную шероховатую, белоглиняную расписную и мореную) преобладает белоглинная грубая (по слоям: 38,9%; 61,2%; 72,9 %), меньше гладкой белоглиняной (3,1%; 8,6%; 27,8%) и красноглиняной (10–17%, местами до 41,2%). Из форм преобладают горшки и кувшины.
Под полом сохранилась яма, где белоглиняной грубой керамики 83,3%, а красноглиняной гладкой 16,7%.

[145] Размер 3,6 х 3,45 м

[146] № 752, 624, 625, 653, 654, 671, 707, 708

[147] Керамики 1890 фрагментов. По всей глубине преобладает белоглиняная, составляя от половины до двух третей (46,6 % –50,9 % –51.3% –51,9% –63,2%). Белоглиняной гладкой — от одной десятой до одной пятой (11,0 –13,1 –13,8 –15,2% –19,3%); красноглиняной гладкой от 8,5 до 21,2% (8,5–14,6–16,3–20,3–21,2%). Столовая посуда: чернолощеная (миски, в том числе с налепным орнаментом; кувшин, кубышки) — от 1,2 до 7,6% (1,2–5,8–6,1–6,9–7,6%), краснолощеная (кувшин и кубышка). Присутствует техническая керамика: фрагменты льячек, очень крупных толстостенных сосудов (в их числе крышка и низ белоглиняного горшка-корчаги(?) с дресвой и крупным песком в тесте). Части огромной крышки включают фрагмент ручки с отверстием для продевания штыря или палки, но не найдено ни одной части края. Возможно, это крышка огромного котла или печи.

[148] Постройка 9А (4, 5 х более 3, 2 м), перерезавшая постройку 9Б, дает столь же смешанный материал, особенно в верхней части. Из4 48 фрагментов: белоглиняная грубая (44,6%), красноглиняная гладкая (25,9%); белоглиняная гладкая (9,6%), ранняя ок. 5%. Столовой посуды более 6% (краснолощеная, ангобированная пятнами, чернолощеная).

отчетливую примесь восточных импортов или подражаний им, не просто характерную для Москвы, но и указывающую на определенно высокий уровень контактов. Упомянутый выше плоскодонный сфероконус — один из двух-трех известных в городе. А ведь хорошо известно, что это указание на медицинскую деятельность (вплоть до отравлений), на занятия алхимией и связанными с химическими процессами ремеслами, в которых используют ртуть (например, золочение), на хранение благовонных эссенций и вообще летучих веществ.[149] В Западной Европе их связь с ходом богослужения отражена, например, в усвоении этих сосудов ангельским чинам в качестве кадильниц. В Средиземноморье и на Востоке (Кавказ, Нижнее Поволжье) такие сосуды встречаются в массовом количестве, но в древнерусских городах их крайне мало

Не менее, если не более необычная находка — глубокое блюдо (миска) из китайского селадона (формовочной массы серого цвета под светло-зеленой глазурью), — представленная серией из восьми фрагментов. Привычнее для московского слоя XIV–XV вв. фрагменты парадной восточной столовой посуды: чаши с двусторонней монохромной подглазурной росписью темно-коричневого цвета по белому ангобу (полумайолика на красной глине; глазурь бесцветная, чуть желтоватая) и кувшина с синей росписью по кашину.[150] О включенности в ход ориентализации говорят и две чаши-слезницы с глазурью и штампованным орнаментом, подражающие формам и технологиям Золотой Орды.

Эта дорогая посуда не часто встречается в культурном слое Москвы, она датируется XIV–XV вв., с очевидностью указывая на статус и, возможно, на восточные связи живших здесь людей.

До недавнего времени как носителей восточной моды воспринимали и такие элементы гончарного производства, как чернолощеную и расписную ангобом посуду с типичными для них формами: зооморфные рукомойники, кумганы, кубышки, фляги типа паломнических. При раскопках встречено не менее 12 рукомойников ранних и поздних типов, включая 3–4 полные формы; еще больше «кумганов» (два чернолощеных, один расписной, фрагменты со штампованным орнаментом под зеленую и желтую поливу). Однако лишь корни этих типов общие средиземноморские, прямой же трансфер осуществлялся Москвой через Запад — их специфический декор, формы технология уводят нас в круг «народной» керамики ренессансной Европы.[151] Связь могли обеспечить западно-православные земли (прежде всего Смоленск, Литва в целом) и контакты с итальянскими колониями

---

[149] Последняя сводка по сфероконусам: Дэвлет Е.Г., Нуретдинова А.Р., Сивицкий М.В. Реконструкция возможного использования сфероконуса из Болгара // РА. № 3. 2017. С. 57–70; сфероконусы и их фрагменты в Москве: Коваль В.Ю. Керамика Востока на Руси. Конец IX–XVII века. М.: Наука, 2010.–269 с. С. 176 и др.

[150] Напомним, что все эти находки сгруппированы в юго-западной части соборного участка.

[151] Беляев Л.А. Новое в археологии Москвы: раскопки и культурно-исторические проблемы // ВИЛИ (Вестник истории, литературы, искусствоведения). Т. V. М., 2008. С. 40–56; с. 42; Коваль В.Ю. Московская чернолощеная посуда // Археология Подмосковья. М.: ИА РАН, 2019. С. 383–400, там же литература.

(Крым, Тана). Вестернизованные керамические изделия не были редкостью в Москве, они довольно обычны в ее культурных слоях. Однако концентрация свидетельствует о состоятельности хозяев жилищ, в которых они встречены.

Высокий статус территории в XV–XVI вв. могла бы поддержать находка фрагментов керамических предметов, которые допустимо представить как ранние формы горшковых изразцов. Их общий облик можно восстановить как трубки диаметром 14 см с прорезными плоскими заглушками с одного конца. Эти ажурными композиции имели, вероятно, зооморфный характер. Они сделаны из красной глины, а в части заглушки и начала стенок цилиндра покрыты ровным слоем белого ангоба. Состав теста и обжиг позволяют датировать их, по аналогии с ангобированными изделиями, XV–XVI вв. Не исключено, что это части ранней печи: в Европе печи с горшковыми изразцами известны с XIV в. (вопрос нуждается в дальнейшем изучении).[152] Следует отметить, что традиционные изразцы XVI–XVIII вв. в слоях монастыря представлены хорошо, их история открывается несколькими красно-терракотовыми коробчатыми экземплярами и ничем не отличается от знакомой по другим раскопкам в Москве.[153]

Говоря о статусе участка, нельзя не обратить внимания на менее заметные, чем кладбище, свидетельства его церковного характера. Встречены фрагменты небольших ангобированных сплошь горшочков с ручкой и с проделанными при изготовлении по плечикам крупными круглыми отверстиями (диаметр отверстий 5–6 мм, они располагались по кругу). Таких сосудов не менее пяти. Вероятно, это курильницы, или, в церковном обиходе, кадильницы. Аналогии есть в южнославянских и европейских древностях. Особенности теста, декора и формы венчика связывают эти сосуды с концом XV — началом XVI в.

Далее отмечается сравнительно высокий процент клейм на донцах сосудов. Они есть на ранних керамических изделиях чуть не всех типов (мисках, плошках, сковородах, кубышках, кувшинчиках и горшках) независимо от технотипа (красноглиняная, белоглиняная грубая, ангобированная пятнами и сплошь, чернолощеная), за исключением крупных кувшинов. При этом композиция ограничена, почти без исключений, крестом в круге (варианты: в двойном круге; со сдвоенными перекладинами; двойной крест в двойном круге).[154] Не исключено, что обилие знаков креста указывает на сознательный выбор потребителя. Вряд ли можно видеть здесь специальный заказ, но механизм отбора из предлагаемого рынком репертуара, хорошо известный по более ранним периодам христианства, мог работать и здесь.

---

[152] В Москве аналогичные фрагменты известны в материалах коллекции Андроникова монастыря.

[153] Сюжеты этих лицевых изразцов: «Семиглавый зверь Апокасипсиса»; «Александрия» (осада крепости); «Растительный орнамент»; «Барсы под пальмой» (стенная плитка).

[154] Распределяются они так: на горшках красной грубой керамики — один, на красноглиняных гладких — шесть, по одному на кубышке и горшке ангобированных сплошь, на чернолощеных мисках — два и т.д.

Некоторые находки, напротив, выпадают из церковного контекста и в связи с этим требуют комментария. Таковы керамические игрушки, которых около полусотни и которые исполнены во всех техниках (красноглиняные, чернолощеные, белоглиняные, с ангобом полностью, пятнами и росписью по ангобу).[155] Это не должно вызывать удивления: как известно, в церковь, в том числе монастырскую, ходят обычно всей семьей, и особенно с детьми.

Статусным, и, одновременно, церковным изделием была плитка для выстилки пола. К раннему этапу освоения участка относятся красноглиняные плитки с «ковчегом». Их более трех десятков, но целых экземпляров нет. Они восстанавливаются как квадратные, 14 х 14 х 3,4 см и 16,5 х 16,5 х 4,2 см, при ширине бортика 1,8–2,6 см. Изготовлены они в ящичных формах, некоторые слегка подлощены, на других следы ангоба. При скоплениях плитки найдены куски глиняной обмазки (возможно, это часть подложки пола) с отпечатками «ковчега» и боковых стенок плитки. Лицевая поверхность плиток иногда обгоревшая. Плитки образуют две группы: у первой две грани почти прямые, а две другие едва скошены, их тесто грубо промешано, в нем песок, дресва и галька; у другой все грани сильно скошены, крупных фракций в тесте нет, промес аккуратнее. Предположительно, все они связаны с деревянными постройками XIV–XV вв. Известно, что подобные именно в это время часто встречаются в Твери.[156] В Москве они гораздо реже и сопоставляются с деревянным храмовым строительством (соборы Богоявленского за Торгом и Высоко-Петровского монастырей). Важно отметить, что полы XVI–XVIII вв. в монастыре известны, и они иные по материалу и конструкции.[157]

Других материалов строительства, кирпича и черепицы, до начала XVI в. в монастыре нет, после чего в середине-второй половине XVI в. они появятся в изобилии, вероятно, в связи со строительством сначала каменного собора, а затем каменной трапезной (из маломерного «грозненского» кир-

---

[155] Больше всего лошадок (одна с великолепной росписью по ангобу), фрагменты человеческих фигурок в сапожках, голова медведя, несколько свистулек-птичек (красноглиняный гусь и две уточки — белоглиняная и ангобированная пятнами), игрушечный кувшинчик, ангобированный пятнами, и сплошь ангобированная игрушка, изображающая медвежонка, возможно, вылепленная детскими руками.

[156] См. литературу: Сафарова И.А., Беляев Л.А., Хохлов А.Н. Керамические плитки покрытия полов из раскопок на Соборной площади в Твери (по материалам исследований 2013–2014 гг.) // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. Тверь, 2018. Вып. 11. С. 77–113

[157] Это полы из трапециевидных и ромбовидных плиток красного обжига, с ангобом (длина стороны 17,5–18,0 см, толщина 3,6–3,8 см), белоглиняных и чернолощеных (мореных) треугольных (равносторонние треугольники с длиной катета 18,0 см). Вероятно, в полах чередовали треугольные черные и белые плитки, дополняя их белыми квадратным плитками со стороной 20,0х20,0см. Подавляющее большинство ромбовидных плиток сильно обгорело; в основном они концентрируются в районе ц. Неопалимой Купины. Часть пола из белоглиняных квадратных плиток сохранялась в подвале игуменского корпуса (одностолпная палата XVII в.) наряду с белокаменными плитами того же размера. При строительных работах по углублению подвала в северо-восточном корпусе келий был открыт фрагмент пола из треугольных мореных плиток, выложенных центрально-симметричным узором.

пича.[158] Другие типы керамических изделий (осветительные приборы, грузила и т.п.) более позднего времени (XVI–XVIII вв.) и не добавляют данных для интерпретации.[159]

Подведем итог. Ранняя круговая керамика указывает на зону монастыря как на одно из ранних в заселении территории Москвы начала I тыс. н.э. Далее следует разрыв, и с XIV в. начинается новый этап. Его керамика однотипна: маленькие (столовые?) и единичные крупные горшки представлены не менее чем тысячей фрагментов. Они маркируют начало освоения территории в раннемосковский период и концентрируются в юго-западной части соборного участка, на других участках их находки единичны. К тому же времени относятся все найденные фрагменты восточного импорта, а из деталей архитектуры, возможно, плитки пола с «ковчегом». Раннемосковская керамика собрана в переотложенных слоях, вне своих контекстов, но к ранним структурам можно гипотетически возвести серию сознательно оставленных погребов, в которых нет никаких находок.

Период XV–XVI вв. отличает разнообразие размеров и форм керамики: многообразная столовая посуда, изобилие керамической «тары», бытовые вещи, архитектурные элементы. Первый этап расцвета московского гончарства отразился здесь в полной мере, так же как, возможно, связи с соседними регионами: белоглиняная грубая керамика представлена несколькими вариантами, такими как два технологических типа кувшинов — классические московские формы горшков с соответствующими добавками и толстостенные крупные горшки из жирной глины почти без примесей[160].

Техника сплошного ангобирования широко применялась в московском гончарстве с XV в. Ангобированные горшки представляют не менее четырех основных вариантов форм венчиков, известны такие кубышки, но кувшинов очень мало. Зато ангоб широко применяется в парадных изделиях: кумганах, подсвечниках, игрушках, кадильницах и слезницах, а также в изготовлении горшковидных изразцов(?) и ромбовидных плиток пола. Ангоб стал основой для глазури и помогал усилить черный цвет лощеной керамики (такова будет его главная функция и в дальнейшем). Ранняя чернолощеная керамика (XVI в.?) изготовлялась из красной глины, это в большинстве

---

[158] Обломки чернолощеной и мореной черепицы датируются не ранее чем XVI в. Черепица изготовлена в ручных формах, из красной глины с примесью песка, дресвы и даже гальки. Лощение чаще одностороннее, небрежное, полосами или даже отсутствует. Толщина от 1,7 до 2,4 мм. Плоская черепица: «бобровый хвост», «городок», «утюжок», «килевидная» и «полукруглая». Лотковой мало. Больше всего черепицы на участке придела святителя Алексия и постройки № 9.

[159] Фрагментов осветительных приборов из керамики много: красноглиняные плошки; подсвечники ангобированные, расписные по ангобу, а позднее и белоглиняные, в том числе расписные, обычных для Московского региона форм (сужающиеся кверху плоскодонные плошечки-черпачки с завернутым внутрь венчиком и петлеобразной ручкой, в их числе красноглиняный), но не поздних чернолощеных остродонных светильничков («кацея»). Встречаются пряслица и керамические грузики из стенок негодных сосудов.

[160] Старый спор о функциях берестяных оплеток на крупных белоглиняных сосудах получил новые аргументы: отпечатки оплетки на стенках двух белоглиняных грубых кувшинов имеют крупные ячейки. Видимо, оплетка служила для предохранения от ударов и для облегчения переноски крупного тяжелого сосуда.

своем кумганы, миски и рукомойники, но ранних кувшинов очень мало. В керамических комплексах XV–XVI вв. рядом с обычной покупной посудой Москвы этого периода есть изделия «кустарного» облика, вылепленные и слегка подправленные на кругу. По большей части они сделаны из слабо ожелезненной глины желтоватого оттенка (хотя есть и красноглиняные), тесто почти без примесей, черепок толстый (0,8–1,2см), поверхность неровная, но заглаженная. Фрагменты таких сосудов есть по всему участку жилой зоны (в статистике они почти неразличимы). Известны и два целых «лепных» сосуда: кубышка и горшок.

В XV–XVI вв. становится обильной столовая посуда, включающая кувшинчики-кружки и кувшины, миниатюрные горшочки, миски (иногда сравнительно крупные) и плошки, небольшие кастрюли и кубышки. Очень много именно мелких сосудов (вероятно, для масла, меда, специй). То, что красноглиняные гладкие горшочки традиционно используются как индивидуальная столовая посуда, определяет их обилие. Заметна масса отклонений от базовой формы, размеров и декора, для которого используют лощение (красное и черное), ангобирование пятнами и сплошь, роспись по ангобу. Разнообразие обеспечивает сплав старых московских техник с региональными традициями (Тверь, Калуга), а грубая посуда, изготовленная на месте для насущных нужд, соседствует с усвоенными новациями черного лощения, росписи по ангобу и особыми формами (рукомои, кумганы, кубышки) европейского генезиса. Керамика XVII–XIX вв. в монастыре уже вполне отвечает московскому стандарту и здесь только упоминается[161].

Обзор находок почти завершен, но укажем еще на плохо датируемые предметы, слишком заметные, чтобы пройти мимо. В турбированном слое найдена стеклянная «гладилка» — дисковидный слиток стекла. В них видят средство обмена, полуфабрикаты для производства стеклянных украшений и, согласно названию, гладильные камни (грузики-утюжки для тонкой гладильной работы). Гладилки распространены довольно широко и встречаются часто вне контекста, но в древних урочищах. Их особенно много на севере Западной Европе, есть они и в промежуточной зоне (Прибалтика). На Руси они известны в Гнездове, Новгороде, Суздале, Ростове Ярославском, Шуе, Старой Ладоге (фрагменты). В Москве «гладилка» встречена при раскопках Казанского собора на Красной пло-

[161] Белоглиняные гладкие горшки соседствуют с разнообразной чернолощеной и мореной посудой, черепицей, плитками пола. Контексты XVIII в. включают серии белоглиняных гладких сосудов, часто крупных (почти корчаг), множество белоглиняных крышек, чернолощеные кувшины (уже из белой «гжельской» глины), столовую чернолощеную посуду: миски и небольшие кубышки, поливные мисочки, тарелки с «мраморной» поливой, гжельские полуфаянсовые миски. Появляется светлолощеная керамика (мисочки, горшочки, противни) и поздние краснолощеные кувшины. Найден фрагмент очень крупной чернолощеной фляги. В XIX в.расписная белоглиняная керамика (горшки, вазы, подсвечники) явно зависит от соседней с ней поливной посуды, изделий из полуфаянса, фаянса и фарфора. Но начавшееся в XVIII в. возвращение в быт изделий из красной глины продолжается: это традиционные горшки и кувшины-кринки; красная глина часто используется под поливу. Широк ассортимент чернолощеных изделий: в слое много грубых кухонных горшков (в основном на основе красной глины).

щади. Пик встречаемости — XI–XII вв., но попадаются и позже, в слоях XIV–XVI столетий [162].

Второй предмет имеет почти столь же широкие хронологические рамки и без контекста с трудом поддается датированию. Найден он на одном из древних участков кладбища, но вне погребения. Это височное кольцо (серьга?) с фигурной лопастью в виде стилизованной головы животного (лось или дракон) и птицы. Бронзовая вещь прекрасной сохранности, позволяющая оценить качество литья. Такие кольца распространены на Русском Севере. Их долго относили к раннему домонгольскому времени, но в последнее время все чаще находят южнее и восточнее, в Верхнем Поволжье и Центральной России, в том числе в слоях XIII–XV вв. Такого типа кольцо есть на селище Мякинино II (под Москвой), а также в Зарайске, Коломне, Плёсе.[163] В Москве кольцо с фигурной лопастью найдено впервые в Зачатьевском монастыре, затем в раскопе 7/2015 в Зарядье (№ 184; вместе с булавкой близкого декора). Таким образом, зона находок расширяется и географически (раньше ее очерчивали как Север, с центром в Карелии), и хронологически (кольца вышли из домонгольского времени в период XIII–XV вв., к которому относят последние датированные экземпляры). Генезис этих предметов связывают сейчас с Востоком, что для данного очерка не так уж важно — важнее, что верхней границей для них пока считают XV в.

Археология *versus* история. Наш обзор в его археологической части завершен. До конца XIV в. мы видим только слабые следы обживания, не позволяющие серьезно утверждать, что участок в будущем Зачатьевском переулке вообще был заселен. Но с этого времени материал понемногу откладывается, возникают хозяйственные и жилые постройки, их владельцы выглядят состоятельными людьми: они теряют серебряные монеты; хоронят, оставляя в могилах дорогие сосуды и укладывая еще более дорогие каменные надгробия; существует деревянная церковь. Так проходит XV век. Первые появившиеся надписи показывают, что по крайней мере в XVI в. кладбище было монастырским, а значит, мы имеем дело с монастырем. С начала XVI в. начнется и каменное строительство. Время от времени следуют большие пожары, в которых гибнет деревянная застройка. Частично изменяется планировка. Все эти изменения происходят в основном в рамках конца XIV, XV веков, а также всего XVI в.

Очевидно, что «поднять» находки и просто связать их с Зачатьевским монастырем не получится: хронология привязана к датам монет, предметов с некрополя и первых надгробий. Их подвижность не так велика, чтобы колебаться в пределах века-другого.

---

[162] См. подробнее: Столярова Е.К. Стеклянная гладилка из Гнёздова // Русь в IX–XII веках. Общество, государство, культура. Под ред. академика Н.А. Макарова и А.Е. Леонтьева. М.–Вологда: «Древности Севера», 2014. С. 421–428. Она же, Стекло средневековой Москвы: XII–XIV века — Отв. ред. Л.А. Беляев. М.: РГГУ–ИА РАН, 2016.

[163] Наиболее крупная сводка (16 предметов) составлена С.Д. Захаровым в начале 2000-х гг. в связи с изучением находок на Белоозере, см.: Захаров С. Д. Древнерусский город Белоозеро. М.: ИА РАН–Индрик, 2004. С. 170 и рис. 51, с подробной библиографией.

Но почему следует вообще ставить вопрос об этом? Да потому, что письменные источники, причем первостепенно достоверные, указывают на время составления Зачатьевского монастыря: это начало правления царя Феодора Иоанновича. Что никак не вяжется с археологической хронологией, показывающей нам в стенах Зачатьевского монастыря погребения, жилища (кельи?) и даже две каменные постройки (храм и трапезная?), возникшие гораздо ранее.

Момент создания монастыря фиксируется документально: в 1585 г. сюда впервые выписывают ладан, причем всякий раз с оговоркой, что он дается ***в новый*** девичий Зачатьевский монастырь: «Июля в 27 дн по приказу казначеев Ивана Васильевича Трохониотова да Деменши Ивановича Черемисинова по памети за приписью дияка Петра Тиунова, дано в Зачатейской в Новой девичь мнастырь 3 гривенки ладану, цена по 5 алтн и по 5 денег гривенка»[164]; «Августа в 23 дн по приказу казначеев Ивана Васильевича Трохониотова да Деменши Ивановича Черемисинова по памети за приписью дияка Петра Тиунова, дано в Новой девичь <Зачатейской> (< > приписано над строкой) мнастырь 10 гривенок ладану, цена по 5 алтн и по 5 денег гривнка».[165] Как видим, сорт ладана тот же, но во вторую выдачу объем увеличен более чем втрое.

Следует полагать, что последовавшая на месяц ранее, 27 июня, выдача относится к тому же монастырю. В ней, правда, нет слова «новый», но зато есть название церкви, к освящению которой дан ладан (Рождества Богородицы), а монастырь определяется как девичий, за земляным городом: «Того же дни июня в 27 день по приказу казначеев Ивана Васильевича Трохониотова да Деменши Ивановича Черемисинова, дано на освещенья (sic) цркви Ржства Стые Бдицы в Девичь, что за Земленым городом (пропущено монастырь) 2 гривенки ладану, цена по 5 алтн и по 5 денег гривенка. Взял Блговещенской псаломщик Олексей Стареченин.»[166] Эта запись отражает ситуацию до постройки каменного Белого города, когда по его линии шел ров с земляными укреплениями (деревянные стены над ним сгорели в 1571 г., а новые еще не появились — Федор Конь начнет возводить их в 1590-х гг.) Нет пока и привычной нам линии Скородома начала 1590-х гг. (то есть второго, позднейшего Земляного города). Впоследствии собор Рождества Богородицы в Зачатьевском монастыре будет упоминаться постоянно, сохраняя это основное посвящение, наряду с храмом Зачатия Св. Анной, престол которого также фигурирует в документах как основной.

Мы, впрочем, располагали сообщением о событии основания монастыря и до привлечения записей ладанных книг. Жалованная грамота царя Михаила Федоровича Зачатьевскому монастырю сообщает, на основе челобитья игуменьи, что «... блаженныя памяти государь царь и великий князь Федор

---

[164] Расходная книга Казенного приказа: разные статьи расхода, в т. ч. отпуск в церкви — ладана, жалованья (сукон) духовенству и др., 7093 (1584/85) г. // РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Ед. хр. 198. Л. 108 об.;

[165] Там же, л. 115–115об.

[166] Там же, лл. 102–103.

Иванович... и царица... Ирина Федоровна на том месте за чертольскими вороты велели устроить монастырь и в нем храм зачатие Пречистыя Богородицы да в пределех свои ангелы святаго... Федора Стратилата и святыя мученицы Ирины, да другой храм Рожества Пречистыя Богородицы да в пределе... чудотворца Олексея Митрополита».[167] Дата грамоты — 1623 год. Указаны два главных храма монастыря (один из них — уже известный нам из ладанных книг Рождественский собор) с приделами и оговоркой по поводу престолов свв. Феодора и Ирины, как посвященных тезоименитым государю и его супруге святым. Это подтверждает время возобновления монастыря как часть ктиторской активности царственной четы, уповавшей на помощь высших сил в появлении наследника.

К сожалению, грамота не дошла до нас, от нее остались только выписки в очерке истории монастыря XIX века, составленном Л.П. Смирновым.[168] Это, а также несомненная заинтересованность монастыря в 1620-х гг. в получении утраченных обителью средств к существованию ставили под сомнение рассказ той же грамоты о предыдущих событиях. В ней говорится, что в правление Ивана IV на месте Зачатьевского был другой монастырь, Алексея Человека Божия, который имел вотчину, но после Московского пожара монастырь перевели в Белый город: «при деде нашем Государе Царе и Великом Князе Иване Васильевиче всея Русии на том зачатейском месте был монастырь Олексея человека Божия и к тому де монастырю дана была вотчина и на ту вотчину была у них жалованная грамота и после де Московсково пожару тот Олексеевской монастырь переведен в каменной город в Чертолье»[169], документы владения оказались там, а новый монастырь остался без средств к существованию.

Это, конечно, серьезная причина отождествить полученные археологией на участке Зачатьевского монастыря материалы XIV, XV и XVI веков с гораздо более древней, чем этот монастырь, обителью — Алексеевской. Чтобы понять, есть ли препятствия к такой локации монастыря, который история Москвы привыкла видеть в углу Белого города (там он находился до середины XIX в., до строительства храма Христа Спасителя), рассмотрим другие источники.

Ряд свидетельств могут подтвердить расположение раннего Алексеевского монастыря за Черторыей, в Остожье. Его (точнее, его слободы) место названо в известном разделе земель между опричниной и земщиной в 1565 году, где монастырские слободы выделены: «Повеле же и на посаде улицы взятии в опришнину от Москвы реки: Чертолскую улицу и з Семчиньским селцом и до всполья, да Арбацкую улицу по обе стороны и с Сивцовым Врагом и до Дорогомиловского всполия, да до Никицкой улицы половину улицы, от города едучи левою стороною и до всполия, опричь Новинского монастыря

[167] Смирнов Л.П. Историческое описание Московского Зачатиевского девичьего монастыря. М., 1884. С. 16.

[168] Там же. С. 13 и 16.

[169] Там же. С. 13.

и Савинского монастыря слобод и опричь Дорогомиловские слободы, и до Нового Девича монастыря и Савинского монастыря слобод и опричь Дорогомиловские слободы, и до Нового Девича монастыря и Алексеевского монастыря слободы».[170] Речь, видимо, идет именно о зоне в Остожье, где вокруг Зачатьевского монастыря будет долго существовать слободка.

Еще яснее сказано в известном списке построек итальянского архитектора Алевиза Нового, помещенном под 1514 годом: «Церковь Алексея святый Человек Божей в девичи монастыре за Черторыею».[171] Правда, и это единственный из перечисляемых храмов, существование которого до сих пор не подтверждено другими источниками, и этот пункт есть не во всех версиях списка.[172] Но особенных оснований для сомнений в постройке храма нет, да и открытие остатков собора и трапезной первой половины — середины XVI в. фиксируют здесь каменное строительство.

Самая ранняя летописная статья, где Алексеевский монастырь использован как топографический маркер — описание пожара 22 мая 1508 (7016) г. В нем упоминается Чертолье и ряд урочищ: «…Черторья выгоре, и Благовещение на Козье бороде, и Алексей Святый, Семчинское до всполиа».[173] Отсчет явно идет от города: Чертолье (нынешняя Волхонка) — Козье болото (Сивцев Вражек) — Алексеевский монастырь (Остоженка?) — село Семчинское и его всполье (до Крымского брода и далее). Стоит вспомнить и о находке камня с эпитафией «попа Алексеевского» Ивана, «во иноцех Игнатия», — ведь он найден в Зачатьевском монастыре, где, следовательно, был престол Алексея человека Божия (как мы помним, названный и в грамоте Зачатьевскому монастырю 1623 г.). Для периода до 1580-х гг. есть только один текст, где Алексеевский монастырь помещен внутри Чертолья — это список поповских старост Москвы 1551 года, в состав которых включен некий поп Дмитрий «из Черторья из Олексеева монастыря из Девичья из придела от Преображения».[174] Церковь Преображения — хорошо известный престол Алексеевского монастыря в Белом городе, так что объяснение этому несоответствию потребуется.

И сомнения, и доказательства топографической нераздельности двух монастырей отражает история почитания памяти легендарных основательниц Алексеевского монастыря, Иулиании и Евпраксии. Дело в том, что именно в Зачатьевском монастыре, а вовсе не в Алексеевском в Чертолье, почиталась место их погребения. На нем стояла палатка, делая неоспоримым отождествление локуса Зачатьевского монастыря с ранним Алексеевским.

---

[170] ПСРЛ. Т.XIII. С.395.

[171] ПСРЛ, VI, 254; VIII, 254–255; XIII, ч.1, с. 18.

[172] В список входят храмы Москвы и ее посадов. Из них последние освящены в 1517–1519 гг. Точные даты закладки или освящения церквей приведены во Владимирском летописце. Не менее трех возведены в монастырях (один, Высоко-Петровский, принадлежал митрополичьему дому). Алексеевский храм в этом списке отсутствует.

[173] ПСРЛ.Т.XIII. С.9; ср.: ПСРЛ, VI, 53; VIII, 249.

[174] Богословский М.С., протоиерей. Московская иерархия // Чтения в Обществе любителей духовного просвещения. 1894. № 9–10 (сентябрь-октябрь), с. 474.

Впервые она упомянута в прошении 1765 г. о строительстве на ее месте церкви Неопалимой Купины.[175] В многочисленных списках с «эпитафии» (или эпитафий), существовавших позднее в церкви Неопалимой Купины, говорилось: «Лета 7102 Генваря в 5 день поведаша бывшая игумения Алексеевскаго монастыря Каптелина, что погребена на месте сим настоятельнице места сего Алексиевския игумении Ульяне, сестра родная старица Евпраксия, а от роду сии старицы сестры Чудотворцу Алексию».[176] Типологически это «летопись» того рода, каких много появилось в монастырях в XVII в. в связи с воспоминанием важных событий — а перезахоронения и обретения могил составляли в них существенную часть.

Таким образом, погребения локализовали уже после составления Зачатьевского монастыря, причем… по памяти. Не мудрено, что археологические исследования показали, что на месте церкви памятное сооружение действительно стояло, и, возможно, именно с конца XVI в., но ранних погребений под ним не оказалось.[177] Палатка стояла на остатках старой строительной площадки, в свою очередь перекрывшей большой хозяйственный подклет XV–XVI вв. Хоронить здесь начали только в начале 1590-х гг.: первое найденное нами захоронение совершено у стены палатки в 1592 г. (младенца Антониды, дочери Терентия, см. выше).[178]

В историко-топографическом отношении все это важно тем, что показывает стремление нового Зачатьевского монастыря вскоре после составления вернуть и удержать, оформить, свою связь с гораздо более древним Алексеевским. Видимо, алексеевская община была готова принять такой подход, во всяком случае, никаких возражений источники не отразили. Вероятно, следует полагать вопрос о локализации раннего Алексеевского монастыря

---

[175] В 1765 г. Анна Михайлова Аничкова подала прошение о том, что «в давних годех построена каменная палатка в которой погребены святителя Алексия… родные сестры» над которыми ни демественного пения, ни поминовения не бывает и поэтому она желает палатку разобрать и построить церковь Неопалимой Купины для поминовения каменную « — ЦИАМ, ф.203, оп.751, ед.хр.2346, л.9.

[176] Первый список относится к 1781 г. Более поздний, второй половины XIX в. С достаточной подробностью. История воспроизведения этого текста (текстов?) изложена в статье «Православной энциклопедии», см.: Беляев Л.А. Баталов А.Л., Иулиания (Каледа, игуменья), 2008. С. 715–728.

[177] В четверике церкви Неопалимой Купины (1766 г.) был открыт контур стен прямоугольного сооружения размерами 1,40/1,48 х 1,75/1,82 м из маломерного слабообожженного кирпича (21х11х5 см) на известковом растворе. Кладка в один кирпич (сохранились на 1–4 кирпича), фундаментом служили два нижних слоя кирпича, заглубленные в грунт. Дневная поверхность строительства обозначена разливом извести, вероятно, от побелки сооружения. Непосредственно под кирпичным основанием палатки открылось творило — деревянный короб для гашения извести, с ее остатками (до 18 см). Ниже, под прослойкой супеси (до 15 см) обозначился штабель неиспользованных большемерных кирпичей (XVI–XVII вв.?), оставленный строителями. Они лежали по оси запад-восток, в два слоя, четырьмя рядами. Размер кирпича 30 (31)х13,5(14)х7 (8) см (длина ряда — 16 кирпичей, 2,4 м). Кирпичи были засыпаны чистым песком с галькой.
При ремонте Неопалимовской церкви 1887 г. было построено основание для раки или надгробий, на цементе, из кирпичей с клеймом «Челноковъ» (в четыре слоя). Возможно, оно существовало и ранее.

[178] Есть известное противоречие в том, что могила Антониды прорезала известковую поверхность вокруг палатки, ведь палатка могла быть построена только после определения Каптелиной места погребения, то есть после 1594 г. Но в первом списке с «эпитафии» (1781 г.) дата ее посещения поставлена другая — 7100 (1592) г. Если это верно, то погребение Антониды могло совершиться сразу после постройки палатки.

в Остожье решенным. Но возникает много других. Не самый сложный из них: когда и почему его переместили? Жалованная грамота 1623 года предлагает ответ на него: «после де Московсково пожару». Но какого именно? Предлагалось три варианта, и за каждым своя логика.

Долго думали (в том числе А.Ф. Малиновский), что речь об уже упомянутом пожаре 22 мая 1508 (7016) г., предполагая, что строительство Алевиза Нового мотивировано разрушениями при этом пожаре. Археология с этим не согласна: среди плит Зачатьевского монастыря многие датированы второй четвертью — серединой XVI в., причем в них упомянуты схимницы — ясно, что обитель осталась на старом месте. И.Е. Забелин предпочел как переломную точку пожар 1547 г. Тогда действительно «…промче во един час за Неглинною огнь и до Всполья за Неглинною и Черторья погоре до Семчинского сельца, возле Москву реку...», то есть была затронута зона Остоженки. Монастырь здесь не упомянут, но дополнительным аргументом можно считать указание списка поповских старост на то, что в 1551 г. он уже в Чертолье. Археологические аргументы против такого заключения — те же самые, никакого разрыва в жизни кладбища в 1540–1550-х гг. нет, погребения схимниц продолжатся после пожаров середины XVI в., оставивших ряд сгоревших построек.

Ближе к истине был, видимо, П.В. Сытин — он связал разрушение монастыря с набегом Девлет Гирея 1571 г., когда пожар уничтожил весь город, прежде всего Всполье и Занеглименье. К тому же жалованная грамота указывает, что «Олексеевской монастырь переведен в каменной город в Чертолье». Хотя это явный анахронизм, но некоторая логика тут есть: Белый город начали строить именно после пожара 1571 года, а перенос мог занять известное время и совершиться примерно тогда же, когда был составлен Зачатьевский монастырь. Важно, что в череде надгробных надписей, заполняющих период XVI–XVII вв. с достаточной частотой, единственную по-настоящему долгую лакуну образует именно конец 1560-х–конец 1580-х годов (зафиксированы надписи 1568 и 1588 гг., а между ним — пробел в 20 лет).

Важным аргументом в анализе хроно-топографической проблематики Алексеевского монастыря могла бы стать археология его участка в Белом городе. К сожалению, ее привлечь практически невозможно: слой здесь полностью уничтожен строительством XIX–XXI веков. Крохи сведений дали наблюдения при возведении храма Христа Спасителя и при его сносе. Древнейшая замеченная здесь надгробная надпись датирована 1582 годом,[179] что вполне согласуется с версией перевода сюда монастыря с Остоженки после пожара 1571 г.[180] Отмечены и два белокаменных антропоморфных

---

[179] Часть надгробий попали позже в коллекцию ГИМ и были учтены в каталоге В.Н. Щепкина, а затем вошли в своде: Гиршберг Б.В. Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья XIV–XVII вв. Часть 2. // Нумизматика и эпиграфика, т. III. М., 1962. № 172 (1618 г.; младенец Даниил); № 206, 1632, Акилина Ивановна Виланова с младенецем Стефаном; № 219, 1634, Исайи Никифоров, человек дьяка Никиты Константиновича Наумова.

[180] Василий Алексеевич Городцов: Дневники 1928–1944. М.: ГИМ–ИА РАН, Триумф принт, 2015. Кн. 2. С. 381 и рисунок, см. также: с. 383–385. Городцов упоминает еще ряд находок на кладбище, но они не позволяют уточнить хронологию или просто относятся к XVII веку.

саркофага, зарисованные В.А.Городцовым 17.09.1932 г. и ошибочно отнесенные им к кладбищу церкви Воздвиженья; они без надписей, но форма близка вариантам позднего XVI и первой половины XVII в. Ничего более древнего на месте монастыря не найдено, что, кстати, косвенно поддерживает мотив окончательного переноса под защиту стен Белого города именно в 1580-х гг.[181]

Можно говорить о решении основной задачи средствами археологии и проверки сочетаемости ее фактов с отрывочными данными письменных источников. Прояснилась общая история участка Зачатьевского монастыря в XV–XVI вв. и ее соотношение с древнейшим девичьим монастырем Москвы, Алексеевским. Вопрос о возможной связи двух монастырей задолго до 1585 г., конечно, остается, но для указанного периода его можно решить, рассматривая оба монастырские участка как части не совсем понятной нам, но единой «Алексеевской» структуры. Напомним, что даже в прошлом их разделяла только речка Черторыя, а сейчас они почти рядом: метров 500–600 по старой дороге над Москвой-рекой. И что состав освященных в обеих обителях престолов чрезвычайно близок (установить их точное отношение — одна из задач дальнейшей работы в архивах). Допустимо думать, что оба участка некоторое время сосуществовали, представляя два подворья одного монастыря, тем более что по крайней мере одно из них, в Остожье, было постоянно под угрозой и неоднократно горело. На обоих, конечно, были и церковь, и кладбище. Этим возможно предварительно объяснить указание списка поповских старост 1551 г. на монастырь в Чертолье (но и само сообщение нуждается в проверке).

Остаются неясными и требуют дальнейших исследований такие важные темы как история упомянутых в грамоте 1623 года соборов Зачатья святой Анной и Рождества Богородицы. Освящение 1585 г. показывает, что Рождественский, с его приделами Феодора и Ирины, надо рассматривать как новый, принадлежащий собору только что составленного Зачатьевского монастыря, а Зачатьевский с приделом Алексея человека Божия — как старый. Но с какими сооружениями их нужно связывать? Следует ли думать, что в монастыре на Остоженке было две соборные церкви, или речь идет о сложной, не вполне понятной нам композиции престолов «настоящих» и придельных церквей в одном, пускай увеличенном пристройками, архитектурном комплексе? В решении могли бы помочь и новые архивные исследования, и даже культурный слой монастыря (поскольку далеко не вся его площадь изучена, и даже трапезная XVI в. исследована не целиком, в плане она, видимо, имеет развитие к западу).

Конечно, следует озаботиться и поиском списка самой жалованной грамоты 1623 года, поскольку архивный источник текста Л.А.Смирнова остается неизвестным, да и в целом письменные свидетельства XVII в. в части

---

[181] Известная городская байка 1930-х гг. о находке плиты или склепа Малюты Скуратова 1573 года (см. «Вечерняя Москва», 23. 09. 1932 г. и другие отклики в прессе) — очевидная «утка».

архитектуры и строительства пока до обидного скудны. Особенно много проблем остается в древнейшем, начальном периоде монастыря. В статье сознательно не ставится вопрос о точном времени его возникновения, о роли митрополита Алексия как устроителя обители или о личностях ее первых насельниц, легендарных основательниц общины Иулиании и Евпраксии, ныне канонизированных церковью.[182] Это серьезные и очень спорные вопросы. Археология показывает, что жизнь на участке Зачатьевского монастыря (в том числе сразу как церковная) могла начаться на рубеже XIV–XV вв. или чуть ранее. Но оснований уводить ее глубоко в XIV век мало, хотя возражения «от отсутствия» (не найдено ни одного фрагмента стеклянного браслета, например) тоже нельзя назвать сильными. Напротив, благополучие поселения в ранний период подразумевают связь с самыми состоятельными жертвователями.[183] Одновременно документируется слой XIV века (элитная восточная керамика, тара для летучих элементов) и появляется слабый намек на круг митрополита Алексея или на него самого как ктитора (с учетом активности в контактах с Ордой).

---

[182] В Львовской летописи запись о составлении монастыря помещена под 6886 годом: «В лета 6886… Месяца ноеврия 28, церковь святого Алексея Человека Божия вверх по реце по Москве святый святитель Алексей постави на березе, во имя аньила своего, и в нем женский манастырь устрои и опщее житие, и придаде его к Михаилову Чюду к манастырю во облость, его же есть и доныне благодатию Христовою» — ПСРЛ. СПб, 1910. Т. XX. С. 198. Это 1377 год по сентябрьскому стилю или 1378 г. по мартовскому, что менее вероятно, так как митрополит Алексей умер весной 1378 г. На основе подробного текста, известного в выписке Н.М. Карамзина, рассчитывают более раннюю дату: «По Велице дни на четвертой недели в субботу на ночь преставися Игуменья Алексиевская Ульяна, от града Ярославля, благобоязлива, чернечествовавши лет более 30 и Игуменья бывша 90 черницам и общему житью женскому начальница сущи, и многим девицам учительница бывши и за премногую добродетель любима бысть от всех и почтена всюду, и положена подле церковь» — ИГР под 1393 г., т.V, прим. 254. СПб, 1842, кн. II, стб. 98. В известных к настоящему времени летописных сводах текст отсутствует; возможно, он заимствован из московской по происхождению пергаменной Троицкой летописи. Подробно и точно обозначенный момент смерти игуменьи Ульяны сдвигает момент основания как минимум к 1363 г. К этой трактовке восходит дата основания обители, предложенная в XIX в. первыми историками монастыря и принимаемая сейчас церковью (1360 г.). Здесь не место обсуждать причину отсутствия монастыря в завещании митрополита Алексия, укажем только, что в его духовной вообще нет иных монастырей, кроме Чудова, что, учитывая традицию, несколько странно.

[183] Источники ничего не говорят о жизни Алексеевского монастыря 80 лет. Но в последней трети XV в. его игуменьи были связаны с двором великого князя: в 1472 г. в кремлевском Спасском на Бору монастыре были открыты останки княгини Марии, супруги великого князя Симеона Ивановича Гордого (в постриге Фетиньи), Иван III Васильевич «посла… по игумению Олексеевскую и повеле ея облещи во все новые ризы мнишеские, и облече ея» — ПСРЛ, VI, 198; ПСРЛ, XXV. Во второй половине XV и начале XVI в. монастырь получил ряд крупных земельных вкладов: 1486 г. князь Верейский и Белозерский Михаил Андреевич оставил ему деревню Нижнее в поминание о себе и своей семье: «…дал есми к Олексею святому, игуменьи с сестрами, по своем отци, и по своей матери, и по своей души, и по своей княгини, и по своем сыне князе Иване, свою деревню Нижнее со всем, что к той деревне истарины потягло. А будет та деревня надобе моему господину, великому князю, и господин мои, князь велики, даст к Олексею святому, игуменье с сестрами, дватцать рублев» (ДДГ. С. 303), а в 1503 г. князь Иван Борисович Рузский завещал «…к олексею святому десять рублов» (ДДГ. С. 352; обычная сумма вклада на помин души). После гибели в пожаре 1508 года монастырь восстановили, и в 1521 г. ему оставил вклад Дмитрий Иванович Углицкий, брат великого князя Василия Ивановича, оставил ему, среди других девичьих монастырей («…нешто божыя воля станется, меня, князя Дмитрея Ивановича, в животе не станет, и государь бы, князь велики пожаловал, душу помянул, велел дати по душе по церквем и монастырем. А што на Москве манастыри девичи, Вознесенье Христово да Рожество пречистые, што были надо Рвом, да Алексеи человек божьи…» _ ДДГ. С. 409.

Те факты из истории основания монастыря, поиск которых не дал результатов, — а это прежде всего строго подтвержденное отсутствие могил под мемориальной палаткой — не говорят о том, что таких могил вообще не было. Если воспринимать текст из погребальной палатки как описание реального события, то промах легко объяснить: на пепелище заброшенного около двадцати лет монастыря «старица Каптелина» указала древнейшую зону, и только. Могилы раннего кладбища следовало искать там же, но восточнее — северо-восточнее, на участке, который был многократно перекопан еще в древности.

Совершенно понятны сомнения историков по поводу древнейшего периода истории Алексеевского монастыря: далекие от полной ясности личности его основательниц, не вполне отвечающие друг другу летописные сообщения о его создании. Даже в самой связи с митрополитом Алексием как ктитором можно усомниться. Так, монастырь не назван в духовной митрополита; не вполне понятно место составления, описанное в Никоновской летописи. Вопросы вызывает и длительное молчание источников: между предполагаемым основанием (не позднее смерти митрополита; возьмем крайний срок, весну 1378 г.) до появления Алексеевского монастыря в погодной записи 1472 г. пройдет столетие, а дальше сообщения пойдут довольно часто. Поскольку проблема раздвоения локусов решена, история Алексеевской обители после 1472 г. рисуется довольно ясно. Но сколько прошло времени до этого? Монастырь к 1472 г. явно существует и занимает положение уважаемого в Москве, но ведь этого мало для допущения его уже векового и более существования.

Что касается археологии, то пока ее даты для этого периода не обладают необходимой точностью, а применение естественнонаучных методик (в 2003 г. была получена короткая серия из семи дат — по дереву от сгоревших построек, но решения нет, так как только одна из них захватывает XIV в., да и то интервалы перекрывают все столетие и выходят в XV (1300–1360; 1380–1420), остальные же остаются во второй половине XVI–XVII вв., что хорошо сочетается с нашими выводами о датировке кладбища, построек и слоев.[184] Таким образом, первые десятилетия истории монастыря все еще скрыты туманностью источников.

В рамках общей истории Москвы разобранный сюжет, возможно, не столь значителен, но определенное значение он имеет для ее общей топографии XIV–XV вв., а это наиболее темный период.

Заканчивая статью, хочу принести самую искреннюю благодарность властям монастыря и особенно его игуменье Иулиании (Каледе) за интерес к древностям, инициативу в изучении прошлого обители и готовность к всесторонней и предельно серьезной поддержке историко-археологических исследований. Без этой поддержки экспедиция, вне всякого сомнения, не смогла бы справиться со своими с научными задачами.

[184] Даты были получены Н.А. Кренке в лаборатории Л.Д. Суллержицкого в Геологическом институте.

Б.Н.Флоря

О русско-австрийских политических контактах в 70-х годах XVII века

Аннотация

Статья содержит материал о попытках Габсбургов добиться соглашения с Россией через русского резидента в Варшаве против Швеции и профранцузских политиков в Польско-Литовском государстве.

Ключевые слова: Россия, Австрия, Швеция, Польско-Литовское государство

Abstract

This article contains the materials on Habsburgs attempts to achieve the agreement with Russia through the Russian resident in Warsaw against Swedish and pro-France politicians in the Polish-Lithuanian State. Austrian proposals directed to the Russian resident in Poland V.M.Tiapkin

Key Words: Russia, Austria, Sweden, Polish-Lithuanian State

Русско-австрийские контакты в середине — второй половине XVII в. были неровными. Они то сильно оживлялись, то прерывались и лишь с 70-х годов XVII в. стали приобретать все более серьезное значение для обеих сторон. Оживление русско-австрийских контактов в это время отмечалось исследователями, но в конкретной картине их развития остается много неясного, так как за рамками внимания остались материалы таких контактов, имевших место на территории Речи Посполитой. Автор статьи хотел бы привлечь внимание к этим материалам.

Попытка возобновить контакты между Россией и Австрией была предпринята, как известно, с русской стороны в начале 70-х годов XVII в., с началом османской экспансии в Восточной Европе. В Австрию было направлено в 1672 г. посольство П.Менезия с призывом оказать помощь Польско-Литовскому государству, подвергшемуся нападению османов. К этому времени австрийские Габсбурги стали во главе коалиции государств, выступавших против попыток французского короля Людовика XIV завоевать Голландию. Большой общеевропейский конфликт не давал возможности Австрии предпринять какие-либо действия на других направлениях, и русские предложе-

ния, как известно, были отклонены. В 1673 г. в Москве уже достаточно четко представляли и положение дел в Европе, и реальные возможности Габсбургов как возможных союзников в борьбе с османами.

В отличие от советников Алексея Михайловича у австрийских политиков положение в восточноевропейском регионе не вызывало беспокойства. Война Речи Посполитой с османами была определенной гарантией того, что османы не выступят против Габсбургов во время их войны с Францией. Речь Посполитая к тому же в конце 60-х — начале 70-х годов XVII в. придерживалась проавстрийской ориентации, скрепленной браком короля Михаила Вишневецкого с Элеонорой, сестрой императора Леопольда. Таким образом, с востока какая-либо опасность владениям австрийских Габсбургов не угрожала. В таких условиях ни у царя Алексея Михайловича, ни у императора Леопольда не было стимулов для усиления взаимных контактов.

Два важных события привели к изменению этой общей картины, создав важные стимулы для возникновения и усиления контактов. Первым событием стало сближение Франции со своим традиционным союзником на севере Европы, Швецией, которое завершилось вступлением Швеции зимой 1674–1675 гг. в общеевропейскую войну на французской стороне. В этих условиях Россия закономерно привлекла к себе внимание, как возможный союзник против Швеции. В 1675–1676 гг. Москву посетил ряд посольств государств прогабсбургской коалиции, добивавшихся вступления России в войну со Швецией[185]. Среди этих посольств было и австрийское посольство во главе с А.Ф.Баттони и И.Г.Терлингером, которое вело переговоры с А.С.Матвеевым в сентябре-октябре 1675 г. Оно предлагало заключить с императором союз против Швеции[186]. В русской внешней политике этих лет на первом плане стоял вопрос о судьбе Правобережной Украины, поэтому русское правительство, хотя и желало определенного ослабления Швеции, но, несмотря на все попытки давления, ограничилось военными демонстрациями на ливонской границе[187].

Другим, гораздо более важным для русских политиков событием стало избрание на польский трон весной 1674 г. Яна Собеского, лидера «профранцузской» фракции в рядах польской политической элиты. Уже во время выборов от литовских политиков — противников Собеского в Москву стали поступать сведения о его намерениях при поддержке французской дипломатии заключить мир с Османской империей, чтобы затем получить возможность при поддержке Франции и Швеции предпринять враждебные действия и по отношению к России, и по отношению к Габсбургам[188]. Литовские политики предлагали в связи с этим,

---

[185] *Кобзарева Е.И.* Россия в Вестфальской системе. 1648–1686 гг. // От царства к империи. Россия в системах международных отношений. Вторая половина XVI — начало XX века. М. — СПб., 2015, с. 99–102.

[186] Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными, т. V. СПб., 1858, стб. 213, 262–266, 357.

[187] *Кобзарева Е.И.* Указ. соч., с. 102.

[188] См. об этом в посольском наказе отправленного в Вену посольства П.И.Потемкина. Памятники…, т. IV. Спб., 1856, стб. 1121–1122.

чтобы царь вступил в переговоры с императором[189]. Неудивительно, что вскоре после избрания Собеского в Вену было направлено посольство во главе с П.И.Потемкиным[190]. На переговорах в конце 1674 г. советники императора заявили, что не сомневались в наличии у Собеского враждебных планов, но не придавали этому фактору серьезного значения. «В Полше, де, есть, — говорили они П.И. Потемкину, — много сенаторей таких верных, которые желают… всякого добра» и «не хотят того слышать»[191]. Правда, П.И.Потемкину заявили, что «желает царское величество быть в крепкой любви братцкой и в дружбе с великим государем» и скоро вышлет в Москву своих послов[192], что и произошло, но касалось все это прежде всего переговоров о союзе против Швеции, а польская проблематика в конце 1674 г. оставалась на втором плане.

При таких настроениях в австрийской столице неудивительно, что здесь не уделили никакого внимания появлению в Варшаве в начале 1674 г. первого постоянного русского представителя В.М. Тяпкина. С приездом В.М.Тяпкина в Варшаву открывалась возможность для установления важного канала связей между Веной и Москвой. Но такую возможность австрийская сторона не использовала, а В.М.Тяпкин, вероятно, не обладая соответствующим опытом, не представлял себе тех возможностей, которые открывал для него этот пост.

Во время выборов на польский трон в 1674 г. никаких контактов между русским и австрийским резидентами не было. Правда, В.М. Тяпкину, как известно, предлагали выдвинуть на выборах кандидатуру царевича — сына Алексея Михайловича, который должен был жениться на вдовствующей королеве Элеоноре и заключить союз между Россией, Речью Посполитой и Австрией, но такой проект выдвигали литовские магнаты, и, судя по всему, австрийский резидент не имел к нему никакого отношения[193]. Избрание Яна Собеского не побудило правящие круги в Вене использовать канал связей, возникший с появлением в Речи Посполитой постоянного русского представителя. Как видно из донесений В.М.Тяпкина, в 1674 г. австрийский резидент находился в Торуни при дворе вдовствующей королевы Элеоноры и не делал никаких попыток вступить в контакт с русским представителем. Интересы держав прогабсбургской коалиции представлял в это время и в начале 1675 г. бранденбургский резидент И Ховербек, добивавшийся выступления русских войск против французского союзника — Швеции[194].

---

[189] Там же, стб. 1121.

[190] Его верительная грамота датирована 10 июня 1674 г. Там же, стб. 1099.

[191] Там же, стб. 1234–1235.

[192] Памятники…, т. IV стб. 1233.

[193] *Флоря Б.Н.* Россия и элекция в Речи Посполитой 1674 года // Средние века, вып. 76 (1–2). М., 2015, с. 274, 276, 284–285.

[194] *Флоря Б.Н.* Наследник А.Л.Ордина-Нащокина (русский резидент в Варшаве В.М.Тяпкин и балтийский вопрос) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. Т. 1 (63), март 2016 г., с. 65–66.

Со временем Вену стали беспокоить известия о планах абсолютистского переворота в Речи Посполитой. Тогда проавстрийские политики не могли бы препятствовать враждебным планам Собеского против Габсбургов. Неслучайно послы, отправленные из Вены в Москву в апреле 1675 г.[195], на встрече с А.С.Матвеевым 4 сентября с беспокойством говорили, что Ян Собеский «споможением» Людовика XIV хочет у магнатов и шляхты Речи Посполитой «стародавние волности их нарушить». Послы предлагали «сопча… радеть и промышлять и до того намерения короля польского не допустить»[196]. В заключение их посольских речей снова говорилось, что следует действовать совместно, чтобы Ян Собеский «дедичным королем не учинился»[197].

В дальнейшем, однако, никакой договоренности о совместных действиях против планов Собеского не было достигнуто. Послы ограничились утверждением, что царь может помешать планам Собеского, оказав Речи Посполитой помощь в ее войне с османами[198]. На переговорах доминировала шведская тема, и только о ней и шла речь в ответной грамоте царя[199].

Весной 1675 г. был решен вопрос об отъезде королевы Элеоноры из Речи Посполитой[200], и австрийский резидент должен был направиться к королевскому двору, т.е. во Львов, где летом-осенью 1675 г. находился Ян Собеский. О присутствии резидента во Львове В.М.Тяпкин сообщал А.С.Матвееву уже 5 июня[201]. Хотя В.М.Тяпкин также приехал во Львов 26 июня[202], никаких контактов с австрийским резидентом у него не было.

Положение изменилось во второй половине 1675 г. Как представляется, связано это было с тем, что Ян Собеский, еще не заключив мира с османами, стал предпринимать враждебные действия против австрийских Габсбургов. В ноябре 1675 г. В.М.Тяпкин сообщал в Москву, что «французов своею казною тайно ис Полши посылают… в Венгерскую землю», чтобы поднять там восстание против императора[203]. При тех связях, которыми обладал австрийский двор в кругах политической элиты Речи Посполитой, о таких действиях Собеского в Вене могли узнать значительно ранее. Тогда же, осенью 1675 г., В.М.Тяпкин писал о намерениях Собеского, «учинивши союз с турки и взяв себе в помочь француза и шведа… войну обратити на цесареву землю»[204]. Эти известия, по-видимому, накладывались на распространявшиеся ранее слухи об абсолютистских планах Собеского и должны

---

[195] Верительная грамота Леопольда датирована 22 апреля 1675 г. (Памятники…, т. V, стб. 751.

[196] Памятники…, т.V, стб. 211.

[197] Там же, стб. 216.

[198] Там же, стб. 213.

[199] Там же, стб. 355–357.

[200] Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА), ф. 79 (Сношения России с Польшей), кн. 173, л. 107–126.

[201] Там же, л. 219 об.–220.

[202] Там же, л. 256.

[203] Там же, л. 455.

[204] Там же, л. 443.

были вызвать серьезное беспокойство австрийских политиков. Теперь заинтересованность в совместных действиях с русским правительством должна была возрасти, и этого можно было бы более оперативно добиваться через русского представителя в Речи Посполитой.

Эти новые тенденции нашли свое отражение в деятельности нового австрийского резидента И.Зеровского. В ноябре 1675 г. этот резидент приехал во Львов, где находился в то время король, и здесь состоялась его встреча с В.М.Тяпкиным. На встрече, как сообщал В.М.Тяпкин в Москву, И.Зеровский заявил, что «во всем братолюбие со мною во всяких государственных делех дружбу и согласие имети желает»[205]. Резидент, очевидно, следовал инструкциям, полученным в Вене. Очевидно желание австрийской стороны теперь использовать этот новый канал связей. Стороны при этом обменялись информацией. В.М.Тяпкин сообщил австрийскому резиденту пришедшие к нему сообщения из Москвы об итогах русско-австрийских переговоров, протекавших в Москве в сентябре-октябре 1675 г.[206] Решение о заключении союза против Швеции было отложено, но относительно польских дел было достигнуто определенное взаимопонимание.

Ряд важных сообщений сделал и австрийский резидент. В.М.Тяпкин был обеспокоен слухами, что Карл лотарингский, жених Элеоноры, намерен «с немецким войском» препятствовать коронации Собеского. И.Зеровский объяснил, что Карл лотарингский не намерен претендовать на польский трон «и цесарское величество ему не позволит». Другое его важное сообщение касалось едущего к Собескому шведского посла. Он ехал с проектом заключения польско-шведско-французского союза[207]. К этому второму сообщению В.М.Тяпкин отнесся со всей серьезностью. Выдвижение такого проекта в письмах А.С.Матвееву он рассматривал, как реакцию на слухи о союзе между Россией и Австрией[208]. Австрийского резидента В.М.Тяпкин явно рассматривал как представителя дружественного государства. Когда в начале декабря 1675 г. во Львове он получил из Молдавии сведения о неудаче австро-османских мирных переговоров, он поспешил сообщить об этом И.Зеровскому[209].

В начале 1676 г. В.М.Тяпкин и И.Зеровский встретились в Кракове во время заседаний коронационного сейма. В конце января 1676 г. В.М.Тяпкин сообщал в Москву, что австрийский и бранденбургский резиденты, «которые ко мне советны», предлагают через него русскому правительству «на весну в Лифлянтах шведам учинить воинское прехождение и промысл»[210]. Это сообщение показывает, что одной из важных причин внимания австрий-

---

[205] Там же, л. 452 об.

[206] Об этих переговорах см. *Е.И. Кобзарёва*. Указ. соч., с. 100–101.

[207] РГАДА, ф. 79, кн. 173, л. 450–452.

[208] Там же, л. 454–454 об.

[209] Там же, л. 458 об.

[210] РГАДА, ф. 79, кн. 178, л. 62.

ского резидента к его русскому коллеге было стремление использовать этот канал связей, чтобы побудить Россию вступить в войну с таким противником прогабсбургской коалиции, как Швеция.

Австрийский резидент знакомил В.М.Тяпкина с теми сведениями о положении в Османской империи и состоянии османской армии, которые поступали к нему из Вены. Так, 29 апреля 1676 г. В.М.Тяпкин писал из Кракова, ссылаясь на полученные И.Зеровским сообщения, о «великих бунтах» в Османской империи из-за чрезмерных поборов и о том, что из-за этого османская армия на Дунае пока не получила подкреплений[211]. Свое сотрудничество с австрийским резидентом весной 1676 г. В.М.Тяпкин оценивал весьма положительно. В расходных книгах посольства под 25 апреля 1676 г. отмечено, что он отправил И.Зеровскому две пары соболей, два «бельих меха» «за ево верное приятство, паче же услуги и пересторогн в государственных многих делех»[212]. Стоит отметить, что никто из других лиц, получавших подношения от резидента, такой оценки не удостоился. Так, соболя бранденбургскому резиденту И.Ховербеку были посланы «за объявление вестей»[213]. Очевидно, что общение двух дипломатов не ограничивалось обменом информацией, но они, по-видимому, и обсуждали многие вопросы межгосударственных отношений (см. упоминание о «пересторогах»), хотя имеющиеся тексты не позволяют судить о содержании их бесед. Правда, в упомянутом выше письме от 29 апреля В.М.Тяпкин выступал, как сторонник военного выступления против Швеции, но такие предположения он выдвигал и до знакомства с австрийским резидентом.

Можно, думается, указать еще на некоторые причины значительной активности Зеровского. Поведение русской стороны в это время не удовлетворяло австрийцев. При отпуске в конце октября 1675 г. австрийских послов из Москвы им было «объявлено», что в Вену «вскоре» будет отправлено посольство во главе с Вас.Сем. Волынским[214]. Ноябрем 1675 г. датирован черновик грамоты с сообщением об отправке послов, о чем должен был известить венский двор подъячий Сем. Протопопов[215]. Поездка эта, однако, не состоялась, и посольство также не было отправлено. В этих условиях повышались роль и значение канала связей, возникшего на территории Речи Посполитой. Используя его, австрийский резидент мог получать данные о действиях и намерениях русского правительства и мог через В.М. Тяпкина пытаться влиять на позицию русской стороны.

Общение двух дипломатов прервалось, когда австрийский резидент остался в Кракове, а русский резидент, вызвавший недовольство Яна Собеского, был отправлен в Варшаву. Контакты между ними, однако, продолжа-

---

[211] Там же, л. 202–203.

[212] Там же, л. 370.

[213] Там же, л. 358.

[214] Памятники…, т. V, стб. 391.

[215] РГАДА, ф. 32 (Сношения России с Австрией). 1675 г., № 4, л. 1–3.

лись благодаря переписке. Сохранились упоминания о письмах австрийского резидента, а также текст одного из них (на польском языке).

Резидент писал В.М.Тяпкину 23 мая (н.ст.), 31 мая, 26 июня[216]. Содержание писем касалось трех тем. Одна из них — отношения Речи Посполитой с османами (ход мирных переговоров, татарские набеги), другая — сообщения о войне коалиции с Людовиком XIV, рисовавшие положение дел как благоприятное для союзников. Как и следовало ожидать, особо значительное место заняла в письмах шведская тема. В письме от 23 мая И.Зеровский передавал слухи о том, что на предстоящих «о Петрове дни» русско-шведских переговорах шведы «войска выведут в поле, хотя по своеи воле доступить договоров». «Не знаю, — писал резидент, — как смеют столь гордо говорить». А затем в письме читалось, что «хто ныне шведом норовит, подлинно себе несчастие готовит»[217]. Шведской теме было целиком посвящено письмо от 26 июня. Сообщая об успехах союзников в войне со шведами на суше и на море, резидент одновременно писал: «ныне бы время на достальных свеян с ту сторону моря ударити и едва Рига город не здалась царскому величеству»[218]. Так австрийский резидент давал понять, что император Леопольд не возражал бы против установления русской власти над Ригой. Старания Зеровского показывают, что вовлечение России в войну со Швецией оставалось важной целью австрийской восточной политики.

Усилия для сближения Австрии и России летом 1676 г. предпринимал не только Зеровский. Побывавший в Москве как австрийский посол И.К.Терлингер воспользовался приездом в Вену гонца Василия Тимофеева с сообщением о смерти царя Алексея, чтобы отправить с ним 4 июня большое письмо А.С.Матвееву. Перевод этого письма сохранился среди бумаг В.М.Тяпкина[219]. В письме затрагивался ряд важных общих сюжетов. Так, в нем отмечалось, что император удовлетворен итогами русско-австрийских переговоров, достигнутыми благодаря А.С.Матвееву, «и вперед будущею и крепчайшею дружбою надеемся». Новому царю Федору И.Терлингер выражал пожелания «крепчайшего братства и совета с… цесарем на общую прибыль царств для искоренения неприятелей и ересей». В письме также предлагалось разрешить в Москве «свободное творение римского моления». Это бы укрепило «случение в братцкой дружбе его цесарского величества с царским величеством». В приписке к основному тексту письма И. Терлингер хотел узнать, «будет ли суды с Москвы великой посол или посланник или резидент и когда». Он даже выражал желание поехать австрийским резидентом в Москву. Старания И.Терлингера, как представляется, показывают, что в Вене были заинтересованы в поисках соглашения с Россией и старались создать благоприятную атмосферу для переговоров о таком соглашении.

---

[216] РГАДА, ф. 79, 1676 г. № 4, л. 197–199 (оригинал), л. 200–206 (перевод), л. 207–208, 238–239.

[217] Там же, л. 200–201.

[218] Там же, л. 239.

[219] РГАДА, ф. 79, 1676 г., № 5, л. 18–27.

И.Терлингер во время пребывания в Москве, по-видимому, установил какие-то неофициальные контакты с А.С.Матвеевым и хотел их укреплять и поддерживать. В послании упоминаются письма, которые он отправлял А.С.Матвееву (о благополучном возвращении в Вену, сожаления в связи со смертью Алексея Михайловича). Через могущественного главу Посольского приказа он рассчитывал влиять на русскую внешнюю политику. Однако уже в то время, когда Терлингер писал свое письмо, А.С.Матвеев, попавший в опалу, был отстранен от руководства Посольским приказом.

Между австрийским резидентом, находившимся в Кракове, и В.М.Тяпкиным, жителем Варшавы, в конце лета — осенью 1676 г. продолжалась переписка. Имели место при этом и определенные трудности. Одно время австрийский резидент прервал переписку с В.М.Тяпкиным, так как его письма стали захватывать на почте, а затем стал посылать их «через нарочных»[220]. Так, по-видимому, стал действовать и В.М.Тяпкин. В письмах И.Зеровского упоминается его гонец Маслуцкий[221]. Тематика писем И.Зеровского в значительной мере оставалась традиционной. Он сообщал об успехах союзников в войне с Францией[222]. Заметное место занимала и шведская тема. Так, в письме от 15 августа, сообщая о том, что датский король «счасливо гостит в Шконской земле», австрийский резидент с явным раздражением писал: «Напрасно тех шпыней шведов з досталью из Лифлян за море не гоняют. Войска царского величества з господином Хованским что там делают»[223]. Сообщал И.Зеровский и о выступлениях в Малой Польше против политики Собеского[224].

Но появились и новые темы. С началом новой военной кампании и — одновременно — переговоров о мире встал вопрос об участии русского резидента в этих переговорах, о чем существовала договоренность между правительствами России и Речи Посполитой. По-видимому, В.М.Тяпкин с помощью И.Зеровского пытался выяснить, возможно ли это в сложившихся условиях. Ответы были неутешительными. Так, отвечая на письмо В.М.Тяпкина от 26 сентября, И.Зеровский писал: «Не чаю, чтоб вашу милость могли призвать на разговоры, словесно, дай Бог, о том разговоримся»[225]. Таким образом, имели место не только переписка, но и, при возможности, живое личное общение двух дипломатов. 3 октября И.Зеровский снова писал: «…договоры и мир без призвания вашей милости постановят» и добавил: «…уряжаюся конечно до Варшавы, где, даст Бог, словесно и много розговорю с твое милостью»[226].

Тем для обсуждения было много. После заключения мира между Османской империей и Речью Посполитой встал вопрос об осуществлении внешне-

---

[220] Там же, л. 34.

[221] Там же, л. 146, 151.

[222] Там же, л. 36, 58, 146, 150.

[223] Там же, л. 35.

[224] Там же, л. 36.

[225] Там же, л. 146.

[226] Там же, л. 150–151.

политических планов Собеского, которые могли затронуть интересы и России, и Габсбургов.

Уже в письме от 25 октября, написанном вскоре после заключения мира, австрийский резидент обращал внимание на опасности, которые грозят России. Он писал и о планах польско-османского союза против России, и о том, что, «сведав о том покое, шведы горди будут»[227].

Скоро, однако, обозначились и опасности, угрожавшие Габсбургам. Еще до заключения мира русскому резиденту стало известно о приезде в Гданьск с французским послом 60 офицеров, которые, «затягнувши в Польше вольницу за французские деньги», должны направиться к венграм «на посилки против цесаря»[228]. В ноябре 1676 г. В.М.Тяпкин сообщал, что в Париж через Польшу едет посол крымского хана, чтобы, получив от Людовика XIV 100 000 золотых, хан «легкими набегами велел воевать Цесарскую землю через Венгры»[229]. Подобные сообщения, несомненно, приходили и в Вену.

В этих условиях к концу 1676 г. наметилось оживление русско-австрийских контактов. И.Зеровский продолжал информировать В.М.Тяпкина о ходе войны со шведами на Балтике. Так, в декабре 1676 г. австрийский резидент сообщал известия из Копенгагена о «великой битве»[230] датских и шведских войск 14 декабря. Однако передачей сведений о европейской войне дело не ограничилось. 7 декабря И.Зеровский передал В.М.Тяпкину грамоту императора царю Федору[231]. Император сообщал о своем вступлении в новый брак. В.М.Тяпкину был отправлен ответ царя, в котором говорилось о его желании «быти с его цесарским величеством в братцкой дружбе и в любви»[232]. Важное значение имела встреча резидентов в конце февраля 1677 г. в доме И.Зеровского «для тайного и великого государского дела». На встрече И.Зеровский сообщал важные сведения, полученные от «великого сенатора польского» — «приятеля» императора. Речь шла о планах османов направить войска в Азов, чтобы весной 1677 г. предпринять оттуда поход на Астрахань. Османы рассчитывают, что «множество бусурманских народов», живущих около Астрахани, «султану поддадутца»[233]. В условиях, когда начиналась война между Россией и Османской империей, эти сведения были весьма важными, тем более что они подтверждались сообщениями «сербского народу христиан» об обращениях к султану «черкас астраханских и терских»[234].

В.М.Тяпкин высоко оценил этот поступок. «Воистину тот резидент цесарского величества многие государские милости и награждения досто-

---

[227] Там же, л. 197.

[228] РГАДА, ф. 79, кн. 178, л. 289.

[229] Там же, л. 424–424 об.

[230] РГАДА, ф. 79, кн. 182, л. 15–15 об.

[231] Там же, л. 7об.

[232] РГАДА, ф. 79, 1677 г., № 4, л. 76–78.

[233] РГАДА, ф. 79, кн. 182, л. 69–70 об.

[234] О сообщении сербов см. Там же, л. 88.

ин», — писал он в Москву[235]. Но даже из его сообщения видно, что дело было не в личных симпатиях резидента. Характерно, что И.Зеровский сообщил, что поступает так, выполняя предписание императора быть с русским резидентом «в любви и в совете и взаемные союзы и престорожности друг другу объявлять»[236]. Очевидно, что предпринятый шаг должен был создать благоприятную обстановку для сближения между Россией и Австрией. Такое предположение подтверждается дальнейшим ходом событий.

На новой встрече, имевшей место 21 марта, австрийский резидент поднял вопрос о том, что до сих пор между императором и царем не заключено такого соглашения, «чтоб на всякого общаго неприятеля имети им, государем, вечной союз». Союз этот должен препятствовать соседям, находящимся «меж цесарским и Московским государством», которые «многие тайные и злохитрые замыслы на них, великих государей, производят», договариваясь против них с османами[237]. Очевидно, что такой «вечный союз» должен был быть направлен против Яна Собеского и его внешнеполитических планов. Разумеется, подобное заявление резидент не мог сделать по собственной инициативе. В нем, как представляется, следует видеть реакцию Вены на сообщения о враждебных по отношению к Габсбургам планах Собеского. Такая тревога, вероятно, усиливалась слухами, о которых неоднократно сообщал В.М.Тяпкин осенью 1677 г. — о планах абсолютистского переворота и расправы с проавстрийской оппозицией с помощью османов и татар при поддержке Франции[238]. В случае удачного осуществления таких планов Речь Посполитая могла стать опасным противником на восточных границах австрийских владений. Союз с Россией мог помочь устранить эту угрозу. Ход последующих событий этих опасений не оправдал. Не было речи ни о расправе с оппозицией, ни о враждебных шагах по отношению к Габсбургам. Напротив, под давлением оппозиции Собеский согласился на австрийское посредничество на будущих русско-польских мирных переговорах и заявил о своей готовности выступить посредником на мирных переговорах между императором Леопольдом и Людовиком XIV[239]. Правда, Ян Собеский, как известно, носился с планами войны против союзника императора — бранденбургского курфюрства Фридриха-Вильгельма, но можно было противодействовать этим планам, опираясь на влиятельных проавстрийских политиков, с которыми Собеский не пытался расправиться и вынужден был считаться. Неудивительно, что за разговором Зеровского с Тяпкиным в марте 1677 г. не последовало каких-либо новых шагов с австрийской стороны.

Возможно, правда, что контакты Зеровского и Тяпкина побудили русское правительство искать соглашения с Веной. В конце 1677 г. в Вену было отправлен гонец Я.Эглин с сообщением об отправке в австрийскую столицу

---

[235] Там же, л. 71.

[236] Там же, л. 69 об.

[237] Там же, л. 116–117.

[238] РГАДА, ф. 79, кн. 178, л. 390–390 об., 423 об.

[239] РГАДА, ф. 79, кн. 182, л. 84–84 об.

посольства во главе с Вас.Сем. Волынским[240]. Я.Эглин добрался до Вены и сообщил о согласии императора принять посольство[241], но оно так и не было отправлено. Россия в 1677–1678 гг. находилась в состоянии войны с Османской империей и не могла рассчитывать на поддержку Австрии, ведущей войну с Людовиком XIV. Все изменилось после заключения Нимвегенского мира, когда в 1679 г. в Вену было направлено русское посольство с предложением союза против османов. С этого времени начался новый период в истории русско-австрийских отношений.

Хотя во второй половине 70-х годов XVII в. достаточно активные русско-австрийские контакты на польской почве не привели к каким-либо особо значимым результатам, все же этот эпизод важен, так как он показывает реакцию австрийских кругов на активизацию французской политики в Восточной Европе, когда обозначился замысел создания враждебного Габсбургам «восточного барьера» из Швеции, Речи Посполитой и Османской империи. В борьбе с этой опасностью австрийские политики проявили готовность искать соглашения с Русским государством. Очевидно, что в таком крупном политическом центре Европы, как Вена, серьезно размышляли о месте России среди европейских государств и пытались влиять на русскую внешнюю политику.

Есть основания полагать, что имевшие место контакты подготовили почву для поисков сближения двух государств, когда после заключения Нимвегенского мира обозначилась перспектива образования большой антиосманской коалиции.

Для истории русской дипломатии и русского общества представляют также несомненный интерес неформальные контакты русского и австрийского дипломатов — факт достаточно необычный для европейской дипломатической практики допетровской России. Полученные тогда знания И.Зеровский, как представляется, использовал и при контактах с посещавшими Польшу русскими послами, и при своем посещении Москвы в 80-е годы XVII в.

---

[240] Памятники…, т. V, стб. 1199 и сл.

[241] Перевод грамоты императора см. Там же, стб. 1228–1230.

РОССИЙСКИЙ ОПЫТ КРИЗИСОВ И МОДЕРНИЗАЦИЙ

Е.М. Кожокин

Георгий Гапон — антигерой революции 1905 года*

Аннотация

Есть вопросы в области социальных наук, к которым исследователи обречены обращаться вновь и вновь, так как стремятся помочь своей стране избежать опасных виражей в ее развитии, но их усилия не приводят к искомому результату, и вот новое поколение гуманитариев ставит эти проклятые вопросы и пытается познать их суть. Вопрос о познании специфических российских моделей политического поведения, о сознании людей, политических аутсайдеров, врывающихся в историю и имеющих смелость — а подчас и несчастье — ее изменять, актуален и требует исследования не только современности, но и реалий раннего XX в., так как обращение к истории позволяет выявлять, что в российской политической парадигматике отличается неизменностью. Или точнее — пока отличается неизменностью и пока характеризует российскую политическую идентичность. В данной статье рассматриваются механизмы и лица, обусловившие срыв страны в революцию, характерные, возможно, даже типологические черты поведения участников событий накануне трагедии 9 января 1905 года. В центре исследовательского поиска — фигура Георгия Гапона, человека, ставшего на начальном этапе революции 1905 года символом этой революции.

Есть люди, обладающие даром в ситуации относительной стабильности выстраивать интриги, добиваясь своего возвышения. В итоге они попадают в сферу большой политики, которая требует уже иных качеств — воли, смелости, способности принимать тяжелые решения и нести за них ответственность. Одно дело уметь льстить, вовремя попадаться на глаза начальству, говорить правильные слова в правильном месте, последовательно предавать то одних, то других. И совсем другое — оказаться в пучине революционного кризиса, отвечать за жизнь других людей, знать, что это ты повел их на смерть… Судьба священника из Полтавы Георгия Гапона вывела его на путь, который был ему как человеку непосилен, на путь трагедии, и в эту трагедию он вовлек, хотя и невольно, огромное множество людей. Но в этой трагедии был повинен, и в еще большей степени, чем Гапон, также слабый, случайный человек русской истории — российский император Николай II.

Ключевые слова: революция, Гапон, Николай II, рабочие, политическое поведение, политическая идентичность

Abstract

There are questions in the field of social sciences, to which researchers have to return again and again, as they seek to help their country to avoid dangerous turns in its development, but their efforts do not lead to the desired result, and here is a new generation of humanitarians trying to learn the essence of these damned questions. The question of knowledge of specific Russian models of political behavior, consciousness of people, political outsiders, bursting into history and having courage — and sometimes misfortune — to change it, is relevant and requires research not only of modernity, but also of the reality of the early 20th century, as an appeal to history reveals that the Russian political paradigm is unchanged. Or more precisely — it is still characterized by immutability and yet characterizes the Russian political identity. This article analyzes mechanisms and persons that have caused the failure of the country in the revolution, characteristic, perhaps even typological features of the behavior of participants of the events on the eve of the tragedy of January, 9, 1905. In the focus of the research, there is the figure of George Gapon, a person who became a symbol of the revolution of the 1905th at its initial stage. There are people who have the gift in a situation of relative stability to build intrigues, achieving their promotion, and eventually they reach the sphere of big politics, which requires other qualities — will, courage, ability to make difficult decisions and be responsible for them. One thing is to be able to flatter, in a timely manner to catch the eye of superiors, to say the right words in the right place, consistently betray ones, then the others. Quite another thing is to find yourself in the depths of the revolutionary crisis: to be responsible for the people's lives, to know that it was you who led them to the death… The fate of the priest from Poltava George Gapon led him to the path that was unbearable for him, the path of tragedy, and into that tragedy he took a lot of people. But he wasn't the only one to blame: even to a greater extent than Gapon also a weak random person in Russian history was guilty — the Russian Emperor Nicholas II.

Key words: revolution, Gapon, Nicholas II, workers, political behavior, political identity

Съезд народных депутатов РСФСР в соответствии с Конституцией РСФСР располагал очень широким кругом полномочий и имел легальную возможность приступить к планомерному реформированию социально-экономических отношений в республике. Но депутатский корпус сосредоточил свои усилия первоначально на борьбе против властных структур СССР, а затем, после распада СССР, произошедшего в том числе вследствие действий российских депутатов и президента РСФСР Б.Н.Ельцина, на борьбе уже против президента России. Нежелание работать в рамках, отведенных законом, было характерно как для российских депутатов конца XX в., так и для их предшественников — членов первой Государственной думы начала века.

Каким образом парадигма поведения думцев оказалась воспроизведенной парламентариями, не имевшими почти никакого представления о политическом поведении своих предшественников? Вопрос о познании специфических российских моделей политического поведения, о сознании людей, политических аутсайдеров, врывающихся в историю и имеющих смелость — а подчас и несчастье — ее изменять, актуален и требует исследования не только современности, но и реалий начала XX в., так как обращение к истории позволяет выявлять, что в российской политической парадигматике отличается неизменностью.

На протяжении длительного времени реальные политические механизмы, характерные для позднего периода существования Российской империи, изучались историками с постоянной оглядкой на императивы идеологических канонов. Свобода научного творчества в настоящее время позволяет с максимальной полнотой раскрывать динамику политических процессов начала XX в. В настоящее время особую актуальность обретают вопросы познания предкризисных эпох, выявления наличия (или отсутствия) альтернатив катастрофическим провалам в революционную конфронтацию. Соответственно, в данной статье рассматриваются механизмы и лица, обусловившие срыв страны в революцию, характерные, возможно, даже типологические черты поведения участников событий накануне трагедии 9 января 1905 года. В центре исследовательского поиска — фигура Георгия Гапона, человека, ставшего на начальном этапе революции 1905 года символом этой революции.

***

В селе Беляки Полтавской губернии в семье зажиточного крестьянина Аполлона Гапона, многократно избиравшегося волостным писарем, родился сын Георгий. Способный мальчик после учебы в церковно-приходской школе поступил в Полтавское духовное училище. Среди его преподавателей был находившийся в ссылке толстовец И.М.Трегубов, который впоследствии вспоминал: «В конце 80-х гг. я был воспитателем в Полтавском духовном училище, и Георгий Гапон был в числе моих учеников… Это был юноша умный, серьезный, вдумчивый, хотя очень живой. Он всегда был одним из первых учеников, отличался исполнительностью и большой любознательностью. Он читал очень много и интересовался всякими вопросами. Я давал ему разные книги… и между прочим запрещенные сочинения Льва Толстого»[242].

Из-за конфликта с преподавателем и пропуска занятий после окончания семинарии Г.Гапон получил плохой аттестат и не смог продолжить образование. Пришлось работать в местном земстве, занимаясь статистикой, под-

[242] Гапон Г. История моей жизни. Москва: «Книга», 1990, с.49.

рабатывать частными уроками. Затем благодаря поддержке полтавского архиерея Иллариона он стал священником кладбищенской церкви в Полтаве. Его проповеди привлекали большое внимание, так что священники из близлежащих церквей стали жаловаться на Гапона, что он отбивает у них паству. Впрочем, конфликты с другими священнослужителями не особенно пугали молодого пастыря. Во-первых, он был не из тех людей, которые избегают столкновений, во-вторых, он пользовался высоким покровительством.

Но скромным служением в провинциальной Полтаве Гапон довольствовался недолго. Да и смерть жены подтолкнула молодого священника к идее поменять место жительства и род деятельности. Опять же при поддержке Иллариона Георгий Гапон поступил в Духовную академию в Санкт-Петербурге. Так в 1898 г. началась его петербургская эпопея. Учеба в академии его быстро разочаровала. Лекции показались скучными и сугубо догматическими (за исключением лекций знаменитого историка церкви Болотова), а профессура отвергла претензию Гапона на оригинальность в трактовке евангельских текстов. Но пребывание в столь престижном учебном заведении открывало перед молодым человеком самые неожиданные возможности.

С юных лет Гапон отличался способностью заводить нужные знакомства, обладал даром привлекать к себе людей, входить в доверие к высокопоставленным лицам. Еще обучаясь на первом курсе, Г.Гапон получил приглашение от петербургского архиерея Вениамина принять участие в миссии для рабочих при братской Покровской церкви на Боровой улице. Миссионерство в его традиционном виде не удовлетворило молодого честолюбца. Но рабочие, которым он некоторое время читал проповеди, произвели на него сильное впечатление, к тому же он не мог не знать об Обуховской обороне и о других выступлениях пролетариата, да и поверхностные сведения о социалистических учениях у него, конечно, имелись.

На втором курсе академии Гапон получил приглашение от помощника обер-прокурора Синода Саблера проповедовать в церкви Скорбящей Божьей Матери в Галерной Гавани. Вновь паствой Гапона оказались рабочие. Через церковных иерархов он попытался продвинуть идею о необходимости создания среди рабочих братства для взаимной помощи. Но в итоге Саблер, правая рука Победоносцева, идеи не поддержал, и тогда Гапон отказался от служения в церкви, где Саблер был старостой прихода. Но вскоре его пригласили проповедовать в Ольгинском доме для бедных, состоявшем под покровительством императрицы.

Завершив обучение в Духовной академии, Гапон получил место законоучителя во 2-м убежище «Общества попечения о бедных и больных детях». «Скромный» священнослужитель неустанно искал покровителей в высоких придворных и правительственных сферах, и ему удавалось их находить. К молодому священнику, выходцу из крестьянской среды, к тому же симпатичной наружности проявили интерес в высших петербургских кругах: он

будто воплощал в своей персоне ту самую «народность», которая в совокупности с самодержавием и православием составляла духовную основу российской государственности и мировоззренческих устоев высшего света переживавшей не лучшие времена империи.

Понимание того, что рабочие являются перспективной силой, приходило в голову не только идеалистически настроенным молодым интеллигентам, но и авантюристам, мечтавшим не столько о социальных преобразованиях, сколько о собственной большой карьере. На плечах пролетариата подняться к вершинам власти и богатства рассчитывал и Георгий Гапон. В его уме сложилась, как ему казалось, хитроумная схема — возглавить рабочее движение с помощью охранного отделения. Видимо, этому уроженцу Полтавской губернии казалось, что он начинает беспроигрышную игру: и охранка, и рабочие становятся инструментами в его руках. Некоторое время ему удавалось вести эту рискованную партию довольно успешно.

Но Георгий Гапон не был человеком холодного ума. Его впечатлительность и эмоциональность отмечал один из руководителей боевой организации эсеров, отнюдь не симпатизировавший ему Борис Савинков: «Он жил настроениями, чувством, — писал Савинков о Гапоне. — Он сначала действовал, а потом уже отдавал отчет в своих действиях. Натура очень увлекающаяся и вместе с тем слабая, даровитая и в высшей степени импульсивная, он мог сделать много ложных шагов и потом сам каяться в них»[243].

Статус священника помогал Гапону сблизиться с рабочими. Он был выдающимся оратором, его проповеди завораживали, да и внешность его вызывала интерес и симпатию. «Замечательный это был священник: черный, стройный, голос у него был баритон, симпатичный, а главное глаза. Таких глаз я никогда больше не видал. Священник мог смотреть так, что трудно было выдержать его взгляд, по получасу не спуская с вас своего взора, глаза его точно заглядывали в душу, в самую глубину души, будили совесть человеческую. Замечательный был священник. Это был Гапон», — так описал свое первое впечатление от Георгия Гапона Карелин, рабочий с большим политическим опытом[244].

В снятой на Васильевском острове маленькой квартире Г.Гапон в 1902 г. организовал кружок из пяти-шести рабочих. Тогда же он время от времени посещал чайные, организованные для рабочих «Обществом трезвости» при содействии петербургского духовенства. Позднее, в августе 1903 г., на средства рабочих была под руководством Гапона открыта чайная в Выборгском районе (Оренбургская улица, дом 28), под ее крышей еженедельно проводились собрания кружка рабочих, в котором и развил свою деятельность молодой законоучитель. К его кружку вскоре присоединились рабочие, уже имевшие политический опыт. Среди них наиболее заметными фигурами были супруги А.Е. и В.М. Карелины.

---

[243] Савинков Б. Воспоминания террориста. Москва: Мысль, 1991, с.233.

[244] Карелин А.Е. Девятое января и Гапон. Воспоминания. — Красная летопись. Ленинград. 1922, № 1, с. 106–116. URL: http://www.hrono.ru/libris/lib_k/krln_gpn.php (accessed 05.04.2019)

Гапон умел привлекать к себе людей, обладал непостижимым магнетизмом харизматической личности. А широкая палитра его красиво изложенных идей воодушевляла как рабочих с традиционалистским, по сути крестьянским мировоззрением, так и уже искушенных грамотных мастеровых. Импонировало части рабочих и то, что в создаваемой организации они, как им казалось, определяют все сами. Без интеллигентов. Эти антиинтеллигентские настроения имелись даже у такого человека как Карелин[245].

О своих устремлениях того времени Георгий Гапон писал: «Я полагал, что, начав организацию рабочих для взаимной помощи под покровительством властей, я могу одновременно организовать и тайные общества из лучших рабочих, избранных для этой цели, которых я воспитаю и которыми я буду пользоваться как миссионерами. И таким образом, мало-помалу, направлю всю организацию к желаемой цели»[246].

Наиболее сознательные, развитые рабочие составили руководящее звено создаваемой организации. Только Гапон заблуждался по поводу людей, входивших в его ближайшее окружение. Он думал использовать их как «своих миссионеров», а они думали и обсуждали, как использовать его в своих целях, отнюдь не принимая Гапона в качестве своего духовного вождя. Карелин откровенно отвечал другому участнику руководящего кружка создаваемой молодым священником организации на его вопрос, насколько можно доверять Гапону: «… Чужая душа потемки, и в сущности Гапон — это такой черт, которого раскусить невозможно… Но для нас важно, что… в нашей теперешней группе провокаторов нет, в этом можно поручиться, за исключением, конечно, самого Гапона… Мы надеемся держать его в руках и ему во всяком случае в руки не даваться»[247].

«Наша деятельность, — говорил Карелин, — будет сосредоточена главным образом в тех кругах рабочих, куда партийным (соц.-дем.) работникам доступ будет затруднен… в самых малосознательных массах… Мы рассчитываем, что более темные рабочие массы пойдут с нами… Мы должны быть самыми благонамеренными в глазах правительства и не подавать повода к подозрениям со стороны полиции… Та, на первый взгляд, зубатовская окраска с внешней стороны, во всяком случае далеко не зубатовщина… Мы будем работать главным образом ради общения и сплочения масс»[248] [249].

---

[245] Впоследствии, защищая Гапона, Карелин говорил: «Грязь на него выливали, больше все интеллигенция разная, партийная и беспартийная, бесхребетная больше». См. Карелин А.Е. Девятое января и Гапон. Воспоминания. — Красная летопись. Ленинград, 1922, № 1.

[246] Гапон Г. История моей жизни. Москва: Книга, 1990, с.21.
«Историю моей жизни» Гапон написал, находясь за границей, куда он бежал после событий 9 января 1905 г. В этих воспоминаниях много интересных фактов, характеризующих восхождение выпускника провинциальной семинарии в сферы большой политики и его роль в провоцировании начала революции 1905 г. Вместе с тем нельзя не учитывать, что ложь часто использовалась Гапоном как одно из средств достижения цели, в чем его публично уличили эсеры.
См. Савинков Б. Воспоминания террориста. Москва: Мысль, 1991.

[247] Павлов И.И. Из воспоминаний о «Рабочем Союзе» и священнике Гапоне. — Минувшие годы. СПб., 1908, № 3–4, с. 28.

[248] Там же.

[249] Шустер У.А. Петербургские рабочие в 1905–1907 гг. Ленинград: Наука, 1976, с. 64.

«Желаемая цель» самому Георгию Гапону виделась довольно смутно. Он искренно хотел улучшить условия жизни и труда рабочих и еще более искренне и страстно стремился создать мощную, влиятельную организацию рабочих, единоличным и бесспорным лидером которой он бы являлся и, соответственно, превратился бы в самостоятельную и исключительно значимую фигуру в Российской империи.

Стремительное возвышение молодого священника происходило в обстановке быстро возраставшего общественного недовольства, которое проявлялось в различных формах: от индивидуальных оппозиционных выступлений (так, например, в феврале 1904 г. в Харьковском университете приват-доцент Л.Н.Яснопольский вместо лекции по статистике выступил перед слушателями с развернутой критикой войны[250]) до системной работы эсеров и социал-демократов по разрушению государственных и общественных устоев. Ситуация усугублялась бездарным ведением войны с Японией, войны, к которой Россия не готовилась прежде всего по вине лично императора. Этой войны надо было избежать, но вполне достижимый компромисс с Японией не был достигнут из-за интриг бездарных авантюристов, пользовавшихся доверием императорской семьи.

Стабильность «старого порядка» зависела в огромной степени от личности самодержца. А его личность, как становилось очевидным для все более широкого круга лиц, явно не соответствовала сложности и опасности момента, переживаемого страной. Социал-демократы тиражировали стихотворные памфлеты с беспощадной, убийственной критикой бездарного царя:

Ты забрался за Амур,
Прикарманил Порт-Артур.
А когда пришлося скверно,
Стал ты ласков черезмерно
И нас начал «призывать»:
«Не угодно ль умирать
За отечество, за веру,
За царя?» — Твою манеру
Понимаем, русский царь, —
Не обманешь, государь!..
Нам не враг народ рабочий,
Будь японский он, — нет мочи
Жить по-людски от оков
Доморощенных врагов.
Бьют японцы нас, однако
Самовластная макака
Нам опасней во сто крат,

[250] Лейкина-Свирская В.Р. Русская интеллигенция в 1900–1917 годах. Москва: Мысль, 1981, с.107.

Чем побед японских ряд!..
И при треске пулеметов,
И при криках патриотов
Мы кричим: «Нам не нужна
Меркантильная война!»
«Прочь насилье!», «Прочь бесправье!»
И «Долой самодержавье!»[251]

В феврале 1904 г. Министерство внутренних дел утвердило устав «Собрания русских фабрично-заводских рабочих г. С-Петербурга», а 11 апреля состоялось официальное открытие инициированной Г.Гапоном организации[252].

Социал-демократ А.Сухов в своих воспоминаниях, напечатанных как приложение к книге Э.Авенара, корреспондента газеты французских социалистов «Юманите» в Петербурге, писал: «В первый раз я столкнулся с Гапоном ранней весной на квартире Кузина, участника одного из руководимых мною с.д. кружков Васильевского острова[253]. Довольно быстро росла численность членов «Собрания», открывались все новые его отделы. 30 мая 1904 г. открылось отделение за Нарвской заставой (Петергофское шоссе, д.42), на оборудование его помещения 150 рублей было выделено особым отделом департамента полиции, 210 рублей — петербургским охранным отделением[254].

В идейном отношении «Собрание» все более представляло собой гремучую смесь. Большая часть членов организации искренне верили в добрые намерения царя, православными они являлись вполне искренними, тем более что у них был свой пастырь, свой священник, которому они верили. Организация реально способствовала улучшению повседневного быта рабочих. Под влиянием и давлением им же инициированного «тайного комитета» Гапон написал программу, которая включила в себя не только экономические требования, которые поддерживали рабочие, но и политические лозунги, в то время активно обсуждавшиеся в обществе. Сказывалось и то, что в «Собрании» вторым по степени влиятельности среди рабочих после самого Гапона была Вера Марковна Карелина. Она одна решалась вступать в открытые споры с Гапоном и нередко вынуждала его соглашаться со своей точкой зрения. Карелина была фактическим лидером оппозиции Гапону, под влиянием которой «Собрание» и сам Гапон все более политизировались. Гапон, со своей стороны, относился к Карелиной с глубоким уважением и «никого так не уважал и ни с чьим мнением так не считался, как с мнением Карелиной»[255]. В частных разговорах Гапон отзывался о Карелиной

---

[251] Поэзия в большевистских изданиях 1901–1917. Ленинград: Советский писатель, 1967, с.84.

[252] Шустер У.А. Петербургские рабочие в 1905–1907 гг. Ленинград: Наука, 1976, с. 62.

[253] Авенар Э. Кровавое воскресенье. Харьков, 1925, с. 29.

[254] Гапон Г. История моей жизни. Москва: Книга, 1990, с. 53.

[255] Павлов И.И. Из воспоминаний о «Рабочем Союзе» и священнике Гапоне. — Минувшие годы. СПб., 1908, № 3–4, с. 79–107.

как «о женщине необыкновенной духовной силы, способной стать во главе женского пролетариата»[256].

***

15 июля 1904 г. эсеры убили министра внутренних дел В.К. фон Плеве, человека сильной воли, но слишком усердствовавшего в неуемном стремлении постоянно нравиться императору, слишком уповавшего на сугубо полицейские методы удержания стабильности в стране, охваченной недовольством. Боевая организация партии эсеров одного за другим устраняла в госаппарате решительных сторонников консервативной политики. Эсеры дестабилизировали госаппарат, социал-демократы мобилизовывали пролетариат на массовые выступления. Земское движение сугубо легальными способами добивалось реформы государственного управления.

Даже в придворном окружении императора имелись люди, чувствовавшие, что перемены необходимы. Умело построенная интрига подвела Николая II к мысли призвать в Министерство внутренних дел человека, по всему своему складу радикально отличавшегося от убитого Плеве. Император пригласил на пост министра внутренних дел человека с либеральными взглядами, генерал-губернатора Виленской губернии П.Д. Святополк-Мирского.

Генерал-губернатор одной из западных областей империи, бывший шеф жандармов и неожиданно мягкий для подобной карьеры человек, Святополк-Мирский исходил из того, что в России сложилась ситуация, при которой правительство и общество превратились в два враждебных друг другу лагеря. Эта ситуация уже давно начала складываться, но катастрофическая война с Японией довела это положение до крайности. Конфликт власти и общества Святополк-Мирский считал чрезвычайно опасным и предлагал путем удовлетворения справедливых желаний общественных кругов примирить правительство и общество. Свои взгляды он изложил императору после того, как тот предложил ему занять пост министра внутренних дел.

Николай II сказал, что сам придерживается такого же мнения. При вступлении в должность новый министр заявил: «Административный опыт привел меня к глубокому убеждению, что плодотворность правительственного труда основана на искренно благожелательном и истинно доверчивом отношении к общественным и сословным учреждениям и к населению вообще. Лишь при этих условиях работы можно получить взаимное доверие, без которого невозможно ожидать прочного успеха в деле устроения государства»[257]. Речь Святополк-Мирского была сочувственно встречена общественностью, которая увидела в словах нового министра предвестие

[256] Поссе В.А. Мой жизненный путь. Москва: Земля и Фабрика, 1929.

[257] Белоконский И.П. Земство и конституция. Издание Московского Книгоиздательского Т-ва «Образование», 1910, с. 128.

широких либеральных реформ. На имя министра посыпались адреса и поздравления со стороны частных лиц и учреждений; земства и городские думы высказывали надежду, что слова министра о доверии найдут воплощение в конкретных преобразованиях. Сразу после вступления в должность Святополк-Мирский распорядился ослабить надзор за прессой и вернуть из ссылки неблагонадежных лиц, подвергшихся репрессиям при прежнем министре внутренних дел[258]. Чтобы подчеркнуть свое несочувствие репрессивным мерам, он особым указом от 22 сентября отделил от себя всю чисто полицейскую работу и возложил ее на товарища министра, (заместителя министра, говоря современным языком) командира Отдельного корпуса жандармов К.Н.Рыдзевского.

Либерально мыслившие земские деятели решили устроить в ноябре большой съезд, на который должны были съехаться представители со всей России, даже из тех местностей, в которых не имелось земств. После речи нового министра о доверии организационное бюро съезда включило в повестку вопрос о необходимых реформах государственного строя[259]. Узнав о готовящемся съезде, Святополк-Мирский пытался испросить на него Высочайшего соизволения, но не получил согласия императора. Несмотря на это, земский съезд состоялся 6–9 ноября 1904 г. как «частное совещание земских деятелей». Была принята резолюция, провозглашавшая необходимость утверждения в России свободы слова, союзов, собраний и вероисповеданий, равенства всех перед законом и созыва народного представительства[260]. Делегаты съезда ознакомили с резолюцией Святополк-Мирского, который высказал с ней полное согласие и обещал представить ее императору[261].

Резолюция земского съезда была напечатана во многих газетах и вызвала большой общественный резонанс. По инициативе нелегальной организации либералов «Союз освобождения» сразу после съезда по всей стране начались общественные собрания, или «банкеты», выносившие резолюции, разъяснявшие и дополнявшие постановление земского съезда. В ноябре — декабре 1904 г. состоялось 39 таких публичных собраний. Развивая и пропагандируя идеи, заложенные в резолюции земского съезда, участники «банкетов» также принимали резолюции, в которых нередко со всей определенностью говорилось о необходимости утверждения в России конституционного строя.

Вопросы экономического развития России интеллигенция в резолюциях этих собраний также увязывала с утверждением демократических свобод. Так, в документе «банкета», состоявшегося 5 декабря 1904 г. в Санкт-Петербурге в зале «Контан», говорилось: «Собрание инженеров всех специ-

---

[258] Белоконский И.П. Земское движение. Москва: «Задруга», 1914.

[259] Шипов Д.Н. Воспоминания и думы о пережитом. Москва: РОССПЭН, 2007.

[260] Белоконский И.П. Земское движение. Москва: «Задруга», 1914.

[261] Шипов Д.Н. Воспоминания и думы о пережитом. Москва: РОССПЭН, 2007.

альностей, обсудив положение отечественной промышленности, единогласно пришло к следующему заключению: преуспеяние русской промышленности возможно только на почве широкого развития общественной и личной самодеятельности. Необходимыми условиями такого развития являются полная неприкосновенность личности, свобода собраний, союзов, свобода слова и печати. Только при прочной гарантии этих прав достижимо распространение и углубление народного образования, без чего невозможно увеличение производительности национального труда…[262] Под резолюцией была поставлена 501 подпись.

Банкетная кампания демонстрировала широкое неприятие образованными слоями страны самодержавного правления. В «банкетах» принимали участие прежде всего состоятельные, успешные люди, то есть люди правящего класса. Но даже в этой среде осенью 1904 года многие пришли к выводу о необходимости радикальных политических действий. Выдвигалось требование созыва Учредительного собрания. Сходство происходившего с началом Великой французской революцией не особенно смущало. Впрочем, к созыву Учредительного собрания призывали участники немногим менее чем трети «банкетов». В единичных случаях выдвигалась идея необходимости выборов в Учредительное собрание на основе всеобщего, равного, прямого избирательного права при тайном голосовании[263].

Полиция не предпринимала против собраний никаких мер. Магия революции подчиняла умы все большего количества подданных российского императора. Петиционнная кампания настраивала и рабочих — членов «Собрания» на более решительные действия. «Политическая весна» осени 1904 г. порождала большие надежды и большие опасения. Небывалый уровень свободы вдохновлял, опьянял, кружил головы. К чему она могла привести? Активные люди из числа образованных в большинстве своем надеялись на реформы, консерваторы опасались изменений в государственном устройстве, радикальное меньшинство мечтало о революции и готовило ее. Из своего зарубежного далека лидер большевистской фракции социал-демократов В.И.Ленин, страдавший от нехватки точной информации, но преисполненный революционного энтузиазма, торопил события. Он писал о подключении рабочих к петиционной и банкетной кампаниям[264]. Действительно, идея собственной рабочей петиции стала обсуждаться среди активистов гапоновской организации. А.Карелин писал впоследствии о настроениях осенних дней 1904 г.: «С наступлением «весны Святополк-Мирского» забросили лекции и стали читать исключительно газеты. В это время начались земские петиции, мы читали их, обсуждали и стали говорить с Гапоном, не пора ли, мол, и нам, рабочим, выступить с петицией самостоятель-

---

[262] Маслов В. «Отчизне посвятим…» В.Г.Шухов и А.В.Бари. Москва: НИЦ «Инженер», 2001, с. 54.

[263] Лейкина-Свирская В.Р. Русская интеллигенция в 1900–1917 годах. Москва: Мысль, 1981, с. 219.

[264] Ленин В.И. Полное собрание сочинений т.9, с. 137.

но. Он отказывался… С ноября месяца идет глухая агитация «предложить свое, с низов»»[265].

28 ноября на квартире у Гапона председатели отделов «Собрания» и ряд активистов обсудили и приняли ранее подготовленный текст резолюции. Гапон настаивал на том, что подачу петиции властям надо было приурочить к последующим поражениям в войне с Японией. Ожидались и разгром эскадры Рождественского, и падение Порт-Артура. Наиболее радикально настроенные рабочие предлагали не затягивать с представлением петиции. Тогда же, в конце ноября, Гапона посетили С.Н.Прокопович, Е.Д.Кускова, В.Я.Богучарский. Гапон превращался во все более заметную фигуру, на него обращали внимание политики и общественные деятели самой разной ориентации.

Тем временем 2 декабря министр внутренних дел, и в соответствии со своими либеральными убеждениями, и будто предчувствуя необходимость перехватить инициативу у радикальных элементов общества, обратился к императору с просьбой созвать правительственное совещание для обсуждения предложенной им программы реформ[266]. Эта программа была изложена в особой записке, составленной по поручению Святополк-Мирского С.Е. Крыжановским, ключевым пунктом программы было введение в Государственный совет «выборных представителей от общественных учреждений».

На совещание были созваны все министры, а также великий князь Александр Михайлович, главноуправляющий комиссией прошений Будберг, генерал-адмирал Рихтер, главноуправляющий канцелярией Танеев, граф Воронцов-Дашков, граф Сольский, Э.В. Фриш. Святополк-Мирский уговорил Николая II пригласить на совещание Витте, в то же время в беседе с императором министр внутренних дел просил не приглашать на совещание К.П.Победоносцева.

Николай II отличался поразительной способностью противодействовать собственным же инициативам. Назначив на ключевой пост министра внутренних дел Святополк-Мирского, он тем самым уже обозначил смену курса. Он согласился на проведение совещания, на котором должны были обсуждать очень осторожные реформы государственного устройства. И он же сделал все, чтобы реформаторские усилия его министра были заблокированы. Император не только пригласил Победоносцева, но вызвал его особой запиской, в которой написал: «Мы запутались. Помогите нам разобраться в нашем хаосе»[267].

На совещании Николай II, указав на каждодневное усиление в России революционного направления, поставил вопрос о необходимости выбора– либо пойти навстречу желаниям умеренных и благоразумных элементов

---

[265] Шустер У.А. Петербургские рабочие в 1905–1907 гг. Ленинград: Наука, 1976, с. 68.

[266] Шипов Д.Н. Воспоминания и думы о пережитом. Москва: РОССПЭН, 2007.

[267] Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. Москва: Новое литературное обозрение, 2000.

общества, либо же продолжить политику усмирения всех реформаторских побуждений. За первый вариант высказались, как вспоминал впоследствии С.Ю.Витте, он сам, граф Сольский, Э.В.Фриш, А.С.Ермолов, Н.К.Муравьев и министр финансов В.Н. Коковцов[268]. Победоносцев выступил с уничтожающей критикой, указав на то, что приглашение выборных представителей означает ограничение самодержавия. При этом он заявил, что самодержавие имеет не только политический, но и религиозный характер, и потому император не вправе ограничивать свою власть, возложенную на него свыше[269]. По результатам совещания Витте и управляющий канцелярией Кабинета министров барон Нольде подготовили проект указа «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка». По словам Витте, участники совещания завизировали проект указа (не отложилось в памяти у С.Ю. Витте, завизировал ли указ энергично возражавший против пункта о выборности части членов Госсовета Победоносцев). Но возражения обер-прокурора Синода не остались втуне. 11 декабря Витте был вызван императором в Царское Село, беседа императора с председателем Кабинета министров проходила с участием московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича. В итоге обсуждения злосчастного, но столь значимого пункта о привлечении выборных для работы в Государственном совете Николай II однозначно высказался за устранение его из текста указа. Император заявил своим собеседникам: «...Я никогда, ни в каком случае не соглашусь на представительный образ правления, ибо я его считаю вредным для вверенного мне богом народа…»[270] Откорректированный указ был опубликован 12 декабря 1904 г.

В чем Николай II отличался последовательностью, так это в неприятии «представительного образа правления» и в нелюбви к интеллигенции. В проведении же каждодневной политики он проявлял одновременно и мелочное упрямство, и податливость в отношении советов лиц, которым он доверял. А в число доверенных попадали и откровенные интриганы, плохо разбиравшиеся в государственных и международных делах. Император исходил из того, что Япония не решится на войну с Россией, а в итоге своими непродуманными действиями привел страну к войне, к которой не подготовились, и она обернулась чередой катастроф. Военные поражения сопровождались тяжелейшими потрясениями в финансовой сфере. С 20 октября по 8 декабря 1905 г. Госбанк продал иностранной валюты на сумму порядка 240 млн. руб., примерно на ту же сумму уменьшился золотой запас страны[271].

---

[268] Витте С.Ю. Воспоминания. 1894–октябрь 1905. Царствование Николая II. Таллинн–Москва: Скиф Алекс, 1994, с. 315.

[269] Шипов Д.Н. Воспоминания и думы о пережитом. Москва: РОССПЭН, 2007.

[270] Витте С.Ю. Воспоминания. 1894–октябрь 1905. Царствование Николая II. Таллинн — Москва: Скиф Алекс, 1994, с. 319.

[271] История Министерства финансов России в четырех томах. Т.I. 1903–1917 гг. Москва: ИНФРА–М, 2002, с. 172.

Ощущение неотвратимо надвигавшегося глубокого внутриполитического кризиса провоцировало отток капиталов за рубеж. Сам монарх, продемонстрировав в ходе войны некомпетентность и бездумное упрямство, пал в глазах многих своих подданных, представителей не только высших, но и низших слоев. Искренний и убежденный монархист Василий Шульгин с горечью отмечал: «…О роли государя в решении посылать Рожественского знал весь Петербург… Царя считали прямым виновником Цусимы»[272]. Война, с чередой тяжелейших поражений, все более усиливала в стране антисамодержавные и антимонархические чувства.

***

Есть люди, обладающие даром выстраивать интриги, добиваясь своего возвышения. В итоге они попадают в сферу большой политики, которая требует уже иных качеств — воли, смелости, способности принимать тяжелые решения и нести за них ответственность. Одно дело уметь льстить, вовремя попадаться на глаза начальству, говорить правильные слова в правильном месте. И совсем другое — отвечать за жизнь других людей, знать, что это ты повел их на смерть…

На протяжении 1904 г. все большое количество подданных российского императора вступали в сферу политического действия. К тому же люди все более обретали смелость говорить то, что они думают. И о своем наболевшем хотелось заявить как можно громче. В руководящем кружке «Собрания петербургских рабочих» усиливались настроения в пользу немедленной подачи рабочей петиции с политическими требованиями. Особенно на этом настаивали Карелины и Васильев. Вера Марковна Карелина проводила занятия с женщинами-работницами[273], входила в кружок ответственных лиц «Собрания» и в так называемый «тайный комитет», или «штаб», созданный Гапоном из наиболее надежных рабочих. На заседаниях «тайного комитета» обсуждались политические вопросы и разрабатывались планы выступления рабочих со своими требованиями[274]. По рекомендации Гапона Карелина была выбрана руководительницей женских отделений «Собрания».

Гапон чувствовал опасность петиции, пытался отсрочить ее подачу, натыкался на сопротивление рабочих, увязывал момент подачи петиции то с неизбежным взятием Порт-Артура японцами (что произошло 20 декабря 1905 г.), то с ожидавшимся поражением эскадры Рождественского (которое последовало), то называл дату 19 февраля[275]. Гапон ощущал, что почва уходит у него из-под ног. Он заметался. Самые тяжелые испытания пришли, когда по инициативе мастера Тетявкина четверо рабочих

---

[272] Шульгин В. Последний очевидец: Мемуары. Очерки. Сны. Москва: ОЛМА–ПРЕСС, 2002, с. 97.

[273] Первая русская революция в Петербурге 1905 г. Под ред. Ц.С.Зеликсон-Бобровской. Москва — Ленинград: Госиздат, 1925, т. 1.

[274] Варнашёв Н.М. От начала до конца с гапоновской организацией. — Историко-революционный сборник. Ленинград, 1924, т. 1, с. 177–208.

[275] Гапон Г. История моей жизни. Москва: Книга, 1990, с. 27, 55.

Путиловского завода, члены «Собрания» Сергунин, Субботин, Федоров и Уколов, были уволены, о чем они сообщили в свою организацию и попросили о защите.

27 декабря на Васильевском острове состоялось собрание представителей местных отделов «Собрания». После напряженного обсуждения было принято постановление, в котором намечался план действий. Он включал: обращение к администрации Путиловских заводов с требованием увольнения мастера Тетявкина и восстановления уволенных, обращения с жалобой к градоначальнику и фабричному инспектору; в случае отказа заводской дирекции удовлетворить требования рабочих резолюция предупреждала уже правительство, что «за дальнейшее спокойное течение жизни среди петербургских рабочих «Собрание» не ручается»[276].

Заседание следовало за заседанием. Возбуждение переходило в ожесточение, значительное количество рабочих из числа активистов организации требовали не ограничиваться забастовкой, а выйти и на манифестацию с подачей своей петиции непосредственно царю. Гапон изо всех сил сопротивлялся последнему. В итоге голосования голоса разделились по сути поровну. Голос Гапона должен был определить ход дальнейших событий. Но перед его окончательным решением выступил Карелин и сказал: «Товарищи, нас называют зубатовцами. Но зубатовцы оправдали себя тем движением, что было от них в Одессе, а мы оправдаем себя подачей петиции»[277]. Ситуация складывалась отчаянная: или идти с рабочими до конца и оставаться их вожаком, или воспротивиться их порыву и оказаться на обочине… возможно, даже потерять созданную им же с огромным трудом организацию. Гапон шагнул в бездну. Он чувствовал, да, пожалуй, и понимал, на что решался. Наверное, ему было страшно и даже очень страшно… Но оставались еще шансы урегулирования конфликта. Делегации рабочих — членов «Собрания» во главе с Гапоном отправились на встречи с директором Путиловского завода С.И.Смирновым, градоначальником Санкт-Петербурга генерал-адъютантом И.А.Фуллоном и со старшим фабричным инспектором Чижовым. Смирнов — сильный, авторитарный руководитель — был возмущен самим фактом вмешательства организации Гапона во внутренние дела Путиловского завода, где он ощущал себя полным хозяином положения. Действия мастеров в отношении рабочих он считал совершенно справедливыми, идти на уступки незваным ходатаям за нерадивых, с его точки зрения, рабочих он считал абсолютно недопустимым. Фуллон и Чижов предпочли в конфликт не вмешиваться, сославшись на то, что вопрос находится вне их компетенции. Представители власти не увидели, что в столице империи складывается взрывоопасная ситуация, посчитали, что конфликт локальный и администрация завода

[276] Шустер У.А. Петербургские рабочие в 1905–1907 гг. Ленинград: Наука, 1976, с. 71.

[277] Там же.

сама его урегулирует, прибегнув в крайнем случае к помощи полиции. То, что большая организация рабочих, стоявшая на верноподданнических позициях, стала выдвигать классовые требования, не было понято и верно оценено.

К тому времени выяснилось, что были уволены не четверо, а двое рабочих. Но это уже ничего не меняло в складывавшейся все более напряженной ситуации. 2 января состоялись собрания Нарвского и Путиловского отделов организации Гапона. Отделы подтвердили требования о восстановлении на работе уволенных рабочих и отстранения от должности мастера и призвали рабочих Путиловского завода объявить забастовку. 3 января Путиловский завод встал. Брожение началось и на других заводах и фабриках. Участник забастовки на Невском заводе В.Гончаров вспоминал: «…Внутри заводских стен, кажется, уже никто не держался сам по себе… Кое-кто начинал работать, но работа не спорилась, и человек бросал инструмент, искал собеседника или уходил послушать, что говорят другие. У всех на языке была Путиловская забастовка. Так продолжалось до самого обеда, а после начались уже настоящие собрания, с ораторами из самих рабочих…»[278]. 4 января к путиловцам присоединились рабочие и работницы Екатерингофской и Невской бумагопрядилен, Невской ниточной фабрики, Невского и Франко-Русского заводов. В отделах организации Гапона происходили постоянные заседания, а перед их помещениями постоянно толпились люди.

5 января в нескольких отделах был принят текст резолюции рабочих об их насущных нуждах. 6 января по инициативе Гапона, который все еще пытался придать движению верноподданнический характер, резолюция была преобразована в петицию, и решено было с нею идти к самому царю.

Возбуждение среди рабочих нарастало. Путиловцы этому активно способствовали, они приходили на другие, еще работавшие предприятия и, как тогда говорили, «снимали» рабочих — убеждали колебавшихся прекратить работу, останавливали рабочих, возвращавшихся с обеда, подчас входили в цеха и вырубали станки. 7 января состоялась встреча Гапона с министром юстиции Муравьевым, по словам самого Георгия Гапона, встреча состоялась по инициативе министра. О состоявшемся разговоре на данный момент известно только из воспоминаний этого неординарного священнослужителя. Гапон передал Муравьеву одну из заготовленных загодя копий петиции рабочих к царю. Хотя министр сказал, что уже знаком с текстом, он пробежал петицию глазами и воскликнул: «Но ведь вы хотите ограничить самодержавие!» И получил ответ: «Да, но это ограничение было бы на благо как самого царя, так и его народа… Тогда весь народ станет обожать царя»[279].

---

[278] Гончаров В. Январские дни 1905 г. в Петербурге. — «Каторга и ссылка», 1932, №1 (86), с.148. Цит. по: Шустер У.А. Ук.соч., с.72

[279] Гапон Г. История моей жизни. Москва: Книга, 1990, с. 32.

Гапон использовал все свое красноречие, чтобы убедить министра в необходимости срочно ехать к царю, чтобы умолить Николая принять рабочих. Муравьев ответил загадочной фразой, произнесенной с пафосом и сопровожденной не менее пафосным жестом: «Я выполню свой долг»[280]. Гапон решил, что если министр и поедет к царю, то только затем, чтобы убедить его в необходимости стрелять в рабочую манифестацию. Тогда он по телефону связался с министром финансов Коковцевым. Разговор оказался безрезультатным.

Гапон написал письмо министру внутренних дел: «Ваше Высокопревосходительство! Рабочие и жители Петербурга разных сословий желают и должны видеть царя 9 сего января, в воскресенье, в 2 часа дня на Дворцовой площади, чтобы ему выразить непосредственно свои нужды и нужды всего русского народа. Царю нечего бояться. Я, как представитель «Собрания русских фабрично-заводских рабочих г. СПБ», мои сотрудники товарищи-рабочие, даже все так называемые революционные группы разных направлений гарантируем неприкосновенность его личности. Пусть он выйдет как истинный царь, с мужественным сердцем, к своему народу[281]. И это письмо не возымело ожидаемого Гапоном результата.

Трагедия надвигалась. Ощущение и даже понимание приближения страшной беды пришли в Петербурге ко многим людям. Карелин писал впоследствии: «Да, надо сказать, что ни у Гапона, ни у руководящей группы не было веры в то, что царь примет рабочих и что даже их пустят дойти до площади. Все хорошо знали, что рабочих расстреляют, а потому, может быть, мы брали на свою душу большой грех, но все равно уже не было тогда такой силы в мире, которая бы повернула назад. Рабочих удержать было нельзя. Гапон, однако, не верил сначала в то, что пойдет весь рабочий Петроград, и потому накануне девятого послал меня и Харитонова на разведку, узнать настроение рабочих командировал нас. Харитонов пошел в Городской район, а я за Невскую заставу, Нарвскую, Московскую и на Обводный канал[282].

***

8 января собравшиеся в редакции газеты «Наши дни» историки и литераторы, встревоженные сообщениями о готовящейся грандиозной манифестации рабочих, о намерении передать царю петицию с достаточно радикальными требованиями и о том, что власти собираются силой разогнать рабочих, составили делегацию, которая направилась к председателю Кабинета министров С.Ю.Витте. Как писал Максим Горький, вошедший в эту делегацию, ее целью было уговорить Витте «отклонить возможную

[280] Там же, с. 33

[281] Там же, с. 57.

[282] Карелин А.Е. Девятое января и Гапон. Воспоминания. — Красная летопись. Ленинград. 1922, № 1.

бойню завтра»[283]. Члены делегации пытались убедить председателя Комитета министров принять меры, чтобы император явился к рабочим и принял их петицию. С.Ю.Витте вышел к делегации, но на аргументы и предупреждения о недопустимости насилия ответил, что «мнение правящих сфер непримиримо расходится с вашим, господа…» Ссылался Витте и на то, что данный вопрос не входит в его компетенцию и он им не занимается. Тем не менее сразу же после ухода делегации он позвонил Святополк-Мирскому и проинформировал о визите к нему встревоженных представителей интеллигенции[284].

Почти в то время, когда Витте принимал делегацию интеллигенции, 8 января вечером, у министра внутренних дел проходило совещание с участием министров финансов, юстиции и ряда других, на котором было принято решение не допускать рабочих на Дворцовую площадь. Подписание петиции, составленной в «Собрании фабрично-заводских рабочих Санкт-Петербурга» обрело массовый характер. Одновременно с подписанием велась агитация и за участие в воскресном хождении к царю. Петицию подписали многие совершенно аполитичные и даже верноподданные рабочие. Более того, вера в царя служила большой части рабочих мотивирующим стимулом для выхода на улицу 9 января. Сильная в то время готовность пострадать и даже умереть за правду также обусловливала участие в манифестации.

Переплетчику в Правлении «Братьев Нобель» Ивану Мокину в январе 1905 г. было восемнадцать лет. Он занимался самообразованием, посещал Лиговский народный дом графини С.Ф.Паниной, но ни к какой политической партии не примыкал, не входил и в организацию Гапона. Но петицию подписал. Впоследствии он вспоминал: «При подписании петиции рабочих, в том числе и меня, предупредили, что 9 января предстоит массовое выступление на площадь к Зимнему дворцу для передачи петиции лично царю. При этом нам было предложено предварительно сходить в баню и пойти на Дворцовую площадь в чистой одежде, не имея при себе никакого оружия и даже тросточек… Так как не было уверенности в том, что царь благожелательно отнесется к выступлению и в гневе не предпримет разгон толпы, нас, рабочих, предупредили, чтобы мы были готовы к смерти»[285]. Накануне шествия Вера Карелина выступала с речами в отделах «Собрания», призывая женщин явиться на площадь и разделить участь своих мужей. Она не рассчитывала на мирный исход шествия[286]. Обращаясь к женщинам, она говорила: «Милые, не надо бояться смерти!

---

[283] Ерман Л.К. Интеллигенция в первой русской революции. Москва: Наука, 1966, с. 46.

[284] Витте С.Ю. Воспоминания. 1894–октябрь 1905. Царствование Николая II. Таллинн — Москва: Скиф Алекс, 1994, с. 326.

[285] Власть и общество в Первой русской революции 1905–1907 гг.: документальные свидетельства. Москва: Политическая энциклопедия, 2017, с. 382.

[286] Первая русская революция в Петербурге 1905 г. Под ред. Ц.С. Зеликсон-Бобровской. Москва — Ленинград: Госиздат, 1925, т. 1.

Что смерть! Разве наша жизнь не страшнее смерти? Девушки, милые, не бойтесь смерти…»[287]

***

9 января вместе с рабочими на улицы Санкт-Петербурга вышли социал-демократы, не связанные напрямую с организацией Георгия Гапона. Среди них А.Ф.Войткевич, Л.Л.Бенуа, О.П.Иваницкая. Присоединился к рабочим и А.М.Горький[288]. Член Петербургского комитета РСДРП, ответственный организатор Выборгской стороны, профессиональный революционер Антон Феликсович Войткевич принял участие в шествии рабочих Выборгской стороны. Он же одним из первых среди демонстрантов поднял красный флаг[289]. Среди вышедших на демонстрацию была и В.М.Карелина. Вместе с мужем она возглавила колонну Василеостровского отдела, которая направлялась к Зимнему дворцу.

Сам Георгий Гапон во главе процессии рабочих шел к Нарвской заставе, его сопровождали рабочие Михаил Филиппов и Иван Васильевич Васильев. Васильев был убит. Гапон спасся и избежал ареста благодаря помощи эсера Раппопорта. Ночью с 9 на 10 января Гапон написал два воззвания, одно к рабочим, другое к солдатам и офицерам. «Солдатам и офицерам, убивающим своих невинных братьев, их жен и детей, — писал Гапон, — мое пастырское проклятье! Солдатам, которые будут помогать народу добиваться свободы, — мое благословение! Их солдатскую клятву изменнику царю, приказавшему пролить невинную кровь, разрешаю!»[290]

9 января 1905 г. выстрелы в безоружную толпу рабочих, шедших к царю с его портретами и хоругвями, нанесли невероятный удар по народному монархизму. Все наихудшие определения монархии Романовых, сформулированные революционерами, получили кровавое подтверждение. Казалось бы, надо было спасать монархию, династию, самого себя… В окружении царя были люди, которые это хорошо поняли. Назначенный после отставки Святополк-Мирского петербургским генерал-губернатором Трепов предложил Николаю II организовать для него в Царском Селе встречу с депутацией специально подобранных рабочих.

19 января 1905 г. встреча состоялась. «Я вызвал вас для того, чтобы вы могли лично от меня услышать слово мое и непосредственно передать его вашим товарищам, — обращался император со словами, которые должны были разрядить обстановку начинавшейся революции. — Прискорбные события, с печальными, но неизбежными последствиями смуты, произошли оттого, что вы дали себя вовлечь в заблуждение и обман изменниками

---

[287] Павлов И.И. Из воспоминаний о «Рабочем Союзе» и священнике Гапоне. — Минувшие годы. СПб., 1908, № 3–4, с. 79–107.

[288] Ерман Л.К. Интеллигенция в первой русской революции. Москва: Наука, 1966, с. 46

[289] Там же.

[290] Гапон Г. История моей жизни. Москва: Книга, 1990, с. 40.

и врагами нашей страны. Приглашая вас идти подавать мне прошение о нуждах ваших, они поднимали вас на бунт против меня и моего правительства… Стачки и мятежные сборища только возбуждают безработную толпу к таким беспорядкам, которые всегда заставляли и будут заставлять власти прибегать к военной силе, а это неизбежно вызовет и неповинные жертвы… Мятежною толпою заявлять мне о своих нуждах — преступно… Будете впредь обращаться публично и мирно ко мне с коллективными прошениями, будем стрелять», — говорил добрый семьянин, глубоко верующий христианин, человек, воплощавший в себе на протяжении многих лет последнюю надежду на справедливость миллионов своих подданных. — Я верю в честные чувства рабочих людей и в непоколебимую преданность их мне, а потому прощаю им вину их. Теперь возвращайтесь к мирному труду вашему, благословясь, принимайтесь за дело вместе с вашими товарищами, и да будет Бог вам в помощь», — завершил свою речь Николай II[291].

Угроза, прощение убитых и раненых, фактически по его приказу, и пожелание, чтобы все осталось по-прежнему, — оказалось, это все, что император мог сказать своему народу. И после 9 января царь был абсолютно уверен в непоколебимой преданности народа ему, иначе не произнес бы кощунственной фразы о своем прощении. И после свершившейся по его же вине трагедии Николай II продолжал жить в замке из слоновой кости, всякий раз отдаляя от себя тех, кто смел доносить до него правду, не устраивавшую его и не укладывавшуюся в его привычную картину мира.

Иерархи Православной церкви также не могли не почувствовать, что 9 января 1905 г. свершилось ужасное и непоправимое. Промолчать — невозможно, но что сказать? Святейший Синод выступил с обращением, в котором говорилось: «Богатые! Не уповайте на богатство неверное, но на Бога живого, благодетельствуйте, богатейте добрыми делами, щедростью и милосердием… Труженики земли русской, люди рабочие! Трудитесь по заповеди Господней в поте лица своего, памятуя, что не трудящийся недостоин и пропитания»[292]. Вряд ли можно сказать, что авторы обращения смогли найти нужные слова, которые дошли до умов и сердец миллионов россиян. Церковь, со времени Петра I окончательно утратившая институциональную автономию, духовно отличалась робостью, а во многом и откровенной сервильностью. В итоге она не смогла и не могла выступить посредником между интеллигенцией и рабочими с одной стороны и государством — с другой.

Взрыв неприятия режима самодержавия, доходившего нередко до полного отвержения существовавших порядков и откровенной ненависти, оказался обращенным в значительной степени на царя. И ситуация для страны

---

[291] Там же.

[292] Власова А.В. Церковная благотворительность на Урале. 1861–1917. — Челябинск: Фотохудожник, 2009, с. 76.

оказывалась все более трагической: государство строилось вокруг фигуры императора, а император превращался в главный объект ненависти. Требовались невероятное мужество и сверхчеловеческая прозорливость, чтобы совершить такой маневр, который позволил бы вновь вдохнуть уверенность команды в мудрость и силу капитана и в то же время не допустить слишком большого крена, воспользовавшись которым волна бы опрокинула корабль. Властитель же российской державы отличался мелочным упрямством недалекого человека, судьба к тому же не одарила его даром политической интуиции.

Началась революция.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19–011–31678 «Становление российской политической идентичности через преодоление исторических разломов в отечественной ментальности».

М.Ю.Мухин

Авиастроители послевоенной поры. Персонал авиапромышленности в 1945–1955 гг.

Аннотация

Статья рассматривает основные проблемы развития персонала советской авиапромышленности в первое послевоенное десятилетие. В фокусе исследования вопросы численности персонала авиастроения, его гендерного и возрастного состава, динамика уровня квалификации авиастроителей. Кроме того, уделено место проблематике материального положения работников авиаиндустрии, вопросам трудовой дисциплины и мерам руководства советской промышленности по интенсификации работы авиапромышленности.

Ключевые слова: Социальная история, гендерная история, «холодная война», экономическая история, авиастроение, поздний сталинизм, история трудовых отношений.

Abstract

The article examines the main problems of the development of personnel of the Soviet aircraft industry in the first postwar ten-year period. The focus of the study is the number of aircraft building personnel, its gender and age composition, the dynamics of the skill level of aircraft builders. In addition, the problem of the material situation of workers in the aviation industry, the issues of labor discipline and the measures taken by the leadership of Soviet industry to intensify the work of the aircraft industry.

Key words: Social history, gender history, «cold war», economic history, aircraft construction, late Stalinism, the history of labor relations.

Очевидным и не требующим специального объяснения представляется соображение, что фактором, определяющим как количественную, так и качественную стороны авиапроизводства, является численность и уровень квалификации персонала авиапромышленности. Генезис кадрового состава авиаиндустрии СССР в предвоенные годы и в период Великой Отечественной войны уже был рассмотрен в отечественной историографии достаточно подробно как в масштабах всей отрасли, так и в региональном разрезе[293].

[293] Историография истории рабочего класса СССР в годы индустриализации и войны огромна. Если же ограничиться исследованиями, посвящёнными конкретно кадрам авиапромышленности, →

К сожалению, процессы и тенденции, характерные для персонала авиапромышленности в послевоенный период освещены в историографии в куда меньшей степени. В этой статье мы рассмотрим темпы и векторы развития кадрового состава советской авиапромышленности в 1945–1955 годах. Именно этот период традиционно называют «поздним сталинизмом». Это было время, когда основные тенденции советской экономики в её сталинском понимании проявились в наиболее полной мере. С другой стороны, в эти годы СССР всё более явно вступал в геополитическое противостояние с США и их союзниками, поэтому важность авиаиндустрии как поставщика боевой авиатехники не ставилась под сомнение. Одновременно с наращиванием масштабов авиавыпуска советский авиапром должен был в эти годы осуществить технический переворот, перейдя от производства самолётов композитной схемы с поршневыми моторами к выпуску цельнометаллических самолётов с турбореактивными двигателями. Наконец, в это десятилетие ещё не был поставлен вопрос о сокращении промышленных мощностей авиапромышленности в пользу ракетостроительной отрасли. Все эти факторы в целом позволяют рассматривать авиапромышленную индустрию 1945–1955 годов как некий максимально наукоёмкий и максимально приоритетный сегмент советской промышленности в целом. Поэтому анализ персонала авиапрома тех лет даёт нам возможность выяснить потенциал советских трудящихся «по верхней планке».

К концу войны. Чтобы основательно рассматривать процессы, характерные для персонала авиапромышленности в послевоенные годы, следует дать хотя бы краткую характеристику кадровой ситуации авиаиндустрии к концу Великой Отечественной войны.

В первые годы войны численность сотрудников Авиапрома росла, и по сравнению с 1940 г. численность персонала НКАП к концу войны увеличи-

---

то можно упомянуть следующие: Тихоновец А.И. Авиастроители. Улан-Уде. 1989; Калмыков И.А. Подготовка новых рабочих на авиационных заводах СССР в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: опыт историографии. // Клио. 2015. №2(98) С.79–81; Филимонов М.А. Зарождение и развитие авиационной промышленности в Башкирской АССР накануне и в годы Великой Отечественной войны (1939–1945 гг.) // Вестник Восточной экономико-юридической гуманитарной академии. 2015. №2 (76) С.147–158; Краснов А.А. Кадровые проблемы заводов авиационной промышленности Горьковской области на завершающем этапе Великой Отечественной войны // 70-летие Победы в Великой Отечественной войне: современное осмысление. Нижний Новгород. 2015. С.34–37; Парамонов В.Н. К оценке конкурентоспособности отечественного авиационного комплекса в 1941–1945 гг. // Аэрокосмический комплекс в истории Отечества: Тез. докл. Самара, 1999. С.71–77; Степанов А.С. Авиапромышленность Ленинграда и её перестройка накануне Великой Отечественной войны. // Военно-исторический журнал. 2009. №6. С.9–13; Mukhin M. The Market for Labor in the 1930s: The Aircraft Industry // Guns and Rubles: The Defense Industry in the Stalinist State. Ed. By M. Harrison. London. Yale University Press, 2008. P.180–210; Мухин М.Ю. Люди «большого скачка». Персонал авиапромышленности в 1920–30-х годах. // Исторические записки № 7 (125) М., 2004. С.86–116; Он же, Авиастроители в эвакуации: бытовые условия работников эвакуированных заводов в 1941–1945 гг. // Вестник РУДН. № 3. 2010. С.68–86; Подрепный Е.И. Эвакуация авиационного завода № 469. // Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе. Вып. IX. Арзамас 2012. С.200–206. Он же, Кадровые проблемы новых заводов авиационной промышленности СССР накануне и в первый период Великой Отечественной войны (на материалах Горьковской области) // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2015. №9–1. С. 117–123; и др.

лась на 23,8%[294]. Однако следует учитывать, что уже с 1944 г. начинается постепенное сокращение персонала авиапромышленности, которое резко ускорилось в первые кварталы мирного времени.

Таб.1 Динамика среднесписочного количества рабочих по МАП[295]

	I квартал 1944	I квартал 1945	наличие на 01.10.1946	в % к I кварталу 1944	
				I квартал 1945	наличие на 01.10.1946
Всего по МАП	430618	415983	284572	96,6	66,1
I ГУ	78482	70705	38254	90,1	48,7
II ГУ	30842	28517	17176	92,5	55,7
III ГУ	112387	112076	76179	99,7	67,8
IV ГУ	29331	29169	16259	99,4	55,4
V ГУ	21381	16521	12569	77,3	58,8
IX ГУ	11342	11708	14791	103,2	130,4
X ГУ	114422	107144	79480	93,6	69,5
XI ГУ	15796	17520	13391	110,9	84,8
XIV ГУ	8830	8253	6020	93,5	68,2
XVII ГУ	–	4476	7711	–	–

Как видно из приведенной выше таблицы, спад численности сотрудников НКАП наблюдался уже в I квартале 1945 г., а осенью 1946 г. численность персонала авиапромышленности сократилась на треть. Только во втором полугодии 1945 года из авиационной промышленности ушло 75 тысяч человек рабочих, из них лишь 26 тысяч человек были организованно переведены на работу в другие отрасли промышленности — остальные ушли «самотёком». Завод № 21, например, потерял за это время 4900 человек рабочих, завод № 26 — 4600 человек, завод № 153 — 3600 человек. В таком же положении были и все другие основные заводы наркомата[296]. При этом следует учитывать, что синхронно со снижением численности сотрудников авиапрома падала и их выработка. Часовая выработка на одного сотрудника, которая составляла по промышленности в 1944 году 15 рублей и в первом полугодии 1945 года 15,5 рубля, снизилась во втором полугодии до 10,7 рубля. Наиболее резкое снижение часовой выработки

[294] Подробнее об этом см. Мухин М.Ю. Советская авиапромышленность в годы Великой Отечественной войны. М., 2011. С.250–290.

[295] РГАЭ. Ф.8044. Оп.1. Д.2980. Л.218.

[296] Подрепный Е.И., Указ. соч. С.40.

наблюдалось на ряде заводов III Главного управления (заводы №№ 24, 26) и по заводам I Главного управления, где она составляла в первом полугодии 13,4 рубля, во втором полугодии — 6,9 рубля, в том числе в IV квартале — 5,7 рубля[297].

Этот процесс стал результатом воздействия нескольких факторов, ведущее место среди которых, видимо, занимала отмена законов военного времени. Теперь сотрудник, покинувший авиапредприятие, более не рассматривался как «дезертир трудового фронта». Между тем условия жизни даже и на оборонных предприятиях в годы войны были достаточно тяжелы. Разумеется, труженики заводов, отправленных в эвакуацию, страдали от бытовой неустроенности в особой мере, но надо отметить, что и сотрудники авиапромышленности, работавшие в крупных индустриальных городах центральной части России, тоже отнюдь не шиковали. В какой-то степени характерной может служить ситуация на авиазаводе № 381. Это предприятие в 1945 г. было дислоцировано в Москве, ему было поручено освоение новейших на тот момент реактивных истребителей — казалось, вот уж тут-то для авиастроителей должны быть созданы поистине райские условия. На самом деле в приказах директора завода № 381 за 1945 г. проблемы выпуска реактивных самолётов упоминались сравнительно редко. Зато сплошным потоком шли разносы бригадиру рыболовной бригады, из-за разгильдяйства которого сорван план децентрализованных заготовок; выговоры начальнику базы отдыха «Менжинец», на которой всё ещё не завершена прополка капусты и моркови[298], приказы начальнику подсобного хозяйства приступить к переоборудованию телятника и скотного двора[299], разъяснения порядка расчета себестоимости производства кроватей[300] и тому подобные распоряжения, явно не имеющие никакого отношения ни к авиапроизводству вообще, ни к освоению реактивной техники. Это не было свидетельством наплевательского отношения дирекции завода к правительственному заданию. Наоборот, это было чёткое понимание степени актуальности и первоочерёдности задач: если не уделять достаточного внимания прополке и телятникам, рабочих будет попросту нечем кормить, так как централизованное снабжение особых надежд не вызывало. Далее начнётся бегство рабочих с завода, а те сотрудники, которые останутся на предприятии, не смогут выполнять норму выработки из-за измождённости и дистрофии. И в этом случае все вопросы авиавыпуска попросту утратят смысл. 22 августа директор завода отдал приказ о подготовке завода к зиме, в котором, между прочим, предписывалось «считать работы по подготовке к зиме основными и важнейшими… проводя их вне всякой очереди»[301]. Причём в этом же приказе требовалось обеспечить к 1 октября выполнение плана по самозаготовке

[297] ЦАНО. Ф.2066. Оп.8. Д.63. Л.142–145.

[298] ЦГА Москвы. Ф.Р–531. Оп.2. Д.52. Л.47–49.

[299] Там же. Л.50.

[300] Там же. Л.141.

[301] Там же. Л.72.

топлива — очевидно, что и в отношении горючего заводоуправление на государственные поставки не слишком рассчитывало, опасаясь, что рабочим придется работать в нетопленых цехах[302]. Причем такое положение дел было характерно для достаточно широкого круга авиапредприятий на протяжении всей второй половины 1940-х годов. Так, например, в 1947 г. министр авиапромышленности отмечал, что на авиазаводе № 39 «…фюзеляжный и крыльевой цеха на 14 дней были целиком сняты на заготовку дров и картофеля для завода. По этой же причине весь завод не работал 6 дней»[303].

Помимо бытовой неустроенности следует отметить, что и в сугубо финансовом плане сотрудники авиапредприятий не могли похвастаться особо большими окладами.

Табл. 2 Динамика среднемесячной зарплаты в НКАП. (руб.)[304]

	1939	1940	1941	1942	1943	1944
Среднемесячная зарплата ИТР	866	892	977	1123	1185	1286
Среднемесячная зарплата рабочего	464	473	508	593	618	686

Для сравнения с данными, приведенными в таблице 2, можно указать, что на 1944 г. среднемесячная зарплата рабочего в промышленности союзного подчинения составила в среднем 573 рубля (в угольной промышленности — 729 руб., а в чёрной металлургии — 697 руб.), а ИТР — 1209 руб. (соответственно в угольной промышленности и чёрной металлургии — 1502 и 1725 руб.)[305]. Таким образом, оклады инженеров и рабочих авиапромышленности хотя и были выше, чем в среднем по СССР, однако не составляли ничего исключительного. Более того, так как в наркомате танковой промышленности в 1944 г. средняя зарплата рабочего составила 733 руб.[306], можно сказать, что место на авиазаводе отнюдь не относилось к числу особо «хлебных» даже внутри отраслей «оборонки».

При этом следует отметить, что в сравнении с другими отраслями промышленности в плане качества работ авиаиндустрия выглядела достаточно благополучно: потери от брака на входивших в её состав предприятиях были ниже, чем в других отраслях машиностроения, как оборонных, так и гражданского назначения (см. таблицу 3):

---

[302] Подробнее об этом см. Мухин М.Ю. Советская авиационная промышленность 1940-х годов и первые реактивные самолёты. // Российская история. 2016 №4. С.44–55.

[303] РГАЭ. Ф.8044. Оп.1. Д.3224. Л.265.

[304] Там же. Д.2976. Л.33, 36.

[305] Вознесенский Н.А. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1948. С.117–118.

[306] Запарий В.В. К вопросу о материальном снабжении и стимулировании труда работников танковой промышленности Урала в годы Великой Отечественной войны. // Сб. стат. 70-летие великой Победы: исторический опыт и проблемы современности. Ч.1. Екатеринбург, 2015. С.124.

Табл. 3 Соотношение убытков от брака и себестоимости валовой продукции по отдельным отраслям промышленности Новосибирска в годы войны (%)[307].

Отрасль промышленности	**1941**	**1942**	**1943**	**1944**	**I полугодие 1945**	**Итого за годы войны**
Боеприпасов	4,5	2,8	3,1	2,8	2,7	2,9
Вооружения	5,7	2,5	3,0	3,6	3,4	3,5
Авиационная	0,4	0,7	2,3[308]	0,9	0,5	1,1
Электропромышленности	–	5,0	6,8	3,6	4,5	4,6
Машиностроение	2,8	3,4	3,2	3,4	2,5	3,2
Цветная металлургия	0,5	0,5	0,4	0,4	0,1	0,4
Чёрная металлургия	–	1,7	2,4	0,9	1,8	1,5

Хотя вышеприведенная таблица описывает ситуацию лишь на заводах и фабриках Новосибирска, у нас нет оснований считать, что в масштабах всего СССР ситуация кардинально отличалась от приведенной. Как видим, в черной и цветной металлургии уровень потерь от брака был приблизительно равен аналогичному показателю в авиапроме, однако специфика производства там существенно отличалась от характерных условий авиапромышленности, сравнение же с исключительно машиностроительными отраслями показывает явное превосходство авиастроителей в качестве работ.

Велик соблазн объяснить низкий уровень брака на авиапредприятиях высочайшей квалификацией сотрудников авиаиндустрии, однако факты свидетельствуют, что в основной массе среди работников авиапромышленности превалировали сотрудники с относительно малым стажем работы. Если обратиться к ситуации на заводе № 153, являвшимся одним из ведущих авиапредприятий СССР в годы Великой Отечественной войны, то на 1 января 1945 г. распределение рабочих и инженеров по стажу работы выглядело следующим образом (см. таблицу 4):

---

[307] Савицкий И.М. Важнейший арсенал Сибири. Новосибирск, 2005. С.300.

[308] Резкое возрастание брака в 1943 г., очевидно, объясняется столь же резким ростом авиавыпуска в том году. Если в 1942 г. завод выпустил 2265 самолётов, то в 1943-м — 4532 (см. Савицкий И.М. Указ. соч. С.394).

Табл. 4 Стаж работы кадров авиазавода № 153 на 1 января 1945 г.[309]

Стаж работы	рабочие		ИТР	
	человек	удельный вес (%)	человек	удельный вес (%)
Всего	10988	100	2653	100
до 1 года	830	7,6	74	2,8
до 3 лет	2661	24,2	225	8,5
до 5 лет	4677	42,6	1424	53,7
до 10 лет	3323	30,2	888	33,5
свыше 10 лет	97	0,9	42	1,6

Думается, в первом приближении эти пропорции можно распространить и на всю авиаиндустрию. Как видим, приблизительно две трети персонала авиапрома на 1945 г. имели стаж работы до 5 лет, т.е. пришли в авиапромышленность или накануне войны, или уже в военные годы. Обращает на себя внимание и то, что эта пропорция в целом верна и для инженерно-технических кадров.

Выше мы рассматривали ситуацию с продолжительностью рабочего стажа рабочих и ИТР на заводе № 153. Если же мы обратимся к распределению по разрядам тарифной сетки только рабочих, но в масштабах всей авиапромышленности, то легко убедимся, что на начало 1945 г. в авиаиндустрии СССР превалировала сравнительно малоквалифицированная рабочая сила (см. таблицу 5).

Табл.5 Распределение рабочих НКАП по разрядам на 01.01.1945 (%)[310]

I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
0,1	4,2	31,0	26,5	20,0	12,5	4,8	0,9

Материалы этой таблицы косвенным образом подтверждают правомочность нашего предположения о возможности рассмотрения ситуации на новосибирском заводе № 153 в качестве характерной для всей авиапромышленности Советского Союза того периода. Очевидно, что рабочие высших разрядов (VI–VIII) суммарно составляли менее 20% всех рабочих авиапрома. Надо отметить, что в годы войны квалификация сотрудников НКАП кардинально не изменилась. Мы позволим себе привести данные лишь о пиковых значениях изменения среднего уровня квалификации по заводам, на остальных предприятиях разница между средним уровнем разрядности по квалификационной сетке была ещё меньше.

---

[309] Савицкий И.М. Указ. соч. С.246.

[310] РГАЭ. Ф.8044. Оп.1. Д. 2873. Л.11.

Табл. 6 Изменения среднего разряда квалификации по заводам (приводится в извлечении)[311]

№ завода	Средний разряд по заводу на 15.05.1941	Средний разряд по заводу на 01.01.1945	разница
153	3,4	4,09	+0,69
22	4,0	4,6	+0,6
26	3,6	4,22	+0,62
305	4,3	4,08	–0,22
18	3,5	4,22	+0,72
29	4,3	4,03	–0,27

Видимо, именно ввиду такого положения дел руководство советской авиапромышленности пошло на создание особой группы заводов, на которых концентрировались высококвалифицированные кадры. Из 132 авиазаводов, функционировавших на 1 января 1945 г., на 91 преобладали рабочие III разряда, на 30 — IV, и лишь на 8 — V–VI разрядов[312].

На протяжении всей войны основная масса рабочих авиапромышленности концентрировалась на сравнительно небольшой группе крупных предприятий, численность персонала которых превышала 5 тыс. человек (см. таблицу 7)

Табл. 7 Концентрация рабочей силы на предприятиях НКАП[313]

Количество человек	Количество заводов, на которых работало… чел.		Количество рабочих, работавших на заводах, относящихся к соответствующей группе		Удельный вес данной группы (в %) по отношению ко всем			
					заводам		рабочим	
	1941	1945	1941	1945	1941	1945	1941	1945
До 1000	55	51	26491	24814	41,7	37,5	6,7	6,1
1000-3000	41	50	71714	85313	31,1	36,7	18,1	20,8
3001-5000	12	13	49092	48428	9,1	9,6	12,4	11,8
Св. 5000	23	22	236756	251016	18,1	16,2	62,8	61,3

Первое послевоенное пятилетие. Уже 21 июня 1945 г. было издано постановление Совнаркома № 1441 «О переводе рабочих, инженерно-технических работников и служащих предприятий на нормальный рабочий день», в котором предписывалось разработать меры по переводу персонала про-

[311] Там же. Д.2985. Л.39.

[312] Там же. Д. 2873. Л.11.

[313] Там же. Д.2885. Л.93.

мышленности на нормальный, то есть восьмичасовой рабочий день и отмене массовых сверхурочных работ[314]. Справедливости ради, надо отметить, что в значительной степени это постановление осталось в области планов и мечтаний — и сверхурочные, и продленный рабочий день еще долго оставались характерными элементами повседневности советской промышленности[315]. Однако очевидно, что общий вектор, определявший характерные процессы динамики трудовых ресурсов СССР, изменился. Завершение войны и перевод не только промышленности, но и всей экономики СССР обратно на мирные рельсы имел множество как экономических, так и социальных последствий. Одним из этих следствий перехода к мирной жизни стало определенное снижение трудовой дисциплины, четко прослеживаемое в помесячных отчетах НКАП за 1945 г.

Табл.8 Трудовые показатели по труду и зарплате на предприятиях НКАП. Март — декабрь 1945 г.[316]

	среднесписочное число рабочих за месяц	число рабочих, совершивших прогул	прогулы (человеко-дней)	отработано тыс. человеко-часов	Средний процент выполнения норм по отработанному времени (%)	отработано сдельно (%)
январь	407245	3801	47044	91531	156,7	94,5
март	415745	3909	42633	96267	156,9	94,9
апрель	417477	2669	42047	93790	159,6	94,9
июнь	416355	4401	45707	82769	158,9	95,0
июль	415211	3984	51157	72963	161,1	94,6
август	405161	5235	83875	69890	162,0	94,8
сентябрь	391714	4924	96090	57466	158,4	94,1
октябрь	380620	4547	94323	60062	158,8	92,7

Как видим, уже с лета среднесписочное число рабочих в авиапромышленности начинает сокращаться, а численность прогульщиков, наоборот, расти. Но, что ещё важнее, длительность прогулов росла ещё быстрее. В результате в январе 1945 г. на 1 рабочего авиаиндустрии приходилось всего 0,12 человеко-дней прогулов, а в октябре того же года — уже 0,25. Вообще, надо отметить, что именно в 1945 г. ситуация с качеством работ в авиапроме начала резко ухудшаться. По заводам I Главного управления потери от брака против 1944 года увеличились в полтора раза, а по отдельным заводам в два — два с половиной раза. При этом на большинстве заводов резко сни-

[314] Москва послевоенная. 1945–1947. Архивные документы и материалы. М., 2000. С.333.

[315] Там же. С.338.

[316] РГАЭ. Ф.8044. Оп.1. Д.4482. Л.5–6,20,23,26,28,33,36,39,42,46,48,52,54,57,58.

зились удержания с виновников брака, например: по заводу № 22 — до 6 % вместо 12,6 % в 1944 году[317]. Надо признать, что широкие слои народного потребления улучшится и напряжённость труда снизится. Было очевидно, что непрерывный четырехлетний аврал под лозунгом «Всё для фронта, всё для победы» измотал людей и теперь, когда военная угроза отступила, советские граждане расчитывали на улучшение своего материального положения и облегчение условий труда. Так, в мае 1945 г. на стол первого секретаря Московского горкома партии Г.М.Попова легла докладная записка из оргинструкторского отдела горкома, в которой, в том числе, говорилось: «В связи с началом мирной жизни среди трудящихся появились разговоры о необходимости перехода на 8-часовой рабочий день, об отмене военного налога, создании лучших материально-бытовых условий в смысле снабжения продуктами питания и товарами широкого потребления. Рабочий фабрики им. Фрунзе т. Локотецкий говорит: «В годы войны мы отказывали себе во всём, понимали, что всё должно идти для победы. Теперь война кончилась. Хочется, чтобы о нас больше проявили заботы». На заводе № 798 многие рабочие выражают пожелание о переходе на 8-часовой рабочий день. Об этом напоминают на беседах. 10 мая в беседе главный инженер завода т. Окунев, отвечая на вопрос о возможности перехода на 8-часовой рабочий день, указал, что «в связи с окончанием войны надо ещё больше работать, чтобы восстановить разрушенное хозяйство». Некоторые, как стерженщик т. Жуков и конструктор т. Спасский, не удовлетворились таким ответом. Среди рабочих, особенно литейного цеха, и инженерно-технического персонала часто ведутся разговоры об ордерах на промтовары. «За время войны, — говорят работники литейного цеха тт. Морозов, Белоусов, технолог Авдонин, начальник цеха №1 т. Колупанович, — все поизносились, а ордеров на одежду не выдают». На беседах и в частных разговорах задаются различные вопросы, связанные с послевоенным устройством. Спрашивают: «Как скоро будет введён 8-часовой рабочий день? Увеличится ли норма отпуска хлеба и других продуктов? Будут ли в текущем году предоставляться рабочим и служащим отпуска или выплачиваться компенсация? Улучшится ли снабжение промтоварами? Отменится ли военный налог?»»[318]. В аналогичной записке, поданной 1 июня, утверждалось, что в фокусе внимания московских тружеников были вопросы: «Будем ли мы получать продовольствие из США после войны? Почему заводы и фабрики продолжают работать на полную мощность и выпускать оборонную, а не гражданскую продукцию? Скоро ли отменят Указ правительства об ответственности за дезертирство с оборонных предприятий?»[319] Во второй половине 1940-х годов на авиазаводах, как и на других предприятиях страны, нередко задерживали зарплату. Скажем, в сентябре 1946 г. в горком посту-

[317] Подрепный Е.И. Указ. соч. С.50.

[318] Москва послевоенная. 1945–1947. Архивные документы и материалы. М., 2000. С.47.

[319] Там же. С.54.

пил сигнал, что на заводе № 381 зарплата систематически задерживается на 6–10 дней. В НИИ-1 (входил в систему МАП) в сентябре из-за несистематической выплаты зарплаты ряд сотрудников остались с неотоваренными карточками за август и даже за июль[320].

Одновременно ухудшалась ситуация и с эффективностью использования наличной рабочей силы. Если численность среднесписочного числа рабочих за январь — октябрь снизилась на 6,5%, то длительность отработанного за месяц рабочего времени упала за тот же период на 34,5%. С учётом того, что средний процент выполнения норм по отработанному времени на фоне столь существенного спада отработанного времени к октябрю вернулся к значениям, характерным для начала года, можно утверждать, что вышеописанная коллизия стала результатом нараставшего расслоения рабочих авиазаводов по степени выполнения нормы: кто-то стал перевыполнять норму ещё больше, а кто-то, напротив, перестал и вовсе справляться с нормой выработки. Более наглядно эта ситуация иллюстрируется данными таблицы 9.

Табл. 9 Выполнение норм выработки сдельщиками по НКАП в январе — октябре 1945 г. (%)[321]

	до 99%	100 — 119%	120 — 149%	150 — 199%	2 и более норм
январь	6,0	20,6	25,2	26,0	22,2
февраль	6,1	19,9	24,6	26,7	22,7
март	5,2	20,0	24,8	27,2	22,8
апрель	4,7	18,8	25,0	27,5	24,0
июнь	5,9	19,9	24,1	26,7	23,4
июль	6,3	20,1	23,5	26,4	23,7
август	6,5	20,7	23,5	25,0	24,4
сентябрь	6,9	21,6	23,0	24,0	24,5
октябрь	7,5	20,9	22,4	24,4	24,8

Очевидно, что число не выполнявших норму выработки рабочих упало до минимальных значений в апреле, после чего оно не просто выросло, а на 1,5% превысило значения начала года. При этом с апреля начался рост удельного веса группы рабочих, выполнявших норму или перевыполнявших её не более чем на 19%, но началось медленное сокращение доли сотрудников, систематически перевыполнявших норму на 120–199%. При этом удельный вес «двухсотников», уверенно выдававших по 200 и более процентов нормы выработки, пусть медленно, но рос.

---

[320] Там же. С.179.

[321] РГАЭ. Ф.8044. Оп.1. Д. 4482. Л.6,18,23,25,36,42,46,52,57.

Как уже говорилось выше, переход к мирной жизни для авиапромышленности означал, в том числе, и резкое сокращение численности персонала, к 1 сентября 1946 г. снизившейся до 285 тыс. чел. Руководство СССР хорошо понимало и причины, и последствия масштабного спада численности авиапрома и по мере сил пыталось воспрепятствовать такому развитию событий. Так, уже 25 мая 1945 г. Государственный Комитет Обороны СССР в связи с частичным переходом заводов и фабрик с военной на гражданскую продукцию разрешил народным комиссарам и директорам предприятий на период освоения новых видов производства выплачивать рабочим в течение 1–2 месяцев по решению народного комиссара в зависимости от сложности нового производства (где это необходимо) среднюю заработную плату по фактическому заработку за последние 3 месяца[322]. Видимо, таким путем предполагалось остановить или хотя бы уменьшить масштабы оттока персонала с оборонных предприятий (и с авиазаводов в том числе), однако, как видим, существенного эффекта это решение не принесло. Правда, затем руководству авиапрома удалось переломить тенденцию, и в 1947 г. среднемесячная численность сотрудников авиапромышленности составляла около 304 тыс. чел.[323], но и этого было явно недостаточно для выполнения производственной программы по авиавыпуску. Так, уже в январе 1947 г. Хруничев рапортовал Сталину о том, что в последние годы резко возросло значение обеспеченности самолётов различной радиоаппаратурой — радиостанциями, локаторами, приборами «слепой посадки» и т.п. На этом фоне совершенно абсурдной выглядело положение дел, при котором авиапром был вынужден сокращать сотрудников приборостроительных заводов ввиду ограниченности фонда продовольственных карточек. На этом основании Хруничев настаивал на выделении авиаиндустрии дополнительно продовольственных фондов на 26800 человек[324]. Так или иначе, но к 1948 году крупнейшие советские авиазаводы подошли с численностью персонала, существенно уступавшей пиковым значениям 1943 года[325]. При этом надо учитывать, что дефицит персонала был вызван объективными факторами (оттоком рабочей силы, увеличением производственной программы или комбинацией этих причин), а не стало результатом того, что заводоуправления избавлялись от «излишней» рабочей силы. Напротив, ряд предприятий испытывали нехватку персонала, особенно дефицитных профессий. Скажем завод № 21 в 1947 г. для выполнения производственной программы нуждался ещё в 1050 рабочих, в том числе требовалось 150 станочников (это составляло 10 % от общего числа станочников завода), 320 клепальщи-

---

[322] См.: Постановление Государственного Комитета обороны 25 мая 1945 г. О мероприятиях по перестройке промышленности в связи с сокращением производства вооружения // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам 1917–1967. Сборник документов за 50 лет. — М., 1968. Т.3. С.231–232.

[323] РГАЭ. Ф.8044. Оп.1. Д.3219. Л.29.

[324] Там же. Д.3220. Л.18.

[325] Там же. Д.3263. Л.117.

ков (34 %), 250 дюральщиков (30 %) и 330 слесарей (17 %)[326]. Как видим, по ряду позиций предприятию хотелось бы увеличить численность рабочих соответствующей професии на треть.

1 января 1948 г. был проведен единовременный учет рабочих МАП[327]. С учетом того, что ранее аналогичные «переписи кадрового состава» проводились НКАП в мае 1941 г. и в январе 1945 г., сравнительный анализ результатов этих единовременных учетов позволяет сделать некоторые выводы об основных тенденциях развития кадрового состава авиапромышленности в первое послевоенное пятилетие.

Табл. 10 Удельный вес численности работающих по возрастам (%)[328]

			до 18 лет	18 –25 лет	26 –35 лет	36 –49 лет	50 лет и старше
всех работающих на промпредприятиях	мужчин	01.01.45	12,1	27,4	30,4	24,1	6,0
		01.01.48	4,9	32,0	27,8	28,4	6,9
		05.05.49[329]	4,6	32,5	26,4	29,4	7,1
	женщин	01.01.45	10,4	42,9	26,8	16,3	3,1
		01.01.48	3,4	42,9	27,5	21,8	4,1
		05.05.49	2,9	40,9	28,4	23,4	4,4
рабочих	мужчин	01.01.45	13,0	32,6	27,6	21,0	5,8
		01.01.48	5,1	38,8	25,5	24,4	6,2
		05.05.49	5,0	39,0	24,5	25,3	6,2
	женщин	01.01.45	11,2	43,9	25,4	16,5	3,0
		01.01.48	3,4	45,6	26,0	21,1	3,9
		05.05.49	2,7	44,4	26,5	22,6	3,8

Сопоставление данных 1945 и 1948–1949 годов позволяет судить о том, что на протяжении послевоенного пятилетия доля несовершеннолетних сотрудников промышленных предприятий (до 18 лет) неуклонно сокраща-

[326] ЦАНО. Ф.2066. Оп.4. Д.111. Л.14.

[327] РГАЭ. Ф.8044. Оп.1. Д.3282. Л.4.

[328] Там же. Л.6.

[329] В данной таблице все данные, относящиеся к 1949 г., вписаны карандашом.

лась, зато возрастал удельный вес работников старше 36 лет. Обращает на себя внимание, что в этот период в персонале авиапрома снижался удельный вес мужчин в возрасте 26–35 лет и возрастал удельный вес женщин этого возрастного диапазона. Очевидно, тут мы наблюдаем результат демографических потерь в годы войны: 30-летние мужчины постепенно переходили в следующую возрастную группу, а поколение, которому в 1945 г. было 22–27 лет, понесло тяжёлые потери на фронтах Великой Отечественной, поэтому удельный вес мужчин среднего возраста сократился. В возрастной группе 18–25 лет удельный вес мужчин, наоборот, вырос, так как через порог совершеннолетия переступило поколение, не успевшее на поля сражений. Помимо сокращения удельного веса несовершеннолетней молодежи происходили существенные количественные изменения внутри этого слоя.

Табл. 11 Количество рабочей молодежи по возрастным группам[330]

Дата	**всего по МАП — сотрудников до 18 лет**	**Из них**							
		мужчины				**женщины**			
		всего	**в том числе**			**всего**	**в том числе**		
			до 14 лет	**14–15 лет**	**16–17 лет**		**до 14 лет**	**14–15 лет**	**16–17 лет**
01.01.45	50622	32359	606	5709	26044	18263	159	2455	15649
01.01.48	13696	9475	9	662	8804	4221	6	227	3988
05.05.49[331]	18854	12931	16	1011	11904	5923	1	376	5546
05.05.50	13055	9611	4	371	9236	3444	1	77	3366

Таким образом, количество несовершеннолетних сотрудников авиапромышленности сокращалось как в относительных, так и в абсолютных цифрах, но в 1949 г., продолжая сокращаться в цифрах относительных, оно начало расти в цифрах абсолютных. Впрочем, как показывают материалы 1950 г., этот рост не имел долговременного характера. Причем одновременно наблюдалась и еще одна тенденция — практически полностью сошло на нет использование на авиазаводах труда работников моложе 14 лет, да и, как сказали бы сейчас, тинейджеров 14–15 лет на авиапредприятиях было не так уж много.

[330] РГАЭ. Ф.8044. Оп.1. Д.3282. Л.8. Д.3513. Л.6.

[331] Вся строка вписана карандашом

В годы войны отток мужчин призывных возрастов в действующую армию привел к резкому увеличению удельного веса женщин на авиапредприятиях[332]. Хотя удельный вес женщин среди, скажем, наладчиков станков остался незначительным, рост по сравнению с довоенным уровнем превысил отметку в 3,5 раза. Более чем в 3 раза возрос удельный вес женщин среди слесарей и токарей; более чем в 2,5 раза — среди фрезеровщиков, шлифовщиков, штамповщиков и кузнецов. Судя по незначительному (всего-то вдвое) росту удельного веса среди револьверщиков, среди которых, тем не менее, женщины к январю 1945 г. составляли две трети, работа на револьверных станках и до войны часто доверялась работницам. При этом следует иметь в виду, что на 1944 г., предположительно, приходится значительный отток женщин с авиапредприятий. Во всяком случае, такой феномен фиксируется на одном из крупнейших авиазаводов — № 153[333]. Таким образом, мы вправе предположить, что в 1942–1943 годах удельный вес женщин на авиапредприятиях был еще больше. Было бы логичным предположить, что в послевоенный период доля женского труда в авиапромышленности резко сократится, однако факты демонстрируют иную картину (см. таблицу 12).

Табл. 12 Удельный вес женщин, работающих на производстве на авиапредприятиях, по категориям персонала[334]

	01.01.1945	**01.01.1948**	**05.05.1949** [335]	**05.05.1950**
всего на промпредприятиях из них:	41,0	41,4	41,6	43,2
рабочих	39,5	40,1	40,6	42,7
ИТР	21,2	23,1	22,8	23,8
служащих	83,2	77,1	76,1	77,6
учеников	37,4	37,8	46,6	45,7
МОП и ВВО	68,0	67,2	66,5	67,9

Как видим, доля женщин сократилась разве что в категории «служащие», но в целом использование женского труда в МАП осталось на прежнем уровне. Более того, в 1950 г. даже наметилось определенное увеличение удельного веса женского труда в авиапромышленности. Однако очевидно, что для масштабов авиавыпуска ключевое значение имело не столько гендерное распределение сотрудников авиаиндустрии, сколько их квалификация и опытность, которые в первом приближении определяются стажем ра-

[332] РГАЭ. Ф.8044. Оп.1. Д.2873. Л.9.

[333] Савицкий И.М. Указ. соч. С.245.

[334] РГАЭ. Ф.8044. Оп.1. Д.3282. Л.9., Д.3513. Л.11.

[335] Вся графа вписана карандашом.

боты в авиапромышленности. В этом плане динамика развития кадров авиапрома имела следующий вид.

Табл. 13 Удельный вес различных групп сотрудников авиапромышленности в зависимости от стажа их работы (%)[336]

	до 3 лет		3–5 лет		5–10 лет		10–25 лет		свыше 25 лет	
	01.01. 48	05.05. 49[337]	01.01.48	05.05.49	01.01.48	05.05.49	01.01.48	05.05.49	01.01.48	05.05.49
мужчины										
рабочие	36,9	41,4	14,4	11,9	37,0	33,0	11,6	13,6	0,1	0,1
ИТР	25,3	25,4	7,7	9,6	39,1	33,7	27,5	30,8	0,4	0,5
служащие	43,9	41,8	13,6	13,8	28,2	29,2	14,1	14,8	0,2	0,4
МОП и ВВО	52,4	49,7	15,7	16,0	25,2	26,3	6,5	7,8	0,2	0,2
Всего	36,6	39,8	12,8	11,4	35,9	32,1	14,5	16,5	0,2	0,2
женщины										
рабочие	39,1	42,6	19,3	14,5	35,6	36,0	6,0	6,9	–	–
ИТР	32,4	33,6	16,3	13,3	40,4	40,4	10,8	12,7	0,1	–
служащие	41,0	40,8	19,3	15,6	34,0	36,6	5,7	7,0	–	–
МОП и ВВО	46,7	49,0	20,4	17,0	28,9	28,6	3,9	5,4	0,1	–
Всего	40,6	43,7	18,8	14,4	34,5	34,8	6,1	7,1	–	–
Всех работающих на пром-предприятиях	38,3	41,4	15,3	12,6	35,3	33,3	11,0	12,6	0,1	0,1

Очевидно, что за пять послевоенных лет удельный вес «новых» рабочих, стаж которых был менее 3 лет, несколько вырос. Точно так же подросла доля ветеранов, проработавших на авиазаводах по 10–25 лет. Но прирост этих групп означал сокращение средних по продолжительности стажа групп тружеников авиапрома — «от 3 до 10 лет». Казалось бы, такое распределение групп сотрудников по стажу в авиапромышленности должно было привести к аналогичному распределению и групп авиастроителей по квалификации, но на самом деле распределение имело несколько иной вид. К сожалению, в нашем распоряжении есть данные о распределении по разрядам тарифной сетки только для рабочих, однако, с учётом превалирования в персонале авиапромышленности именно этой категории тружеников, думается, выводы, сделанные на основании нижеследующей таблицы можно смело распространить на ситуацию в авиапромышленности в целом.

[336] РГАЭ. Ф.8044. Оп.1. Д.3282. Л.7.

[337] В данной таблице все данные, относящиеся к 1949 г., вписаны карандашом.

Табл. 14 Распределение рабочих авиапредприятий по разрядам (% от общего числа)[338]

	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
01.01.45	4,3	31,0	26,5	20,0	12,5	4,8	0,9
01.01.48	2,2	25,1	26,3	23,3	15,4	6,5	1,2
05.05.49[339]	1,3	23,6	25,7	24,7	16,1	6,9	1,7
05.05.50	1,0	22,4	25,4	25,6	16,5	7,1	2,0

Как следует из данных таблицы 14, в послевоенное пятилетие наблюдался неуклонный рост удельного веса высококвалифицированных рабочих V–VIII разрядов тарифной сетки, а доля низкоквалифицированных рабочих, наоборот, снижалась. Так, удельный вес рабочих II разряда за 1945–1950 годы сократился в 4,3 раза, а III категории — почти в полтора. Доля тружеников авиапрома IV разряда тарифной сетки практически не изменилась, а вот представительство авиастроителей V–VIII разрядов выросло, и существенно. В то же время нельзя упускать из вида, что на 1950 г. на сотрудников II–IV разрядов всё ещё приходилось более 70% всего персонала авиапромышленности — до кардинальных изменений в уровне квалификации авиастроителей было еще далеко. С учётом вышеприведенного анализа групп сотрудников авиапрома по стажу работы следует признать, что рост квалификации авиастроителей мог быть достигнут только и исключительно за счет особого внимания к обучению персонала. Судя по всему, учтя опыт времен Великой Отечественной войны, руководство советской авиапромышленности поставило работу по повышению квалификации сотрудников авиаиндустрии на первый план и добилось в этом отношении немалых успехов.

Выше, рассматривая ситуацию с преобладанием на заводах рабочей силы различной квалификации, мы пришли к выводу, что на 1945 г. приблизительно на двух третях предприятий НКАП превалировали работники III разряда тарифной сетки. Однако на протяжении первого послевоенного пятилетия ситуация в этом плане начала улучшаться.

Табл. 15 Распределение заводов по преобладающему среднему разряду рабочих[340]

год/учтено заводов	в том числе на следующем количестве заводов преобладали разряды				
	II	III	IV	V	VI
1945 — 132	3	91	30	7	1
1948 — 101	–	45	33	22	1
1950 — 103	–	37	33	31	2

[338] РГАЭ. Ф.8044. Оп.1. Д.3282. Л.12., Д.3513. Л.17.

[339] Вся строка вписана карандашом

[340] РГАЭ. Ф.8044. Оп.1. Д.3513. Л.16.

Как видим, если на 1945 г. на заводы с преобладанием малоквалифицированной (II–III разряды) рабочей силы приходилось 71% всех авиазаводов, то на 1948 г. удельный вес таких предприятий сократился до 45%, а к концу пятилетия и вовсе до 36%. Теперь лицо авиапрома определяли предприятия, на которых доминировали рабочие IV–V разрядов.

Кроме того, надо учитывать, что распределение заводов с преобладанием рабочей силы той или иной квалификации было неодинаковым в различных главках авиапромышленности.

Табл. 16 Распределение заводов МАП по преобладающему тарифному разряду рабочих в 1948 г.[341]

Номер главка	Количество заводов					
	всего	в том числе с преобладанием разряда рабочих				
		II	III	IV	V	VI
I	8	–	5	–	3	–
II	9	–	4	2	3	–
III	11	–	2	9	–	–
IV	11	–	5	6	–	–
V	13	–	6	3	4	–
IX	6	–	4	2	–	–
X	14	–	5	3	6	–
XI	11	–	5	3	2	1
XIV	4	–	1	2	1	–
XVII	11	–	6	2	3	–
Управление оборудования	3	–	2	1	–	–
Итого	101	–	45	33	22	1
Удельный вес, %	100	–	44,6	32,7	21,8	1,0
Удельный вес в 1945 г., %	100	2,3	69,0	22,7	5,3	0,7

Как видно из таблицы 16, если в 1945 г. на долю предприятий НКАП с преобладанием III разряда тарифной сетки приходилось приблизительно две трети авиазаводов, то на 1948 г. доля таких предприятий не составляла даже и половины заводов МАП. Таким образом, хотя группа заводов с преобладанием среди работников III разряда тарифной сетки сохранила преобладание, степень доминирования этой группы существенно снизилась.

Наконец, если рассматривать динамику роста квалификации сотрудников авиаиндустрии в целом, без разделения по гендерному или возрастному

[341] Там же. Д.3282 Л.46.

принципу и без учета принадлежности к тому или иному главку, то мы получим следующую картину.

Табл. 17 Состав рабочих по разрядам (%)[342]

	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
1945	4,3	31,0	26,5	20,0	12,5	4,8	0,9
1948	2,2	25,1	26,3	23,3	15,4	6,5	1,2
1950	1,0	22,4	25,4	25,6	16,5	7,1	2,0

Налицо очевидный рост удельного веса рабочих V–VIII разрядов при синхронном снижении представительства малоквалифицированной рабочей силы.

Одним из эффективных методов повышения интенсивности труда в авиапромышленности, апробированным руководством НКАП в годы войны, стало форсированное внедрение сдельной формы оплаты труда[343]. К 1945 г. распространение сдельщины существенно превысило 62%, характерные для НКАП в 1938–1939 гг.[344] В послевоенный период эта тенденция получила дальнейшее расширение. Так, на 1 мая 1948 г. удельный вес сдельщиков по МАП достиг отметки 69%, но на 5 мая 1949 г. откатился к 66,1%. При этом удельный вес прогрессивной сдельщины по отношению ко всем сдельщикам составлял на 01.01.45–28,3%, на 01.05.48–40,1%, а на 05.05.49–43,6%. Синхронно росло и применение премиальных систем стимулирования труда. Так, на январь 1945 г. число сотрудников авиапрома, охваченных различными премиальными системами, составляло 68,2% от всех повременщиков, а на май 1948-го — 77,4%[345]. Всего в послевоенное пятилетие ситуация с применением в авиапромышленности сдельной, сдельно-прогрессивной и премиальной систем оплаты труда выглядела следующим образом.

Табл. 18 Удельный вес сдельщиков по МАП[346]

	Сдельщиков	Сдельщиков на прогрессивке[347]	На премиальных системах[348]
01.01.1945	68,2	28,3	68,2
01.05.1948	69,0	40,1	77,4
05.05.1950	67,2	53,2	88,6

[342] Там же. Д.3513. Л.17.

[343] Там же. Д.2873. Л.12.

[344] Мухин М.Ю. Авиапромышленность СССР в 1921–1941 гг. М., 2006. С.223.

[345] РГАЭ. Ф.8044. Оп.1. Д.3282. Л.13.

[346] Там же. Д.3513. Л.18–20.

[347] в % от числа сдельщиков

[348] в % от числа повременщиков

Как видим, пройдя пик в 1948 г., в дальнейшем число собственно сдельщиков начало снижаться. Зато нарастающими темпами внедрялись сдельно-прогрессивные и премиальные системы оплаты труда[349].

Величина ставки одного и того же разряда на авиазаводе могла существенно колебаться даже в пределах одного региона. На 1948 г. на 16 авиапредприятиях Москвы для повременщиков I разряда одновременно применялось 8 ставок, причем минимальная из них составляла 115,4 коп./час, а максимальная — 145,1 коп./час.[350] Особую проблему составляло то обстоятельство, что большинство норм выработки не были научно обоснованы, а определялись эмпирически. Грубо говоря, эти нормы являлись нормами на основании «так принято», а не на базе каких-то вычислений или рекомендаций органов по контролю техники безопасности или научной организации труда. На 1 мая 1949 г. всего в системе предприятий и учреждений МАП существовало 5039197 норм, из них лишь 1945130 (38,6%) были расчетные[351]. Остальные были рассчитаны «на глазок». Так или иначе, не вызывает сомнения, что к концу 1940-х годов менеджмент советской авиапромышленности добился существенных успехов в деле повышения производительности труда.

Табл.19 Численность и фонд зарплаты персонала промпредприятий МАП[352]

	1940	**1945**	**1946**	**1947**	**1948**	**1949**
Весь персонал промпредприятий (чел.)	432535	564057	462438	437168	453089	491781
Промышленно-производственный персонал в том числе:	412541	522882	422954	397882	414358	453768
рабочие	278495	377376	293989	278423	298543	453762
ИТР	50515	81371	73039	69088	67791	70487
служащие	29798	24411	22702	21137	19837	20173
МОП	8317	6661	5202	4813	3935	3563
ученики	25853	12943	8312	7867	8544	11303
ВВО	19563	20120	19710	16554	15705	15996
непромышленный персонал	19994	41175	39484	39286	38731	38019

[349] О соотношении повременной, сдельной, сдельно-прогрессивной и премиальной систем оплаты труда в советском менеджменте см. подробней: Мухин М.Ю. Премиальные, сдельщина и «повремянка». Эволюция системы оплаты в годы индустриализации в СССР (на примере Московского электрокомбината). // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2003. №2. С.88–97.

[350] РГАЭ. Ф.8044. Оп.1. Д.3513. Л.14.

[351] Там же. Д.3346. Л.231.

[352] Там же. Л.230, 238.

выработка на 1 рабочего (руб.)	21955	31501	16354	22235	27108	31188
Фонд заработной платы (тыс. руб.)персонал промпредприятий	2468100	4717000	3759300	4085000	4297000	4831251
Фонд заработной платы промышленно-производственного персонала,в т.ч.:	2386300	4588000	3559600	3854700	4055500	4581420
рабочие	1541300	2944300	2237300	2513000	2711800	3168209
ИТР	537100	1257900	1016700	1023200	1033900	1085015
служащие	161400	177200	164200	170800	166400	172837
МОП	21900	20700	17100	20000	16900	15577
ученики	46800	32500	24000	29200	32600	42940
ВВО	77800	95400	100300	98500	93900	96842
непромышленный персонал	81800	189000	199700	230300	241500	249831

Как видим, хотя к концу десятилетия спад численности персонала, достигший максимального значения в 1947 г., был преодолен, даже к 1949 г. персонал авиапрома был меньше, чем в 1945 г. Легко заметить, что в 1945–1946 годах динамика численности персонала авиапромышленности и фонда заработной платы имела схожую направленность. Однако в 1947 г. численность сотрудников авиапрома продолжала снижаться, а фонд зарплаты, напротив, пошел на подъем. При этом численность персонала за 1946–1949 гг. возросла всего на 3%, а объем фонда заработной платы — на 28,5%. В то же время выработка на одного рабочего за этот же период практически удвоилась, поэтому опережающий рост фонда заработной платы не должен вызывать удивления. При этом нельзя упускать из вида, что выработка удвоилась по сравнению с 1946 г., то есть сначала мы наблюдаем очень резкое падение выработки, а уж потом начинается ее бурный рост. В этом плане более иллюстративным было бы сравнение с 1944 г., как с последним полным годом войны.

Табл. 20 Индекс производительности труда авиапромышленности за 1940–1948 гг.[353]

	1940	**1944**	**1948**
валовая продукция (тыс. руб.)	6167801	15713600	8002619
среднемесячная численность рабочих	281075	394354	300197
выработка на 1 рабочего в год (руб.)	21943	39847	26658

[353] Там же. Д.4014. Л.37.

Легко заметить, что выработка на одного рабочего в 1948 г. составляла лишь 67% от уровня 1944 г. Важно отметить, что резкий рост выработки на одного рабочего начался в 1947 г. — видимо, на 1945–1946 годы пришёлся период реорганизации авиапроизводства, в ходе которого индивидуальная выработка падала. Именно поэтому имеет смысл более пристально рассмотреть изменения, которые произошли с персоналом авиапромышленности на переломе 1946–1947 годов. Начать анализ ситуации в 1946–1947 годах, видимо, надо с констатации того факта, что сотрудники авиазаводов по уровню официальных доходов на тот момент, как и в годы войны, мало отличались от советского индустриального персонала вообще. Скажем, среднемесячная зарплата рабочего на авиапредприятии составляла (без вычетов) 640 руб., а средняя по Москве — 652[354]. Инженеры на авиазаводах получали несколько больше среднемосковского уровня, но разница была невелика — 1160 руб. против 1080.

Табл. 21 Основные показатели выполнения плана по труду в авиапромышленности в 1946–1947 гг.[355]

	1946	**1947**
Рабочих	290839	279008
учеников	8152	8082
ИТР	71946	69719
служащих	22363	21422
МОП и ВОХР	19261	16740
всего — среднесписочного персонала	417650	399796
Общее число проработанных всем рабочими человеко-часов (тыс.)	588735	578148
среднегодовая выработка на 1 рабочего (руб., в неизменных ценах)	16521	22658
Среднегодовая зарплата в руб. рабочего	7678	9070
учеников	2914	3695
ИТР	13927	14799
служащих	7220	8063
МОП и ВОХР	3298	4159

Чтобы получить представление о покупательной способности тружеников авиапрома в те годы, целесообразно привести так называемые «единые

[354] Москва послевоенная. 1945–1947. Архивные документы и материалы. М., 2000. С.363.

[355] РГАЭ. Ф.8044. Оп.1. Д.4014. Л.22.

цены»[356], введённые в 1947 г. после отмены карточной системы. По этим новым ценам 1947 г. мясо стоило 30 руб. за кг, рыботовары — 12 руб., масло животное — 62 руб., сахар-песок — 13,5 руб., картофель — 1 руб., хлеб ржаной — 3 руб.[357], ткань «бостон» — 295 руб. за метр, сатин — 13,9 руб., галоши мужские — 45 руб.[358] Как видим, в 1947 г. рабочий на свою зарплату мог относительно неплохо питаться, но уже приобретение отреза ткани на костюм становилось для него весьма существенной тратой, копить на которую требовалось достаточно долго. Впрочем, надо учитывать, что вышеприведенные значения зарплат имели характер «оценки сверху» — то есть из этих сумм следует ещё вычесть разнообразные налоги, добровольно-принудительные траты и т.п. Выше мы уже упоминали, что в первое послевоенное пятилетие на авиазаводах случались задержки выдачи зарплаты. Но даже если зарплату выдавали вовремя, её могли попросту… не выдать. В справке управления наркомата государственной безопасности (НКГБ) по Москве о ситуации на московских предприятиях приводится конкретный прецедент, имевший место на авиазаводе № 381 в начале 1946 г.: «Револьверщик 4-го разряда Коник за 55 часов работы и 113 часов простоя заработал 260 руб., из них удержано на заем 150, налоги — 20, аванс — 100 руб. Таким образом, Коник остался должен заводу 10 руб. Слесарь 7-го разряда Пирожков за 70 часов урочной работы и 38 сверхурочной, а также за 104 часа простоя заработал 500 руб. Удержано: на заем 100 руб., налоги — 300 руб., аванс — 150 руб. Остался должен заводу 50 руб.»[359]. Таким образом, рабочий вполне мог получить на руки лишь аванс, составлявший около трети заработка. Разумеется, такое положение дел вызывало крайнее возмущение сотрудников авиапромышленности, которое они не стеснялись высказывать вслух: «На заводе нет настроения работать. Это только трепка нервов, а не работа. Рабочие ничего не зарабатывают. Им не помогают и не обеспечивают работой. Я в войну зарабатывал около 1500 руб., а теперь в получку получаю 150. Неужели за этим безобразием никто не следит? (Гришин, слесарь 4-го разряда завода № 41)… Я работаю 2 года фрезеровщицей шатунов. Делаю первую и вторую операцию одна, а заработка у меня нет. Вчера за смену я заработала 3 руб. Во время войны я зарабатывала до 25 руб. за смену. В январе 1946 г. я получила аванс 80 руб., а под расчёт — 280 (Мягкова, фрезеровщица 4-го разряда завода № 41)… Мы теперь получаем в получку когда 70 руб., когда 30, когда и совсем ничего не получаем. Расценки стали низкие, работой обеспечивают плохо. Стало тяжело жить, и внимания к нам со стороны дирекции никакого

---

[356] До того действовали цены нормированного снабжения, по которым товары можно было купить по предъявлению карточек и цены коммерческие, по которым товары можно было купить свободно.

[357] Цены на хлеб в разных регионах отличались друг от друга. СССР был разделён на три «пояса», соответственно в первом «поясе» хлеб стоил 2,8 руб. за кг, во втором — 3 ровно, в третьем — 3,2 руб.

[358] Москва послевоенная. 1945–1947. Архивные документы и материалы. М., 2000. С.265.

[359] Там же. С.348.

нет. Мы часто простаиваем из-за отсутствия работы (Ильина, токарь-фрезеровщица завода № 41)… Был бы грамотный начальник цеха и хороший директор завода, разве производство дошло бы до такого безобразия, что рабочие во время выдачи зарплаты ничего не получают? Я мастер, а занимаюсь протиркой стекол и заклейкой рам. Для того чтобы загрузить завод, разве нельзя организовать выпуск продукции ширпотреба? Все бы рабочие зарабатывали хорошо, и магазины были бы полные. Сейчас многие рабочие получают 50–100 руб., а кто даже и остается должен заводу. Во время войны я зарабатывал 1000–2000 руб., а сейчас получаю гроши (Иванов Г., мастер завода № 30)… Работаю я на данном заводе 15 лет и никогда не получал такой низкой зарплаты. До войны и во время войны я зарабатывал 700–1200 руб., а сейчас 100–200. Я специалист, но по специальности завод меня не использует, так как завод не загружен, и посылают меня на погрузку, переборку картофеля и т.п. (Хомяков Я.Н., слесарь завода № 30)»[360]. Как видим, практически все сотрудники авиазаводов, мнения которых были собраны в Московском управлении государственной безопасности, сходились во мнении, что в первые послевоенные годы их материальное положение существенно ухудшилось по сравнению с периодом войны.

Однако вернемся к таблице 21. Очевидно, что в 1947 г. по сравнению с предыдущим годом сократились и численность персонала, и количество рабочих, и длительность отработанного всеми рабочего времени. Однако численность рабочих снизилась на 4%, а длительность отработанного времени лишь на 2%, то есть интенсивность работы каждого рабочего несколько возросла. Вместе с тем прирост этот был невелик[361] и явно не мог иметь решающего значения. Синхронно официальная средняя годовая зарплата рабочего возросла на 18%, что говорит о повышении качества и сложности работ. Не вызывает сомнений, что повышение выработки на одного рабочего в 1947 г. на 37% за один год (!!!) не может быть объяснено повышением интенсивности труда — это, безусловно, стало результатом повышения качества и уровня квалификации работ. Таким образом, в 1946–1947 годах интенсивность труда тружеников авиапрома резко возросла, но при этом денежное вознаграждение, не официально декларируемое, а получаемое на руки, существенно снизилось.

Обращает на себя внимание, что прирост численности сотрудников авиаиндустрии обеспечивался едва ли не только за счет наращивания числа рабочих: численность ИТР почти не росла, а остальные группы сотрудников авиапредприятий вообще не составляли значимой доли в суммарной численности персонала МАП. Еще одним небезынтересным наблюдением является то, что численность «всего рабочих по МАП» начала расти только с 1948 г., а в 1949 г. масштабы увеличения рабочих

---

[360] Там же. С.349.

[361] В 1946 г. на 1 рабочего пришлось 2024 отработанных часа, а в 1947-м — 2072. Таким образом, прирост отработанного за год времени составил всего 2,4%.

по МАП стали особо впечатляющими. Однако если рассматривать ситуацию только по промышленным предприятиям, то рост численности рабочих начался в 1947 г. и шел приблизительно одинаковыми темпами следующие три года. Очевидно, в 1947–1948 годах наблюдался процесс перетекания рабочих с различных научно-исследовательских и подсобных производств на промышленные предприятия. Следует учесть, что в разных сегментах авиапромышленности оплата труда отличалась. Средняя заработная плата в транспорте, научно-исследовательских организациях и учебных учреждениях, как правило, была выше[362]. Поэтому перетекание рабочих на промышленные предприятия в определенной мере объясняет относительно малый рост фонда заработной платы.

Ближе к концу первого послевоенного пятилетия ситуация с использованием рабочей силы начала улучшаться. Важным достижением заводской администрации в этот период стало существенное сокращение простоев и относительно редкое использование сверхурочных работ. Выше мы приводили отзывы рабочих, сетовавших на то, что, в том числе и из-за постоянных простоев, их реальный заработок существенно меньше сумм, которые они получали на руки в годы войны. Теперь потери от простоев были явно меньше. В 1948 г. на простой пришлось лишь 0,9% отработанного времени[363]. При этом основные потери рабочего времени приходились на пропуски по состоянию здоровья. Так, в 1949 г. по графе «по болезни» проходило 3,4% всего пропущенного времени; по графе «в связи с родами» — 0,8%; «разрешенные законом» — 0,7%; «с разрешения администрации» — 0,9%[364].

Особое внимание в конце 1940-х — начале 1950-х годов руководство авиапромышленности уделяло вопросам подготовки новых кадров непосредственно на производстве.

Численность как сотрудников авиапромышленности вообще, так и рабочих, проходивших на рубеже 1940-х–1950-х годов обучение на производстве, нарастала, причем превалировало индивидуальное обучение[365]. Видимо, традиции персонального ученичества, сложившиеся в годы Великой Отечественной войны, оказались достаточно крепки и сохранились как минимум вплоть до начала 1950-х годов. Синхронно с обучением новых сотрудников авиапромышленности велись интенсивные работы по повышению квалификации уже опытных сотрудников авиапрома.

---

[362] РГАЭ. Ф.8044. Оп.1. Д.3346. Л.30.

[363] Там же. Л.5.

[364] Там же. Л.232.

[365] Там же. Д.2978. Л.54; Д.3480. Л.70.

Табл. 22 Повышение квалификации кадров (тыс. чел.) [366]

	1949		**1951**	
	Всего	В том числе с отрывом от производства	Всего	В том числе с отрывом от производства
Всего В том числе	127,4	1,5	145,8	1,0
рабочие из них по видам обучения:	96,5	1,1	115,7	0,5
стахановские школы	18,7	–[367]	32,6	
обучение 2–м профессиям	2,5	–	4,0	
курсы целевого назначения	38,4	–	46,0	
производственно-технические курсы	27,6	–	26,1	
школа высококвалифицированных рабочих	6,5	–	6,5	
прочие	2,8	–	0,5	
бригадиры	0,8	–		
ИТР и служащие В том числе:	30,1	0,5	29,6	
мастера	6,5	0,1	6,6	0,1
инженеры	18,0	0,3	20,3	0,4
нормировщики	1,2	–	0,7	
бухгалтеры	0,9	–	0,6	
прочие	3,6	–	1,4	

Очевидно, что повышение квалификации уже работающих сотрудников авиапредприятий также имело достаточно большие масштабы и распространялось не только на рабочих, но и на инженерно-технических работников. Разумеется, эта работа не могла дать моментального эффекта, но, тем не менее, в качестве иллюстративного примера следует отметить, что, скажем, в 1953 г. среди мастеров завода № 153 только 5,6% имели высшее техническое образование, а к 1960 г. доля дипломированных инженеров выросла до 14%[368]. Надо признать, что, хотя квалификация сотрудников авиапромышленности росла не так быстро, как хотелось бы, практический результат от даже сравнительно небольшого прироста ощущался едва ли не моментально. Так, в 1951 г. на заводе № 21 повы-

[366] РГАЭ. Ф.8044. Оп.1. Д.3480. Л.71; Д.2978. Л.56.

[367] Значения менее сотни в данной таблице не рассматриваются.

[368] История отечественной авиапромышленности. Серийное самолётостроение, 1910–2010 гг./ под ред. Д.А.Соболева. М., 2011. С.246.

сили квалификацию 17421 человек, в том числе 157 ИТР. При этом было отмечено, что производительность труда рабочих, обученных на курсах и в школах, в среднем повышалась на 7 %, а заработная плата на 6 %[369].

Первая половина 1950-х годов. Начало нового десятилетия ознаменовалось резким ростом численности персонала авиапромышленности. Причем надо отметить, что суммарная численность всего персонала промышленных предприятий нарастала явно быстрее, чем собственно промышленно-производственный персонал. Таким образом, очевидно, что в данном случае речь идет об опережающем приросте сотрудников авиапромышленности, напрямую не связанных с производством.

Табл. 23 Кадры авиапромышленности в 1949–1951 гг. (тыс. чел.)[370]

	1949	1950	1951
Численность Весь персонал промпредприятий	491,78	641,66	698,24
Промышленно-производственный персонал В том числе:	453,778	517,36	566,36
рабочие	453,76	385,94	425,11
ИТР	70,47	76,40	82,96
служащие	20,17	21,93	22,7
МОП	3,56	1,09	4,15
ученики	11,3	12,36	15,27
ВВО	16,0	16,62	16,17

В этом плане особо иллюстративным будет ситуация с динамикой численности персонала на заводах I главка МАП, отвечавшего за выпуск истребителей. Большинство «истребительных» заводов по численности сотрудников превысили отметку 1945 г. именно в 1952 году[371]. При этом надо учитывать, что даже на фоне столь стремительного роста численности персонала авиапредприятий рабочих рук продолжало не хватать. Скажем, на завод № 126 в 1950 г. было принято 2980 человек, в 1951-м–2880, но требовалось ещё больше. Основным лимитирующим фактором, не позволявшим набрать столько рабочих, сколько хотела бы дирекция предприятия, была хроническая нехватка жилья. Согласно отчету завода за 1951 год, средняя норма жилья на одного проживающего составляла 3,9 кв. метра. При этом многие семьи жили в бараках, и на одного члена семьи зачастую приходилось менее 2 кв. м.[372]

---

[369] ЦАНО. Ф.2066. Оп.11. Д.55. Л.91–92.

[370] РГАЭ. Ф.8044. Оп.1, Д.2978. Л.230, Д.3479. Л.30.

[371] История отечественной авиапромышленности. Серийное самолётостроение, 1910–2010 гг. / под ред. Д.А.Соболева. М., 2011. С.235.

[372] Подрепный Е.И. Реактивный прорыв Сталина. М., 2008. С.200.

Если же рассматривать динамику отдельных групп промышленно-производственного персонала, то обращает на себя внимание неуклонный рост численности инженерно-технических работников в 1950 г. на фоне существенного спада численности рабочих, который не был в полной мере нивелирован даже и в 1951 г. Тем не менее в руководстве МАП на тот момент не сомневались в планомерном наращивании численности персонала авиапромышленности в следующем пятилетии, причем основной упор в этом кадровом росте должен был быть сделан на увеличение количества рабочих.

По планам к 1955 г. численность всего промышленно-производственного персонала авиапромышленности по сравнению с 1951 г. должна была возрасти на 93 тыс. чел., из которых 80 тыс. приходились именно на рабочих[373]. Интересно, что если зарплаты большинства групп промышленно-производственного персонала предполагалось на протяжении этих пяти лет оставить без изменений, а средние зарплаты учеников даже сократить на 12%, то средняя зарплата рабочих без учета вычетов должна была, напротив, возрасти на 2%. Однако, возвращаясь к вопросу роста численности персонала авиапрома, руководство МАП, планируя наращивание кадрового состава, должно было задуматься и о численности дополнительной рабочей силы, которую требовалось изыскать, и об источниках этих дополнительных рабочих рук. Согласно разработанным планам эта проблема должна была решаться следующим образом (см. данные таблицы 24).

Табл.24 Дополнительная потребность в персонале и источники комплектования кадров авиапромышленности согласно планам МАП на 1951 г. (тыс. чел.)[374]

	1950 отчёт	**1951 отчёт**	**1952 план**	**1953 план**	**1954 план**	**1955 план**
Численность рабочих и служащих — всего	660,3	720,2	749,8	827,9	853,0	876,8
дополнительная потребность в рабочих, служащих и ИТР — всего В том числе:	134,3	152,2	79,7	136,6	86,3	87,2
прирост численности	32,8	59,9	29,6	78,1	25,1	23,6

[373] РГАЭ. Ф.8044. Оп.1. Д.3479. Л.30.

[374] Там же. Л.35–36.

на замену старших возрастов, уходящих в армию и на учебу	101,5	92,3	47,1	54,5	56,9	58,7
на замену выбывших по окончании труддоговоров			3,0	4,0	4,3	4,7
Источники комплектования — всего В том числе:	134,3	152,2	79,7	136,6	86,3	87,2
ремесленные и специальные училища	13,4	8,8	8,4	8,8	8,9	9,0
школы ФЗО	4,6	3,0	3,0	3,4	3,4	3,4
вузы и техникумы	4,9	5,5	4,2	7,8	8,7	8,9
оргнабор рабочих	5,3	15,0	3,0	15,0	10,0	10,0
прочее	106,1	119,9	61,1	101,6	55,3	55,9

Как видно из данных, приведенных в таблице 24, основной пик потребности в новой рабочей силе ожидался в 1953 г., причём, если в 1950–51 годах львиная доля новых рабочих и служащих уходила на покрытие убыли от уходящих в армию, на учёбу и выбывающих по возрасту, то в 1953 г. основная масса новых рабочих рук должна была обеспечить именно прирост численности персонала авиаиндустрии. Относительно источников комплектования авиапромышленности рабочими и служащими следует отметить практически неизменные доли ремесленных училищ и школ ФЗО и существенный рост ожидаемого поступления выпускников ВУЗов и техникумов. Оргнабор рабочих так же, в целом, оставался на постоянном уровне, однако следует обратить особое внимание на то, что доля категории «прочее» составляла в общем распределении ожидаемых источников комплектования авиапрома более половины на всём протяжении пятилетки. По большому счёту, это означало, что дополнительные рабочие руки МАП предполагал изыскать «где-нибудь», не имея на 1951 г. чёткого представления, как будет разрешена эта проблема. К сожалению, в нашем распоряжении нет данных о текучести кадров за те годы в масштабах всего МАП, поэтому мы позволим себе ограничится примером завода № 21.

Табл. 25 Текучесть кадров на заводе № 21 в 1946–1952 гг.[375]

Годы	1946	1947	1948	1949	1950	1951	1952
Принято	1 548	1 944	2 562	1 847	2 416	2 940	3 146
Уволено	2 563	1 987	1 744	1 137	1 340	989	1 631

Как видим, существенный перелом в динамике текучести на этом предприятии был достигнут именно на рубеже десятилетий. Если в 1946–1949 годах количество принятых и уволенных сотрудников приблизительно соответствовали друг другу, то с начала 1950-х количество принятых начинает явно и недвусмысленно превалировать. В первом приближении эту динамику можно считать характерной для всей авиапромышленности тех лет.

Еще в годы Великой Отечественной войны достаточно четко обозначилась проблема расслоения единой дефиниции «ИТР» на ряд категорий. Так, на 1 марта 1942 г. на заводе № 19 в число инженерно-технических работников вошли: 658 лиц с высшим техническим образованием; 1031 со средним техническим образованием и 926 т.н. «практиков». Из общего числа ИТР 32 занимали должности начальников цехов, причем дипломированных инженеров среди них было лишь 15, а 7 цехов возглавляли «практики». Из 1108 мастеров на заводе инженерами было 100, а 733 также относились к «практикам».

Обследование ряда авиазаводов, осуществленное в апреле 1942 г., показало, что ситуация завода № 19 являлась скорее правилом, чем исключением, а сам термин «ИТР» требовал определённого уточнения. Подавляющее большинство инженерно-технического персонала собственно инженерами не являлось[376]. То есть инженерные должности занимали люди без высшего образования, овладевшие соответствующей специализацией без отрыва от производства. К сожалению, эту ситуацию не удалось изжить и к началу 1950-х годов. К 1955 г. на фоне запланированного роста числа инженерно-технических сотрудников на 14% по отношению к 1951 г. и снижения численности «ИТР без специального образования»[377] за тот же период на 19% даже по плану на «инженеров» без образования должно было приходиться почти 40% всех ИТР советской авиапромышленности — эта категория инженерно-технических работников должна была, как и прежде, составить самую многочисленную часть ИТР авиапрома[378].

---

[375] Подсчитано по: ЦАНО. Ф.2066. Оп.8. Д.68. Л.66; Оп.9. Д.1115. Л.99–101; Оп.8. Д.240а. Л.71–72; Оп.10. Д.52. Л.2, 49, Оп.11. Д.14. Л.165–166; Оп.11. Д.8. Л.92; Оп.11. Д.95. Л.95.

[376] РГАЭ. Ф.8044. Оп.1. Д.2843. Л.31.

[377] По терминологии военных лет — «практиков»

[378] Там же. Д.3479. Л.81.

Табл. 26

Кроме того, следует учитывать, что далеко не все инженеры, учтенные в вышеприведенной таблице, работали непосредственно на авиастроительных заводах. Так, на 1951 г. на собственно авиапредприятиях трудилось лишь около 80 тыс. ИТР, из которых лишь 39% имели высшее или среднее образование.

Табл. 27 Персонал МАП, учтенный по группе «Промышленность» в 1951 г.[379]

Численность рабочих основного производства	425800
Численность ИТР В том числе:	83100
с высшим образованием	10850
со средним специальным образованием	21900

[379] РГАЭ. Ф.8044. Оп.1. Д.2978. Л.118.

Помимо этого, свыше 90 тыс. чел. трудились на различных опытно-конструкторских и научно-исследовательских объектах и производствах, ведущее место среди которых занимал завод № 156, штат которого насчитывал 6762 человека.

Иногда удельный вес «инженеров без дипломов» в общей массе ИТР вынуждал идти на достаточно жесткие меры. Так, например, в 1955 г. на заводе № 21 началось освоение истребителя МиГ–19. Это была сверхзвуковая машина, предъявлявшая особые требования к персоналу предприятия. В рамках подготовительных к запуску в серию новой машины мероприятий на заводе была проведена повальная аттестация всех инженерно-технических работников. Всех инженеров, не прошедших успешно это испытание, или заменили, или отправили на курсы повышения квалификации[380].

Выше мы рассмотрели ситуацию с распределением сотрудников авиапромышленности по возрастным группам в конце 1940-х годов. Обозначившиеся в тот период тенденции получили свое дальнейшее развитие и в начале 1950-х.

Табл. 28 Возрастной состав работающих на промышленных предприятиях (%)[381]

Гендерная принадлежность	дата	удельный вес численности по возрастам				
		до 18 лет	18-25 лет	26-35 лет	36-49 лет	50 лет и старше
Всех работающих на промпредприятиях						
мужчин	05.05.1950	4,1	31,2	26,2	31,1	7,4
	01.08.1951[382]	3,8	31,5	26,9	30,2	7,7
женщин	05.05.1950	2,2	39,8	29,2	24,2	4,6
	01.08.1951	2,1	38,2	30,2	24,6	4,9
Рабочих						
мужчин	05.05.1950	4,4	37,1	25,2	27,0	6,3
	01.08.1951	4,8	37,1	26,3	25,6	6,2
женщин	05.05.1950	2,1	42,9	27,6	23,5	3,9
	01.08.1951	2,4	41,2	28,5	23,5	4,4

Особенно наглядным это становится при рассмотрении ситуации в динамике на протяжении послевоенного периода.

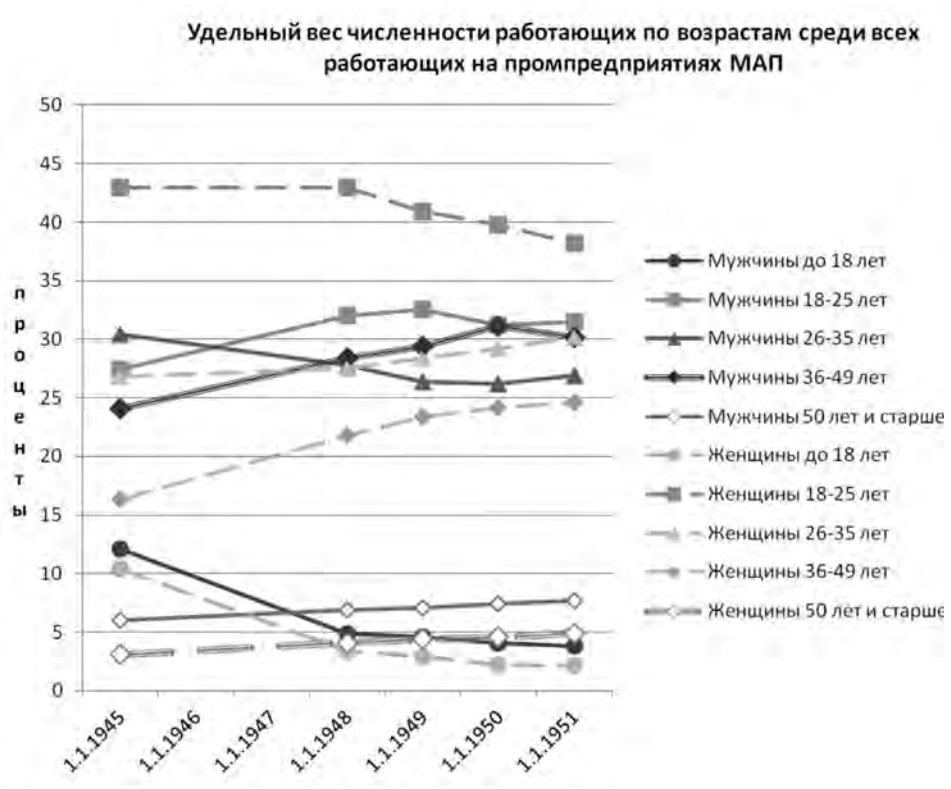
---

[380] ЦАНО. Ф.2066. Оп.11. Д.328. Л.59–60.

[381] РГАЭ. Ф.8044. Оп.1. Д.3513. Л.2.

[382] Здесь и далее цифры на эту дату дописаны карандашом.

Табл. 29



Как видим, рост удельного веса женщин в возрасте от 36 до 49 лет в персонале предприятий авиапромышленности начал расти достаточно быстро и к 1951 г. дошёл уже до отметки в 25%. При этом молодые женщины (18–25 лет) сохраняли свое представительство приблизительно до начала 1948 г. на неизменном уровне, но затем начался столь же равномерный спад доли сотрудниц авиапрома этого возраста. Характерно, что их сверстники-мужчины увеличивали свой удельный вес в общей численности работников авиазаводов до 1949 г., после чего их доля, наоборот, начала сокращаться. На наш взгляд, этот процесс объяснялся следующей тенденцией: работницы авиапредприятий в основной своей массе не покидали авиаиндустрию, но за счет естественного старения к 1951 г. сотрудницы, которым в 1945 г. было по 30–33 года, отпраздновали свои 36-й–9-й день рождения, перейдя, таким образом, в возрастную группу 36–49 лет. Соответственно, работницы, которым в 1948 г. было по 24–25, к этому моменту перешли в возрастную группу 26–35 лет, которая также увеличила свое представительство и к 1951 г. составляла уже около 30% всех сотрудников авиазаводов. А вот новый набор женщин на авиапредприятия был куда меньше — в результате удельный вес работниц моложе 25 лет постоянно снижался. Причем сначала (уже в 1946–1947 гг.) на

убыль пошло представительство несовершеннолетних тружениц авиапрома, а с 1948 г. начала сокращаться и доля работниц в возрасте от 18 до 25 лет. Видимо, аналогичные процессы шли и в «мужском сегменте» персонала авиапредприятий. Удельный вес рабочей молодежи, ещё не достигшей совершеннолетия, сокращался в первую очередь именно за счет взросления молодых работников. Переход молодежи в следующую возрастную группу обусловил возрастание удельного веса рабочих от 18 до 25 лет в 1945–1949 годах, однако затем эта подпитка прекратилась, так как слой несовершеннолетней рабочей молодежи окончательно истончился и более не мог обеспечить постоянное расширение следующей возрастной группы. Отсюда и стагнация удельного веса рабочих до 25 лет в начале 1950-х годов. При этом надо учитывать, что молодые (до 25 лет) рабочие представляли собой особо ценные с точки зрения руководства отрасли кадры. Так как эти сотрудники уже успели пройти через советскую систему общего и специального обучения, их общеобразовательный уровень был даже несколько выше, чем у ветеранов авиапрома. Динамика удельного веса рабочих старших возрастов (старше 39 лет) практически идентична тенденциям, характерным для «женского сегмента» этой возрастной группы, и, очевидно, объясняется теми же причинами: рост происходил не столько за счет прихода на авиапредприятия новых рабочих этого возраста, сколько за счёт естественного старения кадровых рабочих авиапрома. Таким образом, общий тренд был на сокращение доли сотрудников моложе 18 лет и рост удельного веса персонала в возрасте от 25 лет и старше. Что касается возрастной группы 18–25 лет, то тут наблюдался спад удельного веса молодых работниц на фоне синхронного роста доли молодых сотрудников. В этом плане было бы интересно рассмотреть ситуацию с распределением сотрудников авиапромышленности по возрастным группам с учетом их профессиональной принадлежности.

Табл. 30 Удельный вес работающих на промпредприятиях по стажу работы и категориям на 05.05.1950 (%)[383]

	до 3 лет	**3–5 лет**	**5–10 лет**	**10–25 лет**	**свыше 25 лет**
мужчины					
рабочие	42,3	14,1	27,1	16,3	0,2
ИТР	24,0	12,4	27,7	35,2	0,7
служащие	35,6	17,2	27,4	19,1	0,7
МОП и ВВО	44,8	20,3	24,7	10,1	0,1
Всего	39,3	13,7	26,6	19,5	0,3

[383] Там же. Д.3513. Л.4–5.

женщины					
рабочие	46,5	14,0	31,4	8,0	–
ИТР	34,2	15,0	36,9	13,9	–
служащие	40,9	16,3	33,9	8,8	0,1
МОП и ВВО	47,3	17,1	29,8	5,8	–
Всего	46,2	14,3	31,2	8,2	0,1
Всех работающих на промпредприятиях	42,7	14,0	28,5	14,6	0,2
в том числе рабочих	44,1	14,1	28,9	12,8	1,1

Очевидно, что и для мужчин, и для женщин, практически для всех основных профессиональных групп сотрудников авиаиндустрии наблюдался резкий спад удельного веса тружеников со стажем работы в 3–5 лет. Скажем, доля рабочих-мужчин с таким стажем в 1948 г. составляла 14,4%, в 1949-м — 11,9%, а в 1950-м — 14,1%, что больше уровня 1949 г., но меньше значений 1948 г. Для женщин-рабочих эта тенденция была ещё более выражена. В 1948 г. на женщин-рабочих со стажем 3–5 лет приходилось 19,3%, в 1949 — 14,5%, а в 1950 — 14,0%. Это косвенно подтверждает нашу гипотезу — молодежь выросла и естественным образом перешла в группу опытных работников со стажем свыше 5 лет, а вот новое поколение молодых работников авиапрома, которое должно было бы занять место выросших молодых авиастроителей и стать основой группы «сотрудники авиапредприятий со стажем 3–5 лет» оказалось куда менее многочисленным. Отсюда и эта «яма» в распределении авиастроителей по стажу работы. Так как срез ситуации был сделан в 1950-м году, очевидно, что резкое сокращение приема новых рабочих пришлось именно на 1945–1947 годы. С другой стороны, следует отметить, что на 1950 г. на долю работников со стажем менее 3 лет приходилось порядка 40% всего персонала авиапрома — то есть практически столько же, сколько на «ветеранов» авиапромышленности, располагавших производственным стажем от 5 лет и выше.

Огромное значение в повышении уровня квалификации работников авиапрома и роста качества работ авиастроителей в первой половине 1950-х годов играли новые методики внедрения в широкие массы сотрудников новых технических приемов. В 1930-е годы основной методой подобного внедрения было стахановское движение и создаваемые в его русле «стахановские школы». Кроме того, широко практиковались так называемые «фотографии рабочего дня»[384]. Но уже в 1953 г. руководство МАП, пе-

[384] Подробнее об этом см.: Мухин М.Ю. Люди «большого скачка» Персонал авиапромышленности в 1920–30-х годах // Исторические записки М., 2004 №7 (125) С 86–116.

речисляя основные методы интенсификации работ, рапортовало: «На авиазаводах развернулось соревнование за выпуск продукции отличного качества, за изучение и распространение стахановских приемов труда по методу инженера Ковалёва, за комплексную экономию материалов и снижение себестоимости продукции»[385]. На методе Ковалёва, столь активно продвигаемом в те годы в авиапромышленности, хотелось бы остановиться подробнее. Хотя бенчмаркинг как инструмент управления качеством работ считается западным изобретением[386], ряд отечественных специалистов полагают, что метод, разработанный в начале 1950-х советским инженером Ф.Ковалёвым[387], по праву может считаться классическим примером бенчмаркинга[388]. Собственно, метод как таковой укладывался в следующий алгоритм.

На первом этапе отбирались наиболее распространённые трудоемкие операции. Далее, исходя из данных статистики, определялся круг работников, выполнявших эти «проблемные» операции с наибольшей эффективностью, после чего снималась «фотография рабочего дня» именно этих сотрудников. Наконец, на финальной стадии алгоритма вырабатывались новые, более рациональные приемы и методы работы, с учетом этих приемов и методов составлялись новые технологические инструкции, а уже на базе этих инструкций на рабочих местах внедрялись конкретные технические новации (менялся инструмент, изменялись рабочие процессы для исключения лишних движений, вносились коррективы в способ подачи материалов и заготовок, оптимизировалось расположение на рабочем месте инструмента и приспособлений и т.д.) Завершалось применение метода Ковалёва обязательным обучением всех работников предприятия (начиная с передовиков производства) новому технологическому процессу. И только по завершении этих работ на данную производственную операцию вводилась новая, более жёсткая норма выработки. Такой подход позволял не только добиться интенсификации работ (причем, так как организационные новации сопровождались конкретными и научно обоснованными техническими усовершенствованиями, эффективность такой интенсификации была куда выше, чем при традиционных методах «стахановской учёбы»), но и существенно снижал социальное напряжение на производстве при переходе к новым нормам выработки.

В целом ситуация с кадрами авиапромышленности в первой половине 1950-х годов может быть описана следующей таблицей:

---

[385] РГАЭ. Ф.8044. Оп.1. Д.3610. Л.199.

[386] Проект «Бенчмаркинг конкурентоспособности» был запущен компанией XEROX в 1979 г.

[387] Петров Ю.Д. Организация, нормирование и оплата труда на железнодорожном транспорте. — М., 1998. С. 23–24.

[388] Михайлова М.Р. Бенчмаркинг — универсальный инструмент управления качеством // Методы менеджмента качества. 2003. № 5. С.18–21.

Табл. 31 Численность персонала и средняя зарплата по промышленным предприятиям МАП за 1950–1954 гг.[389]

	1950	1951	1952	1953	1954
весь персонал промпредприятий	551000[390]	600771[391]	637126[392]	670680[393]	715384
пром–производственный персонал в т.ч.:	520284	569750	601894	633511	668618
рабочие	388202	427818	453252	485052	516396
ИТР	76671	83224	88337	92222	–
служащие	22145	22910	25935	26988	–
ученики	12388	15313	14694	14730	–
МОП и ВВО	20878	20485	19676	14518	–
непромышленный персонал	30706[394]	31021[395]	35232[396]	37169[397]	
Средняя зарплата пром-производственного персонала (руб. в год) в т.ч.	10250	10803	10916	10830	11054
рабочие	9721	10212	10374	10276	10520
ИТР	15648	16918	16695	16290	–
служащие	8698	8731	8580	8517	–
ученики	3923	4062	3983	4088	–
Выработка на 1 рабочего (руб.)	25542	33196	38572	40853	44930

Как видим, практически на всем протяжении второго послевоенного пятилетия численность сотрудников МАП, трудившихся на промышленных предприятиях, росла, составив на 1954 г. 130% от уровня 1950 г., причем основной прирост пришелся на рабочих. Определенное уве-

[389] РГАЭ. Ф.8044. Оп.1. Д.3952. Л.25–27.
[390] исправлено карандашом. Было 556144.
[391] исправлено карандашом. Было 606148.
[392] исправлено карандашом. Было 642300.
[393] исправлено карандашом. Было 675831.
[394] исправлено карандашом. Было 35860.
[395] исправлено карандашом. Было 36398
[396] исправлено карандашом. Было 40406.
[397] исправлено карандашом. Было 42320.

личение численности было характерно и для инженерно-технических рабочих, численность же прочих групп промышленно-производственного персонала оставалась в принципе неизменной, демонстрируя очень малую динамику. Обращает на себя внимание, что на фоне крайне медленного роста средней зарплаты (рост на 8% за 5 лет) выработка на 1 рабочего за тот же период выросла на 76%. В 1955 г. выработка на 1 рабочего поднялась до отметки в 51841 руб.[398], то есть прирост по сравнению с 1950 г. составил 103%. Очевидно, усилия руководства МАП по внедрению новых методов интенсификации труда, и в первую очередь метода Ковалёва, не пропали даром. С другой стороны, нельзя упускать из вида то обстоятельство, что в вышеприведенной таблице речь идет не о реальных заработках, а о номинальной зарплате. Выше, когда мы говорили о зарплате рабочих авиазаводов в первое послевоенное десятилетие, мы отмечали, что в силу существенных простоев и обязательных отчислений реальный заработок рабочего мог составить в отдельные месяцы лишь треть от номинала. В первой половине 1950-х годов реальный заработок, получаемый на руки также мог существенно отличаться от номинальной зарплаты, хотя теперь причины и сущность такого положения дел существенно отличались от реалий 1946–1947 годов. Позволим себе привести цитату из докладной записки, направленной в 1955 г. дирекцией завода № 21 в ЦК КПСС по поводу финансового положения завода. Отметив, что в 1950–1955 годах предприятие последовательно освоило несколько моделей авиатехники, заводоуправление констатировало, что «освоение новых изделий требует затрат труда инженерно-технических работников сверх нормированного и известного интеллектуального и физического напряжения, что остается ничем не компенсированным. Фактически имеет место такое явление — рабочий, работающий над освоением новых изделий, вследствие отсутствия должной оснащенности, освоенного техпроцесса и твердых норм имеет заработок в 1,5–2 раза, а иногда и более выше нормального, а мастер, технолог, наиболее обширные группы инженерно-технических работников многими месяцами, если не годами, получают чистый оклад содержания, 830–880 руб., поэтому не случайно у мастеров желание уйти в рабочие»[399].

При оценке вышеприведенных данных следует учитывать, что в данной таблице приводятся сведения лишь о персонале промпредприятий авиапромышленности. Хотя авиазаводы составляли базовый элемент авиаиндустрии, все же нельзя упускать из вида, что персонал авиапромышленности в целом был несколько шире понятия «персонал промпредприятий».

---

[398] РГАЭ. Ф.8044. Оп.1. Д.4013. Л.18.

[399] ЦАНО. Ф.2066. Оп.11. Д.296. Л.8–9.

Табл. 32 Сводный отчет о численности рабочих и служащих и о зарплате за 1954 г. по МАП[400].

	Среднесписочное число работников	средняя зарплата (руб.)
всего по МАП	891537	11008
основная деятельность	829965	11198
промпроизводственный персонал промышленности	668618	11054
промпроизводственный персонал НИИ, КБ и опытных заводов	103098	14106

Как видно из таблицы, на промышленно-производственный персонал авиапромышленности приходилось приблизительно три четверти всех тружеников авиапромышленности, поэтому средняя зарплата сотрудников авиапредприятий имела определяющее значение для исчисления средней зарплаты по МАП в целом. Обращает на себя внимание, что персонал НИИ, КБ и опытных производств имел почти в полтора раза более высокую среднюю зарплату по сравнению с сотрудниками серийных заводов.

Что ж, время подводить итоги. За послевоенное десятилетие персонал советского авиапрома прошел достаточно непростой путь развития. Сразу после окончания Великой Отечественной войны начался резкий отток рабочей силы, что привело к росту текучести и сокращению численности авиастроителей. Переломить эту тенденцию удалось только к середине десятилетия. Одновременно шел постоянный рост удельного веса высококвалифицированных рабочих V–VIII разрядов тарифной сетки. Этот постоянный и устойчивый рост квалификации сотрудников авиапрома, безусловно, следует признать наиболее важным и позитивным элементом развития советской авиапромышленности тех лет. Основным методом стимулирования интенсивности труда на авиазаводах в те годы являлось распространение сдельной и сдельно-прогрессивной систем оплаты труда. Именно сочетание этих факторов и тенденций и обусловили поступательное развитие советской авиапромышленности в 1945–1955 годах, обеспечившее переход сначала к турбореактивному, а затем к сверхзвуковому самолетостроению.

[400] РГАЭ. Ф.8044. Оп.1.Д.3952. Л.13.

Д. Филимонов

Иностранные отделы редакций центральных газет СССР в 1940-е–1950-е годы: лаборатория воссоздания образа *Другого*

Аннотация

Послевоенные изменения в советской внешней политике и новые идеологические задачи становятся причиной крупных изменений в центральной печати, особенно в иностранных отделах редакций газет. На основе архивных документов, контент-анализа прессы и источников личного характера в статье анализируется освещение в советских центральных печатных СМИ образа Франции в 1940-е–50-е годы.

Ключевые слова: СССР, Франция, образ Другого, СМИ, журналистика, международники, корреспонденты, идеология, 1940-е, 1950-е.

Abstract

The after-war diplomatic turn and new ideological needs of the Soviet authorities provoke a reorganization of the printed press, especially in the foreign departments. Based on the archival sources, press content analysis and memoirs, this article analyses the functioning of the Soviet central printed media in the representation of France.

Key words: USSR, France, image of Other, journalism, correspondents, ideology, the 1940-es–1950-es.

Эта статья посвящена изучению функционирования центральных печатных изданий в контексте репрезентации *Другого, на примере Франции. К 1945 году, когда вооруженный конфликт Второй мировой войны на Европейском континенте подходил к концу, две мировые державы, США и СССР, оспаривали военное превосходство и стремились скорейшим образом определить границы сфер влияния*[401]. Именно в это время франко-советские связи, которым война придала и новый смысл, и новую интенсивность, продолжаются в особом ключе[402]. В гла-

---

[401] Холодная война. 1945–1963 гг. Историческая ретроспектива. Сборник статей под ред. Н.И. Егоровой и А.О. Чубарьяна. РАН, Ин-т всеобщей истории. М: ОЛМА-ПРЕСС, 2003.
ROBERTS G., Stalin's wars. From World War to Cold War, 1939–1953, Yale University Press, 2006.

[402] LACROIX–RIZ A., «La transformation d'un ami en ennemi: l'Urss, le Quai d'Orsay, Washington et la presse entre l'alliance de guerre et la guerre froide, 1941–1948 » in Pratiques et cultures politiques dans la France contemporaine. Université Montpellier III, 1995, p. 111–149.
LÉVÊQUE F., Les relations franco-soviétiques pendant la Seconde Guerre mondiale, de la défaite à l'alliance (1939–1945), Thèse de doctorat sous la direction de René Girault, Université Paris I, 1992.
SOUTOU G.–H., ROBIN–HIVERT E., L'URSS et l'Europe de 1941 à 1957, Presses Universitaires Paris–Sorbonne, coll. Mondes Contemporains, 2008.

зах Сталина Франция уже не представляла собой мощную державу, каковой она была в 1939 году, и освобождённая при масштабной поддержке англо-американской военной коалиции новая Франция и её правительство не имели полной автономии на международной арене. Политическое ослабление Франции как бы исключало это государство из главных оппонентов для советских властей[403]. Тем не менее эта смена курса не была одномоментной, переходный период длился до 1947–1948 годов, когда образ Франции уже прочно связывался с зависимостью от англо-американского блока. Несмотря на это, даже в последующие годы Франция продолжала сохранять особый статус в глазах советских властей, благодаря нескольким факторам, среди которых необходимо учитывать и политические соглашения 1944 года между СССР и Де Голем, сильное влияние Французской коммунистической партии (КПФ) на политическую и общественную жизнь послевоенной Франции[404], многочисленное, хоть и неоднородное, русскоязычное сообщество и, наконец, исторически обоснованную культурную близость[405].

К этому добавляется геополитический фактор: после 1946 года, когда создаются народные демократии в Центральной Европе,[406] Франция становится ближайшим полюсом притяжения на западе от СССР.

Именно благодаря всем этим факторам, в первую очередь географическим и геополитическим, Франция заметно выделяется в списке «западных партнеров» Советского Союза первого послевоенного десятилетия.

Изучая репрезентацию Франции в советской печати 1940-х — 50-х годов, важно проследить основные этапы создания газетной статьи, посвященной международный событиям, в особенности французским. Для этого необходимо восстановить цепочку вовлеченных авторов, их конкретную роль и вклад в создание образа, механизм передачи информации от корре-

---

[403] VAN DONGEN L., ROULIN S., SCOTT–SMITH G. (dir.), Transnational Anti-Communism and the Cold War: Agents, Activities, and Networks, Palgrave, 2014.
Также интересны две почти одноименные, но взаимодополняющие статьи: GIRARD P., «La perception de la menace communiste, en France et en Italie au début de la Guerre froide» in BUTON P., BÜTTNER O., HASTINGS M., (sous la direction de) La Guerre froide vue d'en bas, Paris CNRS Éditions, 2014. SOUTOU G.–H., La perception de la menace soviétique par les décideurs de l'Europe occidentale : le cas de la France», in DOCKRILL S., FRANK R., SOUTOU G.–H., VARSORI A., (dir.), L'Europe de l'Est et de l'Ouest dans la Guerre Froide, 1948–1953, Paris, PUPS, 2002, p.30–34.

[404] В первую очередь, ставший классическим труд по влиянию коммунизма во Франции: LAZAR M., «Communisme français et communisme international», dans BERSTEIN S. et MILZA P. op.cit. ; MENCHERINI R., Guerre froide, grèves rouges, Parti communiste, stalinisme et luttes sociales en France, Paris, Syllepse, 1998. PUDAL B., «Le PCF et la manipulation des horizons d'attente durant la Guerre froide» in LE CLECH S., HASTINGS M., (sous la direction de), La France en guerre froide. Nouvelles questions, Dijon, Éditions Universitaires de Dijon, coll. Histoire, 2015, p.145–153.

[405] Настаивать на непременно дружеском характере этой близости было бы неточно, это расхожее мнение неверно: например, Екатерина II была негативно настроена к якобинцам и боялась их. Подробнее об этом в двух основополагающих монографиях: Rey M.P. La Russie face à l'Europe. D'Ivan le Terrible à Vladimir Poutine (Nouvelle édition augmentée du Dilemme russe), Paris, Flammarion, Champ Histoire, 2016, и коллективный труд Niqueux M. L'Occident vu de Russie. Anthologie de la pensée russe, de Karamzine à Poutine, Paris, IES, 2017 (nouvelle édition revue et corrigée).

[406] Fritsch-Bournazel R., L'Union Soviétique et les Allemagnes, Presses de la fondation nationale des sciences politiques, Paris, 1979.

спондента через аппарат редакции и затем через вышестоящие партийные органы и, наконец, непосредственное оформление результата в публикации.

Два основных внешних фактора влияют на объект изучения в данный период: в первую очередь, заметные и важные изменения происходившие в соотношений сил на международной арене, что сильно влияло на советскую внешнюю политику. Во-вторых, идеологическая трансформация, повлекшая за собой корректировку целей и задач пропаганды и, соответственно, содержания публикаций периодической печати.

После краткого историографического введения изложение материала в данной работе строится по двум векторам: первый характеризует процесс получения информации из-за рубежа, а второй — особенности функционирования редакций, их внутренней структуры и организации труда.

Это исследование основано на изучении архивных документов, в том числе стенограмм редакционных собраний газеты «Известия»[407], документов отдела печати Управления агитации и пропаганды Центрального комитета ВКП(б)[408], документальных материалов ТАСС[409], корреспонденции ВОКС[410], личных фондов главных редакторов «Правды» и «Известий»[411], печатных статей за указанный период, заметок, мемуаров, личных документов журналистов Ю.Жукова[412], Б.Изакова[413], Л.Бронтмана[414], В.Кудрявцева[415], а также политических деятелей и идеологов, таких как Д.Шепилов[416] и В.Молотов[417].

Историографическое введение

Первые исследования функционирования советской прессы интересующего нас периода появляются в зарубежной историографии в конце восьмидесятых годов[418]. Во Франции публикуются несколько очерков о советской

---

[407] ГАРФ, ф.Р1244, оп.3.

[408] РГАСПИ, ф.17, оп.132; ф.790, оп.2.

[409] ГАРФ, ф.Р4459, оп.24, 26, 27.

[410] ГАРФ, ф.Р5283, оп.8, 16, 22, 23.

[411] РГАСПИ, ф.629, оп.1.

[412] Ю. Жуков, Эти семнадцать лет. Записки журналиста. — М., Сов. Писатель, 1963.
Ю. Жуков, Из боя в бой. Письма с фронта идеологической борьбы. 1946–1972. — М., Мысль, 1973.
Ю. Жуков, Нищие духом. Записки политического обозревателя. — М., «Правда», 1985.

[413] Б. Изаков, В наш романтический век. Двадцатые, тридцатые, сороковые. — М., Сов. Россия, 1977.
Б. Изаков, «Летучие годы, дальние края…» От 20-х до 80-х: Записки старого журналиста. — М., Политиздат, 1988.

[414] Бронтман Л.К. Дневники 1932–1947. @ Журнал «Самиздат» (zhurnal.lib.ru), 2004.
В книжном формате дневник был опубликован частично и охватывает только несколько военных лет: Л.К.Бронтман Дневник военного корреспондента ««Правды»». — М., Центрполиграф, 2007.

[415] Кудрявцев В.Л., Женевский дневник. — М., «Известия», 1955.

[416] Шепилов Д. Т. Непримкнувший. — М.: Вагриус, 2001.

[417] Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф. Чуева. — М., Терра, 1991.

[418] См.: Angus Roxburgh Pravda. Inside the Soviet News machine. New-York, George Braziller (éd.), 1987.
Thomas F. Remington The Truth of Authority:Ideology and Communication in the Soviet Union. University of Pittsburg press, 1988.

журналистике, в особенности несколько работ о письмах в редакции советских газет[419]. Однако до открытия архивов после 1991 г. западные исследования о советской прессе или пропаганде основываются во многом лишь на газетных статьях и официальных опубликованных документах, на интервью с советскими гражданами. Западным исследователям потребовалось более десяти лет, чтобы изучить советскую журналистику раннесоветского периода[420], в том числе с точки зрения государственной идеологии[421]. Наконец, в последнее время все больше зарубежных исследователей обращаются к роли журналистов в советской пропаганде, к системе получения и распространения информации, влияния пропаганды на общественное сознание[422].

Международные новости в Советском Союзе после войны: состояние прессы

В 1948 году, во время эскалации холодной войны, агитпроп ЦК ВКП(б) изучает состояние советской центральной прессы для оценки эффективности пропаганды[423]. Согласно документам, из 47 довоенных изданий, в том числе 24 специализированных (печатные органы народных комиссариатов), только 19 продолжали печататься в 1948 году. В то же время, в 1948 году отдел агитации и пропаганды создает пять новых изданий. Одно из них заказано лично Сталиным — это «Культура и жизнь». Остальные являются специализированными изданиями: «Сталинский сокол» (авиация), немецкоязычный журнал «Einigkeit», «Промышленность» и «Стройматериалы».

---

[419] Christine Revuz Ivan Ivanovitch écrit à la Pravda. Éditions sociales, Notre temps/Monde, Paris, 1980. Irène Commeau-Rufin Lettres des profondeurs de l'URSS. Le courrier des lecteurs d'Ogoniok.Paris, Gallimard, 1989.

[420] Этот сюжет подробно освещается в двух трудах: Sheila Fitzpatrick Stalinism: New Directions. London, CUP, 2000; Katerina Clark, Yevgueni Dobrenko, Soviet Culture and Power: A History in Documents. 1917–1953. New Haven: Yale, 2007.

[421] Thomas C. Wolfe, Governing Soviet Journalism. The Press and the Socialist Person after Stalin. Bloomington: Indiana Press, 2005; Matthew Lenoe, Closer to the Masses: Stalinist Culture, Social Revolution and Soviet Newspapers. Cambridge, 2004.

[422] Magnusdottir R., Keeping up appearances. How the Soviet State failed to control Popular Attitudes towards the United States of America. 1945–59. Unpublished PhD dissertation. University of North Carolina, 2008. В сильно переработанном виде текст диссертации был опубликован виде монографии: Enemy Number One: The United States of America in Soviet Ideology and Propaganda, 1945–1959, Oxford University Press, 2019.
Файнберг Д., «По Америке в поисках социалистической души: советские журналисты-международники в США, 1950–1985» // Человек и личность как предмет исторического исследования : Россия, конец XIX–XX в. Санкт-Петербургский международный коллоквиум по русской истории (VIII ; 7–10 июня 2010 г. ; СПб.). — СПб. : Нестор-История, 2010.
S. Huxtable, «A Compass in the Sea of Life: Soviet Journalism, the Public, and the Limits of Reform After Stalin, 1953–1968». Unpublished PhD Dissertation, University of London, 2012.
L. Zakharova, K. Roth-Ey, Communiquer en URSS et en Europe socialiste : introduction. Cahiers du Monde russe, Editions de l'EHESS, 2015, Communiquer en URSS et en Europe socialiste : techniques, politiques, cultures et pratiques sociales, 56 (2–3), p. 253–271.
K. Roth-Ey, Moscow Prime Time. How the Soviet Union Built the Media Empire That Lost the Cultural Cold War. Ithaca–Londres : Cornell University Press, 2011.

[423] РГАСПИ, ф.17, оп.132, ед.хр.12, л.131–135.

Семь из этих 24 изданий выходят шесть дней в неделю: в том числе «Правда», «Известия», «Комсомольская правда», «Труд» и др. Во время войны «Правда» выходила ежедневно, включая воскресенье. Период войны заметным образом изменил положение между двумя ведущими изданиями, «Правдой» и «Известиями». Если в 1941 году разрыв между тиражами у этих изданий не был значительным (2 миллиона экземпляров у «Правды» против 1,6 миллионов у «Известий»), то в 1948 году тиражи «Известий» отмечают значительный спад: 2,3 миллиона у «Правды» против 0,8 миллиона у «Известий». Некоторые издания, наоборот, увеличили тиражи во время войны, среди них «Литературная газета», «Труд» и «Красная звезда»; многие другие, такие как «Гудок», «The Moscow News», и «Советское искусство», заметно сократили тиражи.

В 1948 году только шесть изданий имели отдельные рубрики, посвященные иностранным новостям[424]. Другим изданиям случалось публиковать материалы по иностранной тематике, но постоянными рубриками они не располагали. Из этих шести изданий только три имели в своих редакциях иностранный отдел: «Правда», «Известия» и «Литературная газета». Эти редакции располагали сетью зарубежных корреспондентов: 28 у «Правды», 12 у «Известий» и 6 — у «Литературной газеты». Стоит заметить, что некоторые корреспонденты совмещали должности и исполняли кроме газетных функций роль корреспондентов ТАСС или Совинформбюро и т.п.[425]

Среди целей и задач, обозначенных в указанном докладе отдела агитации и пропаганды, фигурировали повышение тиража «Правды» с намерением достигнуть в 1949 году трёх миллионов — «для обеспечения большинства желающих подписаться на «Правду»», а также восстановление довоенного тиража «Известий».

Впоследствии отдел агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) регулярно выступает с коррективами редакционной политики центральных изданий, особенно в сфере иностранной информации. Так, на протяжении 1948–1949 годов тексты служебных записок отдела агитации и пропаганды настойчиво повторяют формулировки о необходимости улучшения системы информации, а также повышения квалификации корреспондентов и редакторов[426].

Схема получения информации: источники

В изданиях центральной прессы сразу после войны существовало три привычных способа представления иностранной информации: репортаж, сделанный корреспондентом, находящимся за границей, аналитическая статья или фельетон, написанные журналистом, находящимся в редакции и, наконец, информационный бюллетень ТАСС. Репортажи от корреспондентов за рубежом подавались в разных формах: доклад, заметка, часто как пу-

[424] РГАСПИ, ф.17, оп.132, д.116, л.7–14.

[425] РГАСПИ, ф.17, оп.132, д.117, л.92–93.

[426] РГАСПИ, ф.17, оп.132, д.118–121.

тевой дневник, изредка как интервью. Это разнообразие жанров статей опиралось на одни и те же источники зарубежной информации: ТАСС, контакты с журналистами иностранных газет, а также сведения советских государственных учреждений в стране пребывания. Среди всех центральных изданий редакция «Правды» располагала наиболее привилегированным доступом к большому количеству источников, особенно в области международной информации.

Изучение архивных документов не подтверждает наличия какого-либо документа, регламентирующего выбор источников и их последующую обработку. Скорее возникало большое количество документов, направленных в центральные редакции с целью исправления тех или иных ошибок в трактовках, разбирающих каждый отдельный случай. В первую очередь подобные разборы отдела агитации и пропаганды касались запрещения редакции использовать сведения «буржуазной прессы», так как она являлась «идеологически непроверенным и малодостоверным» источником. Перенаправляя корреспондентов к более надежным источникам, для того чтобы решить задачи по улучшению качества пропаганды за границей, отдел агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) многократно настаивал на том, что корреспондентам необходимо «уточнять информацию у соответствующих товарищей», то есть у «управления ВОКС, в посольствах стран или у наших товарищей из Министерства иностранных дел» для подтверждения идеологической характеристики того или иного человека или события, что может быть «полезно для прогрессивных сил за рубежом»[427].

К этому списку достоверных источников добавлялся комплекс информации, распространяемой ТАСС, которое получает сводки новостей через свои иностранные отделения и коррпункты. Отделения ТАСС к середине 1940-х годов находились в 10 мировых столицах, в других странах были расположены так называемые «корреспондентские пункты», таким образом, советское телеграфное агентство получало сведения со всех континентов[428]. Каждое отделение состояло из 4–10 человек: заведующий отделением, от одного до пяти корреспондентов, секретарь и переводчик; их работа заключалась в том, чтобы в кратчайшие сроки составлять подборки материалов об основных событиях в стране или регионе. Сведения получали при помощи нескольких каналов: зарубежная пресса и радио, беседы с иностранными журналистами, изредка личное присутствие на важных мероприятиях и порой некоторые информресурсы, вроде прослушивания или радиоперехвата. Вся получаемая информация отсылалась в центральное агентство ТАСС в Москве, где она подразделялась по трем критериям, определенным еще в конце 1930-х годов: страна или регион происхождения, область специализации и, наконец, степень секретности. Затем информация публиковалась в виде четырех еженедельных блоков: первый, содержащий общедоступную информацию и предназначенный к публикации в централь-

[427] РГАСПИ, ф.17, оп.132, д.12, л.30–42.

[428] РГАСПИ, ф.17, оп.132, д.15, л.107–109.

ной прессе, и три других — вестник «не для печати» (НДП), называемый в редакциях «белый тасс», обзор зарубежных радиопередач (Д), и «обзор зарубежной печати» (ОЗП)[429]. Три последних были строго секретны, доступ к ним был ограничен[430].

Выдержки из зарубежной информации ТАСС, одобренные к публикации, печатались ежедневно основными центральными изданиями, в первую очередь «Правдой» и «Известиями». При этом эти заметки, которым часто отдавалась 1/6 или 1/8 площади номера газеты, являлись чисто фактологическими и не давали оценки сообщаемым фактам. Сухое изложение фактов, часто заимствованных из зарубежной прессы, недостаточная информативность или вариативность сведений имели причиной низкую квалификацию сотрудников ТАСС, на что неоднократно ссылался в своих отчётах в ЦК КПСС Н.Пальгунов, заведующий французским отделением ТАСС с 1934 по 1940 год и ответственный руководитель ТАСС с 1946 по 1960 год[431]. Характеризуя сотрудников парижского отделения, он сообщал, что «многие не располагают достаточным для чтения газет знанием языка, и квалификация практически всех сотрудников очень далека от желаемого»[432]. При этом стоит заметить, что аналитические статьи центральных газет часто строились исключительно на выводах из сообщений ТАСС.

Информационные бюллетени ТАСС дополнялись сводками из зарубежных радиопередач, предоставляемых отделом печати Министерства иностранных дел, а также справками от сотрудников и информаторов ВОКС или Посольства СССР во Франции.

Что касается журналистов, находившихся при редакциях изданий, то их знание международных сюжетов строилось исключительно на заметках ТАСС, а вся проблематика и аргументация строились на гипотезах и оценочных суждениях в соотвествии с идеологическими директивами. При этом редакции газет, имевших иностранные отделы, имели прямой доступ к французской прессе[433]. Основным источником зарубежной прессы, по результатам контент-анализа, являлась газета «Юманите», орган КПФ, журналисты также неоднократно ссылались на другие коммунистические издания Франции («Леттр франсэз», «Комба», «Фран-тирёр», «Сэ суар» и др.).

---

[429] РГАСПИ, ф.17, оп.132, д.15, л.50–57.

[430] Упоминания об этом встречаются, например, в доносе служащего редакции «Правды» А.Магида: РГАСПИ, ф.17, оп.132, д.116, л.92–110; или в интервью В.Тольца на радио «Свобода» (https://www.svoboda.org/a/456154.html — обращение 10 марта 2019 года); или, чуть позднее, в мемуарах журналиста «Литературной газеты»: Г.Красухин, Стёжки-дорожки. Литературные нравы недавнего прошлого. М., Языки славянских культур, 2005.

[431] См., например, РГАСПИ, ф.17, оп.132, д.122, л.43–48; л.85–87; д.294, л.74–94, л.144–145.

[432] Пальгунов Н.Г., Тридцать лет: Воспоминания журналиста и дипломата. — М., Политиздат, 1964. С.30–31.

[433] Более того, до 1949 года корреспонденция, поступающая на адрес иностранного отдела, не регистрируется секретариатом, и тем самым избегает контроля. Сюжет недостаточной транспарентности работы иностранного отдела «Известий» регулярно возникает на летучках в 1945–49 годах, и только в конце 1952 года зам. главного редактора И. Губин обяжет регистрировать всю поступающую корреспонденцию, в том числе зарубежную: ГАРФ, ф.Р1244, оп.1, д.139, л.17.

«Правда» и «Известия» работали в тесном сотрудничестве с редакцией «Юманите» начиная с 1949–1950 годов, приглашая её редакторов или журналистов публиковать статьи или заметки в советских газетах. Также часто перепечатывались заявления и речи деятелей коммунистического движения. Среди изданий других политических взглядов «Правда» иногда ссылалась на левую или центристскую прессу (газеты «Либерасьон», «Канар Аншенэ», «Франс-Суар», «Монд» и др.), но с конца 1947 года эти упоминания встречаются все реже. Издания других политических сил упоминаются крайне редко («Фигаро», «Об», «Орор» и проч.): в большинстве случаев вместо указания на конкретные издания были приняты обобщенные формулировки, вроде «буржуазная пресса» или «реакционная пресса». Стоит отметить, что упоминания подобных изданий чаще всего цитировались по публикациям французских коммунистических газет.

Таким образом, несмотря на наличие в иностранных отделах центральных редакций доступа к разнообразным и многочисленным источникам, можно констатировать, что советские журналисты, опираясь на идеологические директивы ЦК, сосредотачивались на почти исключительно коммунистических изданиях. Разумеется, что этот выбор сюжетов и подхода определял и в определенной степени ограничивал представленную советскими журналистами реальную картину французской прессы тех лет. Иной, более полноценный взгляд по отношению к основному дискурсу советской прессы привносили зарубежные корреспонденты во Франции, новый элемент в системе советских СМИ, оформившийся в первые послевоенные годы.

Зарубежные корреспонденты

Постоянный зарубежный корреспондент в Париже (начиная с осени 1946 года) находился в привилегированном положении: благодаря присутствию многочисленных международных агентств печати и прочих организаций, зарубежному корреспонденту было значительно проще иметь доступ к разным формам, источникам и распространителям информации, а соответственно, к многочисленным и порой противоположным трактовкам происходящих событий.

Учреждение постоянного корреспондента во Франции — явление, для советской прессы окончательно закрепившееся в 1946 году. В самом начале 1930-х годов «Правда» совершала попытки создать места постоянных зарубежных корреспондентов в Нью-Йорке, Лондоне, Париже и Берлине, однако все эти посты были закрыты в 1933–1935 годах[434]. Это произошло, в первую очередь, по причине нараставшей напряженности международной обстановки, а также по причине недостаточной квалификации журналистов, которая, однако, часто компенсировалась личной инициативой. Так или иначе, институт зарубежных корреспондентов стал сформировываться

[434] За подробностями о работе первых постоянных корреспондентов газеты «Правда» можно обращаться к воспоминаниям постоянного корреспондента в Лондоне в 1931–1933 годах Бориса Изакова: Б. Изаков, Всё меняется, даже в Англии. — М., Советский писатель, 1965.

к концу 1940-х годов. Это означает, что развитие советской печати совпадало по времени с активизацией работы прессы в США, Англии или Франции, начавшими в конце 1930-х увеличивать штат агентств печати и располагать постоянными корреспондентами в столицах крупных стран[435].

При сравнительно ограниченном доступе к изучению редакционных материалов «Правды» и «Известий» послевоенного периода материалы о работе иностранных корреспондентов крайне разрозненны. Однако один важный источник сохранился в личном фонде главного редактора «Правды» П.Поспелова с 1946 по 1950 год[436]. Это личные письма первого советского постоянного корреспондента в Париже Ю.Жукова П.Поспелову о ходе работы в Париже, за 1946–1952 годы. Особенность писем — их неформальный характер, позволяющий донести те сведения, которые не печатались в официальных сводках или не обсуждались на стенографируемых летучках. Более половины собрания писем (всего 21 письмо) относится к первым двум годам пребывания Ю.Жукова в Париже, остальные письма отправлялись реже и не столь подробны, однако они содержат сведения о финансовой стороне работы корреспондента за границей, круге его знакомств и общения, а также степени его осведомленности о внутренних вопросах страны пребывания.

Первые письма Жукова, июня — августа 1946 года, отправлены им еще в качестве корреспондента «Правды» на Парижской мирной конференции. Тексты статей, которые Жуков отправляет с конференции, проходят несколько «фильтров» еще до попадания в редакцию газеты. Так, Жуков и все другие советские журналисты, присутствовавшие на конференции, регулярно представляли подготовленные им тексты Б.Подцеробу, главному помощнику В.Молотова, затем текст с замечаниями передавался А.Вышинскому, заместителю Молотова; в большинстве случаев текст с пометками первых двух «цензоров» возвращался автору и только потом отправлялся самому министру иностранных дел. Чрезвычайные обстоятельства, крайняя политическая важность событий Парижской мирной конференции, заставляли высших чиновников в сфере международной политики навязывать строгий контроль всей публикуемой информации. При этом по ходу конференции контроль только усиливался: несколько дней спустя Жуков пишет о политических уроках, которые, часто ночью, молодому корреспонденту дают Молотов и Вышинский. Тридцативосьмилетний Жуков, прошедший войну корреспондентом, многократно повторяет в своих письмах из Парижа, говоря о беседах с Молотовым и Вышинским: «Для меня это настоящая школа жизни» — и благодарит их за «марксистский метод анализа» международной ситуации[437].

Во время одного из обсуждений с Вышинским, которое Жуков описывает в своем письме главреду Поспелову, замминистра последовательно кри-

---

[435] R. Sambrook, Are Foreign Correspondents Redundant? The changing face of international news. Oxford Press, 2010.

[436] РГАСПИ, ф.629, оп.1, д.113, л.6–52.

[437] Там же, л.23.

тикует все положения статьи Жукова и в первую очередь упрекает корреспондента в неправильном выборе источников. Французская и британская пресса (кроме Daily Herald, издания не названы) как источник отметаются Вышинским, поскольку, по его словам, «точка зрения союзников начинает ощутимо отличаться от нашей, советской». Кроме того, Вышинский считает недостатком и использование советских источников, начиная с бюллетеней ТАСС: «ТАСС! ТАСС! Они там ляпают что попало, попросту вырезают иностранные телеграммы, и получается чепуха. А вы думать должны...»[438]

Таким образом, Вышинский фактически оставлял за собой и Молотовым монополию на формирование мнения журналиста. Возникает вопрос: почему же журналист, присутствовавший на конференции, имевший непосредственный доступ ко всему происходящему, основывал свои суждения на сводках из иностранной прессы и телеграммах ТАСС? Очевидно, тому виной его недостаточная компетенция, особенно незнание языка. Замечая, что первые несколько его статей не публиковались вовсе или, согласно личному распоряжению Молотова, публиковались в менее престижных изданиях, вроде «Труда» или «Комсомольской правды», Жуков вспоминал, что во время отбора журналистов на конференцию Вышинский выступал против его кандидатуры из-за «сомнений в пригодности». Соответственно, итоговый выбор кандидатуры Жукова означал, что его обучаемость и инициативность поощрялись. Следует заметить, что даже после нескольких процедур отбора принятые журналисты не отвечали требованиям руководства. В условиях нехватки компетентных специалистов по международным делам министр иностранных дел вместе с заместителем самолично занимались подготовкой статей для центральной прессы.

Вытеснение журналиста способствовало усилению конкуренции между корреспондентами в степени близости к политическим деятелям, так как именно привилегированная позиция определяла статус журналиста и уровень его публикаций. Так, например, Жуков был другим журналистом, Львом Леонтьевым, поскольку тот, ввиду близости к министерскому начальству, располагал более полным арсеналом средств для эффективной работы. В отличие от Жукова во время переговоров на конференции Леонтьев занимал место прямо возле круглого стола, на местах экспертов и советников, соответственно, лучше и больше слышал, чем остальные журналисты, сидевшие на отдаленных местах. Более того, Леонтьев располагал несколькими стенографистками, имел отдельную прямую линию с Москвой; Жуков же, по его словам, «вынужден каждый вечер срывать голос в телефон, после многочасового ожидания»[439]. Корреспонденты одних и тех же или равных по статусу изданий заранее были поставлены в неравное положение.

Другие журналисты также «опережали» Жукова, благодаря, с одной стороны, их лучшим связям с министром или, с другой стороны, более эффек-

---

[438] Там же, л.27.

[439] Там же, л.31.

тивной работе их редакций. Так, например, после совместной поездки Жукова и Полторацкого по нескольким провинциальным городам Франции Полторацкий, которому трижды в день звонили из редакции «Известий», публиковал текст в «Известиях» на следующий день, а Жуков вынужден был ждать звонка из редакции «Правды» (что случалось раз в два дня), а значит, статья, подготовленная Жуковым, могла быть не опубликована в «Правде». Решение о публикации информации в том или ином издании (по степени важности) принималось на высшем уровне: в обычное время в отделе агитации и пропаганды ЦК ВКП(б), в исключительных случаях — членами Политбюро или лично Сталиным. В итоге на конференции Жуков, даже будучи официально утвержденным в качестве корреспондента «Правды», мог увидеть свои репортажи в «Труде», «Комсомольской правде» или «Литературной газете». Это решение, согласно письмам Жукова, принимали Молотов или Вышинский; каждая публикация не в «Правде» вызывала раздражение и обиду журналиста. Очевидно, что это был вопрос статуса — так, однажды он пишет: «Моя статья удовлетворила Вышинского. Но было слишком поздно, так как статью другого автора уже направили в «Правду». И тогда на моей рукописи написали: «Напечатать в «Труде»». Вот история моего фиаско... уж лучше бы завернули мою статью, чем печатать в другом издании![440]»

Положение советского журналиста за границей характеризуется не только системой принятия решений или особенностями коммуникации с центральными редакциями, но и особенностями выполнения прямых задач корреспондента за рубежом. Неоднократно в своих письмах Жуков упоминает трудности с получением доступа на те или иные мероприятия: на Мон-Валерьен по случаю церемонии в память о жертвах Сопротивления или в Национальное собрание на выборы председателя правительства, и пр. В его письмах Поспелову часто фигурируют слова «пробраться» и «проникнуть», словно статус иностранного корреспондента не дает ему соответствующего положения.

Однако, несмотря на все недостатки в работе зарубежного корреспондента в первые месяцы пребывания в Париже, Жуков, очевидно, проявлял себя достаточно успешно, поскольку Молотов отметил его работу как «очень удовлетворительную» и в личной беседе предложил ему основать первый постоянный корреспондентский пункт «Правды» в Париже. По словам младшего коллеги Жукова, корреспондента «Правды» в Париже в 1960-х–1980-х годах В.Седых, это предложение застало Жукова врасплох: «...и мне, и моей жене Розе Наумовне пришлось в ударном порядке изучать французский язык и постигать другие необходимые для такой работы науки»[441].

---

[440] Там же, л.11.

[441] Статья к столетию со дня рождения Ю.Жукова в интернет-издании «Газета «Правда» на kprf.ru», №42(29240), 18–21 апреля 2008 года. Электронный ресурс: [https://kprf.ru/pravda/issues/2008/42/], дата обращения — 21 февраля 2019 года.

Недостаток квалификации Жукова в первые месяцы будет очевиден, когда он узнает политический пейзаж Франции, постигнет особенности социального, административного устройства и экономической системы страны. В своих статьях 1946–1947 годов он допускал часто неточные или ошибочные формулировки в отношении французского правительства или французской прессы. Так, например, в одной из статей середины 1946 года, говоря об американской пропаганде во Франции, упоминал о «жалкой троцкистской газетенке Комба»; он отмечал, что «у этой газеты во Франции почти нет читателей, однако ее частенько цитируют американцы, потому что знают, что статьи в этой газете печатаются неспроста»[442]. Эта расплывчатая формулировка должна была намекать читателю, что газета «Комба» являлась одним из органов антисоветского влияния США во Франции, что на деле весьма сомнительно. Кроме того, сведения Жукова о газете явно ошибочны: в 1946 году в этой газете печатались статьи за подписью известных лиц — Камю, Сартра, Мальро, Арона и других, — и в послевоенные годы влияние этого издания членов Сопротивления остаётся внушительным[443]. Подобные неточности, как следствие поверхностного и идеологизированного восприятия, встречаются и в статьях, и в письмах Жукова.

Для помощи в организации корпункта ему направляется «старший товарищ», более опытный в иностранных поездках Б.Изаков. Первые полгода, по словам Жукова, Изаков будет писать статьи, подписанные фамилиями обоих корреспондентов, а сам он будет заниматься «кучей отчетов». Первоначальный срок командировки — один год. Месячный оклад равняется окладу заместителя главного редактора «Правды» — 3000 рублей — и не включает отдельно оговариваемых дополнительных расходов, в том числе на поездки по стране и приемы частных или официальных лиц. Старший коллега Изаков вернется в СССР в 1947 году, а Жуков останется на посту первого постоянного корреспондента до конца 1952 года, вопреки первоначальным срокам его миссии и, что важнее, вопреки двум волнам «чисток» в штатах редакции «Правды». Его возвращение в СССР будет связано с повышением по службе при новом главном редакторе, Шепилове, который назначит Жукова ответственным руководителем иностранного отдела редакции. Впоследствии, Жуков сделает блестящую карьеру журналиста-международника в прессе и на телевидении, его карьера станет образцом для последующих поколений советских журналистов вплоть до перестройки.

По воспоминаниям коллег, уже в начале 1950-х годов, Жуков стал авторитетом в работе иностранного отдела. Основным вкладом в создание модели работы корреспондента за рубежом можно отметить живой интерес Ю. Жукова к самым разным вопросам франко-советских отношений, а также заданную им традицию регулярных поездок по стране для сбора материала. В письмах П.Поспелову на протяжении всего пребывания Ю.Жукова во

---

[442] Ю. Жуков «Два года спустя» // Правда, 26 августа 1946 года, с.2.

[443] Об истории газеты от Сопротивления до нефтяного кризиса см.: Yves–Marie Ajchenbaum, À la vie, à la mort. Histoire du journal « Combat », 1941–1974, Paris, Le Monde éditions, 1994.

Франции проявляются неравнодушное отношение к работе, азарт, но и весьма требовательное отношение к самому себе. В первые дни пребывания во Франции он огорчается своим неудачам, но и подбадривает себя: «У меня все еще впереди»; в 1949 году искренне и настойчиво ратует за публикацию своего пространного очерка «За кулисами западного блока», написанного по результатам бесед с советским послом в Париже и дающего четкое представление о задачах советской дипломатии в данный момент. В 1951 году Ю.Жуков крайне эмоционально изображает П.Поспелову забастовки рабочих и ветеранов войны в Париже («Пётр Николаевич, об этом трудно говорить...») и между тем, сознавая свою роль в уже оформившемся конфликте, жалуется на необходимость «носить маску нейтрального наблюдателя» и «вежливо раскланиваться с подлецами вроде Сульцбергера или добродушно беседовать с чиновниками французского МИДа»[444].

Инициатива Жукова на посту корреспондента была личным вкладом в дело развития советской прессы за рубежом. Именно в этом, на наш взгляд, исключительность его статуса и характерная черта советской прессы как части всей советской системы. Корреспондент Жуков не имел специального образования ни в журналистике, ни в международных отношениях, ни в иностранных языках. Его подход к работе можно характеризовать как «дилетантизм», с одной стороны, и его чрезвычайную увлеченность своим трудом, а с другой стороны, как подход, основанный на интуиции, наблюдениях и беседах с профессионалами. Эта особенность была характерна для периода становления советской международной журналистики в первый послевоенный период, и она также указывает нам на то, что система управления идеологической работой не была всепроникающей и во многом полагалась на подобные инициативы.

Обработка информации в редакциях

С появлением в редакциях центральных газет иностранных отделов и зарубежных корреспондентов в послевоенный период сложилась новая процедура работы с зарубежным материалом, поступающим в редакции газет. И материалы ТАСС, и статьи корреспондентов, и тексты, заимствованные из иностранных газет, проходили несколько этапов проверки. В первую очередь, материал проходил контроль редактора по соответствующему сектору (Франция в данном случае), затем заведующего иностранным отделом и его заместителя и затем главного редактора. В том случае, если тема была политически острой, главный редактор отправлял статью в отдел агитации и пропаганды ЦК партии. Если главред брал на себя ответственность и одобрял выпуск материала, то текст направлялся выпускающему редактору, затем корректору и наконец в печать. Подобная обработка материала занимала в среднем от двух дней до месяца. При этом, судя по многочисленным упоминаниям на летучках редакции «Известий» или в личных записях

[444] РГАСПИ, ф.629, оп.1, д.113, л.49.

П Поспелова, считалось, что иностранный отдел находился в привилегированном положении и не подвергался столь строгим проверкам, как материалы на внутриполитические темы. Тем не менее статьи являлись продуктом многоэтапной коллективной работы.

Однако, говоря о формальных этапах проверки статей, необходимо проследить реальную ситуацию, а также рассмотреть квалификацию и компетенцию сотрудников редакции. В 1946 году выходит постановление ЦК КПСС о работе газеты «Правда», в котором критикуется редакционная политика газеты. Отмечается, что «Правда» перестала руководить редакционной политикой остальных газет, не проявляя достаточно инициативы в трактовке международных событий и не уделяя нужного внимания идеологической работе партии:

«Публикуемые в газете материалы изобилуют пересказами общеизвестных вещей, статьи и корреспонденции составляются по шаблону, примитивно, ввиду чего ««Правда»» не удовлетворяет запросы читателя. Особенно плохо поставлен в газете иностранный отдел. Редакция не проявляет инициативы в освещении актуальных внешнеполитических тем, не готовит самостоятельно статьи на эти темы, а ограничивается лишь помещением статей, написанных по поручению руководящих органов, или опубликованием информации ТАСС. У газеты нет постоянных кадров обозревателей по международным вопросам и корреспондентов в зарубежных странах»[445].

Именно это постановление зафиксирует решение В.Молотова о назначении Ю.Жукова и Б.Изакова постоянными корреспондентами в Париже, а ответственным редактором редакции по Франции определит известного к тому времени журналиста Д.Заславского. На короткое время это постановление возымело действие: иностранный отдел печатает несколько качественных обзоров и статей[446]. Однако ситуация в целом не изменяется, не происходит ни набора новых кадров, ни подготовки или повышения квалификации сотрудников. С 1946 по 1953 год отдел агитации и пропаганды ЦК КПСС направил шесть объемных служебных записок о мерах улучшения пропаганды в газете «Правда». В каждой из них резко критикуется работа иностранного отдела, как недостаточная, ввиду нехватки кадров, и отсутствие компетенции у сотрудников.

Постановления ЦК находят отклик на собраниях редколлегии «Правды». Так, например, разбирая служебную записку агитпропа на редколлегии с активом ««Правды»» в июле 1949 года, Поспелов отмечает, что «иностранный отдел на отшибе, с 1945 года ни разу не были собраны международные обозреватели, материалы иностранного отдела не критиковались на летучках, а летучки не способствовали улучшению газеты»[447]. Ю.Жуков на этом же собрании отмечает, что «корреспонденты совсем не получают ин-

---

[445] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1059. Л. 90—93.

[446] Среди прочих: Ю.Жуков «Два года спустя» // «Правда» от 26 августа 1946 г., с.2;
Б.Изаков, Ю.Жуков «Осень во Франции» // «Правда» от 23 сентября 1946 г., с.2.

[447] РГАСПИ, ф.629, оп.1, д.87, л.70.

структажа. Нужны советы, критика, указания [...] у наших редакторов слепая вера в ТАСС»[448] — словно повторяя слова своих наставников, Молотова и Вышинского. Один из редакторов, П.Сатюков замечал, что «иностранный отдел проявлял заботу о пополнении иностранных корреспондентов — разговоры были, но только разговоры. Иностранный отдел не мог предложить подходящих кандидатур [...] кроме того, в отделе недостаточно информированы о решениях ЦК»[449]. Подобная критика регулярно встречается на обсуждениях в редакциях.

Стоит заметить, что партийная критика работы «Правды» не выходит за пределы редакции этой газеты и остаётся неизвестной для других изданий — «Правда» сохраняет свой особый статус несмотря на выговоры, критику ее сотрудников. На редакционных собраниях в «Известиях» работа газеты «Правда» регулярно ставится в пример. Упоминание статей или материалов «Правды» на летучках и собраниях редколлегии «Известий» очень часты в двух контекстах: с одной стороны, как «барометра» редакционной политики, поскольку её ее тексты являются образцами; с другой стороны, как сильного конкурента в сфере идеологического влияния, чья эффективность, однако, не всегда на высоте. Если редакторам «Известий» случалось замечать небольшую разницу в качестве освещения материалов на внутренние темы, то основное противостояние заключалось именно в сфере международных новостей. Иностранный отдел «Известий» в эти годы менее активен, чем в «Правде», и не располагает такими именитыми журналистами, как сотрудники «Правды». Согласно иерархии, установленной ЦК партии, «Известия» обязаны были следовать за «Правдой», и именно это положение не устраивало редакторов, которые часто жаловались на редакционных летучках: «С чувством зависти читали мы статьи иностранного отдела «Правды»: Громыко, Е.Жукова, Леонтьева, Ю.Жукова, Викторова, Маринина и еще одну статью Викторова. Какое разнообразие тем и авторов! У нас на этой неделе, только один обзор и одна статья о Корее. Сравнение далеко не в нашу пользу...»[450]

Несмотря на проблемы в плане квалификации кадров журналисты и редакторы активно включались в идеологическую работу начала холодной войны, опираясь на директивы ЦК партии. Образ Запада как *Другого, всё более чётко вырисовывался в обсуждениях, связанных с «советским патриотизмом», новой категорией, определившей идеологию страны послевоенного периода. Если непосредственными авторами и вдохновителями этой доктрины являлись Сталин и его приближенные, то исполнителями и редакторами программных текстов оказывались Д.Т.Шепилов, заместитель М.А.Суслова, заведующего отделом агитации и пропаганды ЦК КПСС, и главные редакторы двух основных изданий, «Правды» и «Известий»,*

[448] Там же, л.76.

[449] Там же, л.82.

[450] ГАРФ, ф.Р1244, оп.1, д.63, л.261.

П.Н.Поспелов и Л.Ф.Ильичёв соответственно. Таким образом, работа центральных газет определялась лицами, воплощавшими основные постулаты новой послевоенной идеологии.

В программных текстах, таких как «План мероприятий по пропаганде среди населения идей советского патриотизма» ЦК КПСС от 18 апреля 1947 года[451], статья Шепилова «Советский патриотизм» в «Правде» от 11 августа 1947 года, статья Поспелова «Сила советского патриотизма» в журнале Большевик от сентября того же года, образ Запада формируется как фотографически негативное отображение советского общества. Разрешенным изображением *Другого* является в первую очередь резкая критика западной культуры по пяти основным векторам: эксплуататорская сущность капиталистического общества, антинародное содержание буржуазной демократии, идейное убожество буржуазной культуры и духовное обнищание людей, подчинение всех сфер жизни интересам денежного мешка и растление нравов, моральная деградация. Во вторую очередь разрешается упоминать, что «если в буржуазных странах и имеется что-либо здоровое в социальном и духовном отношении, то оно идет от рабочего класса».

Итак, в 1947 году официальным постановлением и волной программных статей в центральной печати закрепляется обязательное наличие международных сюжетов, при этом с обозначенной заранее тематикой. Это постановление ЦК живо обсуждается на редколлегиях «Правды» и «Известий». Так, в июле 1947 года на летучке «Известий» главред газеты Л.Ильичёв заявляет:

«Вопросы идеологии сейчас выдвигаются на первый план. Нужно тщательно следить за процессами, происходящими на театральной сцене, на экране, в эстрадных театрах, в школах, следить за процессами формирующими, создающими, сколачивающими идеологию советского человека, оттачивающими её или, наоборот, затуманивающими, следить за процессами формирования идеологии в среде советской интеллигенции, в среде советских людей. И смотреть на эти процессы глазами политического деятеля. Я хотел бы обратить ваше внимание на некоторые изменения общего облика «Правды» за последние несколько дней [...] А все ли наши корреспонденты подходят к вопросам, которые они освещают, с политической точки зрения? Все ли они, когда обрабатывают или собирают какой-нибудь материал, подходят к нему с двух этих точек зрения — интереса для читателя и политического звучания материала? Охватывают ли они этими щупальцами с двух сторон этот материал?»[452]

На протяжении 1947 года подобные призывы «распустить щупальца», чтобы лучше решить новые задачи, поставленные партийной идеологией, будут в разных формах повторяться на летучках «Известий» и «Правды». Соотвественно, новые темы и возросшие требования поставят задачу со-

[451] РГАСПИ, ф.17, оп.125, д.503, л.40–48.

[452] ГАРФ, ф.Р1244, оп.1, д.63, л.70.

средоточения лучших сил для исполнения идеологической работы. Поэтому в редакциях станут часто ссылаться на нехватку авторов, редакторов и корреспондентов. Так, в «Известиях» Ильичёв сокрушался: «С тех пор, как печатаются у нас такого рода статьи, идет спор на тему: можно ли писать их живо, интересно? [...] Нет у нас ещё таких кадров!»[453] Именно задачи идеологии побуждали главных редакторов и чиновников ЦК задуматься о способах подготовки новых кадров, в том числе журналистов-международников. В последующие годы долго обсуждавшийся проект начнёт принимать осязаемую форму, однако для этого потребуется несколько лет.

Прежде чем приступить к подготовке новых кадров, руководство центральной прессы проведет чистку существующего состава. На летучках в «Известиях» сетуют, что «в последнее время не дали ни одной статьи, разоблачающей буржуазную идеологию, то, что в свое время выгодно отличало ««Известия»» от многих других газет [...] сейчас нашу газету отличает с худшей стороны как газету, потерявшую вкус к этой наступательной боевой деятельности в области разоблачения реакционной идеологии»[454]. К концу 1948 года, начинают проявляться первые положительные оценки работы иностранного отдела: «Иностранный отдел [...] помимо материалов, обязательных для печати, дал целый ряд очень дельных своих статей и очерков. [...] Их статьи — они все пропагандистского характера, и это, конечно, самая большая похвала, которую можно сказать о политической газетной статье»[455]. Стоит отметить, что эти перемены произошли в работе отдела до чисток его состава или приема на работу новых сотрудников — исключительно вследствие усиления работы отдела агитации и пропаганды ЦК.

Если рассматривать стенограммы летучек и собраний редколлегии с конца 1947 года, то можно заметить, что главред Ильичёв или его заместитель Губин в этот период стали регулярно сообщать о том, что обсуждалось на собраниях главных редакторов центральной печати в отделе агитации и пропаганды ЦК. Очевидно, что в своих сообщениях Ильичёв и Губин цитируют конкретные директивы ЦК по каждому отделу газеты. Эти сообщения никогда не стенографируются. В записях еженедельных собраний всегда печатается начало обращения Ильичёва или Губина, например: «Я хотел бы представить наши задачи по итогам собрания главных редакторов в отделе пропаганды и агитации в Центральном комитете партии», после чего следует пометка секретаря-референта: «Не стенографируется». По окончании сообщения стенограмма возобновляется. При этом, несмотря на возросшую активность иностранного отдела в редакции и увеличение количества материалов на международные темы, редакторы не всегда высоко оценивали тексты, указывая на повторы, плагиат сообщений ТАСС, фактические ошибки или неточные трактовки. Многие из ошибок являлись ре-

[453] Там же, л.74.

[454] Там же, л.352.

[455] ГАРФ, ф.Р1244, оп.1, д.79, л.11.

зультатом поспешности авторов или неточного заимствования текстов ТАСС или «Правды».

Однако, проанализировав стенограммы летучек, можно отметить, что статьи и материалы иностранного отдела не часто становились объектом критики на собраниях редколлегии. Это объясняется в первую очередь особенностями тематики, так как редакторы не всегда располагали необходимой для обсуждения информацией. В первое время, в 1947–1948 годах, усвоив систему восприятия международной информации, утвержденную партией, без рассуждения, многие из них принимали предлагаемую иностранным отделом трактовку международных событий за реальность, словно не учитывая «фильтра идеологии». Так, в июле 1947 года критик Пагирев высказывается: «Весьма интересен материал иностранного отдела, посвященный французской жизни, разоблачающий французскую реакцию. Тут интересный момент, что французские реакционеры в самый отчаянный момент для жизни Франции думали не о том, как спасти свою страну, а о том, как воевать против Советского Союза. Этот момент сейчас очень звучит, и который, мне казалось, своевременно обличен»[456].

Между 1945 и 1947 годами на редколлегиях обсуждаются внутренние сюжеты, сельское хозяйство, экономика, промышленность, или же стилистика текстов, их злободневность, сроки обработки информации. Однако после 1948–1949 годов, редакторы всё чаще выступают с разбором статей на международные темы — можно предположить, что логика и риторика новой советской идеологии была усвоена и редакторы уже располагали необходимым инструментарием для критики статей по сути. Не отступая от официально принятых оценок, речь членов редколлегии изобилует трюизмами вроде «западные реакционеры», «коленопреклонение перед Западом», «американское ярмо», «реваншизм и ревизионизм» и проч.

Редкие статьи, выходящие за рамки этих категорий, вызывали непонимание и подвергались критике. Так, например, 6 ноября 1949 года, молодой корреспондент иностранного отдела В.Кудрявцев печатает статью о совете министров иностранных дел Франции, Англии и США в Париже. Он изображает ход переговоров, подкрепляя описание трактовками этого события французской прессой самых разных политических течений. Эта статья была замечена заместителем главреда Саргиным, который на собрании 9 ноября отмечал эту и предыдущие публикации Кудрявцева как образцовые. Останавливаясь на последней статье, Саргин сравнивает ее с материалом на эту же тему в «Правде», отмечая, что «тут так всё завуалировано у империалистов, у них ничего не добьёшься, и автор строит статью на догадках, но основное остается в силе» [457]. Другой редактор, Семёнов, высказывает два упрека: один в адрес корректоров, поскольку язык статьи ему кажется трудным для восприятия, а второй автору, так как он приводит разные взгляды,

[456] ГАРФ, ф.Р1244, оп.1, д.63, л.202.

[457] ГАРФ, ф.Р1244, оп.1, д.94, л.15.

и не только коммунистической прессы, из-за чего «позиция народа французского выглядит не очень правильно и четко»[458]. В защиту Кудрявцева выступает редактор иностранного отдела Цейтлин, который оправдывает стремление представить разные мнения во французском обществе контрпропагандой, одобренной в программной речи Маленкова: «Мы будем применять такую контрпропаганду, чтобы она задевала буржуазные круги». Только после этого свою позицию объясняет сам автор. По его словам, необходимо приводить мнение иных, не-коммунистических групп французского общества, во-первых, в целях объективности, а во-вторых, по той причине, что «буржуазные круги тоже недовольны американским вмешательством»[459]. Главным аргументом в защите Кудрявцева становится то, что он «консультировался с соответствующими товарищами», не называя их. Уже это, по его мнению, достаточный аргумент в пользу правоты его суждений. Он предлагает также чаще печатать подобные аналитические статьи, «учитывая, что это читается не только внутри Советского Союза, но и читается вне его. Нужно учитывать настроение французского мнения, не учитывать его нам нельзя»[460].

Надо отметить, что подобные взгляды не были характерны для печати позднесталинского периода, и статьи, которые рассматривали Запад «объемно», с учетом внутренних противоречий, а не с точки зрения новой патриотической идеологии, крайне редки. До 1953 года большинство публикаций было посвящено идеологически предсказуемым сюжетам, а обострение противостояния вынуждало отдавать предпочтение штампам в ущерб содержанию. Редакции центральных газет продолжали использовать приемы, отработанные в международной сфере, начиная с гражданской войны в Испании, где присутствовали многие советские писатели и корреспонденты, и потом, в годы Великой Отечественной войны; эти же приемы оказались заново приняты в 1946–1947 годах при формировании нового образа врага или, скорее, при переоценке Запада в первые послевоенные годы.

Место и роль международной информации в газете

В стенограмме заседания редакции «Известий» от 25 сентября 1944 года один из редакторов, Ровинский, затрагивает международную повестку и ее место в газете[461]. По его мнению, международная рубрика представлена в газете «вполне прилично». При этом он отмечает, что рубрика в данный момент не затрагивает «важных вопросов», поскольку таковые «отсутствуют в международной обстановке». На первый взгляд сложно понять, как в такой напряжённый момент завершающего года войны может отсутствовать международная повестка. Однако это замечание редактора проявляет для нас суть, механизм работы пропагандистского аппарата, где идеологи-

[458] Там же, л.42.

[459] Там же, л.48.

[460] Там же, л.51.

[461] ГАРФ, ф.Р1244, оп.1, д.45, л.220.

ческая проблематика определяется и корректируется отделом агитации и пропаганды ЦК. В отсутствие новых директив редактор отмечает, что ситуация стабильна. Затем Ровинский замечает, что при большом объеме, отведенном в газете иностранной повестке, каждое издание решает самостоятельно, каким образом это пространство заполнить. Однако «Правда» остается образцом в этом отношении. Проследим видоизменения «Правды» в представлении международной информации на полосах газеты.

Эскалация конфликта и последовавшее усиление пропаганды влияют не только на содержание статей, но и на внешний вид издания. Поэтому важно проследить, как видоизменяется газета «Правда» или «Известия» по ходу развития событий. Оба главных органа печати издаются в формате А2 на четырёх страницах (шесть для выпусков «Правды» в выходные дни до 1949 года и впоследствии в особых случаях). Привычный выпуск в рамках изучаемого периода выглядел следующим образом: первая страница посвящена областным и республиканским новостям или же тем или иным памятным или праздничным датам (довольно частым) — это единственная страница, содержащая фотографии, официальные снимки, чаще всего портреты партийных деятелей, и чаще всего И.В. Сталина; содержание номера указывалось в верхней части первой страницы, возле названия газеты, но нередко случалось, что содержание скрывалось слоганами по случаю знаменательного события или цитатами из трудов Ленина или Сталина. Вторая страница была посвящена внутренней политике и экономике, чаще всего статистическим показателям работы сельского хозяйства и промышленности, с публикациями похвал или критики в адрес тех или иных хозяйств или руководителей. На третьей странице размещались новости из социалистических республик или коммунистических партий других стран (в том числе тех, которые после 1948 года станут называть странами народной демократии).

Сообщения ТАСС из этих республик и стран перемежаются с аналитическими статьями или заявлениями политических деятелей. На последней, четвертой странице располагались международные новости в глобальном масштабе, освещались военные, политические и идеологические конфликты.

Эта общая структура заметно варьировалась в зависимости от политического контекста и международной ситуации. Так, важным международным событиям могла отводиться значительная часть газеты: с апреля по октябрь 1946 года «Правда» печатает подробные сводки и заметки о ходе Парижской мирной конференции. Эти материалы занимали значительное место в газете — от 1/4 в мае-августе до 1/8–1/16 к концу конференции в сентябре-октябре. Кроме того, можно отметить, как менялись тон и выражения в описании событий, становясь все более иронично-агрессивными в отношении французских и английских участников переговоров.

В течение 1947–1949 годов нарастание напряжения в противостоянии двух лагерей отражается в «Правде» растущим числом статей об идеологической угрозе, которую представлял Атлантический блок, а также возможное усиление Западной Германии при поддержке США и Англии. Только

эти статьи занимают до четверти газетных полос; стиль письма и формулировки в заголовках становятся все более резкими и даже едкими.

Эта тактика достигает апогея в 1949–1950 годах, когда идеологический климат становится ощутим не только в смысловом содержании статей, но и в распределении сюжетов и выборе тематики. На пике напряжения в этот период содержание номера «Правды» или «Известий» чётко разделено на две равные по объему части: первая представляет события внутренней жизни, вторая информирует о международном положении. Если в первой части читатель убеждается в экономическом и промышленном развитии, научном прогрессе, общей безопасности и надежности жизни внутри Советского Союза, то вторая часть рисует тяжелое положение народа на Западе, военные и социальные конфликты, деятельность реакционных правительств. Даже не читая статей, едва пробежав глазами по заголовкам, читатель легко воспринимал контраст между ситуацией внутри страны, мирно движущейся к прогрессу, и катаклизмами на Западе, объятом мракобесием. В целом такая организация содержания газеты «Правда» продлится до начала 1953 года.

Редакционная политика «Правды» и, соответственно, других центральных изданий в освещении международных вопросов резко изменяется практически на следующий день после смерти вождя. Сталинская команда, принимавшая участие в составлении идеологических директив для печати, занятая внутрипартийной борьбой, уделяет меньше внимания идеологии. Центральный комитет подвергается реорганизации с мая 1953 года до конца 1954-го. Однако во время идеологической неустойчивости внешняя политика оказывается стабильной в переходный период 1953–1955 годов. В международных отношениях политика нового американского президента Эйзенхауэра слегка ослабляет напряжение, позволяя сторонам найти согласие в некоторых вопросах, например, о перемирии в Корее. Тем не менее некоторая инерция идеологии с обеих сторон заставляет журналистов поддерживать противостояние в прессе, обращаясь к темам маккартизма, антиколониального движения, французского поражения во Вьетнаме, дебатов о Парижских соглашениях и т.п.

Несмотря на продолжение противостояния, некоторое ослабление напряжения наблюдается в количестве статей, в их названиях и стилистике. Если сравнить количество статей о реакционной политике и проамериканском влиянии во Франции за первые шесть месяцев 1953 года, то можно отметить внезапный спад идеологической активности в центральной прессе. В январе «Правда» публикует 34 статьи, «Известия» — 16, в феврале — 27 и 12 соответственно, в марте — 13 и 46, в апреле — 9 и 1, в мае и июне 6 и 1 соответсвенно. При этом в большинстве статей, опубликованных после марта 1953 года, речь идет о тех же сюжетах, заголовки очень схожи. И в «Правде», и в «Известия»х освещаются вопросы Парижских соглашений, европейской армии, американского влияния, восстановления Вермахта и т.п. Однако стиль повествования и даже формулировка заголовков видоизменились, стали более нейтральными стилистически и ёмкими по смыслу.

Если в 1951–1952 годах типичными заголовками статей, посвященных Франции были, например, «Подлые убийцы», «Нищие духом», «Им не запугать французский рабочий класс» и тому подобные, то в 1953–1954 годах читатель видит: «Угроза над Францией», «Французы не хотят вооружения немецких милитаристов», «Французские рабочие требуют улучшения их экономического положения». Если сюжеты в целом и точка зрения не отличались, то риторика острого противостояния, кажется, подверглась сомнению у авторов и редакторов. Это видоизменение происходило и в изложении материала, когда авторы составляли текст более последовательно, избегая стилистики остро-сатирического фельетона и используя стиль дипломатической ноты. Снижающие определения, насмешка, другие элементы карикатуры переставали быть обязательными атрибутами текста о западной реальности, на смену им приходит безоценочное изображение действительности.

Причин подобной смены идеологического курса несколько. И если основным, самым очевидным поводом является смерть Сталина, стоит также рассмотреть несколько конкретных факторов. В октябре 1952 года на смену П.Н.Поспелову, главному редактору «Правды» с 1946 года, историку большевизма, приходит заместитель отдела пропаганды и агитации ЦК Д.Т.Шепилов. Внутри редакции происходят перестановки. Стоит отметить, что среди статей 1953–1955 годов на международные темы реже встречаются имена маститых журналистов из поспеловской редакции, а материалы о Франции не подписаны, как прежде, Ю.Жуковым, Г.Рассадиным (постоянный корреспондент в Париже с 1952 года) или Г.Ратиани (ответственный редактор французского сектора). Часть статей на международные темы оставлены либо совсем без подписи, либо опубликованы с подписью: «Наблюдатель». В сентябре 1953 года публикуются несколько статей из Франции, за подписью А.Снегова или И.Снегова[462]. Это имя не встречалось среди постоянных или собственных корреспондентов ни до, ни после указанного периода. Единственное упоминание, которое удалось найти, содержится в воспоминаниях сына Н.Хрущёва, который писал об Алексее Снегове, вернувшемся в Москву 1953-го после 16 лет лагерей[463]. Очевидный факт подмены, ведь не бывший заключённый писал репортажи из Франции, заставил искать подробности о составлении и редактировании статей международного отдела в переходный период — между 1953 и 1956 годами.

Только опубликованные в 90-е годы воспоминания Шепилова дают ключ к пониманию механизма работы новой редакции «Правды». Говоря о пове-

---

[462] Наблюдатель, «Угроза, нависшая над Францией» // «Правда», 18 июля 1953 г., с.4.
Снегов И., «Французские трудящиеся требуют улучшения своего материального положения» // «Правда», 22 сентября 1953 г., с.3.
Снегов А., «Французы не хотят вооружения германских милитаристов» // «Правда», 28 сентября 1953 г., с.3.
Наблюдатель, «Францию толкают на опасный путь» // «Правда», 9 января 1954 г., с.4.

[463] Хрущёв С., Никита Хрущёв. Электронный ресурс — [http://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=page&num=5102] — последнее обращение 14 июля 2018 года.

дении сталинской команды после смерти вождя, Шепилов упоминает, что Молотов стал заметно осторожнее в принятии решений во внешней политике, в делах и в выражениях. Почти еженедельно он созывал собрания с ведущими дипломатами и журналистами-международниками, которые помогали ему прояснить положение и сформировать официальную позицию по каждому вопросу[464]. В это же время Молотов изменяет сложившийся при Сталине в поспеловской редакции порядок работы со статьями на международные темы.

В 1946–1953 годах главный редактор получал служебные записки с заказами на статьи определенной тематики, раскрывающие те или иные позиции СССР в международных вопросах. Часто такие «заказы» были адресными и учитывали стиль и манеру работы каждого журналиста: «Заславскому — подготовить фельетон», «Маринину — в международное обозрение», «Е.Жукову — статью или очерк». После составления статья отправлялась главреду и затем в ЦК, откуда возвращалась с комментариями и исправлениями и уже подлежала публикации без вмешательств. В большинстве случаев авторский материал с исправлениями, внесенными главредом, удовлетворял ЦК. Однако после 1953 года, по свидетельству Шепилова, Молотов самостоятельно пишет подавляющее большинство статей о международном положении, предварительно обсуждая их с ответственными посольскими работниками и журналистами. В некоторые дни работа по составлению материалов длилась по 12–15 часов; Шепилов пишет: «После вычитки текста мы долго принимали решение о форме будущей публикации: будет ли это репортаж или авторская статья, анонимная статья или подписанная «Наблюдатель», редакционная заметка, передовица и проч.»[465]. Значит, есть вероятность, что статьи этого периода написаны не из корпунктов во Франции и других стран Запада, а из кабинетов Молотова и других членов Политбюро. Так или иначе, количество публикаций на политические темы, использующих риторические приемы и аргументы сталинского времени, заметно сокращаются. Судя по содержанию и виду статей, эта практика продолжалась до 1956 года, когда Молотов был снят с поста министра иностранных дел.

Кадровые перестановки и профессионализация международной журналистики

Параллельно с крупными процессами кадровых перестановок в связи с делами о формализме среди творческой интеллигенции и делом о космополитах в редакциях центральных газет и в ТАСС проводились значительные изменения кадровой политики. Они имели целью улучшить работу пропагандистского аппарата, и основными задачами этих перестановок была возможность сформировать кадровый состав редакций, отстранить идеоло-

[464] См. воспоминания Шепилова, опубликованные в журнале «Вопросы истории», 1998. №7, с.33–39.

[465] Там же.

гически опасных сотрудников и наладить сменяемость профессионалов, составив программу специального образования и схему ротации кадров. Реорганизация началась в центральной редакции ТАСС и по схожей схеме проходила впоследствии в редакции «Правды» и «Известий». Ход перестановок, аргументация и результаты были различны в каждой редакции.

В первую очередь, в 1948 году отдел агитации и пропаганды разработал проект реорганизации ТАСС, поскольку агентство являлось первым по важности источником получения информации из-за рубежа[466]. На декабрь 1948 года ТАСС располагал представительствами в 30 странах, с общим числом сотрудников 71, из которых 59 были корреспондентами и 12 редакторами; из всех сотрудников 12 — иностранцы (9 в США, 3 в Соединенном Королевстве). Согласно этому штатному расписанию, самые важные отделения не имели руководства на местах. Кроме того, отдел агитации и пропаганды ЦК беспокоился о том, что большинство корреспондентов (особенно в Нью-Йорке, Лондоне и Париже) оставались в стране пребывания на протяжении нескольких лет, что считалось крайне нежелательным, поскольку они теряли связь с советской действительностью и не руководствовались насущными задачами в работе идеологического аппарата. Согласно проекту, разработанному отделом агитации и пропаганды ЦК, ряд мер должен быть предпринят для улучшения положения: во-первых, необходимо было возвратить в СССР треть корреспондентов, остававшихся за границей более 3–4 лет, — «необходимая мера по политическим, семейным и иным соображениям»; во-вторых, соответственно, возникала срочная необходимость подобрать корреспондентов на смену, однако, в 1948 году имелось крайне мало журналистов и редакторов для работы за границей — в основном это бывшие военные корреспонденты, уже занятые внутри страны. Тогда отдел агитации и пропаганды поручил центральным редакциям сформировать резерв из двадцати сотрудников центральных или региональных (областных, республиканских, краевых) редакций, для того чтобы скорейшим образом заменить возвращающихся корреспондентов, в особенности иностранцев, так как последние представляли наибольшую опасность в сложившейся ситуации. Несмотря на то, что отдел не давал конкретных рекомендаций по критериям отбора новых сотрудников, в документе уточнялось, что досье «резервистов» может в дальнейшем проходить дополнительные проверки в партийных инстанциях. Наконец, в-третьих, отдел впервые за послевоенное время задавался вопросом о необходимости специального профессионального образования для журналистов-международников и представлял набросок программы интенсивной подготовки будущих инокорреспондентов ТАСС:

«В целях набора сотрудников для улучшения работы зарубежной сети ТАСС необходимо открыть шестимесячные курсы при МИМО [...], набрав 30 коммунистов-журналистов из редакций центральной, союзной или военной печати, с базовыми навыками, имеющих высшее образование, эле-

[466] РГАСПИ, ф.17, оп.132, д.15, л.107–115.

ментарные знания иностранных языков и способных к работе за пределами СССР»[467].

Основными дисциплинами, предлагаемыми в проекте, по степени важности являлись: иностранный язык, страноведение, внешняя политика СССР, правовые основы работы журналиста за рубежом. Согласно первоначальному проекту шестимесячная подготовка финансировалась из государственного бюджета и предполагала ежемесячную стипендию 1800 рублей — сумма, сравнимая с месячной зарплатой редакторов и завотделом в «Правде». Впоследствии сумма будет сокращена до 1200 рублей, что, тем не менее, заметно превосходило уставные оклады региональных журналистов и редакторов (от 600 до 850 рублей в среднем) и представляло, таким образом, финансовые преимущества и залог улучшения социального положения.

Что касается редакций центральных газет, то на протяжении 1947–1949 годов на редколлегиях «Правды» и «Известий» встречались упоминания о необходимости создания подготовительных курсов и пополнения кадров редакции. При этом качество работы и производительность труда редакций снижались, поскольку примерно четверть сотрудников увольнялись по печально знаменитой «пятой графе». Подготовка масштабного переустройства начинается только после начала реорганизации ТАСС в конце 1949 года. Заместитель отдела агитации и пропаганды ЦК Ильичёв направляет Суслову служебную записку с проектом организации шестимесячных курсов для набора постоянных сотрудников редакции «Правды» из корреспондентов местных газет[468]. К служебной записке, предварительно одобренной ЦК, приложены список рекомендуемых сотрудников и учебный план.

Анализируя список сотрудников, можно выделить общие характерные черты, очевидно, являвшиеся критериями отбора:

- возраст кандидатов от 26 до 44 лет — таким образом, это молодое и среднее поколение, которое прожило большую часть жизни после 1917 года;
- по национальности — русские и украинцы, у троих кандидатов с фамилиями, звучащими как еврейские, национальность не указана;
- стаж в печати — от 1 до 18 лет, в среднем 7–10 лет;
- стаж в партии — от 5 до 25 лет;
- образование в основном высшее, иногда неоконченное и редко среднее;
- место работы — областные и краевые газеты (секретари, редакторы, корреспонденты и завотделениями) или аппарат уполномоченных по делам колхозов.

Согласно учебному плану двадцати отобранным кандидатам в правдисты назначалась ежемесячная стипендия в размере 500 рублей и во время подготовительного периода шестидневная неделя делилась на три учебных

[467] Там же, л.114.

[468] РГАСПИ, ф.17, оп.132, д.117, л.92–115.

и три рабочих дня, во время которых кандидаты проходили практику в отделах «Правды» под руководством ответственных сотрудников. В программе было пять теоретических дисциплин и практическая работа, история ВКП(б) занимала 26% общего времени, история, теория и практика большевистской печати — 21%, семинар по журналистике — 7%, русский язык и стилистика — 17%, лекции и доклады по вопросам литературы, экономики, международного положения — 4%, остальные 25% были посвящены разбору материалов курсантов редакторами. Таким образом, международной информации уделялось около 1% от общего времени подготовки. Принятый в октябре 1949 года учебный план определил программу для первого набора студентов с января 1950 года.

Очевидно, успех подготовки новых кадров в «Правде» заставил руководителя отдела агитации и пропаганды ЦК М. Суслова в ноябре 1951 года направить в ЦК ВКП(б) проект реорганизации состава редакции «Правды» с целью ее усиления[469]. Суслов, не скупясь на выражения, оправдывал проект реорганизации несостоятельностью редакции в исполнении своих обязанностей. Главная причина некомпетентности редакции «Правды» в документе Суслова — недостаточное и некорректное освещение международных сюжетов и внешней политики СССР. Суслов обвиняет редакторов, и в особенности ответственных редакторов иностранного отдела, в недостаточном внимании к идеологическим вопросам, к проблемам социалистической экономики.

По мнению Суслова, эти многочисленные нарушения работы имели причиной недостаточную квалификацию редакционного состава, который в основном относился к «старой формации». Согласно его проекту большинство работников редакции освобождались от своих обязанностей и на их место набирались кандидаты из недавних выпускников Высшей дипломатической или МИМО.

Десять месяцев спустя, в августе 1952 года, проект рассматривался в ЦК лично Г.Маленковым. В это время проект подвергался значительным изменениям, как в концептуальной части, так и в выборе кандидатов. Среди основных недостатков работы «Правды», Маленков выделил тему освещения международных отношений, пренебрегая остальными: экономическими, идеологическими и партийными вопросами. Так работа над международными темами становилась основной целью реорганизации состава сотрудников «Правды».

Несмотря на четко выделенную задачу проекта, Маленков отверг предложение Суслова о профессиональной специализации кандидатов и о наборе их из указанных учебных заведений. Маленков также смягчил многие резкие формулировки Суслова: вместо «несостоятельности редакции «Правды» в исполнении своих обязанностей» появляется «недостаточная инициатива со стороны редакции», а «плохая работа международного сектора» заменяется на «нехватку внимания к важным темам» и т.п. Таким об-

[469] РГАСПИ, ф.17, оп.132, д.472, л.75–109.

разом, критика первоначального текста проекта была смягчена, его задачи были сосредоточены на внимании к международным сюжетам, а сам проект отправлен на доработку.

Суслов не успел его доработать, так как несколько недель спустя, в октябре 1952 года, на одном из первых собраний нового Президиума ЦК КПСС, Сталин произнес разгромную речь о качестве пропаганды в центральных советских газетах, и в первую очередь в «Правде». Сталин весьма негативно охарактеризовал содержание материалов газет, подробно остановился на нехватке критического анализа международного положения: «Мы теперь ведем не только национальную политику, но ведем мировую политику. [...] Надо в «Правде» и партийных журналах расширять кругозор наших людей, шире брать горизонт, мы — мировая держава. Не рыться в мелких вопросах. У нас боятся писать по вопросам внешней политики, ждут, когда сверху укажут»[470]. В завершение своей речи, Сталин потребовал усиления идеологической борьбы с враждебным Западом на страницах печати. Передача власти от Ильичёва к Шепилову займет несколько месяцев, а смерть вождя, наступившая 5 марта 1953 года, приостановит кадровую реорганизацию на длительный срок.

Заключение

Таким образом, на этапе становления советской международной журналистики в послевоенный период при личном вкладе корреспондентов и редакторов в рамках диктуемой партией идеологии происходит профессионализация деятельности корреспондентов, закладываются основы нового направления работы советской печати. Достаточно свободная работа зарубежных корреспондентов сочетается с активным вмешательством профессиональных дипломатов, высших членов правительства непосредственно в журналистский труд. Соответственно, создание образа *Другого* в отношении Франции стало коллективной работой, где решающее мнение имело высшее партийное руководство. Осознавая сложность и трудоемкость этих процессов, ЦК ВКП(б) ставил задачу подготовки новых кадров, что в середине 1950-х годов дало возможность создания новых отделений и факультетов журналистики, в том числе и международной журналистики. Это впоследствии, в конце 1950-х — начале 1960-х годов, будет способствовать обновлению состава редакций центральных газет и приведёт к корректировке всей издательской политики.

---

[470] Цитируется по записи Д.Т.Шепилова и П.Ф.Юдина. Вопросы истории. 1998. № 7. С. 33–34. Известно, что достоверность и точность цитат выступления Сталина на этом пленуме, за неимением стенограмм, оспариваются некоторыми историками.

Е.П. Малышева

Европейские стандарты и российская модель административной реформы в начале XXI века. К вопросу об исторической самоидентификации России

Аннотация

В статье рассматриваются концепции институциональных реформ, которые были поддержаны Европейским Союзом и взяты за основу реформирования системы государственного управления в России в начале XXI века. Основные внимание уделяется изучению процесса практического претворения в России европейских стандартов государственного управления в рамках программы ТАСИС: их трансформации под влиянием российской административной традиции, общественного сознания и имеющихся ресурсов.

Ключевые слова: административная реформа, программа ТАСИС, государственный аппарат, сервисное государство, общество и государство, государственные функции, новый государственный менеджмент, доверительное управление, государственные услуги.

Abstract

The article discusses concepts of some institutional reforms, which were supported by the European Union. These concepts were put in the foundation of the reforms of state management in Russia at the beginning of the XXI century. The main attention is paid on the studying of the process of practical implementation of European standards of state management within the TACIS program in Russia. Moreover the «destiny» of these standards: their transformation due to the Russian management tradition, public minds and available resources.

Key words: managerial reform, the TACIS program (Technical Aid to the Commonwealth of Independent State), state apparatus, government, service state, State of (public) service, society and state, function of the state, new governmental management, Good Governance, governmental services.

Административная реформа в России, стартовавшая в начале 2000-х годов, стала одной из самых масштабных и системных трансформаций государственного управления в нашей стране после распада СССР.

Своими корнями она уходит еще в 1990-е годы, когда произошла коренная ломка сложившейся прежде модели государственного управления. Объективно это было вызвано изменениями в социально-экономической и общественно-политической системе российского государства. Новые условия хозяйствования, формирование демократических институтов общества

и другие нововведения — все это не могло не сказаться на необходимости пересмотра административной модели государства. Более того, появление новых сфер государственного регулирования и изменение приоритетов соотношения власти и общества, государственной и частной собственности уже в 1990-е годы способствовали тому, что процесс реформирования административной системы носил перманентный характер, когда эмпирическим путем, путем проб и ошибок шел постоянный поиск оптимальной модели государственного администрирования в новых социально-экономических и общественно-политических условиях.

Наиболее прозрачной и очевидной изначально была структурная перестройка системы органов государственного управления. Причем вопросы разукрупнения, укрупнения и преобразования органов государственного управления начиная с 1990-х годов были совсем не новы. Общество даже привыкло к постоянным структурным преобразованиям. Централизованная плановая экономика оставила в наследство обширный по функциям, структуре и размерам государственный аппарат. За десятилетний переходный период к нему прибавились институты регулирования рыночных отношений: налоговая полиция, регистрационные палаты, реестровые службы, банковский надзор, комиссии по контролю за выпуском и обращением ценных бумаг и другие. Частота утверждения соответствующих указов президента порой доходила до двух-трех в месяц.

Несмотря на стремление к постоянному сокращению аппарата, количество федеральных органов исполнительной власти имело тенденцию постоянного роста. В 1990-е годы оно колебалось от 60 до 68, среди которых министерства составляли от 21 до 24. Большинство федеральных органов исполнительной власти прошли через переименование, упразднение, сокращение, укрупнение, разукрупнение. Частые реорганизации не меняли в корне подход к формированию структуры, отличающейся громоздкостью и непостоянством. Все преобразования воспринимались и как поиск оптимальной модели государственного управления, и как симптом затянувшегося кризиса власти, неспособной в полной мере обеспечить реализацию государственной политики в управленческой сфере.

Начиная с 1996 г. проблемы развития исполнительной власти стали все чаще звучать в посланиях Президента РФ Федеральному Собранию. Здесь же в самых общих чертах предлагались меры по ее реформированию. Тогда же стали появляться и первые проекты административной реформы, которые не отличались системным подходом и единым представлением о ее содержании.

Процессы, происходившие в России, хотя и имели радикальную природу — ломку советской системы — не были локальными. Практически для всех стран мира последняя четверть XX — начало XXI в. является важной вехой на пути интенсивного поиска оптимальных моделей государственного управления. Необходимость серьезной трансформации традиционных систем государственного управления объяснялась не столько локальными причинами социально-экономического характера, сколько глубинными общественными сдвигами в современном мире: формированием структур по-

стиндустриального общества, развитием глобализационных процессов и глобальной экономической конкуренции, появлением наднациональных институтов и развитием гражданского общества. В новых условиях замкнутая административная власть неизбежно сталкивается с «проистекающей от автономной общественности, носящей спонтанный, неконтролируемый характер» властью коммуникативной[471]. Согласно «Отчету о мировом развитии — 1997», подготовленному Всемирным банком, целью развития является не «сильное» или «минималистское» государство — оба подхода доказали на практике свою несостоятельность, — а эффективное государство. Последнее находится в центре экономического и социального развития, но не в качестве непосредственного источника роста, а как партнер, катализатор и помощник, стимулирующий и дополняющий деятельность частного бизнеса и отдельных лиц[472].

Содержание современных административных реформ, начавшихся еще в 1980-е–1990-е годы в англосаксонских странах и распространившихся на остальной мир определили две доминирующие концепции государственного управления — New Public Management и Good Governance.

Развитие первой из них — New Public Management (новый государственный менеджмент) — приходится на начало 1990-х годов. Именно тогда новый государственный менеджмент стал доминирующим направлением в реформировании административных систем. Сама же концепция представляла собой обобщение начавшихся преобразований в этой сфере под влиянием проникновения в государственное управление рыночных бизнес-технологий.

Как показала практика, цель большинства административных реформ в странах Запада заключалась в увеличении результативности и эффективности системы государственного управления. Эксперты Всемирного банка Н.Мэннинг и Н.Парисон проанализировали опыт проведения административных реформ в 14 странах различных регионов мира и выделили несколько крупномасштабных, общих для всех правительств целей преобразований: сокращение государственных расходов; повышение способностей властей к развитию и реализации политики; улучшение выполнения государством функций работодателя; повышение качества предоставления услуг и укрепление доверия к власти со стороны населения и частного сектора[473]. Общность административных трансформаций приводит к сближению управленческих систем различных стран. Такой интеграционный процесс рассматривается учеными по-разному. Одни видят в этом создание наднациональных систем как следствие глобализации — Евросоюз, например. Другие

---

[471] Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью. М.: Академия, 1995. С. 68.

[472] Государство в меняющемся мире: краткий вариант «Отчета о мировом развитии — 1997» // Вопросы экономики. 1997. № 7. С. 4–6.

[473] Мэннинг Н., Парисон Н. Реформа государственного управления: международный опыт. М., 2003. С. 35–41.

отдают приоритет развитию самой концепции New Public Management, подчеркивая ее универсальный характер.

Различные специалисты на протяжении 1990-х –2000-х гг. пытались выделить основные принципы New Public Management, которые непосредственно связаны с функциями современного государства. Наиболее четко обозначить их удалось американским экспертам Д.Осборну и Т.Геблеру. Среди них наиболее принципиальные — конкуренция между поставщиками общественных услуг (как между организациями государственного сектора, так и между организациями государственного сектора и частными компаниями); расширение прав граждан путем передачи функций контроля от бюрократических структур на уровень местного самоуправления; оценка работы учреждений не по затратам (выполнению бюджета), а по результатам; руководство в процессе осуществления деятельности, прежде всего целями (миссией), а не инструкциями; передача государственных функций частным организациям, обычно по контракту; превращение налогоплательщиков в потребителей государственных услуг, предоставление им более широкого выбора, в частности в сфере образования, повышения квалификации, решения жилищно-коммунальных вопросов и т.д.[474]

Как видно, концепция New Public Management ставит под сомнение эффективность традиционной модели государственного управления с присущей ей иерархической подчиненностью и централизацией управленческих решений, доминирующим местом государства в жизни общества. Основной функцией государства теперь выступает производство общественно значимых услуг. «Основная продукция любых государственных учреждений, — пишут классики нового государственного менеджмента Д.Осборн и П.Пластрик, — разнообразные гражданские услуги населению, от сугубо бытовых (снабжение энергией или лекарствами) до защиты самой жизни граждан (правоохранительные, пожарные службы, оборона страны и т.п.)»[475]. Считается, что при таком подходе государство и его органы становятся более чувствительными и отзывчивыми к нуждам общества, стремятся предоставлять более качественные услуги и лучше заботятся о публичных благах.

Актуализация социальных вопросов в жизни общества в 1990-е годы инициировала дополнение концепции государственного менеджмента новыми положениями. Впервые они прозвучали в 1992 г. на ежегодной конференции Всемирного банка в области экономического развития, получили название «Good Governance», или «Достойное управление»[476]. Через пять лет, в 1997 г., концепция «достойного управления» стала основным пунктом Программы развития ООН «»Governance» для устойчивого развития чело-

---

[474] Osborne D., Gaebler T. Reinventing Government: How the Entrepreneurial Spirit Is Transforming the Public Sector. N.Y., 1993. C. 19–20.

[475] Осборн Д., Пластрик П. Управление без бюрократов: пять стратегий обновления государства. М., 2001. С. 12

[476] World Bank. Proceedings of the World Bank Annual Conference on Development Economics 1991. Washington, 1992

веческих ресурсов». В ней говорилось, что эта концепция олицетворяет «участие, прозрачность, ответственность, эффективность, равноправие и верховенство закона» и направлена на максимальное расширение сферы участия общества в управлении. Как следует из программы, она «гарантирует, что политические, социальные и экономические приоритеты должны быть основаны на общем согласии таким образом, чтобы голоса самых бедных и социально не защищенных групп населения были услышаны при принятии государственных решений»[477]. Главное, на что обращалось внимание в этой концепции, это принципиально иное положение общества: не только потребитель государственных услуг, но и равноправный участник властных и управленческих процессов. Основная идея концепции заключалась в переходе к децентрализованным совместным сообществам (сетям), в которых государство, бизнес и гражданское общество равным образом участвуют в разделении властных полномочий, то есть имеет место институционализированный диалог между государством и гражданским обществом.

Именно эта модель в совокупности с новым государственным менеджментом будет взята за основу в качестве европейского стандарта государственного управления на рубеже XX–XXI века, поддержанного Всемирным банком, МВФ и ОЭСР. Не стоит отрицать, что последнее обстоятельство обеспечило продвижение этой концепции государственного управления и ее интеграцию в национальные системы.

Суммируя основные положения европейской модели государственного управления, базирующейся на двух концепциях, можно выделить несколько приоритетов, которые найдут, как мы увидим ниже, отражение и в концепции российской административной реформы. Это легитимация принимаемых решений и право голоса со стороны общества (участие и консенсус); работа на результат (стратегическое видение); результативность деятельности государственного аппарата (обратная связь и эффективность); ответственность государства перед обществом (открытость и прозрачность); справедливость (равноправие и верховенство закона).

Какие же конкретно нововведения должны были соответствовать принятым на вооружения европейским принципам государственного менеджмента?

Прежде всего, это децентрализация и относительная свобода всех звеньев системы государственного управления, что должно проявляться в повышении самостоятельности нижних этажей бюрократической иерархии, в реализации принципа субсидиарности и передаче ряда государственных функций на уровень местного самоуправления.

Во-вторых, рассредоточение государственных функций и их передача неправительственным организациям и бизнес-ассоциациям. Одновременно это и превращение органов государственной власти в публичные и открытые для общественной дискуссии и переговоров структуры, заинтересован-

---

[477] UNDP. Governance for Sustainable Human Development. Jan., 1997 [Электронный ресурс]. URL:http://gis.emro.who.int/HealthSystemObservatory/Workshops/WorkshopDocuments/Reference%20reading%20material/Literature%20on%20Governance/GOVERN~2.PDF.

ные в совместных усилиях для удовлетворения общественных интересов и решения общественных проблем.

В-третьих, это переход от иерархии к горизонтальной координации деятельности и снижение роли контроля «сверху вниз», появление новых механизмов и субъектов отчетности, в т.ч. контроль со стороны гражданского общества и оценка деятельности государственных структур по результатам, представляющим ценность для граждан.

В-четвертых, новая административная модель требовала перестройки отношений по государственной службе — использования практики менеджмента, которая касается кратковременных трудовых отношений на государственной службе, введения системы оплаты труда за качество и т.д.

В-пятых, создание конкурентной среды в сфере предоставления общественных услуг, поддержка появления конкурирующих между собой государственных структур, частных фирм и некоммерческих организаций.

И, наконец, усовершенствование механизмов управления государственными финансами и бюджетом, что влечет за собой сокращение затрат, с их привязкой к результатам деятельности, а не к требуемым ресурсам, повышение прозрачности бюджетов и прибыльности государственных организаций.

Целый ряд европейских принципов государственного управления инициировал еще одну важнейшую составляющую всех будущих реформ — продвижение компьютеризации правительственных процессов и переход к полностью цифровым операциям. Естественно, это связано с увеличением масштабов, качества и количества информации в современном мире. Так, в 1980-е гг. только 20% стран имели законодательство о доступе к информации, в 1990-е гг. — 40%, в 2000-е гг. количество таких стран выросло до 80%. Если в условиях нового государственного менеджмента электронный канал лишь дополнял административные и бизнес-процессы, то в рамках «достойного управления» агентства должны трансформироваться в веб-сайты, поставляющие государственные услуги. При этом для полной интеграции IT-технологий в управленческие процессы необходимо, чтобы они «работали» через изменения в социальных нормах и образцах[478].

Стоит отметить, что в принятом на рубеже XX–XXI вв. в России стандарте государственного управления в отличие от доминировавшей в 1990-е годы позиции государству присуща активная управленческая роль, которая заключается в реализации управленческих решений, мониторинге и регулировании, владении и сохранении информации и т.д. Поднимая таким образом значение государства в управленческой сфере, все это становится залогом технолитических конструкций, которые определяются в рамках конкретных национальных моделей административных реформ. Именно это относительное противоречие, усугубившееся историческими административными традициями, на наш взгляд, обусловило собственный путь

[478] См. подробнее: Красильников Д.Г., Сивинцева О.В., Троицкая Е.А. Современные западные управленческие модели: синтез New Public Management и Good Governance// ARS ADMINISTRANDI. 2014. № 2. С. 58–59

реализации европейских стандартов в ходе российской административной реформы.

Более того, для успешной реализации европейской административной модели были необходимы определенная почва и ресурсы, которые на тот момент в России еще отсутствовали. Прежде всего это касалось наличия институтов и технологий обеспечения широкого участия общества в принятии государственных решений, что в свою очередь требует наличия сформировавшихся институтов гражданского общества и коммерческих бизнес-структур. Одновременно стоит говорить о готовности власти видеть общество в качестве активного участника всех политических и административных процессов, поскольку велики риски получить обратный, нежелаемый результат и массовое недовольство принимаемыми решениями. Кроме того, возникал целый ряд технических проблем обеспечения доступа для отдельных категорий граждан к информации и информационным системам, в том числе компьютеризированным. Это требовало соответствующей технологической оснащенности не только в структурах власти, но и на бытовом уровне. И если в западном мире реализация новых принципов государственного управления так или иначе имела уже подготовленную почву по обозначенным выше позициям, то для целого ряда стран, в том числе и для России эти принципы ложились на целинное поле, что предполагало необходимость инициирования и параллельную реализацию сразу двух процессов — проведения административной реформы и создания условий для успешного ее осуществления.

И еще один момент, который надо учитывать, говоря о европейских стандартах как глобальной модели государственного управления на рубеже XX–XXI вв. Это изначальное понимание возможности их преломления в административные практики различных стран, дифференцированных как геополитически, так и по уровню социально-экономического и политического развития. В этом случае, опять же, полное копирование европейских принципов, в силу как объективных, так и субъективных причин, или попытка их частичной инкорпорации в национальные системы, являясь технологическими вопросами реализации реформы, в значительной степени зависели от правительства конкретной страны.

Таким образом, на рубеже XX–XXI веков сформировались достаточно устойчивые для западного мира представления об «идеальной» модели государственного управления, которые рассматривались как залог и условия дальнейшего прогрессивного развития. По словам Генерального секретаря ООН К.Аннана, новые административные стандарты — это, возможно, наиболее важный фактор в продвижении дальнейшего государственного развития[479].

Стремление к интеграции в мировое сообщество и изменение положения на международной арене сделали Россию одним из важнейших акторов европейской политики. Нельзя отрицать тот факт, что потребность в достижении стратегических целей в отношении России предупредила заинтересо-

---

[479] См.: Graham G., Amos B., Plumptre T. Principles Good Governance in 21-st Century // Policy Brief. 2003. № 15. С. 1.

ванность Европейского Союза в развитии России по благоприятному для него сценарию. Начиная с 1991 года значительную часть своей деятельности по стимулированию преобразования России на основе европейских моделей и стандартов Европейский Союз осуществлял в рамках программы ТАСИС — технического содействия странам Содружества Независимых Государств. «Техническое содействие», согласно устоявшейся международной терминологии, представляет собой особый вид международной помощи индустриально развитых стран и международных организаций развивающимся странам и иным третьим странам. Сущность технического содействия заключается главным образом в консультировании, а также в изучении нуждающихся стран и профессиональной подготовке их кадров.

Такое участие было вызвано реальными угрозами, рассматриваемыми Евросоюзом со стороны России. Определив для себя перспективы взаимодействия Евросоюза с Россией, Европейская комиссия так сформулировала направленность своей деятельности в рамках программы ТАСИС: «Россия должна быть способной развиваться как процветающий рынок для экспортных товаров и инвестирования из государств — членов ЕС и как надежный источник поставок энергоресурсов, а также как стабильный, предсказуемый и сотрудничающий партнер для обеспечения безопасности на Европейском континенте»[480].

В этой связи объективно векторы всех административных преобразований, обозначенных в рамках программы ТАСИС для России, базировались на европейских образцах и приоритетах[481]. Правда, в течение 1990-х годов, когда поддержка институциональных реформ в России в рамках программы ТАСИС не имела приоритетного характера, большинство преобразований государственного аппарата не носили системного характера и заключались главным образом в создании, преобразовании, ликвидации и переименовании органов исполнительной власти.

Официально начиная со второй половины 1990-х годов в России был объявлен целый ряд реформ (судебная, правовая, пенсионная, дорожная и другие). При этом важнейшими из них являются две — административная и бюджетная, так как именно эти реформы качественно меняли систему государственного управления. Несмотря на то, что эти реформы разрабатывались разными независимыми, действующими в различных сферах организациями, их методологические подходы, идеология и полученные результаты, равно как и предложенный ими инструментарий, оказались на удивление сопрягаемыми и едиными. Как подчеркивает профессор Дональд Кеттл, в этих двух реформах сосредоточено решение двух важнейших проблем: «Одна из них связана с политической составляющей и укоренена в сфере политики (что должно делать государство?), тогда как другая связа-

---

[480] http://europa.eu.int/comm/external_relations/russia/csp/02–06_en.pdf

[481] Техническое содействие Содружеству Независимых Государств, TACIS — Technical Assistance for the Commonwealth of Independent States — New Independent States of Central Europe, the Caucasus and Central Asia.

на с администрированием и вопросами эффективности (как оно может лучше делать то, что должно?)»[482].

Ситуация изменилась после принятия четвертого по счету Регламента 99/2000 Совета ЕС от 29 декабря 2000 года по программе ТАСИС, в котором поддержка национальных институциональных реформ в России заняла приоритетное место. Одновременно о необходимости проведения административной реформы начали открыто и настойчиво говорить в России. Уже первые официальные выступления на эту тему хотя и не содержали полного представления о направлениях реализации и технологии проведения административной реформы, но указывали на «западные» идеи нового администрирования. Впервые понятие «административная реформа» прозвучало в Послании Президента России к Федеральному Собранию в 2001 г. В нем он констатировал: «Мы должны начать подготовку к административной реформе». При этом в качестве основной была поставлена следующая задача: «...пересмотреть не только и не столько структуру и штаты, но главным образом — функции органов власти»[483]. В Послании Президента РФ 2002 г. сказано «...о необходимости административной реформы», результатом которой «должно стать государство, адекватное нашему времени и целям, перед которыми стоит наша страна». Для этого следует «во-первых, модернизировать систему исполнительной власти в целом… Во-вторых, нам нужна эффективная и четкая технология разработки, принятия и исполнения решения. Ныне действующий порядок ориентирован не столько на содержание, сколько на форму. В-третьих, надо, наконец, провести анализ ныне реализуемых государственных функций и сохранить только необходимые». Подчеркивалось, что «нынешние функции государственного аппарата не приспособлены для решения стратегических задач»[484].

В развитие четвертого по счету Регламента 99/2000 Совета ЕС от 29 декабря 2000 года для практической реализации программы ТАСИС в России на национальном уровне 27 декабря 2001 года Европейской комиссией принят Стратегический документ по стране для России на период 2002–2006 годов[485]. В нем говорилось, что, по мере того как Европейский Союз и Россия будут экономически сближаться через торговлю, инвестирование, человеческие контакты и партнерство, Евросоюз будет поддерживать реформы на основе европейских моделей и стандартов. Иными словами, Евросоюз ока-

---

[482] *Кеттл Д.* Глобальная революция в государственном управлении (в кратком изложении Майкла Армакоста — президента Центра государственной службы института Брукингса). URL:www.old.strana-oz.ru/?numid=17&article=821: Цит по: Бокарева Л.Г. Российская государственность: реформы и их итоги// Имущественные отношения в РФ. 2013. № 10. С. 12–13.

[483] Послание Федеральному Собранию Российской Федерации: выступление Президента РФ Владимира Путина перед депутатами Федерального Собрания в Кремле 3 апреля 2001 г. // Российская газета. 2001. 3 апреля.

[484] Послание Федеральному Собранию Российской Федерации: выступление Президента РФ Владимира Путина перед депутатами Федерального Собрания в Кремле 18 апреля 2002 г. // Российская газета. 2002. 19 апреля (№1753).

[485] Russia: Country Strategy Paper 2002–2006, http://europa.eu.int/comm/external_relations/ russia/csp/02–06_en.pdf

зывает всеобъемлющую помощь проведению Россией тех реформ, которые содействуют полному сближению, интегрированию и конвергенции России с Европейским Союзом.

Перед Европейской комиссией Стратегическим документом по стране для России на период 2002–2006 годов была поставлена конкретная задача оказания помощи России в проведении институциональной реформы законодательной и судебной систем и системы государственного управления, социально-экономической реформы и реформы научного потенциала в военной сфере. Начиная с 2002 года Евросоюз сосредоточил помощь именно на реформировании структур управления обществом, а не на поддержке отдельных компаний и частных интересов, как это было ранее, когда содействие программы ТАСИС в основном было сосредоточено на правовой защите экономических операторов.

Стоит отметить, что поддержка институциональных реформ в начале 2000-х годов являлась общей стратегической политикой Евросоюза. Документы и программы, принимаемые ОЭСР, Всемирным банком, другими международными организациями, а также правительствами и общественными ассоциациями в это время, свидетельствуют об инкорпорации основных идей Good Governance в институциональную среду различных стран. В частности, Федеральное министерство экономической кооперации и развития Германии активно занималось распространением основных идей Good Governance не только в своей стране, но и в партнерских государствах — Гане, Ботсване, Бразилии, Танзании, Индонезии, Вьетнаме и т.д.[486]

Таким образом, в рамках ТАСИС административная реформа в России начиная с 2002 г. становится одним из приоритетных направлений, получая значительное финансирование на свою реализацию. Подтверждают это и архивные документы. В соответствии с поручением Правительства Российской Федерации от 27 августа 2002 г. министр экономического развития и торговли РФ Г.О.Греф уже в октябре 2002 г. представил руководителю Аппарата Правительства РФ И.И.Шувалову один из первых докладов «Об основных направлениях административной реформы в России», подготовленный с учетом консультаций в рамках программы ТАСИС[487].

В бюджете Национальной индикативной программы для России на период 2002–2003 годов на поддержку институциональной, правовой и административной реформы выделялся 81 млн. евро (40 млн. евро в 2002 году и 41 млн. евро в 2003 году), в том числе непосредственно на правовую, административную и региональную политику — 31 млн. евро (15 млн. евро в 2002-м и 16 млн. евро в 2003 году). Это при общем финансировании по программе ТАСИС на 2002–2003 гг. — 184 млн. евро: 90 млн. евро в 2002 году и 94 млн. евро в 2003 году. Однако уже в следующем году произошло значительное увеличение бюджетного пакета именно на административную реформу. На период 2004–2006 го-

[486] См.: Красильников Д.Г., Сивинцева О.В., Троицкая Е.А. Современные западные управленческие модели: синтез New Public Management и Good Governance// ARS ADMINISTRANDI. 2014. № 2. С. 56.

[487] См.: ГАРФ. Ф. 10288. Оп. 1. Д. 1318. Л. 34.

дов адресно только на реформу управления было направлено 30 млн. евро из 122 млн. евро, выделенных на всю институциональную сферу[488].

Согласно программным документам институциональная реформа государственного управления в России была направлена на дерегулирование и демонополизацию экономики России с акцентом на стратегическом энергетическом секторе посредством «Энергетического диалога ЕС — Россия» при параллельном создании общего европейского экономического пространства. Другой целью поддержки реформы в области государственного управления России было решение вопросов, связанных с улучшением внешнеторговых связей, в том числе вступлением России в ВТО. Помощь Европейской комиссии в проведении институциональной реформы была также направлена на усиление борьбы с организованной преступностью, терроризмом и нелегальной миграцией, в частности на улучшение пограничного контроля, надлежащее хранение документации и противодействие отмыванию денег.

С российской стороны взаимодействие с Европейским Союзом по программе ТАСИС осуществляло Национальное координационное бюро — Комиссия Министерства экономического развития и торговли РФ по вопросам международной гуманитарной и технической помощи при Правительстве Российской Федерации[489]. Нормативная база его деятельности, представленная постановлениями Правительства России, начала складываться еще до 2002 года[490]. 30 августа 2001 года было принято Постановление Правительства РФ № 642 «О совершенствовании взаимодействия с Комиссией Европейских Сообществ по вопросам консультационно-технического содействия», согласно которому Министерство экономического развития и торговли РФ выполняло функции национального координационного бюро по использованию консультационно-технического содействия Европейского союза. Национальное координационное бюро было обязано, во-первых, организовывать взаимодействие российской стороны с Европейской комиссией, в частности по передаче Европейской комиссии заявок на оказание содействия и финансирование проектов, и, во-вторых, контролировать реализацию проектов по программе ТАСИС, финансируемых Европейской комиссией.

Как свидетельствуют архивные документы, а именно служебная записка первого заместителя министра экономического развития и торговли Рос-

---

488 Пашковская И. Европейский Союз: помощь развитию России. М., 2006. С. 16–17.

489 http://www.comission.economy.gov.ru/wps/portal/committee

490 Постановление Правительства РФ от 9 марта 1992 года № 146 «Об организации взаимодействия с Комиссией Европейских Сообществ»; Постановление Совета Министров — Правительства РФ от 23 ноября 1993 года № 1227 «О Бюро по использованию консультационно-технического содействия Европейского союза Российского агентства международного сотрудничества и развития»; Постановление Правительства РФ от 4 апреля 1994 года № 277 «Об организации работы с иностранными инвестициями и консультационно-техническом содействии»; Постановление Правительства РФ от 17 мая 1995 года № 487 «Об организации взаимодействия с Комиссией Европейских сообществ по вопросам консультационно-технического содействия»; Постановление Правительства РФ от 26 августа 1995 года № 832 «О некоторых вопросах Бюро по использованию консультационно-технического содействия Европейского союза при Министерстве экономики Российской Федерации» и др.

сийской Федерации Э.С.Набиуллиной на имя начальника Главного государственно-правового управления Президента России Л.И.Бричевой от 22 мая 2002 г., проект «Административная реформа», бенефициаром которого являлась Администрация Президента России, был включен в Программу действий ТАСИС для России на 2001 год. Объем финансирования этого проекта составлял 4 млн. евро, а задачами являлись разработка и развитие реформы. Учитывая актуальность и важность проведения административной реформы, в этой же записке предлагалось продление проекта и включение его в Программу действий на 2003 год с таким же бюджетом[491].

Под административной реформой в современной политической литературе понимается изменение системы государственного управления по трем аспектам: перестройка системы политических институтов и государственных учреждений; реорганизация государственной службы; изменение характера отношений государственной системы управления к обществу и различным социальным группам, входящим в него[492].

Очевидно, что в основу административной реформы в России в начале 2000-х годов были положены полученные в рамках консультаций принципы европейской модели государственного управления, принятой и поддержанной на уровне ООН и Всемирного банка. Сама же концепция административной реформы в России, обсуждаемая в научных кругах, была подготовлена фондом политических исследований «Индем». Основные положения проекта этой концепции (введение функции «предоставление услуг»; разграничение федеральных органов исполнительной власти на министерства, федеральные службы и федеральный надзор; идея коммерциализации государственных функций и передачи их негосударственным субъектам на конкурсной основе и другие идеи) наряду с общим технократическим подходом к разработке и осуществлению реформ затем вошли в официально принятую Концепцию административной реформы[493].

Таким образом, основные принципы европейской модели государственного управления нашли свое полное отражение в первых программных документах об административной реформе, принятых на государственном уровне. В Указе Президента России №824 «О мерах по проведению административной реформы в 2003–2004 годах» от 23 июля 2003 г. в качестве приоритетных направлений реформы были определены: ограничение вмешательства государства в экономическую деятельность субъектов предпринимательства; исключение дублирования функций и полномочий федеральных органов исполнительной власти; развитие системы саморегулируемых организаций в области экономики; организационное разделение функций, касающихся регулирования экономической деятельности, надзора и контроля, управле-

---

[491] См.: ГАРФ. Ф. 10288. Оп. 1. Д. 1255. Л. 9–10.

[492] Медушевский А. Реформа государства//Отечественные записки. 2004. № 2. С. 15. См. также: Великие реформы в России. М., 1992; Политика и государственное управление. СПб, 2003 и др.

[493] Бокарева Л.Г. Российская государственность: реформы и их итоги//Имущественные отношения в РФ. 2013. № 10. С. 11.

ния государственным имуществом и предоставления государственными организациями услуг гражданам и юридическим лицам; завершение процесса разграничения полномочий между федеральными органами исполнительной власти и органами исполнительной власти субъектов РФ; оптимизация деятельности федеральных органов исполнительной власти в регионах[494]. Обозначенные в программных документах приоритетные направления административной реформы, очевидно, указывали на выбор западной модели нового государственного управления в качестве ее концептуальной основы.

Вместе с тем история уже не раз демонстрировала уникальные возможности России «переваривать» навязываемые ей реформы и революции, переплавлять их в нечто абсолютно иное, сочетаемое с веками складывавшимися традициями и устоями, принимаемое всем строем российской жизни, народным менталитетом[495]. Такая особенность была созвучна одному из важнейших положений концепции Good Governance — это адаптация к системам государственного управления различных стран, дифференцированных как геополитически, так и по уровню социально-экономического и политического развития.

Поэтому не удивительно, что центральное место на первом этапе реализации административной реформы заняли уже апробированные в России в ходе предшествующих административных преобразований подходы. В исторической ретроспективе не только современного, но и советского периода практически все административные реформы сводились к структурно-функциональным изменениям. Будь то реформы 1920-х–1930-х годов, дробление министерств конца 1940-х или реорганизация министерств 1953 г. и т.д.

Как и предыдущие, новая реформа, исходя из устоявшейся практики, первым делом была ориентирована на изменение функций и структуры государственного аппарата, целесообразность которых теперь под влиянием нового государственного менеджмента получили новое обоснование — сократить государственное влияние на экономику и убрать излишние бюрократические барьеры для бизнеса.

Упорядочение государственных функций и полномочий при одновременной их минимизации выступало основным тезисом и ключевой целью административной реформы в самом начале ее проведения. Работы по функциональному анализу федеральных органов власти начались еще до издания Президентом России концептуального для административной реформы летнего указа 2003 г. В начале января 2003 г. во исполнение поручения Правительства России от 23 декабря 2002 года министр экономического развития и торговли России Г.О.Греф направил Руководителю Аппарата Правительства И.И.Шувалову справку по классификации существующих функций федеральных органов исполнительной власти[496]. В ней говорилось, что для су-

---

[494] Указ Президента РФ от 23 июля 2003 г. №824 «О мерах по проведению административной реформы в 2003–2004 годах» //Собрание законодательства РФ. 2003. №30. Ст. 3046.

[495] Бокарева Л.Г. Российская государственность: реформы и их итоги//Имущественные отношения в РФ. 2013. № 10. С. 12.

[496] См.: ГАРФ. Ф. 10288. Оп.1. Д. 1881. С. 194–202.

ществующих в настоящее время 59 федеральных органов исполнительной власти в положениях определены 2943 функции, причем число функций очень сильно отличается у различных ведомств — от 163 у Министерства транспорта и 159 у Министерства экономического развития и торговли до 15 у Министерства по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Как следует из записки, анализ показал, что более 30% установленных в положениях функций могут быть дезагрегированы, вычленены из общих формулировок. В результате чего число функций возрастет на 45%. (у Роспатента — более чем вдвое) и достигнет не менее чем 5000 (максимум — у Министерства экономического развития и торговли — 269).

Чрезмерная агрегация функций, когда один пункт в положениях фактически означает две, три и даже более функций, станет еще одной непредвиденной проблемой реализации административной реформы, требующей значительной подготовительной работы перед основными действиями. Более того, порой одна функция объединяла функции разных типов, некоторые из которых порой противоречили законодательству. Например, за Министерством юстиции России была закреплена функция дачи согласия на образование коллегий адвокатов, которая не была предусмотрена Федеральным законом «Об адвокатуре и адвокатской деятельности». Существенной проблемой, как выяснилось в процессе аналитической работы, было распределение компетенций: каждая десятая функция ведомства содержала формулировку о выполнении совместно с другим органом. Другой крайностью была фраза «в пределах своей компетенции», которая не поддавалась какой-либо конкретизации. Не говоря вообще о том, что большинство функций были определены общими словами — «организовывает», «обеспечивает» и т.д., что не давало никакого представления о содержании и административном механизме. По подсчетам Министерства экономического развития и торговли России число неклассифицируемых функций составляло 15%. Таким образом был сформулирован один из первых векторов административной реформы.

Решение этих задач было возложено на Правительственную комиссию по проведению административной реформы, образованную Постановлением Правительства РФ от 31 июля 2003 г. №451[497]. При этом Комиссия изначально исходила из презумпции избыточности функций. При Комиссии были созданы рабочие группы по сферам государственного регулирования, которые в рамках своих полномочий должны были подготовить аналитические материалы по типологизации функций государственных органов в вверенных им областях и предложения по их сокращению[498]. 9 сентября 2003 г. был утвержден план заседаний Правительственной комиссии по проведе-

[497] Постановление Правительства РФ от 31 июля 2003 г. №451 «О Правительственной комиссии по проведению административной реформы» // Собрание законодательства РФ. 2003. №31. Ст. 3150.

[498] Распоряжение Правительства РФ от 21 мая 2004 г. №682_р «О создании рабочих групп по сферам государственного регулирования при Правительственной комиссии по проведению административной реформы» (ред. от 29 ноября 2007 г.) // Собрание законодательства РФ. — 2004. — №22. — Ст. 2192.

нию административной реформы на сентябрь 2003 г. — февраль 2004 г.[499] Так, например, развернутые материалы по избыточным и дублирующим функциям государственного регулирования в сфере энергетики, систем связи, информатизации, транспорта и строительного дела были представлены руководителем соответствующей рабочей группы А.В.Шароновым заместителю председателя Правительство России Б.С.Алешину уже 28 октября 2003 г. [500]

Всего в ходе инвентаризации функций министерств и ведомств было проанализировано 5634 функции, из них признано избыточными — 1468, дублирующими — 263, требующими изменения — 868. Таким образом, число функций федеральной исполнительной власти было сокращено на 25%, а в оставшейся части примерно такую же долю функций следовало пересмотреть или уточнить[501].

Одновременно при Президенте России была образована Комиссия по вопросам совершенствования государственного управления, которая стала постоянно действующим консультативным органом[502].

Идея упорядочения государственных полномочий и функций кочевала из документа в документ, эксплуатировалась разными государственными ведомствами, использовалась как удобное прикрытие для любого рода преобразований.

Запущенный стремлением сокращения функций органов исполнительной власти механизм типологизации государственных функций привел к необходимости наполнения их конкретным содержанием. В отечественной практике впервые нормативно содержание той или иной функции было закреплено в Указе Президента Российской Федерации от 9 марта 2004 года «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти», который кардинальным образом изменил подход к ее определению. Все функции государственного управления делились на пять групп: по принятию нормативно-правовых актов, по контролю и надзору, по управлению государственным имуществом, по оказанию государственных услуг, правоприменительные. Правда последние были аннулированы буквально через два месяца Указом Президента России «Вопросы федеральных органов исполнительной власти» 20 мая 2004 г.

Но, как оказалось, к такой типологизации и определению государственных функций не была готова сама отечественная наука административного права. В ходе реализации административной реформы уже на первых порах наметилось расхождение, а точнее, неготовность теоретической и докторальной базы к нововведениям. Как уже бывало в отечественной истории,

---

[499] См.: ГАРФ. Ф. 10288. Оп. 1. Д. 2289. Л. 33–39

[500] См.: ГАРФ. Ф. 10288. Оп. 1. Д. 2287. Л. 157–185.

[501] Указ Президента РФ от 16 июля 2004 г. №910 «О мерах по совершенствованию государственного управления» (с изм. от 21 сентября 2004 г. №1195, от 26 апреля 2005 г. №473, от 30 марта 2006 г. №285, от 10 марта 2007 г. №316) // Собрание законодательства РФ. 2004. №29. Ст. 3019.

[502] Административная реформа в России: научно-практическое пособие / Под ред. С.Е.Нарышкина, Т.Я.Харбиевой. М., «ИНФРА_М», 2006.

само развитие административных практик и науки об административном праве шли обособленно друг от друга. В конце XIX — начале XX в. передовая научная мысль опережала закостенелую административную модель. Теперь, напротив, административная наука должна была осмыслить происходящие изменения и дать им обоснование и теоретическое наполнение.

По мнению ряда ученых, проведение административной реформы вообще пошло вразрез с российским административным правом и устоявшимся толкованием административно-правовых категорий. Ю.Н.Старилов, например, ставя серьезный вопрос о том, в какой степени может административная реформа изменить само административное право, отмечает, что создатели концепции административной реформы в меньшей степени согласовали ее направления и этапы проведения с потребностями развития административного права. По его мнению, данная административная реформа изменяет черты, содержание, а иногда и сами принципы соответствующих административно-правовых институтов[503].

Но более очевидно это проявилось при попытках на законодательном уровне дать определение функциям «контроль» и «надзор», что расходилось с имеющимися в административном праве подходами к их толкованию. По мнению ряда юристов, специалистов в области административного права, при всех положительных моментах, связанных с оптимизацией государственных функций по контролю и надзору, вызывает обоснованное сомнение предлагаемое разграничение правовых категорий «контроля» и «надзора». Логика такого разграничения, конечно, очевидна, но она явным образом не стыкуется с теми научными разработками, которые касались рассматриваемых административно-правовых категорий[504]. Тем не менее в дальнейшем наука административного права восприняла нововведения и уже практически во всех учебниках по административному праву, изданных после 2005 г., дается законодательное толкование этих функций.

Целый ряд положений и мероприятий административной реформы. являющихся системообразующими для нового государственного менеджмента, изначально вошли в резкий дисбаланс с административной традицией, в большей степени ориентированной на идеалы и на общественное сознание, склонное к патерционализму. Например, это попытка сформулировать понятия «государственные функции» и «государственные услуги». Они прошли нелегкий путь апробации и осознания не только в общественном восприятии, но и на законодательном уровне.

Наиболее сложным для самих законодателей оказалось толкование понятия «государственные функции», которое первоначально рассматривалось как обобщающее для конкретных действий федеральных органов исполнительной власти. Еще труднее обстояло дело с понятием «государственные услуги».

---

[503] Старилов Ю.Н. Административное право — на уровень правового государства. Воронеж, 2003. С.46, 76–77.

[504] См. Подробнее: Устинкин С., Каптерев С., Мартынов А. Административная реформа в условиях модернизации публичного управления// Власть. 2009. № 12. С. 51–52

Как отмечалось в научной литераторе, понятие «государственная услуга» сравнительно ново для отечественной правовой науки, в то время как во многих зарубежных странах государственные услуги являются одним из проявлений взаимодействия гражданина, юридического лица и власти, а государство рассматривается как «поставщик услуг». В связи с этим традиционная сущность государственного управления меняется и ему на смену приходит модель, во многом заимствующая методы корпоративного управления, применяемые в бизнесе и некоммерческих организациях[505]. Такой подход явно не совпадал с традиционной ролью государства в жизни российского общества. Получилось, что европейская модель административной реформы подняла на повестку дня вопрос, совершенно новый для российской административной традиции.

Изначально в мартовском указе Президента России 2004 г. «государственные услуги» рассматривались как оказание федеральными агентствами услуг, имеющих исключительную общественную значимость и оказываемых на установленных федеральным законодательством условиях неопределенному кругу лиц. Спустя два месяца уже появилась более четкая формулировка: под функциями по оказанию государственных услуг понималось предоставление федеральными органами либо непосредственно, либо через подведомственные им федеральные государственные учреждения, либо иные организации безвозмездно или по регулируемым органами государственной власти ценам услуг гражданам и организациям в области здравоохранения, социальной защиты населения и других областях, установленных федеральными законами. Таким образом, государственные услуги были сужены до функций по обслуживанию населения и организаций, что сразу же вошло в дисбаланс с практикой, которая была намного шире.

Интересно отметить, что некоторое время в нормативных документах «государственные функции» и «государственные услуги» вообще были уравнены и рассматривались как однотипные действия федеральных органов исполнительной власти, о чем свидетельствуют некоторые формулировки правительственных постановлений[506]. И только по мере их детализации, дробления на административные процедуры, что было необходимо для разработки правовых оснований их практического применения, стало выкристаллизовываться представление о том, что «государственные функции» и «государственные услуги» являются дифференцированными понятиями, каждое из которых имеет собственный механизм реализации и специфику административных процедур. Прошло шесть лет, прежде чем появилось в законодательстве четкое представление отличия государственных функ-

---

[505] См., например: Шапкина Е.А. Государственные услуги как форма реализации государственно — частного партнерства // Законодательство. 2011. № 6.

[506] Постановления Правительства РФ от 11 ноября 2005 г. «О порядке разработки и утверждения административных регламентов исполнения государственных функций (предоставления государственных услуг)» // СЗ РФ. 2005. № 47. Ст. 4933

ций от государственных услуг[507]. Оно заключается в том, что государственные функции осуществляются в рамках полномочий федеральных органов исполнительной власти без дополнительной инициации действия со стороны граждан и юридических лиц. Напротив, государственные услуги оказываются только по заявлению последних. Выстраивание реализации административной реформы через решение функциональных вопросов органов исполнительной власти предопределило дальнейший вектор и направления преобразований в системе государственного управления.

Типологизация функций органов исполнительной власти стала основанием для структурного преобразования в государственном аппарате. Здесь мы видим причудливое сплетение западных идей, предусматривающих функциональную дифференциацию деятельности государства в отношении субъектов прежде всего бизнес структур, с чисто российским подходом, нацеленным на перманентное сокращение органов государственного управления при сохранении централизованной системы управления. В этом как раз и будет заключаться еще один технологический момент, приведший к корректировке идейного содержания административной реформы и ее интеграции в сторону российских традиций.

Провозглашенное административной реформой сокращение государственного аппарата потребовало укрупнения министерств, что и было сделано. Без изменения остались лишь министерства, руководство которыми осуществлял президент: обороны, внутренних дел, иностранных дел, по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, юстиции. Из 18 прежде существовавших министерств, подведомственных правительству, осталось только 9, причем прежние названия сохранили только два: сельского хозяйства и природных ресурсов. Таким образом, вместо 23 министерств было создано 14. На первый взгляд это напоминало реорганизацию министерств марта 1953 г., реформу, которой было суждено просуществовать чуть более полугода.

Однако другая составляющая реформы — попытка дифференциации функций — безусловно, ставила ее на другой уровень. В Указе Президента Российской Федерации от 9 марта 2004 года «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» все федеральные органы исполнительной власти, исходя из функций, которыми они наделялись были поделены на три группы: министерства, агентства, службы. Министерства были обозначены как органы исполнительной власти, осуществляющие функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в установленной сфере деятельности. За федеральными службами закреплялись функции по контролю и надзору, а также специальные функции в области обороны, государственной безопасности, защиты и охраны

[507] См.: Федеральный закон от 27 июля 2010 г. N 210–ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» // СЗ РФ. 2010. N 31. Ст. 4179; Постановлении Правительства РФ от 16 мая 2011 г. № 373 «О разработке и утверждении административных регламентов исполнения государственных функций и административных регламентов предоставления государственных услуг» // СЗ РФ. 2011. № 22. Ст.3169.

государственной границы Российской Федерации, борьбы с преступностью, общественной безопасности. В свою очередь федеральные агентства выполняли функции по оказанию государственных услуг и управлению государственной собственностью.

Всего помимо министерств были образованы 34 службы и 28 агентств. По мнению разработчиков, предложенная структура (министерство — служба–агентство) позволяла четко определить сферы ответственности органов исполнительной власти, оптимизировать их состав и механизмы функционирования[508]. В результате по мартовскому указу Президента России 2004 года, давшему импульс первому этапу реформы, было образовано 76 федеральных органов исполнительной власти, что приблизилось к численности таковых в Правительстве СССР в середине 1980-х годов и Правительстве Российской Федерации в середине 1992 г.

Вместе с тем на первом этапе реформы остался нереализованным один из важнейших принципов реформирования — делегирование государственных функций, что являлось, по сути, условием децентрализации государственного управления. Не удалось также реализовать и другую задачу структурной трансформации — разграничить функции федеральных органов исполнительной власти. Именно в ней виделась возможность внести бóльшую ясность в деятельность каждого из органов, исключить их дублирование, что в свою очередь должно было способствовать созданию эффективной системы государственного управления. Объективной реакцией на ставшее очевидным практически сразу смешение функций стало узаконение еще одного вида федеральных органов исполнительной власти — государственного комитета (2007 г.)

Все это обусловило дальнейшую структурную трансформацию, смешение функций, прежде определенных исключительно за министерствами, агентствами или службами, в одном органе, количественный рост государственных структур и динамику их изменений. Уже через два месяца после сокращения насчитывалось 79 ведомств: 15 министерств, 33 службы и 31 агентство, а к началу 2006 г. — 16 министерств, 35 федеральных служб и 34 федеральных агентства, итого 85 федеральных органов исполнительной власти, что было больше, чем в каком-либо из предшествующих правительств Российской Федерации. Далее этот процесс приобрел необратимый характер и преобразования в структуре федеральный органов власти продолжились.

Тезис нового государственного менеджмента о деятельности под результат (проект) в структурном плане в дальнейшем найдет отражение в создании федеральных органов власти территориальной ориентации: Министерства Российской Федерации по делам Северного Кавказа (2014 г.), Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств (2008 г.), Министерства Российской Федерации по делам Крыма (2014–2015 гг.) и т.д.

Вряд ли можно в связи с этим говорить об уменьшении количества федеральных органов исполнительной власти и стабилизации их структуры.

---

[508] Ноздрачев А.Ф. Административная реформа: законодательный контекст//Труды Института государства и права РАН, № 2. 2006. С. 19.

К сожалению, не произошло и четкого разделения функций между министерствами — агентствами — службами. Вся дальнейшая практика свидетельствовала о динамичных изменениях в этом сегменте органов исполнительной власти, как функционально, так и структурно.

Один из идеологов административной реформы, ректор Высшей школы экономики Я.И.Кузьминов, признавал, что авторы реформы столкнулись с «естественным сопротивлением среды» и многое из задуманного не получилось[509].

Для многих исследователей государственного аппарата современной России это обстоятельство станет основанием для вывода о несостоятельности административной реформы и ее неудаче[510]. Весь спектр мнений был представлен в специальном номере «Отечественных записок» за 2004 г. — от апологетичной («первая с советских времен глубокая административная реформа») до негативных, хотя сдержанные преобладали. Высказывались и опасения, что «ничего не получится»[511]. Вряд ли с этим, на наш взгляд, можно согласиться. Анализ обоснования и процесса реализации административной реформы позволяет сделать вывод о преобладании в способах ее проведения технократического подхода. В этих условиях постоянно повторяемые на все лады призывы к устранению дублирования государственных полномочий и функций превращались в тщетные заклинания с неоправданными надеждами. Административная реформа на этом своем первом этапе реализации продемонстрировала, что заложенные в ее концепцию стандарты не смогли быть реализованы в реальных условиях и изначально приобрели собственную траекторию развития. Это иллюстрируется и тем, что тексты документов и аналитические отчеты о реализации административной реформы содержат достаточно много неразрешимых противоречий между идейным содержанием государственного управления и его практическим, технологическим воплощением в повседневной жизни общества.

Перенесение европейских стандартов государственного управления на российскую почву позволило выявить дальнейшие приоритеты и направления административной реформы. Как говорилось выше, децентрализация управления исходя их европейской модели подразумевает повышение самостоятельности нижних звеньев бюрократической иерархии и реализацию принципа субсидиарности, передачу ряда государственных функций на уровень местного самоуправления, а также рассредоточение государственных функций, в том числе по предоставлению государственных услуг, и их передачу неправительственным организациям и бизнес-ассоциациям.

---

[509] Известия. 2005. 7 апреля. С. 10

[510] См. подробнее, например: Масленникова Е.В., Татаринова Л.Н. Эффективность деятельности органов государственной власти в контексте административных реформ// Стратегия развития России и стран Восточной Европы в условиях трансформации социально-экономических систем. Саратов, 2004. С. 131; Румянцева В.Г., Брижанин В.В. Исторические этапы реформирования государственного управления в России в конце XX — начале XXI века: результаты и перспективы//История государства и права. 2008. № 5 и др.

[511] См.: Отечественные записки. 2004. № 2

Однако в российской практике вопросы децентрализации в ходе административной реформы получили некую дифференциацию, продемонстрировав невозможность отказаться от исторически сложившегося в российской системе государственного управления бюрократического начала в полной мере. Вопрос делегирования полномочий нижестоящим звеньям, в том числе органам местного самоуправления не был реализован на практике в полной мере.

Не справившись с решением вопроса о субсидиарном подходе в системе органов государственной власти, правительство пошло по пути делегирования ряда функций негосударственным и общественным организациям, а также государственным корпорациям.

Уже на первом этапе реформы была предпринята попытка реализации еще одного принципа европейского стандарта — это контроль со стороны гражданского общества и оценка деятельности государственных структур по результатам, представляющим ценность для граждан. Правда, как и в случае с другими принципами, это было частичное его преломление в российскую практику. Ведь формирование системы общественного контроля должно было идти одновременно с переходом от иерархии к горизонтальной координации деятельности и снижением роли контроля «сверху вниз».

Выражением общественного участия в принятии решений и контроля за деятельностью государственных структур в институциональном плане стало создание Общественной палаты Российской Федерации (2005 г.) и общественных советов на разных уровнях власти.

Оставив в стороне ряд принципов, а другие переформатировав под российские исторические традиции, следующий этап административной реформы связали с решением вопросов качества и технологии оказания государственных услуг. Характерный для России на протяжении не одного столетия тип управления, когда государство заботится о своих гражданах, зная, что им нужно, оказался как нельзя более созвучным клиентскому подходу, свойственному модели нового государственного менеджмента. В современных условиях, в контексте взятой на вооружение концепции «сервисного государства» понятие «государственные услуги» получило новое звучание.

Отметим, что, по мнению многих исследователей модели нового государственного менеджмента, одной из его слабых сторон как раз и является то, что граждане выступают по отношению к государству как клиенты, а не как действующая политическая сила. Эта политическая дихотомия, на наш взгляд, отражала исторически устоявшиеся отношения между обществом и государством в России.

Начало реализации следующего этапа административной реформы было положено распоряжением Правительства РФ от 25 октября 2005 г. №1789р, одобрившим Концепцию административной реформы в Российской Федерации в 2006–2008 годах и план мероприятий по ее проведению. Этим документом также было рекомендовано перенести административную рефор-

му и на уровень субъектов Российской Федерации[512]. Следует отметить, что, как и предыдущий этап реформы, проект этой концепции под названием «Поддержка реализации административной реформы и реформы государственной службы в Российской Федерации» также разрабатывался при методической и финансовой поддержке Секретариата доноров при Всемирном банке и Департамента международного развития Великобритании[513].

Преемственность первоначальному курсу реформы заключалась в сохранении на 2006–2008 гг. тезиса об ограничении вмешательства государства в экономическую деятельность субъектов предпринимательства и об оптимизации функционирования органов исполнительной власти и введении механизмов противодействия коррупции. Однако на первое место были поставлены задачи повышения качества и доступности государственных и муниципальных услуг, а также повышения эффективности деятельности органов исполнительной власти. Причем эффективность деятельности еще не имела каких-либо четких критериев или хотя бы в приближенном варианте представления, чем ее измерять. Это на некоторое время отодвинуло реализацию данного направления реформы. Таким образом, именно «государственные услуги» становились основным вектором дальнейших административных преобразований.

Первым шагом в этом направлении стала разработка административных регламентов. Их создание и внедрение в российскую административную практику рассматривалось как непременное условие обеспечения доступности и публичности деятельности органов власти. Административные регламенты стали еще одним элементом административной реформы, продемонстрировавшим синтез европейских стандартов и российской традиции. Действительно, с одной стороны, они были призваны обеспечить открытость и публичность деятельности государственного аппарата, что соответствовало европейским принципам. Однако, с другой стороны, введение регламентов, несущих единообразие во внутреннюю организацию органов управления и деятельность государственных служащих, безусловно является бюрократическим элементом, имеющим глубокие исторические корни в административной системе России. Буквально сразу они стали рассматриваться как исконно российская традиция и всячески подчеркивалась их преемственность аналогичным документам начала XVIII века. Их сходство в детализации и конкретизации административных процедур становится главным лейтмотивом научных работ. Административные регламенты осуществления государственных функций и предоставления государственных услуг явили собой образец чисто российской бюрократической традиции формализации государственного управления.

Сам процесс разработки административных регламентов шел очень сложно и долго, хотя об их необходимости как условии осуществления го-

---

[512] Распоряжение Правительства РФ от 25 октября 2005 г. №1789р «Концепция административной реформы в Российской Федерации в 2006–2008 годах» // Собрание законодательства РФ. 2005. №47. Ст. 4720.

[513] Воронина И.А. О проблемах реализации административной реформы в России// Вестник Оренбургского государственного университета. 2011. № 3(122) С. 26.

сударственных функций и предоставления государственных услуг говорилось еще в президентских указах и постановлениях правительства 2004–2005 гг.

В 2005 г. координация разработки административных регламентов была поручена Минэкономразвития России, которое действовало в тесной кооперации с Аппаратом Правительства РФ, Правительственной комиссией по проведению административной реформы, экспертным сообществом. Был подготовлен и утвержден первый вариант порядка разработки, обсуждения и утверждения административных регламентов. Правда, на первом этапе административной реформы ни один регламент утвержден не был. Как оказалось, удовольствие это дорогое. Подсчитано, что на разработку и внедрение только одного такого стандарта и регламента необходимо от 1 до 5 млн. рублей.

Все это требовало дополнительного финансирования и уже как самостоятельное направление реформы было реализовано в рамках Концепции административной реформы в Российской Федерации в 2006–2008 годах. После принятие нормативных документов, определяющих процесс их разработки и содержание, административные регламенты приобрели массовый характер и стали неотъемлемой частью новой административной системы России. За первый год работы (2006 г.) было разработано около 90 административных регламентов, а к середине 2012 г. регламентация государственных услуг была практически завершена.

На осуществление стандартов «сервисного государства» было направлено создание сети многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг, а также перевод государственных услуг в электронную форму. Согласно исследованию ООН, Россия совершила стремительное восхождение вверх в рейтинге стран мира по уровню информатизации государственного управления. Оценка принципов формирования индекса каждой страны в рейтинге ООН показывает, что основной вклад в увеличение индекса России внесли улучшение качества официальных сайтов госорганов, появление реестра государственных и муниципальных услуг, а также портала государственных услуг[514]. Россия с 2009 года поднялась в рейтинге до 27-го места, улучшив свои позиции на 32 пункта (в прошлом рейтинге она находилась на 59-м месте), опередив Ирландию, Италию, Грецию и Португалию. Существенно отстают от России и страны БРИКС. При этом все они потеряли позиции в рейтинге. Так, Бразилия занимает 59-е место, Китай — 78-е, а Индия — 125-е[515].

Под влиянием регламентации произошла унификация структуры государственного аппарата, он приобрел более четкую и выверенную модификацию. Административная реформа, следуя традиции, вернула российский го-

---

[514] См.: «Россия совершила стремительное восхождение вверх в рейтинге стран мира по уровню развития электронного правительства 2012 года, согласно исследованию ООН» // Интернет-портал административной реформы. — URL: http://ar.gov.ru.

[515] Данные приводятся по: Осикова А. А., Крюков А.Ф. Проблемы становления сервисного государства в России//Вестник Красноярского государственного университета. 2014. № 2. С. 21.

сударственный аппарат в бюрократическое русло, когда бюрократия — это формализованное, правом обусловленное выполнение функций государственного управления. В этом отношении важны такие элементы административной реформы, как введение принципа работы «единого окна», затем трансформировавшегося в МФЦ, единые телефоны «горячей линии», нормативные сроки рассмотрения обращений граждан, четко установленные формы документов и т.д. Все это свидетельствует об исторической предрасположенности к определенному, адекватному с точки зрения потребностей общества и ресурсным возможностям представлению о взаимодействии власти и общества российской административной модели, которая в современных условиях, учитывая европейские стандарты и имея попытку их апробации в стране, получила собственное, исторически соразмерное развитие.

Вместе с этим европейские стандарты административного реформирования, принятые Россий, актуализировали для страны целый ряд новых ракурсов государственного управления, существенным образом повлияв на традиционные сложившиеся административные форматы государственного управления. Проявлением реализации европейского принципа прозрачности и открытости государственного аппарата, его обратной связи с обществом стало обеспечение доступа к информации о деятельности органов государственной власти через сети Интернет. В этой сфере был принят ряд законов, постановлений правительства и ведомственных актов[516]. Таким образом был впервые установлен правовой режим информации о деятельности органов публичной власти, что включает принципы, способы, формы организации доступа к такой информации, а также перечень сведений, который должен быть размещен в сети Интернет. Вместе с тем отсутствуют четкий понятийный аппарат и разработанное законодательство в сфере таких понятий, как служебная тайна. Информация о деятельности органов власти сохраняет традиционный механизм для определения объема и глубины публичной информации в государственном менеджменте. Все принимаемые в этой сфере документы, как, например, Концепция открытости федеральных органов исполнительной власти, утвержденная распоряжением Правительства РФ от 30 января 2014 г., и принятые на уровне ведомств планы работы, сталкиваются с объективными трудностями в своей реализации[517]. Меры, которые могут способствовать обеспечению информационной открытости органов государственной власти, связанные с электронной формой предоставления государственных услуг, антикоррупционной политикой, реализуются на фоне демонстрации традиционных для российской политической системы методов государственного управления, предполагающих наличие вертикали власти.

---

[516] См, например, Федеральный закон от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» // СЗ РФ. 2009. № 7. Ст. 776; Постановление Правительства РФ от 24 ноября 2009 г. № 953 «Об обеспечении доступа к информации о деятельности Правительства Российской Федерации и федеральных органов исполнительной власти»// СЗ РФ. 2009. N 48. Ст. 5832 и т.д.

[517] См.: СЗ РФ. 2014. N 5. Ст. 547; http://archives.ru/reporting/plans/otkrytost-2014–2018.shtml#pril2

По мнению ряда исследователей, дальнейшее развитие административной реформы самым непосредственным образом связано с бюджетной реформой — изменением самой экономической сути государства.

В соответствии с Концепцией реформирования бюджетного процесса в Российской Федерации в 2004–2006 годах, одобренной постановлением Правительства Российской Федерации от 22 мая 2004 года №249, бюджет должен был формироваться исходя из целей и планируемых результатов государственной политики, при этом бюджетные ассигнования должны иметь четкую привязку к функциям (услугам, видам деятельности). Вместо государства, осуществляющего выполнение полномочий и функций, Концепцией реформирования бюджетного процесса подразумевалось государство, оказывающее услуги, при этом таким услугам можно найти аналог на рынке. Таким образом, государство превращалось в некий субъект хозяйствования, деятельность которого оплачивается из бюджета и который (учитывая возможность предоставления платных услуг) способен «зарабатывать» на осуществлении своей деятельности (доходы от оказания платных услуг)[518]. Сокращение бюджетного финансирования стало новым вектором административной реформы. Главное не дублировать деятельности различных органов исполнительной власти и экономить, избегая неоправданных расходов.

Такое направление было созвучно изменившейся ситуации. Необратимость первых мероприятий заставила руководство страны искать не только новые векторы заявленной реформы, но и источники ее финансирования. При этом начиная с 2006 года кардинальным образом начало сокращаться финансирование институциональных преобразований в России в рамках программы ТАСИС.

Сокращение в 2005 году объема средств по национальной программе действий для России вдвое Евросоюз мотивировал тем, что Россия в последние годы достигла большого экономического роста, имела бюджетный профицит и выплачивала свои международные долги. И, исходя из этого, делался вывод о том, что у российских властей значительно увеличилась способность самостоятельно финансировать процесс своего реформирования. Снижение финансирования России Европейская комиссия объясняла и тем, что к моменту принятия Программы действий для России на 2005 год не были полностью исполнены Программы действий для России на 2003 и 2004 годы.

В связи с истечением 31 декабря 2006 года срока действия Регламента 99/2000 по программе ТАСИС по итогам 16 лет исполнения этой программы в России Европейским Союзом проводились проверки: в 2005 году Счетной палатой РФ и в 2006 году Европейской счетной палатой. 9 марта 2006 года Европейская счетная палата одобрила и 20 апреля 2006 года опубликовала Специальный доклад № 2/2006 об исполнении проектов, финансируемых в рамках программы ТАСИС в Российской Федерации, вместе

---

[518] См. подробнее: Бокарева Л.Г. Российская государственность: реформы и их итоги// Имущественные отношения в РФ. 2013. № 10 (145).

с ответами Европейской комиссии[519]. Аналогичный российский итоговый документ — аналитическая записка «Анализ эффективности взаимодействия Российской Федерации и Европейского Союза в рамках реализации программы ТАСИС»[520], — одобренный 16 декабря 2005 года Коллегией Счетной палаты РФ под председательством С.Степашина[521].

Счетная палата РФ «в целом положительно оценивала программу ТАСИС»[522]. Европейская счетная палата, напротив, пришла к заключению, что «не может оценить положительно исполнение проектов по программе ТАСИС в России вследствие низкой эффективности использования средств программы ТАСИС»[523].

Поясняя итоги проведенного анализа эффективности реализации программы ТАСИС в России, представитель Счетной палаты РФ заявил: «Основное содержание каждого проекта программы ТАСИС — это предоставление консультационных услуг силами организаций из государств — членов Евросоюза. На эти цели тратится около 80% выделенных средств. К сопутствующим расходам относятся финансирование подготовки кадров, проведение семинаров и конференций (10 процентов), а оставшиеся средства (около 10 процентов) предназначаются для поставок материально-технических средств. Анализ показал также, что, с точки зрения большинства российских получателей содействия, средства ТАСИС целесообразно было бы распределять в обратной пропорции» [524].

Европейская счетная палата указала на главную, по ее мнению, причину низкой эффективности проектов по программе ТАСИС в России. Как говорится в Специальном докладе 2/2006, несмотря на усилия Европейской комиссии, не велось реального и сколько-нибудь регулярного диалога между Европейской комиссией, российскими властями и российскими получателями помощи. Это явилось причиной того, что были случаи, когда российские власти приняли помощь, которая конечным получателям помощи в действительности была практически не нужна.

На основании проведенного аудита Европейская счетная палата, признав полезность отдельных проектов, дала в целом негативную оценку исполнению многих проектов по программе ТАСИС в России, обосновав такую оценку низкой эффективностью использования средств.

Следует особо подчеркнуть, что Европейская счетная палата не определяла, достигнуты ли политические цели проектов, то есть не давала политической оценки деятельности Европейской комиссии по программе ТАСИС

---

[519] Special Report No 2/2006 concerning the performance of projects financed under TACIS in the Russian Federation (pursuant to Article 248(4), second subparagraph, EC) together with the Commission's replies of 09.03.2006, O.J. 2006, C 119/1. http://www.eca.eu.int/audit_reports/ special_reports/docs/2006/rs02_06en.pdf

[520] http://www.abnews.ru/open_news.php?news_id=16640 19.12.2005

[521] http://www.ach.gov.ru

[522] http://www.abnews.ru/open_news.php?news_id=16640 от 1912.2005.

[523] http://www.eca.eu.int/audit_reports/special_reports/docs/2006/rs02_06en.pdf

[524] http://www.siora.ru/news/news.asp?news_id=9817 18.01.2006.

в России, ограничившись оценкой финансовой эффективности. Европейская же комиссия начинала свой ответ с позитивной политической оценки своей работы. В противовес низкой оценке Европейской счетной палатой эффективности использования средств Евросоюза Европейская комиссия положительно оценивала деятельность по финансированию происходящих в России процессов посредством программы ТАСИС. Европейская комиссия считала, что программы помощи помогли расширить общий уровень сотрудничества между Европейским Союзом и российским правительством. Констатировалось, что политической целью проектов по программе ТАСИС в России было налаживание отношений с российским правительством в контексте реформирования России.

Европейская комиссия признала многие замечания Европейской счетной палаты, назвав, однако, выявленные недостатки мелкими недочетами — «слабостями». Европейская комиссия объясняла низкую эффективность использования средств по программе ТАСИС в России частично (со стороны Евросоюза) недостатками менеджмента проектов; частично (с российской стороны) отсутствием должной мотивации у российских получателей помощи и их слабой имущественной базой, а также разнообразием интересов различных властей.

Стоит отметить, что реализация административной реформы в России под влиянием объективных, исторически сложившихся факторов, а также внешней политической ситуации, определившей изменение положения России на международной арене и отношения к ней со стороны Европейского Союза, сделала доминирующим два наиболее критикуемых положения концепции New Public Management. Во-первых, это то, что данная управленческая модель противоречила принципам демократии, поскольку рассматривала граждан как клиентов, потребителей государственных услуг, а не как источников политической власти[525]. Во-вторых, модель нового государственного менеджмента ставила на первое место именно экономическую эффективность, а не такие понятия, как мораль, этика, справедливость. Именно эти элементы стали впоследствии доминирующими в процессе реализации основных направлений административной реформы в России.

Таким образом, а ходе интеграции европейских стандартов в отечественную административную практику, с одной стороны, был запущен импульс модернизации взаимодействия власти и общества в государственном управлении, а с другой, исторически сложившиеся традиции и имеющиеся ресурсы государственного управления скорректировали сам ход реализации административной реформы в России.

---

[525] Terry L. Administrative Leadership, Neo-Managerialism, and the Public Management Movement // Public Administration Review. 1998. Vol. 58, № 3; Подробнее см.: Красильников Д.Г., Сивинцева О.В., Троицкая Е.А. Современные западные управленческие модели: синтез New Public Management и Good Governance// ARS ADMINISTRANDI. 2014. № 2. С. 51.

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

М.В. Катагощина

История частного коллекционирования в системе современного гуманитарного знания: междисциплинарные подходы, дискуссии, актуальные темы

Аннотация

Статья посвящена научным представлениям об историко-культурном феномене частного коллекционирования, сложившимся в российском и международном исследовательском пространстве в конце XX — начале XXI века. Автором осуществлен историографический анализ комплекса отечественной научно-исследовательской литературы и наиболее значимых работ иностранных авторов, отражающих спектр теоретических концепций и достижения в сфере конкретно-исторического изучения проблем частного коллекционирования. Основное внимание уделяется новейшей научной литературе, раскрывающей роль частного коллекционирования в развитии культуры и искусства в дореволюционной России и в сохранении отечественного культурного наследия в российском зарубежье 1920-х–1980-х гг. В статье ставится вопрос о возможности создания и научного анализа электронных баз данных частных коллекций и коллекционеров дореволюционной России и российского зарубежья.

Ключевые слова: частное коллекционирование, антикварное дело, российская историография, иностранная историография, гуманитарные науки, российское зарубежье.

The history of private collecting in the system of modern humanitarian knowledge: interdisciplinary approaches, discussions, relevant topics

Abstract

The article is devoted to scientific ideas on the historical and cultural phenomenon of private collecting, which developed in the Russian and international research space in the late XX — early XXI century. The author carried out the analysis of the complex of Russian research literature and the most significant works of foreign authors, reflecting the range of theoretical concepts

and achievements in the field of concrete historical study of the problems of private collecting. The main attention is paid to the latest scientific literature, which reveals the role of private collecting in the development of culture and art in pre-revolutionary Russia and in preserving the national cultural heritage in Russian emigration society in the 1920s — 1980s. The article raises the question of the possibility of creating and scientific analysis of electronic databases of private collections and collectors of pre-revolutionary Russia and Russian abroad.

Key words: private collecting, antiquarian business, Russian historiography, foreign historiography, humanities, Russian abroad.

Феномен коллекционирования как неотъемлемая часть мировой истории и культуры находит отражение в широком спектре научных исследований, основной массив которых связан с изучением исторического опыта создания коллекций, имеющих выдающееся художественное или познавательное значение, а также со стремлением ученых раскрыть психологические и социальные корни этого явления. Сфера частного коллекционирования — в древнем Китае, в античном мире, в Европе и России, странах Востока — неизменно выступала как пролог и спутник развития науки, как пространство интеллектуального и эстетического диалога, включая взаимодействия межсословного характера (меценат — художник, коллекционер — торговец), соприкосновение различных этносов, языков и цивилизаций. В то же время коллекционирование, в особенности произведений искусства, книг и других предметов, имеющих условную ценность, непосредственно связано с феноменологией рынка культуры, что усиливает сложность природы коллекционирования и, соответственно, необходимость его осмысления с точки зрения различных научных дисциплин и концепций.

В России, начиная с Петровского времени, частное коллекционирование становится неотъемлемым компонентом процесса европеизации сначала российской элиты, а затем и более широких слоев дворянства и купечества, постепенно приобретая значение особой сферы культурного взаимодействия России со странами Запада, Востока и Азии. Это взаимодействие развивалось по многим направлениям и на нескольких уровнях: приобретение российскими аристократами и промышленными магнатами шедевров европейской живописи, памятников античности и других культурных ценностей с последующей их передачей в музеи; торговый оборот памятников искусства и старины на антикварных рынках России и Запада; появление за рубежом образцов русского искусства и книжности (выставка народного костюма, устроенная М.К.Тенишевой в Париже, покупка Библиотекой Конгресса США книжного собрания Г.В.Юдина и т.п.); непосредственное общение российских и иностранных коллекционеров, библиофилов, нумизматов; обмен информацией в международной среде антикваров и книготорговцев.

Судьбы российских частных коллекций, находившихся за границей (собраний кн. З.Н.Волконской, Н.Н., А.Н. и П.П.Демидовых, Я.К.Зубалова

и др.), являются частью истории русского зарубежья в Европе XIX — начала XX вв. При этом мир частного собирательства, особенно в пореформенную эпоху, играл достаточно заметную роль в становлении единого культурного и научно-образовательного пространства России. Благодаря деятельности выдающихся отечественных коллекционеров — меценатов и просветителей (Н.П.Румянцева, А.С.Уварова, П.И.Щукина и других создателей художественных, историко-культурных, книжных собраний) сфера коллекционирования вышла за рамки частного увлечения и стала существенным элементом в общероссийском интеллектуальном и творческом процессе.

К настоящему времени сложился обширный и разнообразный комплекс научной литературы, отражающей различные аспекты исторического и современного мира частного коллекционирования. Однако имеющиеся обзоры литературы по теме частного коллекционирования, как правило, связаны с конкретной темой проведенного исследования и не охватывают историографического контекста в целом. Наиболее объемный и разносторонний историографический материал по проблемам частного коллекционирования представлен в трудах Т.Ю.Юреневой, в которых на высоком теоретическом уровне анализируется отечественная и иностранная литература в области истории и теории музейного дела[526], работах И.В.Саверкиной[527], О.В.Власовой[528], А.Г.Ваганова[529].

Целью данной статьи является комплексное рассмотрение спектра современных научных представлений об историко-культурном феномене частного коллекционирования на основе выявления и историографического анализа отечественной научно-исследовательской литературы и круга наиболее важных в теоретическом и конкретно-историческом плане публикаций иностранных ученых, в которых отражены актуальные исследовательские подходы к изучению истории частного коллекционирования.

Хронологически работа охватывает период со второй половины 1980-х гг. до современности. Нижняя временная граница исследования определяется началом общественно-политической либерализации в СССР, когда были сделаны первые шаги на пути к интеграции отечественной исторической науки в международное научное пространство. В статье содержатся также экскурсы в более ранний период развития отечественной и мировой историографии частного коллекционирования, истории искусства и культуры в тех случаях, когда логика изложения материала требует упоминания о классических работах, остающихся в орбите современного научного знания.

---

[526] Юренева Т.Ю. Музей в мировой культуре. М.: Русское слово, 2003. — 532 с.; Она же. Музей в истории мировой культуры: генезис и эволюция: Автореферат дисс. доктора исторических наук. М. 2004.

[527] Саверкина И.В. История частного коллекционирования в России: Учебное пособие / Вступ. ст. Н.И. Сергеевой; Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств. — СПб: СПбГУКИ, 2004

[528] Власова О..В. Частное коллекционирование русской гравюры и литографии в России в конце XVIII — начале XX вв. Автореферат дисс. кандидата искусствоведения СПб, 2004.

[529] Ваганов А.Г. Коллекционирование как основная форма проявления исследовательского инстинкта ученого//Социология науки и технологий. 2016. Т.6. № 3.

Методология проведенного исследования определяется стремлением автора к научно объективному рассмотрению историографических источников и фактологического материала в контексте общеисторических и интеллектуальных процессов 1980-х–2010-х гг. В работе применяются сравнительно-исторический, типологический, историко-системный методы историографического анализа. Теоретическую основу работы составляют труды ведущих отечественных специалистов в области теории исторической науки — Л.П.Репиной[530], Е.И.Пивовара[531], Н.И.Смоленского[532].

В научных статьях и монографиях Е.И.Пивовара, посвященных проблематике российского зарубежья, представлена научно-теоретическая концепция формирования и эволюции феномена российской эмиграции XIX–XX вв. и современного глобального Русского мира, включая проблематику сохранения и изучения его культурного наследия[533].

Термины «коллекционирование» и «собирательство» используются в тексте статьи как синонимы, поскольку дискуссия об оттенках смысла данных определений, продолжающаяся уже более ста лет, так и не пришла к однозначному завершению. В целом автор следует сложившейся практике применения слова «коллекционирование» в отношении целевого, системного подбора предметов, обладающих определенными типологическими характеристиками. Тем не менее, как отмечает А.И.Фролов, «провести четкую грань между коллекционерством и собирательством совсем непросто. Многие впоследствии искушенные коллекционеры начинали с бессистемного собирательства»[534].

Применяемый в работе термин «личная коллекция» вошел в употребление в СССР как альтернатива понятию «частная коллекция» (private collection), идеологически неприемлемому в отношении собраний советских коллекционеров, и остался в названии Музея личных коллекций. В работе он используется при изложении событий, относящихся к советскому периоду, либо как синоним определения частной коллекции, собранной конкретным лицом.

Частное коллекционирование является одной из «перестроечных» тем отечественной историографии, вошедших в научно-информационное пространство России в конце 1980-х–начале 1990-х гг. на волне растущего обще-

---

[530] Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011.

[531] Пивовар Е.И. Теоретические проблемы исторических исследований в новейших вузовских учебниках//Проблемы источниковедения и историографии: Материалы II научных чтений памяти акад. И.Д. Ковальченко / Отв. ред. Карпов С.П. — М.: РОССПЭН, 2000; Он же. Теоретические проблемы изучения и преподавания истории на XX Международном конгрессе исторических наук (Сидней, июль 2005 г.) // Новая и новейшая история. 2006. №. 3.

[532] Смоленский Н.И. Проблемы методологии истории. М.: Издательство МГОУ, 2018.

[533] Пивовар Е.И., Российское зарубежье. Социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. М., 2008; Пивовар Е.И. Евразийский интеграционный проект на постсоветском пространстве: предпосылки, становление, развитие, (1991–2015 гг.) / Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ). — СПб, Алетейя, 2017.

[534] Фролов А. И. Русские коллекционеры и формирование музейного фонда России // Шахматовский вестник. 1993. № 3..

ственного интереса к миру дворянских усадеб и купеческих традиций дореволюционной эпохи, к истории и культуре русского зарубежья и другим проблемам, изучение которых было ограничено по идеологическим мотивам.

В советской гуманитарной науке изучение частного собирательства неизменно присутствовало как прикладной элемент в искусствоведении, истории музейного строительства, библиотечного дела и ряде других исследовательских направлений, требовавших освещения протомузейного (протобиблиотечного) этапа в судьбе конкретных произведений искусства, книг, памятников культуры и быта. Однако системный подход к изучению данной темы, становление которой связано с именами российских историков и искусствоведов начала XX века, почти не развивался, что было обусловлено не только ретроспективной принадлежностью коллекционерства к дворянско-буржуазной культуре дореволюционного времени, но и его собственнической сущностью, разоблачение которой было частью советской официальной пропаганды. Научные исследования в сфере истории и теории частного собирательства были почти полностью лишены связи с коллекционерским сообществом, находившимся в условиях СССР, особенно в 1930–1950-е гг., на полулегальном положении. Лишь в отдельных случаях со стороны государства демонстрировалась поддержка составителей личных коллекций, имевших научно-познавательное и общественное значение. Так, в 1947 г. по инициативе президента Академии наук СССР С.И.Вавилова филокартист Н.С.Тагрин был награжден премией за создание уникальной коллекции открыток, представлявшей собой «энциклопедию культурной жизни нашей эпохи»[535]. Коллекция Н.С.Тагрина неоднократно экспонировалась, в том числе в блокадном Ленинграде[536].

Давление со стороны государства на сферу личного коллекционирования в СССР несколько ослабевает в эпоху «оттепели»: знаковым событием в этом отношении можно считать создание в 1957 г. Московского городского общества коллекционеров, объединившего представителей «бюджетных» видов коллекционирования, не противоречивших облику советского человека, главным образом филателистов, а также собирателей открыток, спичечных коробков, значков. Однако коллекционирование живописи, фарфора, ювелирных изделий и других предметов роскоши, никогда не прекращавшееся в кругах советской политической и военной элиты, художественной и литературной богемы, а также собирание исторических документов, книг, нумизматики, которым увлекались представители широких кругов интеллигенции, по-прежнему оставалось частью теневого социального пространства СССР. В.П.Козлов подчеркивает, что подобное «альтернативное» увлечение «представляло опасность не только для коллекций, которые просто могли быть изъяты как вредные, пропагандирующие чуждые, ушедшие в прошлое идеалы и ценности, но и для их владельцев, являвшихся в соответствии

---

[535] Петрицкий В. А.К 65-летию секции книги и графики. Люди. События. История // Невский библиофил: Альманах. 2012. Вып. 17

[536] Тагрин Н. С. Мир в открытке. М.: Изобразительное искусство, 1978.

с этой официальной логикой носителями этих идеалов и ценностей»[537].

Многие собиратели и знатоки старинных книг, произведений искусства, нумизматики пользовались известностью и уважением в профессиональной среде музейщиков и искусствоведов и при этом существовали под угрозой обвинений в спекуляции, организации незаконных собраний и т.п.[538] В 1970–1980-х гг. средствами кинематографа и периодической печати в массовом сознании последовательно поддерживался негативный образ коллекционера. В качестве примера можно привести популярные телевизионные фильмы «Похищение святого Луки» (1970), «Подпасок с огурцом» (1979), «Ларец Марии Медичи» (1980) и др.

Данная ситуация неизбежно ограничивала возможности отечественных авторов, исследовательские интересы которых были связаны с историей частного коллекционирования в России. Одной из немногих работ, посвященных частному коллекционированию как целостному явлению в истории отечественной культуры дореволюционной эпохи, стали два раздела в «Очерках истории музейного дела в России» (1960–1961 гг.), подготовленные С.А.Овсянниковой[539].

Ситуация начинает меняться в конце 1970-х–1980-е гг., когда выходят в свет статьи Е.В.Макендонской[540], Г.Н.Моисеевой[541], Я.В.Брука[542], посвященные создателям историко-культурных и художественных собраний XIX столетия. Однако и в этот период авторы научных исследований, затрагивавших тему частного коллекционирования, вынуждены были оставлять за рамками публикаций многие факты (прежде всего связанные с послереволюционной эмиграцией ряда известных коллекционеров и антикваров), а также вводить в научную аналитику обличение классовой сущности коллекционеров. Распространенным приемом, сопровождавшим отражение образов П.И.Третьякова, С.И.Мамонтова и других выдающихся коллекционеров и меценатов в исторических и культурологических работах советских ученых, было указание на уникальность их личностей и широту взглядов, позволявшее включить их в число прогрессивных деятелей, вывести за рамки сословной принадлежности. Так, А.Н.Боханов, автор одного из первых

---

[537] Козлов В.П. О рукописной коллекции И.С.Зильберштейна, хранящейся в РГАЛИ. Рефлекс цели// Наше наследие. 2005. № 74. http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/7405.php

[538] Тинченко Я. Советское коллекционирование: Как это было//Антиквар. 2013. № 1–2: Щетинин Г.А. Московское нумизматическое общество: Очерки истории 1888–1988 гг. // Нумизматический сборник Московского нумизматического общества.1999. № 6.

[539] Овсянникова А.М. Частное коллекционирование в России в пореформенную эпоху (1861–1917 гг.) // Очерки истории музейного дела в России. М., 1960. Вып. 2. Она же. Частное собирательство в России в XVIII — первой половине XIX в.//Очерки истории музейного дела в России. — М., 1961. Вып. 3.

[540] Македонская Е.И. Коллекция П. И. Щукина // Вопросы истории. 1978. № 10; Она же. Собрание русских древностей П.Ф. Карабанова // Вопросы истории. 1982. № 1; и др.

[541] Моисеева Г.Н. О «Собрании российских древностей» А.И.Мусина-Пушкина// Памятники культуры: Новые открытия: Ежегодник. 1983. Л., 1985.

[542] Брук Я.В. Из истории художественного собирательства в Петербурге и Москве в XIX в. // Государственная Третьяковская галерея. Очерки истории. Л., 1981. Он же. От частной коллекции до национальной галереи//Государственная Третьяковская галерея. История и коллекции. М., 1986

академических трудов по теме российского частного собирательства конца XIX — начала XX века подчеркивал, что ведущие российские коллекционеры и меценаты (Бахрушины, Морозовы, Щукины и др.), будучи капиталистами, «сумели подняться над узкоклассовыми интересами определенных социальных групп и сознательно действовали для достижения общенациональных целей»[543].

Заметим, что в последующие годы в российской историографии утверждается представление о благотворительности и меценатстве как о типологических характеристиках российской торгово-промышленной элиты[544]. Книгу А.Н.Боханова, органично соединившуюся с его фундаментальными трудами 1980-х — начала 1990-х гг. по истории российского купечества и крупного капитала[545], можно рассматривать как своего рода прецедент, положивший начало традиции изучения проблематики частного коллекционирования в контексте формирующейся современной историографии отечественного бизнеса и предпринимательства. Наглядным примером подобной исследовательской практики является серия статей и монографий Ю.А.Петрова, в которых проявилось также существенное расширение возможностей историко-биографического жанра, связанное с освоением отечественной наукой темы российского зарубежья XX века[546].

В конце 1980-х — первой половине 1990-х гг. процесс восстановления целостности отечественного исторического и культурного пространства, включающего в полном объеме наследие дореволюционной эпохи и зарубежной России, придал новое (точнее, восстановил забытое) звучание теме частного коллекционирования, причем одновременно с возрождением забытых имен собирателей прошлого утверждался образ современного коллекционера — служителя культуры и искусства. Существенную роль в изменении общественного статуса владельца личной коллекции в СССР сыграла деятельность И.С.Зильберштейна, который был убежденным сторонником конструктивного взаимодействия государства с владельцами личных коллекций, с тем чтобы обеспечить сохранение целостности и общественную доступность наиболее ценных в историческом и художественном отношении собраний[547]. Ученому удалось не только придать публичный статус собственным художественным и документальным собраниям, выставки которых проводились уже в 1970-е гг., но и добиться, совместно с И.А.Антоновой,

---

[543] Боханов А.Н. Коллекционеры и меценаты в России / Под ред. К.Ф. Шацилло. — М.: Наука,1989.

[544] Думова Н.Г. «Профессиональные благотворители». Алексей Александрович Бахрушин. 1865–1929. Алексей Петрович Бахрушин. 1853–1904. Краеведы Москвы. Вып. 1. М., 1991; и др.

[545] Боханов А.Н. Российское купечество в конце XIX–начале XX вв.//История СССР. 1985. № 4; Боханов А.Н. Крупная буржуазия России (конец XIX в. –1914 г.) / Отв. ред. В.И. Бовыкин. — М.: Наука, 1992; и др.

[546] Петров Ю.А. Братья Рябушинские. Групповой портрет русской финансовой олигархии//Встречи с историей: Очерки. Статьи. Публикации. М.: Молодая гвардия, 1990. Он же. Павел Павлович Рябушинский // Исторические силуэты. М.: Наука, 1991. Он же. Династия Рябушинских М., 1997.

[547] См.: Юниверг Л.И. Илья Зильберштейн как коллекционер и популяризатор художественного наследия русского зарубежья//Среди коллекционеров. 2013. № 2 (11). С. 4–29; Енишерлов В.П. Неутомимый собиратель//Наше наследие. 2005. № 74. и др.

создания в Москве при ГМИИ им. А.С.Пушкина Музея личных коллекций. Широкий резонанс получила напечатанная в январе 1985 г. «Литературной газетой» статья И.С.Зильберштейна, раскрывавшая внутренний мир коллекционера-исследователя, его преданность русскому искусству и литературе и призывавшая к бережному отношению к личным коллекциям[548]. Кроме того, популяризация журналом «Огонек» результатов зарубежных поездок И.С.Зильберштейна, его «парижских находок»[549], благодаря которым государственные хранилища СССР пополнялись уникальными памятниками отечественной истории и искусства, преимущественно дарами эмигрантов «первой волны», внедряла в советское информационное пространство представления о ценности культурного наследия русского зарубежья, соединявшиеся с продвижением идей общественной значимости собирательства.

Важнейшим этапом в популяризации частного коллекционирования и в то же время площадкой для научного освоения данной темы на новом теоретическом уровне стал уникальный для своего времени журнал «Наше наследие», выпускавшийся с 1988 г. под эгидой Фонда культуры. Его первый номер включал, в частности, последнюю (опубликованную посмертно) статью И.С.Зильберштейна, также посвященную культурной миссии коллекционера[550]. В начале 1990-х гг. на страницах «Нашего наследия» были опубликованы статьи С.В.Ямщикова[551] и Г.И.Вздорнова[552], посвященные феномену частного собирательства и его историко-культурной значимости. Практически в каждом номере журнала помещались материалы, связанные с судьбами и деятельностью российских коллекционеров разных эпох. Высокий научный уровень, богатый иллюстративный ряд и прекрасная полиграфия журнала «Наше наследие» в сочетании с аннотациями статей на английском языке способствовали интеграции российского сообщества авторов, изучающих историю частных коллекций, в международное научное пространство, а также в новый для России мир антикварно-художественного рынка.

Следует отметить, что к этому моменту на Западе существовало несколько научных школ, изучавших проблематику частного коллекционирования в контексте истории культуры и искусства. Так, профессор Оксфордского университета Френсис Хаскелл, автор концептуальной работы в области визуализации истории[553], издал в 1960-е — 1970-е гг. несколько монографий о художественном меценатстве и коллекционировании в Европе (преиму-

---

[548] Зильберштейн И.С. Невосполнимое? О судьбе личных коллекций// Литературная газета. 1985, 23 января.

[549] Зильберштейн И.С. Парижские находки//Огонек. 1966. № 47.; 1967. № 31.

[550] Зильберштейн И.С. Первый в мире//Наше наследие. 1988. № 1. С.14 — 29.

[551] Ямщиков С.В. Сокровища личных коллекций: традиции и проблемы//Наше наследие. 1991. № 21.

[552] Вздорнов Г.И. Живая старина. Частное коллекционирование икон в России// Наше наследие. 1993. № 28.

[553] Haskell, Francis. History and its Images: Art and the Interpretation of the past. New Haven: Yale University Press, 1993.

щественно в Италии, а также в Англии и Франции) в эпоху барокко и классицизма[554], в которых с позиций социальной истории искусства исследовал роль межличностного интеллектуального и эстетического диалога в развитии европейской культуры[555]. Немецким ученым Нильсом фон Хольстом был предпринят энциклопедический труд, раскрывавший эволюцию эстетики и принципов составления коллекций от античности до современности на основе описаний наиболее известных частных собраний и ведущих европейских музеев[556].

Среди посвященных теме коллекционирования работ европейских авторов выделяются также исследования видного французского искусствоведа Антуана Шнаппера: фундаментальный двухтомник «Коллекции и коллекционеры во Франции XVII века», статья о художественном рынке Парижа этого же периода и др.[557]

Известный искусствовед и критик Джулио Карло Арган (Giulio Carlo Argan) в предисловии к книге Б.Б.Пиотровского «Эрмитаж. История и коллекции», выпущенной в 1981 г. издательством «Искусство» совместно с итальянской издательской группой «Aldo Martello — Giunti Editore», коснулся вопроса о феноменологии коллекционирования в контексте товарно-денежных отношений, охарактеризовав российское дворянское коллекционирование эпохи абсолютизма как «обширную программу помещения капитала, рассчитанную к тому же на преобразование культуры и изменение нравов»[558]. Этот тезис итальянского ученого, раскрывавший специфику социальных мотиваций создания художественных и иных коллекций феодальными элитами в рамках свойственного им сословного поведения и этики, также остается частью современных научных дискуссий о природе частного собирательства и его значении в истории отечественной культуры[559].

В российской исторической науке в 1990-е — 2000-е гг. формируется несколько исследовательских направлений, связанных с проблематикой частного коллекционирования. В первой половине 1990-х гг. выходят

---

554 Haskell, Francis. Patrons and Painters: A Study in the Relations between Italian Art and Society in the Age of the Baroque. New York: Alfred N. Knopf, 1963; An Italian Patron of French Neo-Classic Art. Oxford, Clarendon Press, 1972; Rediscoveries in Art: Some Aspects of Taste, Fashion and Collecting in England and France. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1976.

555 Sorensen, Lee, ed. «Haskell, Francis.» In Dictionary of Art Historians. Retrieved April 02, 2019, Web site: http://www.arthistorians.info/haskellf.

556 Hoist, N. von. Creators, Collectors and Connoisseurs: The Anatomy of Artistic Taste from Antiquity to the Present Day. London, 1976

557 Schnapper, A. Collections et collectionneurs dans la France du XVIIe siècle. 2 vols. Paris: Flammarion, 1988–1994; Probate Inventories, Public Sales and the Parisian Art Market in the 17th Century.» in Art markets in Europe, 1400–1800. Brookfield: Ashgate, 1998; Probate Inventories, Public Sales and the Parisian Art Market in the 17th Century. In Art markets in Europe, 1400–1800. Brookfield: Ashgate, 1998.

558 Пиотровский Б.Б. Эрмитаж. История и коллекции / Предисл. Джулио Карло Аргана. — М., Искусство, Альдо Мартелло Джунти Едиторе, 1981. С. 9.

559 Качалова В.Г. Роль частных коллекций XVIII в. в формировании государственного фонда культурных ценностей // Аналитика культурологи. 2009. № 3 (15).

в свет исследования Н.Г.Думовой[560], Л.Ю.Савинской[561] и другие работы исторического и искусствоведческого профиля, которые входят в основной круг новейшей историографии по проблемам отечественного коллекционирования и музейного дела. Появились также первые публикации, в которых раскрывалась роль личных коллекций в становлении и деятельности советских ученых-историков и искусствоведов, выдающихся деятелей культуры России XX века[562]. Частному коллекционированию были посвящены Випперовские чтения в ГМИИ 1994 года (год открытия Музея личных коллекций)[563] и т.д.

В публикациях отечественных авторов 1990-х — 2010-х гг. была раскрыта взаимосвязь дворянского и купеческого коллекционирования с художественным и научным меценатством, а также с социальной благотворительностью, в которой участвовало большинство состоятельных собирателей пореформенной эпохи. Словосочетание «коллекционеры и меценаты» приобрело устойчивый характер в научной и научно-популярной литературе, выступая, с одной стороны, в качестве антитезы к негативным социальным образам «дикого» российского бизнеса 1990-х гг., с другой — как важная часть системы представлений о дореволюционных традициях отечественного предпринимательства и их возрождении в жизни России рубежа XX — XXI вв.[564] Кроме того, подобный подход был обоснован всей историей мировой культуры, включающей многочисленные примеры сопряжения коллекционерства с меценатством, от античности и эпохи Возрождения до наших дней[565]. Рассмотрение взаимосвязанного развития сферы коллекционирования, меценатства и художественного рынка в Италии, Испании и других европейских странах является распространенной исследовательской практикой в современном европейском искусствоведении и культурологии, что, в частности, демонстрируют работы Оскара Варкеса и Патриции Ка-

---

[560] Думова Н.Г. Московские меценаты. М.: Молодая гвардия, 1992. Она же. Н.П. Рябушинский: «Золотое руно» и «Голубая роза» // Кентавр. 1992. № 1–2.; № 3–4.

[561] Савинская Л.Ю. Иллюстрированные каталоги частных картинных галерей второй половины XVIII первой трети XIX века//Актуальные проблемы отечественного искусства. Вып. 1. История и теория мировой художественной культуры. 1990; Н.Б. Юсупов как тип русского коллекционера начала XIX в.//Памятники культуры. Новые открытия: Письменность. Искусство. Археология. 1993. Москва: Наука, 1994

[562] Острой О.С., Юниверг Л.И. Эрих Фёдорович Голлербах как коллекционер и издатель. Л., 1990; и др.

[563] Частное коллекционирование в России: Материалы научной конференции «Випперовские чтения — 1994». Вып.. XXVII. Вып. 27 / Под общ. ред. И. Е. Даниловой. — М.: ГМИИ, 1995.

[564] Коллекционеры и меценаты в Санкт-Петербурге. 1703–1917. Тезисы докладов конференции/Ред. С.О.Андросов. — СПб: Государственный Эрмитаж, 1995; Коллекционеры. Меценаты. Благотворители: Россия, XVIII–XX вв. Сб. статей. Российская академия художеств, С-Петерб. гос. акад. ин-т живописи, скульптуры и архитектуры им. Репина. Сост. и научн. ред. канд. иск. Н.С.Кутейникова. — СПб, 1996; Коллекционеры и меценаты Поволжья: Материалы V Поливановских чтений, 27–28 ноября 2007 года. Посвящаются 150-летию со дня рождения А. В. Жиркевича/Упр. по делам культуры и искусства Ульяновской обл., Ульяновский обл. художественный музей; редкол.: Л.П.Баюра (отв. ред.), Е.Н.Сергеева, И.А.Матюшкина. — Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2007; Коллекционирование, меценатство и благотворительность: история и современность: (сборник статей) / Под ред. Черкасовой А.С. — Екатеринбург: Демидовский институт, 2014; и др.

[565] Higonnet Anne. A Museum of one's own: private collecting, public gift. Pittsburgh; New York: Persicope publ., 2010; etc.

ваззини[566]. Сборник научных статей под редакцией Мартина Мирона и Люси Пельтц, вышедший в 1999 г., посвящен культуре антикварности (antiquarianism) — явлению, объединяющему увлечение антиквариатом и развитие антикварного рынка в XVIII–XIX вв., и его влиянию на общественно-политическую и культурную жизнь Европы, развитие музейного дела и исторической науки[567].

В 1990-е — 2000-е гг. происходит становление истории частного коллекционирования в качестве востребованного метода осмысления интеллектуальной и художественной жизни России той или иной эпохи, а также определенного региона — Москвы, Петербурга, культурных центров российской провинции. Одним из следствий этого процесса явилась актуализация соответствующей эвристической и публикаторской работы. Несмотря на стремительное наполнение научно-информационного пространства России исследовательскими и архивными материалами, посвященными персоналиям коллекционеров, судьбам утраченных и разрозненных собраний, существовала потребность в создании панорамной картины отечественного коллекционирования, нашедшая отражение в жанре историко-биографических словарей, подготовленных Н.А.Полуниной[568], А.П.Банниковым[569] и др. Информация о создателях личных коллекций включалась в биобиблиографические справочники по истории культуры и музейного дела регионов России[570]. Несмотря на отдельные неточности и неполноту, в которых порой упрекают данные издания, они имеют выдающееся значение, не только научно-справочное, но и концептуальное, поскольку позволяют получить обобщенное представление о феномене отечественного собирательства дореволюционной эпохи — его масштабах, топографии, социально-сословном и профессиональном многообразии коллекционерского сообщества. А.П.Банниковым был предпринято и создание аналогичного справочника о советских коллекционерах[571]. Отдельного внимания заслуживают моно-

---

[566] Vazquez, Oscar E. Inventing the Art Collection: Patrons, Markets, and the State in Nineteenth-Century Spain. University Park, 2001,; Patrizia Cavazzini. Middle-class patronage, collecting and the art market. A companion to early modern Rome 1492–1694, P. Jones, B. Wisch, S. Ditchfield eds, 2019, etc.

[567] Myrone, Martin & Peltz, Lucy (Eds.). Producing the past: Aspects of antiquarian culture and practice, 1700–1850. Aldershot: Ashgate, 1999

[568] Полунина Н.М., Фролов А.И. Коллекционеры старой Москвы. М., 1997. Она же. Дарители, меценаты, покровители Российского Исторического музея. М., 1998. Она же. Кто есть кто в коллекционировании старой России: Новый биографический словарь. М., 2003. Она же. Коллекционеры России, XVII — начало XX вв. Энциклопедический словарь. М: РИПОЛ классик, 2005.

[569] Собиратели и хранители прекрасного: энциклопедический словарь российских коллекционеров от Петра I до Николая II, 1700–1918 гг./А.П. Банников, С.А.Сапожников. — Москва: Центрполиграф, 2007; Банников А.П. Русские коллекционеры и их коллекции: (статьи) / Предисл. Г.И.Вздорнова. — М.: Индрик, 2008.

[570] Коллекционирование и коллекционеры: библиографический указатель. Йошкар-Ола: Марийский гос. ун-т, 2008; Созидатели культуры Смоленщины: Библиотечные и музейные деятели, книгоиздатели и коллекционеры конца XVIII — начала XX века: биобиблиографический справочник/Т.Н.Жарова, М.В.Иванов, Л.Л.Степченков; Администрация Смоленской обл.–Смоленск: Свиток, 2012.

[571] Банников А.П. Энциклопедический словарь советских коллекционеров (1918–1991). // О собирателях и собирательстве. Краснодар: Stadtgespraech, 2015.

графии и научно-популярные публикации, посвященные персоналиям коллекционерского мира российской провинции, которые (за исключением некоторых наиболее известных лиц), как правило, находились в тени своих столичных единомышленников как при жизни, так и в исторической литературе. Благодаря этим изданиям воссоздается историческое пространство отечественного собирательства, которое охватывало не только крупные университетские города (Москву, Петербург, Киев, Казань), но и российскую глубинку[572].

В новейшей отечественной историографии частного собирательства наглядно отразилась возросшая востребованность историко-биографического жанра, в рамках которого были введены в научный оборот материалы о российских коллекционерах разных эпох. При этом наряду с публикациями о наиболее значимых фигурах коллекционерского мира, таких как С.М.Третьяков и С.И.Щукин, либо о родах и семьях, создавших ценные собрания художественных и культурных ценностей (Юсуповых, Голицыных, Строгановых, Морозовых и др.)[573], были выявлены данные о малоизвестных и забытых собирателях и их коллекциях[574].

Необходимо подчеркнуть, что изучение биографий и деятельности коллекционеров, осуществляемое в контексте какой-либо исторической или искусствоведческой проблемы, за редким исключением представляет собой значительно менее сложную задачу, чем исследование судеб созданных ими коллекций. За исключением тех собраний, которые в полном объеме поступили в одно конкретное государственное хранилище, были полностью и детально описаны и впоследствии сохранялись в неизменном виде (а таких, к сожалению, совсем немного), как правило, исследователь встречается с необходимостью долгого, трудного и нередко тщетного поиска. Возникающие проблемы связаны с семейными разделами и распродажами, в результате которых в XVIII — начале XX вв. была разрознена и утрачена значительная часть уникальных российских коллекций различной тематики, с гибелью культурных ценностей во время войн и периодов социально-по-

---

[572] Овчинникова Б.Б. Меценаты и коллекционеры дореволюционного Урала: Учебное пособие. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1999; Алексушина Т.Ф. Коллекционеры старой Самары: Самара: Офорт, 2005; Коллекционеры из рязанских усадеб / А. Ф. Говоров и др. — Рязань: Ситников, 2008; и др.

[573] Мартынов С. Предприниматели, благотворители, меценаты: Строгановы, Алексеевы, Третьяковы, Морозовы, Гучковы. СПб, 1993 Семенова Н.Ю. Московские коллекционеры: С.И.Щукин, И.А.Морозов, И.С.Остроухов: три судьбы, три истории увлечений. М., 2010; Бокман Г.А. Юниверг Л.И. Коллекционер Владимир Гиршман — его судьба, судьба коллекций // Среди коллекционеров. 2014. № 1–2 (12–13). С.62–103; и др.

[574] Берестецкая Т.В. В.Г.Дружинин, Ф.А.Каликин, С.Гаврилов — коллекционеры старообрядческих памятников//Старообрядчество в России (XVII–XX вв.): Сборник научных трудов. М., 1999. С. 439–450; Юхименко Е.М. Рахмановы: купцы-старообрядцы, благотворители и коллекционеры. Москва: Изд. дом Тончу, 2013; Снытко Л.Н., Шостакович Б.С. «Одна из редкостей Сибири»: Картинная галерея в российской провинции и её основатель В.П.Сукачёв//Собиратели, хранители, реставраторы: Сборник статей. СПб: ЛИК, 2005. С. 14–27; Назипова Г.Р. Ученый-коллекционер: к истории частного коллекционирования в дореволюционной Казани//Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2008. № 5(45). С. 74–80; Николаева Е.В. Петербургский купец Александр Коровин и его коллекция// Мир музея. 2012. № 11 (303). С. 51–64; др.

литической нестабильности и, наконец, с особенностями государственной музейной политики СССР в 1920-е — 1930-е гг.

Как правило, в дореволюционной России срок существования родовых собраний, независимо от сословной принадлежности владельца, насчитывал не более 2–3 поколений. Примерно такой же срок жизни имели и деловые предприятия (следует отметить, что эта закономерность имеет международный характер и проявляется в истории многих предприятий и фирм Европы и США). Затем коллекция либо распродавалась с аукциона (в лучшем случае переходила целиком к другому владельцу — также коллекционеру или профессиональному антиквару — и впоследствии вновь перепродавалась) либо физически утрачивалась, что нередко происходило с документами, книгами, изделиями из дерева, которые намеренно уничтожались наследниками, не понимавшими их ценности, или погибали из-за плохих условий хранения. Многие личные собрания были сожжены или разграблены в годы Первой мировой войны в имениях и городах, оказавшихся в зоне боевых действий, а затем по всей стране в дни революции и Гражданской войны 1917–1920 гг. в России. Найти следы такой исчезнувшей коллекции и выяснить дальнейший путь составлявших ее предметов помогают коллекционные описи и каталоги аукционных распродаж, при условии, что они сохранились. Однако описания, имеющиеся в наличии, включая списки, составленные при поступлении ценностей в музеи в 1920–е гг., нередко являются настолько краткими и обобщенными, что по ним невозможно достоверно определить принадлежность вещи, особенно если речь идет о типовом или серийном предмете. Значительно лучше обстоит дело с книгами из разрозненных ценных библиотек, которые, как правило, имеют экслибрисы или владельческие записи. Национализированные частные собрания распределялись по нескольким хранилищам без детальной фиксации передач, многое было перемещено из центра в провинцию, что существенно повысило качество фондов региональных музеев, но осложнило задачу изучения коллекций как целого, отражения среза интеллектуальной культуры определенной социальной среды и конкретной личности. Историография одного крупного, некогда единого собрания нередко представляет собой мозаику, создающуюся в результате кропотливого труда многих специалистов. Наглядный пример этого явления дают публикации, посвященные предметам из собрания промышленника Д.Г.Бурылина (создавшего в Иваново-Вознесенске к 1917 г. один из крупнейших частных музеев России). В настоящее время вещи из бурылинского собрания хранятся не только в Ивановском краеведческом музее, но и в Государственном Эрмитаже, Русском музее, Керченском историко-культурном заповеднике и др. [575]

[575] Рыжикова Н.А. Восточная коллекция Д.Г.Бурылина в контексте российского коллекционирования конца XIX — начала XX в.//Собиратели, хранители, реставраторы: Сборник статей. СПб: ЛИК, 2005; Полищук А.В. Жетоны и медали из бывшей коллекции Д. Г.Бурылина, поступившие из Ивановского краеведческого музея в собрание Русского музея// «Я надеюсь, что это пригодится…» (Д.Г.Бурылин): Сборник, Иваново: Изд. Епишева О.В.; и др.

Материалы о создании личных коллекций выступают как значимая часть исторических портретов ученых, предпринимателей, государственных деятелей, раскрывая и дополняя их личностные характеристики, расширяя представления о повседневной жизни, окружении, профессиональных и деловых связях изучаемых персоналий. Так, коллекционерские интересы и достижения российских монархов, прежде всего Петра I и Екатерины II, привлекают не только отечественных, но и иностранных авторов. Книги и статьи, посвященные коллекционерской деятельности правителей, королей, знатных фамилий разных эпох, неизменно остаются в тренде западной гуманитарной науки. В качестве примеров можно привести исследование уже упоминавшегося выше Антуана Шнаппера о Людовике XIV[576], монографии Дж. Робертс о Георге III и королеве Шарлотте[577], Л.Фуско и Дж.Корти о коллекциях Лоренцо Медичи[578], П.Вентурелли о Гонзага[579]. Имеются также и отдельные работы европейских ученых, посвященные российским коллекционерам и меценатам, получившим международную известность: З.Н.Волконской, А.Н.Демидову, А.Г.Кушелеву-Безбородко, С.И.Щукину и И.А.Морозову[580].

Знакомство западного общества с миром российских покровителей искусств дореволюционной эпохи расширяется благодаря международным музейно-выставочным проектам. Так, например, Международным благотворительным Строгановским фондом при участии нескольких российских музеев была организована выставка «Строгановы: дом и коллекции одной русской аристократической семьи», которая в 2000 г. экспонировалась в США (в штатах Орегона и Техас), в 2002 г. — во Франции, в 2003 г. — в Голландии и России[581].

В целом для иностранных авторов характерно внимание к коллекциям видов предметов или жанров русского искусства, которые востребованы пу-

---

[576] Schnapper, A. The king of France as collector in the seventeenth century. In Art and History: Images and their Meaning. Cambridge Univ. press, 1988, pp.185–202.

[577] Roberts, Jane. George III and Queen Charlotte: Patronage, collecting and court taste. London: Royal Collection, 2004.

[578] Fusco, Laurie Smith, Corti, Gino. Lorenzo de'Medici, collector and antiquarian Cambridge University Press, 2006.

[579] Venturelli, Paola. Gonzaga collecting: palace inventories and new objects (1626–1709). In The transition in Europe between XVIIth and XVIIIth centuries: perspectives and case studies. Milano:Franco Angeli, 2016.

[580] Stroganoff. The Palace and Collections of Russian Noble Family / Catalogue of the exhibitions in Portland Art Museum and Kimbell Art Museum. New York: Harry N. Abrams, Inc., 2000; Rosalind P. Blakesley Winter 2008 Art, Nationhood, and Display: Zinaida Volkonskaia and Russia's Quest for a National Museum of Art Cambridge. Slavic Review Volume 67, Issue 4; Francis Haskell and Robert Wenley, Analole Demidoff, Prince of San Donato (1812–70). London, 1994; Gray, R.P. The Golitsyn and Kushelev-Bezborodko collections and their role in the evolution of public art galleries in Russia. Oxford Slavonic papers: New ser. Clarendon press, 1998; French painters, Russian collectors/ Shchukin, Morozov and Modern French Art 1890–1914. The Merchant Patrons of Modern Art in Pre-Revolutionary Russia. By Beverly Whiney Kean. London: Hodder & Stoughton, 1996 (1st edition 1983).

[581] Stroganoff. The Palace and Collections of Russian Noble Family / Catalogue of the exhibitions in Portland Art Museum and Kimbell Art Museum. New York: Harry N. Abrams, Inc., 2000; Строгановы. Меценаты и коллекционеры: Каталог выставки. СПб: Славия, 2003.

бликой и котируются на мировом художественном рынке — иконы, авангардизм, изделия Фаберже и т.п.[582]

В отечественной историографии частного коллекционирования сложилась самостоятельная группа работ, посвященных развитию различных «отраслей» собирательства: европейской живописи, икон, восточного искусства, египетских древностей и т.п., основу которых также нередко составляет историко-биографический подход, соединенный с историей науки, библиотечного и музейного дела[583]. Данный историографический ракурс востребован в диссертационных исследованиях по истории искусства и культуры, поскольку позволяет осуществить четкий выбор предметных, хронологических и географических границ работы при наличии множества неизученных аспектов темы [584].

Изучение мира коллекционирования и меценатства утвердилось в качестве востребованного направления региональной истории не только Петербурга и Москвы, но и других областей России, что нашло отражение в публикациях А.П.Фролова, А.Д.Фатьянова, Б.Б.Овчинниковой[585] и др.

В 1990-е — 2000-е гг. в отечественной гуманитарной науке осуществляется постановка и решение новых исследовательских задач, связанных с коммерциализацией сферы искусства и музейного дела. Происходившая в этот период институционализация антикварно-художественного рынка во многом была подобна аналогичному процессу, развернувшемуся в России в 1860-е — 1870-е гг. в условиях кардинальной трансформации хозяйственно-экономического уклада. Картины развалов на Сухаревке и других толкучих рынках, куда из разорявшихся «дворянских гнезд» поставлялось множество старинных вещей, книг, произведений искусства, стали прообразами антикварных рядов «Вернисажа» в Измайлово и других аналогичных цен-

---

[582] См. Переятенец В.И. Русский антиквариат.СПб: Паритет, 2003; Тихонов А. Рынок и антиквариат. Русское искусство на Западе. 1985–2005. М.: Экономика, 2006.

[583] Морозова С.С. О коллекционировании западноевропейской скульптуры в России второй половины XVIII века (по архивным материалам) // Русское искусство нового времени: Сб. ст. М., 1996. Вып.2; Московские коллекционеры произведений искусства Востока /Авт.-сост. Кузьменко Л.И. и др. — М.: Издательство Государственного музея Востока, 1997; Сирина А.А., Давыдов В.Н. «Продававшая леди плакала... когда покупку уносили»: этнографические коллекции С.М. и Е.Н. Широкогоровых// Этнографическое обозрение. Сентябрь-октябрь 2017. №5; Икона. Коллекции и коллекционеры: III Санкт-Петербургский международный культурный форум: материалы Международной научной конференции, 8 декабря 2014 года, Государственный Русский музей. СПб, 2015.

[584] Власова О.В. Частное коллекционирование русской гравюры и литографии в России в конце XVIII — начале XX вв.: Автореферат дисс. кандидата искусствоведения. СПб: Гос. Рус. музей, 2004; Казакова В.В. Частные собрания декоративно-прикладного искусства в контексте русской культуры XVIII — первой половины XIX вв.: Автореферат дисс. кандидата искусствоведения. Санкт-Петербург, 2009; и др.

[585] Фатьянов А.Д. Художники, выставки, коллекционеры Иркутской губернии. Иркутск, 1995; Фролов А.П. Усадебные коллекции южного Подмосковья//Города Подмосковья в истории российского предпринимательства и культуры: II конференция, декабрь 1997 г.: Доклады, сообщения, тезисы. Серпухов, 1997; Овчинникова Б.Б. Меценаты и коллекционеры дореволюционного Урала: Учебное пособие. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1999; Поляков Г.П. Протомузейные коллекции и музеи Центральной России: (с древнейших времен до 1917 г.). Брянск: Брянский государственный университет им. И.Г.Петровского, 2011; и др.

тров оптово-розничной торговли стариной, возникших в 1990-е гг. Одновременно (как когда-то в пореформенной России) стремительно возникали антикварные магазины, ориентированные на разные покупательские возможности и вкусы. С 1996 г. в Москве проводится Всероссийский антикварный салон, постепенно ставший центром притяжения не только любителей искусства и старины, но и широкого круга специалистов — историков, искусствоведов, реставраторов[586].

Антикварное дело как таковое и увлечение антиквариатом быстро стали элементами социального престижа в среде новой российской элиты, включая корпоративные структуры — банки и промышленные компании, которые начали вкладывать средства в художественные коллекции и создавать корпоративные музеи[587]. Были созданы российские аукционные дома, специализировавшиеся на искусстве и антиквариате («Гамаюн», «Гелос»).

Еще одной исторической аналогией, теперь уже с эпохой конца XIX–начала XX века в развитии российского коллекционирования, явился отклик интеллектуального сообщества на массовое увлечение собирательством. В дореволюционной России стремление историков и искусствоведов к освоению того уникального материала, который предоставляли по-настоящему ценные частные коллекции, явилось стимулом к выпуску периодических изданий высокого научного и художественного уровня («Старые годы», «Столица и усадьба»), адресованных широкому кругу любителей искусства и старины. В новейшее время, наряду с журналами «Наше наследие», «Искусство», «Мир музея», на страницах которых личные коллекции представали как одна из форм бытования художественных и исторических артефактов, сложился также круг изданий, адресованных преимущественно миру частных собирателей и участникам антикварно-художественного рынка: «Пинакотека», «Среди коллекционеров» «Антиквариат, предметы искусства и коллекционирования» (Москва), «Антикварное обозрение» (Санкт-Петербург) и др. Лучшие журналы данного профиля стали площадкой серьезного научного диалога историков, искусствоведов, реставраторов, специалистов в области различных прикладных дисциплин, что способствует существенному росту уровня любительского собирательства. Значительную часть опубликованных ими материалов составляют статьи, посвященные истории личных коллекций и судьбам выдающихся коллекционеров прошлого и настоящего.

И в дореволюционную эпоху, и в новейшее время широкое распространение и разнообразие предметной сферы любительского коллекционирования явилось одним из главных стимулов для научного осмысления этого

---

[586] Первый Российский Антикварный Салон: Картины. Графика. Мебель. Скульптура. Фарфор. Бронза и др.: (Каталог выставки, 6–12 ноября 1996 г., Москва). М., 1996.

[587] Сергеев С. В. История деятельности «Товарищества нефтяного производства братьев Нобель» в России в предметах и коллекциях музея ПАО «ЛУКОЙЛ»; Кравцова М. Краткая история коллекционирования в современной России: от корпоративной коллекции к частному собранию. Часть первая. Электронная публикация//Книжный магазин музея «Гараж». URL: http://artguide.com/posts/536–kratkaia-istoriia-kolliektsionirovaniia-v-sovriemiennoi-rossii-ot-korporativnoi-kolliektsii-k-chastnomu-sobraniiu-chast-piervaia (Дата обращения: 14.04.2019); и др.

феномена отечественной и мировой культуры. Возрождение в постсоветской России антикварно-художественного рынка актуализировало научные исследования в сфере изучения мирового и отечественного исторического опыта развития этой необычной, во многом парадоксальной сферы коммерческой деятельности, неразрывно связанной с историей частного собирательства. История становления отечественной антикварной торговли нашла отражение в публикациях Н.О.Назаревской[588], К.А.Кормановской[589], М.В.Катагощиной[590], А.Н.Балаш[591]. Крупный сегмент историографии отечественного антикварного дела составляют работы, посвященные истории антикварной книжной торговли в России, среди которых следует выделить исследования ОЛ.Тараканової, В.Л.Рудницкой, Л.Г.Ларионовой [592].

В ряде новейших научных исследований тема частного коллекционирования выступает в качестве ключа к познанию явлений и процессов, воздействовавших на развитие государства и общества, на эволюцию сферы идеологии и общественной мысли. В частности, феномен коллекционерства изучается в контексте европеизации России в XVIII–XIX вв. и включения российской элиты в международный деловой и культурный диалог. Наиболее популярна эта тема у петербургских авторов, что объясняется исторически сложившимися европейскими истоками частного коллекционирования в Петербурге. В данном отношении привлекают внимание монографии К.В.Малиновского, в которых художественное собирательство в Петербурге XVIII столетия рассматривается в контексте развития международных связей Северной столицы с европейскими странами[593]. В аналогичном ключе представляют тему публикация Л.Ю.Савинской, посвященная коллекционерам-дипломатам Екатерининской эпохи, статьи С.О.Андросова, О.Я.Неверова, О.В.Игнатьевой[594].

---

[588] Назаревская Н.О. Антикварный рынок в России XVIII–XX веков. М., 2006.

[589] Кормановская К.А. Антикварный рынок Петербурга (XVIII — первая половина XIX в.): (произведения искусства). СПб, 2007.

[590] Катагощина М.В. Антиквары старой России. М., 2004; Она же. Антикварное дело в России XVIII — первой трети XX века. М., 2014; и др.

[591] Балаш А.Н. Искусство жить искусством: арт-дилер в художественной жизни Европы XVI – первой половины XVIII века. СПб, 2010.

[592] Тараканова О.Л., Каменская Н.Г. Биобиблиографический словарь русских букинистов: Учебное пособие для вузов. М., 2004; Тараканова О.Л. Антикварная книга: Учебник для вузов. М.: Мир книги, 1996; Ларионова Л.Г. История «Антикварной книжной торговли П. Шибанова» // Книга: Исследования и материалы. М., 2016. Сб. 2017 и др.

[593] Малиновский К.Г. Художественные связи Германии и Санкт-Петербурга в XVIII в. СПб: Крига, 2007; Он же. История коллекционирования живописи в Санкт-Петербурге в XVIII веке. СПб: Крига, 2012.

[594] Савинская Л.Ю. Коллекционеры — дипломаты Екатерининской эпохи: к истории коллекционирования живописи в России // Пространство европейской культуры в эпоху Екатерины II. Вып.1. 2006. С.379–398; Андросов С.О. Заметки о Петре Великом как коллекционере// Коллекционеры и меценаты в Санкт-Петербурге. 1703–1917. Тезисы докладов конференции. СПб, 1995; Неверов О.Я. Собиратели редкостей из окружения Петра Великого//Из истории петровских коллекций: памяти Н.В.Калязиной: Сборник научных трудов. СПб: Издательство Государственного Эрмитажа, 2000; Игнатьева О.В. Частное коллекционирование в процессе европеизации России в XVIII — начале XX века// Вестник Пермского университета. Серия: История. 2014. Вып. 2 (25).

В 1980-е — 2000-е гг. российскими учеными был внесен вклад в изучение проявлений феномена коллекционирования в культуре античности[595], эпохи Возрождения[596], Древнего Востока, Китая[597]. Отечественные специалисты включились в общеевропейский научный дискурс по проблемам истории и феноменологии антикварного дела. Так, например, А.А.Паламарчук и С.Е.Федоров опубликовали ряд работ по истории антикварного дела в Англии[598], аспирантами Московского государственного университета печати (МГУП) были подготовлены исследования, посвященные торговле антикварной книгой во Франции и США[599].

Ранний этап в истории европейского коллекционирования, связанный с созданием естественнонаучных кабинетов (экспонаты которых нередко дополнялись археологическими артефактами и нумизматикой), является сферой взаимодействия историков и философов, исследующих процесс становления научного мышления, в котором коллекция играет важнейшую роль как опыт систематизации и осмысления групп однотипных предметов, попытка создания собственного микрокосмоса, модели Вселенной[600]. В то же время тема коллекционирования связана с философией вещи в культуре различных эпох и народов, с эволюцией эстетических представлений, модой, изменяющимися идейно-политическими доминантами. Так, например, для Петра I и многих его последователей античные статуи и экспонаты Кунсткамеры обладали высокой эстетической и информационной ценностью, а старинные боярские одежды и предметы обихода представлялись никому не нужным хламом. Соответственно, идея коллекции в современном гуманитарном знании преломляется в различных ракурсах, нередко в работах одного и того же автора или научной школы. Примером данной тенденции являются публикации британского историка Паулы Финдлен: книга «Обладание природой» (1996) и вышедшая под ее редакцией коллективная монография «Early Modern Things» (2013). Первая из них — о коллекциях, соз-

---

595 Чистяков Г.П. Эллинистический мусейон. Александрия, Пергам, Антиохия// Эллинизм: восток и запад. М., 1992. С. 298–315; Балаш А.Н. Частное коллекционирование памятников греческого искусства в античном Риме//Музей в современной культуре: Сборник научных трудов. СПб, 1997 и др.

596 Тарасова М. Студиоло XV — нач. XVI вв. и художественные коллекции// Общество и государство в древности и средние века. М., 1984. С. 141–155; Махо О.Г. Студиоло Франческо I Медичи — позднеренессансная трансформация идеи правителя-гуманиста//Культура Возрождения XVI в. М., 1997 и др.

597 Она же. Коллекционирование предметов искусства в Китае: альтернативная традиция// Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2001. № 1 (6).

598 Паламарчук А.А., Федоров С.Е. Антикварный дискурс в раннестюартовской Англии. СПб: Алетейя, 2007; Паламарчук А.А. Лондонское антикварное общество и особенности антикварного дискурса//Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени: (межвузовский сборник). Спб, 2008. Вып. 7 и др.

599 Панарина Т.В. История антикварной книжной торговли во Франции: Автореферат… канд. ист. наук. М., 2009; Шуклин В.И. Книжные аукционы в Северной Америке в XVIII в.// Библиография. 2009. № 6 (365) и др.

600 The Origins of Museums. The Cabinet of Curiosities in the Sixteenth and Seventeenth Century Europe / Ed. by Impey, Oliver and MacGregor, Arthur. Oxford, 1985.

данных итальянскими патрициями в XVI столетии и ставших основой для музеев как пространства взаимодействия старой и новой науки в эпоху Позднего Возрождения и барокко. Вторая посвящена трансформации восприятия вещи в культуре человечества в рамках различных цивилизационных матриц (Китая, Латинской Америки, Англии и др.) в 1500–1800 гг. [601] В исследованиях российского искусствоведа и культуролога А.Н.Балаш опыт изучения истории коллекционирования и антикварного рынка был применен для осмысления категории подлинности произведений искусства в массовой культуре и музейном деле XX–XXI веков[602].

Помимо историков и искусствоведов интерес к изучению феномена частного коллекционирования проявляют специалисты в области истории точных и естественных наук. Эта тема находит, в частности, отражение в исследовательской работе Института истории естествознания и техники им. С.И.Вавилова РАН, Политехнического музея и других науковедческих центров[603].

К настоящему времени сложился комплекс научных работ, в которых решается задача осмысления историко-культурного феномена коллекционирования в России в целом (в рамках определенного периода и географических границ), что предполагает, как уже отмечалось выше, комплексное рассмотрение взаимосвязанных между собой процессов культурной, художественной и социально-экономической жизни. В частности, И.В.Саверкиной в публикациях, посвященных эпохе Петра I и абсолютизма, и в уже упоминавшемся выше учебном пособии была осуществлена систематизация фактологического материала, обоснована периодизация развития частного коллекционирования и сделан ряд важных теоретических обобщений о значении данного явления в развитии отечественной культуры[604].

Возможность соотнесения феномена частного коллекционирования с различными материальными и моральными категориями, которыми опе-

---

[601] Findlen, Paula (1996) Possessing Nature: Museums, collecting, and scientific culture in early modern Italy. Berkeley: University of California Press; Findlen, Paula (ed.). Early Modern Things: Objects and Their Histories, 1500–1800 New York: Routledge, 2013.

[602] Балаш А.Н. Утрата чувства подлинности и музейное сообщество: к вопросу о профессиональной ответственности//Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2013. № 3 (16). Она же. Подлинность произведения искусства в культуре XX–XXI веков. Санкт-Петербург: СПбГИК, 2017.

[603] Загороднева В.А. Коллекция телефонов В.А. Шанаева из краеведческого музея г. Ломоносова: телефонизация г. Ораниенбаума в конце XIX — нач. XX вв.//XI Международная научно-практическая конференция: «История науки и техники. Музейное дело» 28–30 ноября 2017 г. https://polymus.ru/ru/museum/pros/conference/xi-nauchno-prakticheskaya-konferentsiya-istoriya-nauki-i-tehniki.-muzeynoe-delo/sessiya-8-prodolzhenie/

[604] Саверкина И.В. Частное коллекционирование в Петербурге при Петре I// Феномен Петербурга: Труды II-й Международной конференции, состоявшейся 27–30 ноября 2000 года во Всероссийском музее А.С.Пушкина: Сборник. СПб, 2001. Она же. Частное коллекционирование в Петербурге в середине — второй половине XVIII в.// Феномен Петербурга: Труды Третьей Международной конференции, состоявшейся 20–24 августа 2001 года во Всероссийском музее А.С. Пушкина: Сборник. СПб, 2006. Она же. История частного коллекционирования в России: учебное пособие / Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств. Кафедра музееведения и экскурсоведения. — СПб, 2006.

рируют социальные и философские науки, привлекает к этой теме внимание специалистов соответствующего профиля, а также самих коллекционеров, стремящихся объяснить это явление на основе личного опыта и общения с другими собирателями. Наиболее активно феноменология коллекционирования исследуется на примере библиофильства, причем авторство публикаций на данную тему принадлежит главным образом специалистам в области книговедения и истории книжности, большинство которых является также и библиофилами[605].

Глубиной суждений и искренней симпатией к миру любителей книги выделяются работы современного российского ученого-геолога и библиофила Марка Раца, уделяющего значительное внимание поиску сущности феномена коллекционирования и личностям собирателей[606]. Трудно переоценить роль библиофильских клубов и изданий в международной поддержке русского языка и литературы, в том числе литературы о знатоках и собирателях книги. Так, неповторимый мир частного собирательства XX века раскрывается в трудах Л.И.Юниверга, автора научных исследований в области книговедения, эссе и воспоминаний о коллекционерах и библиофилах[607]. Иерусалимским издательством «Филобиблон» в 2016 г. был выпушен сборник «В книжных садах», объединивший избранные работы Л.И.Юниверга за четверть века[608]. Это же издательство в 1998–2011 гг. опубликовало четыре выпуска альманаха «Иерусалимский библиофил», в круг читателей и авторов которых вошли представители сообщества книговедов и библиофилов России и русского зарубежья.

Литература, посвященная миру книг и книголюбов, также как и коллекционированию в целом, имеет сходную стилистику и отражает общность духа и менталитета авторов, независимо от языка и страны проживания. В России в разные годы были изданы воспоминания и очерки о книжной торговле XIX — начала XX вв., колоритных личностях библиофилов. Достаточно назвать ставшие классикой отечественного библиофильства автобиографические записки В.Г.Лидина и П.П.Шибанова, труды Б.В.Заболоцких и др.[609] Не менее увлекательны и информативны современные публикации анало-

---

[605] Ласунский О.Г. Собирательство как тип мыследеятельности//Иерусалимский библиофил: Альманах. Иерусалим, 2003. Вып. 2 и др.

[606] Рац М.В. О собирательстве: Заметки библиофила. М.: Новое книжное обозрение, 2002; Он же. Книга в системе общения: Вокруг «Заметок библиофила». М.: Наследие ММК, 2006. Он же. Диалоги книжников (вперемежку с монологами составителя) М.: Инскрипт, 2012

[607] Юниверг Л.И. «Памятник науки, роскоши и вкуса...» // Библиофилы России: Альманах. М., 2007. Т.4. Он же. Иерусалимский клуб библиофилов. 100 заседаний (1993–2001). Филобиблон, 2001. — 39 с. Он же. Самое трудное собирательство — собрать собирателей: И.И.Лазаревский и его журнал «Среди коллекционеров» // Среди коллекционеров. 2012. № 2 (7) и др.

[608] Юниверг Л.И. В книжных садах: статьи о книгах и журналах, издателях и кол лекционерах. Иерусалим: Филобиблон, 2016.

[609] Лидин В.Г. Друзья мои — книги! (Заметки книголюба). М., 1962; Шибанов П.П. Полвека со старой книгой и ее друзьями//Книга. Исследования и материалы. М., 1972. Сб.24. Он же. Друзья книги//Книга. Исследования и материалы. М., 1973. Сб. 27; Заболоцких Б.В. Книжная Москва: Исторические очерки. М.,1990. Он же. Книжные раритеты. Собиратели и хранители. М.,1999.

гичного жанра, как, например, труд знатока экслибриса Э.Д.Гетманского[610]. В англоязычном пространстве таинственный мир старинных книг в сочетании с юмористическими образами библиофилов, интригующими подробностями книжных аукционов и другими необходимыми компонентами хорошего научно-популярного издания о книжном собирательстве раскрывает работа Роя Харли Льюиса, построенная на личном опыте коллекционера и дилера антикварного книжного рынка[611].

Каждый исследователь истории и теории коллекционирования встречается с огромным количеством упоминаний о непреодолимой страсти коллекционерства, о странностях и причудах собирателей разных стран и эпох. Одним из основателей этой традиции в отечественной научной литературе стал библиограф и книговед М.Н.Куфаев, опубликовавший в 1927 г. небольшую книгу «Библиофилия и библиомания»[612]. Название, характерное для научных и популярных изданий о коллекционировании, восходящее, вероятно, к знаменитой «Библиомании» британского библиографа Томаса Диггина, вышедшей в свет в 1809 г. и впоследствии неоднократно переиздававшейся[613]. Из иностранных публикаций новейшего времени, непосредственно посвященных психологическим и ментальным аспектам феномена коллекционирования, следует упомянуть труд «Коллекционирование: неуправляемая страсть» психоаналитика Вернера Мюнстербергера, обратившегося к образам известных коллекционеров и меценатов, чтобы исследовать эмоциональные источники их влечения к искусству, книгам и другим предметам коллекционирования. Среди героев его повествования выдающиеся коллекционеры, любители и знатоки искусств от эпохи Позднего Средневековья и Ренессанса до современности: французский герцог Жан Беррийский (Великолепный), итальянский гуманист Поджо Браччолини, российская императрица Екатерина Великая, историк и журналист Марио Прац и др.[614]. Представляет интерес книга американского автора Николаса Басбейнса «Благородное сумасшествие: библиофилы, библиоманы и вечная страсть к книгам» (1995), отрывки из которой в русском переводе печатались в альманахе «Библиофильские известия» в 2012 г.[615].

Поиск социально-психологических корней частного коллекционирования, в том числе в историческом контексте, является востребованной темой научных исследований в европейских и американских университетах.

---

[610] Гетманский Э.Д. Мир экслибриса (записки коллекционера). В 4 т. Т. 1: О коллекциях и коллекционерах. Страницы воспоминаний. Тула: Папирус, 2007

[611] Lewis, Roy Harley. Antiquarian books: an insider's account New York: Arco, 1978.

[612] Куфаев М.Н. Библиофилия и библиомания. Л.: Издание автора, 1927.

[613] Thomas Frognall Dibdin. Bibliomania; or Book Madness. New York, Henry G. Bohn, 1809.

[614] Werner Muensterberger. Collecting: An Unruly Passion: Psychological Perspectivesю Princeton, N.J.: Princeton Univ. Press, 1994.

[615] Nicholas A. Basbanes. A Gentle Madness: Bibliophiles, Bibliomanes, and the Eternal Passion for Books. New York: Henry Holt and Company, Inc.1995; Басбейнс Н. Благородное сумасшествие: библиофилы, библиоманы и вечная страсть к книгам (Пер. Александры Куликовой) // Библиофильские известия. 2012. № 10, 15, 26.

В частности, в первой половине 1990-х гг. были опубликованы монография «Музеи, вещи и коллекции» Сьюзен М. Пирс, которая попыталась классифицировать коллекции по способу их сбора (сувениры, фетиши и систематические коллекции) и раскрыть особенности бытования коллекций в музеях[616], и книга Дж.Элснера и Р.Кардигана «Культура коллекционирования», в которой анализируются различные мотивации собирательской деятельности и ее влияние на эволюцию личности коллекционера[617].

Всемирно известный российский археолог и философ Л.С.Клейн связывает феномен коллекционирования со стремлением человека к упорядочению реальности, осмыслению своего бытия сквозь призму символов, воплощенных в материальных предметах[618].

В большинстве публикаций, посвященных частному собирательству, включая упоминания о коллекционерах в мемуаристике XVIII–XIX вв., прослеживается достаточно четкая грань между коллекционированием, которое осуществляется знатоками собираемых предметов по определенной системе, и коллекционерством как накопительством, сущность которого проявляется в неспособности владельца к познанию собранного. Тема влияния коллекционирования на формирование научного мышления находит отражение в современной интеллектуальной публицистике. Так, А.Г.Ваганов в книге, посвященной истории отечественной научно-популярной литературы, говоря о распространенной среди российской интеллигенции традиции собирания сериальных изданий, выходит на тему коллекционирования как такового, определяя его как «до сих пор плохо изученный психофизиологический и социальный феномен»[619]. Осмыслению коллекционерства с позиций социологии и философии науки посвящен также ряд публикаций А.Г.Ваганова в научных журналах и сборниках[620]. В статье «Коллекционирование как основная форма проявления исследовательского инстинкта ученого», посвященной коллекционерским увлечениям ученых, автор показывает на большом количестве конкретных примеров, как процесс собирания и систематизации коллекций сближается с научным познанием: «Не только коллекционерство на высшей ступени своего развития переплавляется в научное занятие, но и занятие наукой имеет все признаки, присущие проектному коллекционированию»[621]. В данной статье представлен также ценный в научно-информационном отношении обзор воззрений ученых и деятелей культуры на онтологический смысл коллекционирования, его психологическую природу и социальную роль.

---

[616] Pearce Susan M. Museums, Objects, and Collections: A Cultural Study. Leicester Univ. Press, 1992).

[617] John Elsner and Roger Cardinal, eds. The Cultures of Collecting. London: Reaktion, 1994.

[618] Клейн Л.С. Культура и эволюция. Теоретические исследования. СПб: Евразия, 2018 С.162–176.

[619] Ваганов А.Г. Жанр, который мы потеряли. Очерк истории отечественной научно-популярной литературы. М.: АНО «Журнал «Экология и жизнь», 2012.

[620] Ваганов А.Г. Коллекция как ценоз // Философия. Толерантность. Глобализация. Восток и Запад — диалог мировоззрений: Тезисы докладов VII Российского философского конгресса (г. Уфа, 6–10 октября 2015 г.). Под ред. Чумакова А.Н. — Т.3. Уфа: РИЦ БашГУБ 2015.

[621] Ваганов А.Г. Коллекционирование как основная форма проявления исследовательского инстинкта ученого//Социология науки и технология. 2016. Т.6. № 3.

Живой интерес к феномену коллекционирования проявляют экономисты, исследующие сферу потребительского спроса. Особенностью данного подхода является изучение любых коллекций, независимо от их объективной, символической или материальной значимости (ценности), которая может быть определена извне. Внимание авторов сосредоточено на аналитике психологии коллекционеров как потребителей и выявлении факторов, влияющих на категорию цены в отношении произведений искусства, книг и других предметов собирательства. О парадоксах ценообразования в сфере культуры еще в 1920-е гг. размышлял американский экономист Джейкоб Вайнер[622], заметивший, что коллекционирование как элемент рыночных отношений представляет собой исключение из закона убывающей предельной полезности, согласно которому по мере накопления потребителем однотипных товаров ценность новых приобретений убывает («первая тарелка супа для голодного ценнее, чем вторая»). Но для собирателя, например, прижизненных изданий, гравюр редкой серии, старинных монет определенного периода каждое новое приобретение нередко более желанно и ценно, поскольку приближает к цели создания полной коллекции. Параллели между устремлениями коллекционера и мотивациями современного потребления проводятся в работах итальянского экономиста Марины Бьянчи, которая исследует коллекционирование в качестве модели особого поведения потребителей[623], и ряда других современных авторов в России и за рубежом. Парадоксам бытования предметов культуры в современном мире, где «экономические основы определения ценности искусства все больше затмевают альтернативные подходы», посвящен изданный Кембриджским университетом в 2007 г. сборник научных статей «Вне цены. Ценность в культуре, экономике и искусстве»[624], в предисловии к которому Майкл Хаттер подчеркивал важность научного диалога представителей различных отраслей науки в вопросе изучения процессов коммерциализации[625].

Руководитель Фонда научных исследований «Прагматика культуры» А.Б.Долгин выдвинул концепцию «экономики символического обмена» — новой научной дисциплины, «работающей с ресурсами личности: свободным временем, вниманием, символическим капиталом»[626]. Теоретические выводы автора, построенные на изучении парадоксов современного бизнеса в сфере музыки и моды, могут применяться и для исследования сферы антикварно-художественного рынка и частного собирательства.

---

[622] Винер Дж. Концепция полезности в теории ценности и её критики//Вехи экономической мысли. Т. 1. Теория потребительского поведения и спроса / Под ред. В.М.Гальперина — СПб: Экономическая школа, 2000.

[623] Бьянчи М. Коллекционирование как парадигма потребления//Экономика современной культуры и творчества. Сборник статей. Пер. с англ. — М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры», 2006.

[624] Michael Hutter. Preface in Michael Hutter & David Throsby (eds.). *Beyond Price: Value in Culture, Economics, and the Arts* Cambridge University Press, 2007, p.XV.

[625] Там же.

[626] Долгин А.Б. Экономика символического обмена. 2-е изд., доп. М.: «Прагматика Культуры». Институт экономики культуры, 2007.

Таким образом, современная отечественная историография частного коллекционирования включает значительный по объему и научной ценности комплекс публикаций, выполненных специалистами в области отечественной истории XVII–XX вв., историками искусства и культуры. Основное внимание авторы данных исследований уделяют изучению персоналий и деятельности коллекционеров, истории конкретных коллекций и видов собирательства. В то же время необходимо отметить, что за рамками данных публикаций остались десятки имен владельцев больших и малых коллекций различной тематики. Значительная часть информации об этих людях ограничивается краткими указаниями в справочниках для коллекционеров[627], рекламных объявлениях, отрывочной переписке, сохранившейся в составе фондов ученых, музейных деятелей, соратников по коллекционерским увлечениям.

Интересным и еще недостаточно изученным аспектом в истории отечественного коллекционирования, связанным с тематикой российского зарубежья, являются исследования о сборе коллекций российскими путешественниками в различных странах мира[628].

Необходимо отметить, что историографическое освоение проблематики частного коллекционирования в российском зарубежье связано с необходимостью решения достаточно сложных эвристических задач, включающих выявление документов о составе и судьбах российских коллекций XVIII–XIX вв., которые собирались и хранились за рубежом, а впоследствии были разрознены или распроданы. Информация о них разбросана по европейским и российским архивам, мемуарной литературе и прессе, нередко в источниках на нескольких иностранных языках.

Проблемным в организационном плане является и освоение материалов отдаленных (в основном американских и британских) архивов, где сосредоточены биографические и творческие документы ряда ведущих коллекционеров российского зарубежья XX века. Что касается главного документального комплекса по истории русского зарубежья — Российского заграничного исторического архива в Праге (РЗИА), то при всей уникальности и богатстве его фондов тематика личного коллекционирования отражена в них лишь фрагментарно, в основном в форме кратких сведений о соответствующих передачах в РЗИА и упоминаний в переписке деятелей культуры российского зарубежья, хранящихся в ГАРФ и РГАЛИ.

В настоящее время, благодаря возвращению на родину собраний Общества «Родина» в Лейквуде (США)[629] и ряда других корпоративных объединений российских эмигрантов, а также дарам потомков собирателей русских

---

[627] Белозерский Н.В. Справочная книга для коллекционеров памятников старины в России (преимущественно монет). СПб, 1903.

[628] Белова Г.А., Шеркова Т.А. Русские в стране пирамид: Путешественники, ученые, коллекционеры. М.: Алетейа, 2003. Андросов С.О. Скульпторы и русские коллекционеры в Риме во второй половине XVIII века. Санкт-Петербург: Наука, 2011; и др.

[629] Юрьева И.Ю., Землякова О.К. Музейная коллекция и архив русско-американского общества «Родина» // Вестник истории, литературы, искусства. М.: [б.и.], 2008. Т. 5.

зарубежных архивов и библиотек, расширяется изучение истории эмигрантских личных коллекций, причем в этот процесс вовлечены как отечественные авторы, так и представители интеллектуального сообщества российских соотечественников. Наиболее перспективными в плане подготовки научных работ по данной тематике являются фонды Дома русского зарубежья им. А.И.Солженицына, которые активно пополняются дарами российских соотечественников, включая личные архивные и книжные собрания и документы, связанные с историей частного коллекционирования в русском зарубежье. В частности, значительный интерес в контексте данной темы представляют архивы Н.П.Рябушинского, В.И.Томича и др.

Изучение истории личных коллекций российской послереволюционной эмиграции осложнено спецификой самого коллекционерского сообщества зарубежной России послереволюционного периода, которое парадоксальным образом повторяет черты мира советских коллекционеров, прежде всего, направленностью на собирание документов, книг, марок и открыток, а также художественных произведений в основном на бумажных носителях — рисунков, акварелей, гравюр. Значительная часть подобных личных коллекций была утрачена в первой половине XX века в процессе перемещений владельцев из одной страны в другую, некоторые вошли в состав фондов эмигрантских общественных музеев и архивов, которые в свою очередь влились в иностранные хранилища во Франции, Чехословакии, Англии, США. Соответственно, процесс историографического освоения конкретно-исторических аспектов темы частного коллекционирования в российском зарубежье в значительной степени осуществлялся в рамках введения в научный оборот материалов архивной и музейной россики — А.В.Поповым, Л.П. Муромцевой и др.[630]

Значительный вклад в исследование военно-музейного дела в зарубежной России внесли труды В.Ф. Ершова, посвященные российской военной эмиграции XX века, а также различным аспектам научной, просветительной и военно-мемориальной деятельности офицерских обществ и союзов российского зарубежья[631].

Значение традиций частного собирательства в мире русского зарубежья XX века отражено в исследованиях по истории искусства и художественной жизни — двухтомнике «Общество «Икона» в Париже» под редакцией

---

[630] Попов А.В. Россика в негосударственных хранилищах США//Отечественные архивы. 1996. № 2. Он же. Военные музеи и архивы русского зарубежья//Вестник архивиста. 2003. Март — апрель. № 2 (74); Муромцева Л.П. Музеи и частные коллекции российского и украинского зарубежья в США и Канаде//Вестник Московского университета. Сер. 8. История. М., 2008. № 5. Она же. В.Ф.Булгаков и русский культурно-исторический музей в Праге//Россия и современный мир. М., 2010. № 3(68) и др.

[631] Ершов В.Ф. Российское военно-политическое зарубежье в 1918–1945 гг. М., 2000. Он же. Общество российских ветеранов Первой мировой войны в эмиграции по материалам Русского Заграничного исторического архива//Последняя война Российской империи: Россия, мир накануне, в ходе и после Первой мировой войны по документам российских зарубежных архивов. Международная научная конференция. Москва. 7–8 сентября 2004 года / Под ред. В.П.Козлова. Институт всеобщей истории РАН, Всероссийский научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела, Российское общество историков-архивистов. — М.: Наука, 2004, и др.

Г.И.Вздорнова[632], монографиях А.В.Толстого[633], И.Л.Кызласовой[634] и др., а также в работах, посвященных книжной культуре зарубежной России[635].

Важный вклад в научно-культурный диалог России и российского зарубежья внесли те немногочисленные представители эмигрантского коллекционерского сообщества, которые обладали финансовыми ресурсами для создания коллекций оружия, нумизматики, произведений ведущих русских и иностранных художников. Так, научные исследования и каталоги, опубликованные в 1960-е — 1970-е гг., в том числе на русском языке, В.Г.Рихтером и Е.С.Молло[636], были известны уже советским специалистам. Однако их роль и место в мире отечественного коллекционирования, включая его эмигрантский сегмент, еще предстоит осмыслить.

Благодаря широкой просветительской и меценатской деятельности непосредственно в России в новейшее время, заслуженную известность получили художественные собрания и личность Н.Д.Лобанова-Ростовского[637], автобиографический труд которого «Эпоха. Судьба. Коллекция» является в то же время уникальным источником по истории коллекционерского мира российского зарубежья XX века[638]. В.В.Леонидовым была опубликована статья о собрании русской живописи, преимущественно художников круга «Мира искусства», составленном российским эмигрантом в Англии М.В.Брайкевичем (до революции — Одесским городским головой, известным коллекционером и меценатом)[639]. Примечательно, что хранителем и автором каталога собрания Брайкевича и других русских коллекций, переданных в разное время музею Эшмолиан в Оксфорде, является Л.Н.Салмина — научный сотрудник Государственного Эрмитажа, специалист в области искусства эпохи Возрождения, которая в 1965 г. стала супругой упоминавшегося выше британского искусствоведа Френсиса Хаскелла и связала свою дальнейшую музейную деятельность с Оксфордом[640]. Этот, казалось бы, частный факт свидетельствует о возможности дальнейшего развития в пространстве Русского мира живых интеллектуальных связей, соединяющих воедино культурное и художественное наследие эмиграции первой волны с современностью.

---

[632] Общество «Икона» в Париже / Авт.-сост. Вздорнов Г.И., Залесская З.Е., Лелекова О.В.; авт. предисл. Г.И.Вздорнов; ред. Е.Н.Грачева. — Т.1–2. Москва — Париж: Прогресс-Традиция, 2002.

[633] Толстой А.В. Художники русской эмиграции М.: Искусство XXI век, 2005.

[634] Кызласова И.Л. История отечественной науки об искусстве Византии и Древней Руси, 1920–1930 годы. М.: Акалемия горных наук, 2000.

[635] Базанов П.Н., Шомракова И.А. Книга русского зарубежья: Из истории книжной культуры XX века: Учебное пособие. СПб, 2001; и др.

[636] Mollo, E. Russian Military Swords. 1801–1917. London: Historical Research Unit, 1969; Рихтер В.Г. Собрание трудов по русской военной медалистике и истории. Париж: [б.и.], 1972.

[637] Толстой И.И. Против течения: Никита Лобанов-Ростовский на вершине судьбы// Собрание: Иллюстрированный журнал по искусству. Наследие и современность. 2010. № 1 (28).

[638] Лобанов-Ростовский Н.Д. Эпоха. Судьба. Коллекция: (воспоминания, очерки). М.: Русский путь, 2010.

[639] Леонидов В.В. Собрание одесского городского головы в Оксфорде//Русское искусство. URL: http://www.rusiskusstvo.ru/collector.html?id=263

[640] Там же.

В состав историографического комплекса по тематике эмигрантского коллекционирования входит также ряд публикаций российских и зарубежных авторов, посвященных судьбам конкретных коллекций: собранию Я.М.Лисового — одному из немногих переданных владельцем в Россию еще в советский период[641], библиотеке Г.В.Юдина в Вашингтоне[642], художественной коллекции Н.Л.Окунева в Праге[643] и др. Отдельные аспекты истории частного собирательства в зарубежной России 1920-х — 1970-х гг. рассматриваются в работах М.В.Катагощиной[644] и др.

В целом современная историографическая ситуация позволяет сделать вывод о том, что изучение частного коллекционирования в приложении к проблематике истории и современности международного Русского мира имеет достаточно широкие перспективы. Это дальнейшее выявление и обобщение источниковых данных, осуществление научно-теоретических разработок по уже утвердившимся тематическим линиям и выбор новых направлений исследования. Так, заслуживает внимания вопрос о роли и месте личных коллекций в интеллектуальном и художественном диалоге на постсоветском пространстве. На рубеже XIX–XX вв. центрами частного собирательства и библиофильства наряду с Петербургом и Москвой в той или иной степени были Вильна, Рига, Минск, Киев, Одесса, Тифлис, Ташкент, Баку и ряд других городов Российской империи. Коллекционеры и меценаты внесли вклад в дело распространения ценностей европейского и русского искусства и культуры в Северо-Западном и Западном крае, на Украине, в Туркестане и других национальных областях Российской империи. Ведущие коллекционеры и меценаты — Уваровы, Щукины, Рябушинские, Ханенко, Терещенко и др. принимали непосредственное участие в организации государственных исторических и художественных музеев, в работе научных обществ, издании научно-исследовательской литературы. Ряд частных коллекций, перешедших по желанию владельцев в общественное пользование или национализированных после 1917 г., в настоящее время находится в составе ведущих музеев постсоветских государств и является важным источником международного диалога культур.

Поскольку в данных собраниях представлено большое число работ русских художников, книг и рукописей на русском языке, либо сами коллекции

---

641 Королева Г.В. Коллекция Я.М.Лисового, полковника Генерального Штаба Добровольческой Армии, в РГАКФД: История возвращения и описания//Вестник архивиста. 2001. № 4–5 (64–65) и др.

642 Пивоваров Е.Г. Коллекция Г.В.Юдина в собрании Библиотеки Конгресса США (1903–1919 гг.) // Общество и власть: Материалы Всероссийской научной конференции. (22–23 мая 2003 г.). СПб, 2004.

643 Янчаркова Ю. Коллекция профессора Окунева: Как в межвоенной Праге сохраняли русскую живопись//Славянский мир: общность и многообразие. М., 2006.

644 Катагощина М.В. Антикварный мир зарубежной России в 1920–1930-х годах// В едином историческом пространстве: Сборник научных статей к 60-летию члена-корреспондента РАН, доктора исторических наук, профессора Е.И.Пивовара. Москва: Изд-во Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), 2009. С. 370–388. Она же. Первая мировая война в зеркале частных и корпоративных историко-культурных коллекций России и Российского зарубежья//Вестник РУДН. Серия: История России. 2019. Том 18, № 1: к 100-летию Версальского мира. Эхо Великой войны в России.

связаны с именами российских ученых и деятелей культуры, данные музейные и книжные коллекции представляют собой неотъемлемую часть культурного наследия современного российского зарубежья. Так, например, Национальный музей «Киевская картинная галерея» (до 2017 г. — Киевский национальный музей русского искусства), в фонды которого в начале 1920-х гг. вошли бывшие собрания семьи Терещенко и ряда других частных коллекций, известен как одно из ведущих хранилищ художественного наследия Русского мира в ближнем зарубежье. В собрании музея представлены икона Новгородской школы конца XII — первой половины XIII в. «Борис и Глеб», полотна Дмитрия Левицкого, Василия Тропинина, Валентина Серова, Ильи Репина, Архипа Куинджи и многих других выдающихся русских живописцев, а также образцы советского изобразительного искусства разных лет, включая работы художников Бориса Иогансона и Сергея Герасимова, скульптора Ивана Шадра и др. В истории бывших дворцовых и усадебных комплексов, обладавших в свое время уникальными художественными собраниями и библиотеками, отражаются генеалогические связи аристократических семей XVIII–XIX вв., мир промышленников и меценатов начала XX столетия, перипетии раннего этапа советского музейного строительства. Наглядными примерами подобных взаимосвязей являются дворец Румянцевых-Паскевичей (Гомельский дворцово-парковый ансамбль Республики Беларусь), где собиралась и хранилась знаменитая библиотека графа Н.П.Румянцева, а с 1850-х гг. — коллекции фельдмаршала И.Ф.Паскевича и его потомков (впоследствии почти полностью утраченные), особняк великого князя Н.К.Романова в Ташкенте, коллекции которого, в 1918 г. переданные владельцем в дар городу, стали основой собрания Музея искусств Узбекистана, и др.

Обмен научной информацией, происходящий в ходе международных конференций и музейно-выставочных проектов, показывает, что феномен коллекционирования, в том числе вопросы создания и бытования коллекций, связанных с исторически общим культурным пространством Российской империи и СССР, является предметом исследовательских интересов ученых Российской Федерации, Белоруссии, Украины, стран Балтии, Узбекистана[645].

Соответственно, заслуживает более детального научного исследования роль частного коллекционирования XIX — начала XX вв. в контексте становления и эволюции поликультурного цивилизационного пространства Русского мира.

---

[645] См.: Стефанович А.Б. Частновладельческая книжная коллекция П.Н.Беркова в фондах ЦНБ НАН Беларуси: к вопросу о составе//Книжная культура: опыт прошлого и проблемы современности. 2010: к 90-летию Научно-исследовательского института книговедения в Петрограде. М.: Наука, 2010; Палатная С.Г. Ювелирные изделия фирмы Фаберже в коллекции Музея исторических драгоценностей Украины//Антикварное обозрение. СПб, 2012. № 1(46); Котюкова Т.В., Махкамов А.В. «…Завещаю… все вышеозначенное имущество… в полную собственность Ташкентского университета»: Документы архивов Республики Узбекистан о последних годах жизни великого князя Николая Константиновича Романова// Отечественные архивы. 2009. № 6.

Таким образом, история частного коллекционирования является одним из востребованных и активно развивающихся направлений в отечественной и мировой науке. Феномен коллекции в его историческом развитии не только выступает в качестве непосредственного предмета изучения в специальных работах по искусствознанию или в историко-биографическом жанре, но и становится важным компонентом осмысления социально-политических, культурных, интеллектуальных процессов в истории государств и цивилизаций разных эпох.

Историография частного коллекционирования включает несколько самостоятельных исследовательских направлений в рамках различных отраслей гуманитарного знания, однако значительная часть публикаций по данной тематике, как в России, так и за рубежом, выполнена на основе привлечения совокупности методологических и прикладных исследовательских подходов из арсенала исторической науки, искусствоведения, музееведения, культурологии.

Современная российская историография частного коллекционирования характеризуется достаточно высокой степенью теоретического и конкретно-исторического освоения данной темы, которая, в то же время, имеет значительный потенциал для новых исследований и в плане разработки восстановления еще многих забытых имен и утраченных коллекций, и в деле выявления и включения в научный оборот архивных документов. Целый ряд новых исследовательских задач может быть поставлен и решен в контексте проблематики истории и культуры российского зарубежья.

Следует также указать и на возможность применения к дальнейшей разработке истории отечественного частного коллекционирования современных исследовательских технологий. Так, сложившийся к настоящему времени комплекс исторических и историографических источников по истории отечественного частного коллекционирования дает возможность создания электронных баз данных коллекционеров и коллекций России XVIII–XX вв. с их последующим использованием для дальнейшего изучения историко-культурного феномена частного коллекционирования, а также для восстановления судеб утраченных или разрозненных собраний.

ВОСТОКОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

**Б.В.Базаров, А.Д.Гомбожапов,
Е.В.Нолев, Е.В.Сундуева**

У истоков империи Цин: генезис и развитие государственности при первых правителях маньчжурской династии

Аннотация

В статье предпринята попытка реконструировать наиболее ранний этап становления маньчжурской государственности. Авторы подробно описывают сложный маятниковый процесс трансформации власти от племенных форм управления до централизации власти в руках маньчжурских правителей. Показано, что дипломатическая практика основателя цинской династии Нурхаци и его преемника Хун Тайчжи совмещала в себе как методы и средства, употреблявшиеся в межплеменной политике, так и элементы китайской даннической системы. Вместе с присоединением чжурчженьских и монгольских племен и завоеванием Китая в значительной мере усложнилась практика управления. В новых реалиях противоречия между интересами государства и родоплеменной знати обусловили специфику политической системы империи Цин.

Ключевые слова: Нурхаци, Хун Тайчжи, династия, государственность, племя, чжурчжэни, маньчжуры, монголы, Цин.

Abstract.

The article attempts to reconstruct the earliest stage of the formation of the Manchu statehood. The authors describe in detail the complex pendulum process of power transformation from tribal forms of government to the centralization of authority. It is shown that the diplomatic practice of the founder of the Qing dynasty Nurhaci and his successor Hong Taiji combined in itself both the methods and means used in intertribal politics, and elements of the Chinese tributary system. Together with the annexation of the Jurchen and Mongolian tribes and the conquest of China, management practices became much more complicated. In the new realities, the contradictions between interests of the state and tribal nobility determined the specificity of the political system of the Qing Empire.

Key words: Nurhaci, Hong Taiji, dynasty, statehood, tribe, Jurchen, Manchus, Mongols, Qing.

Эпоха династии Цин в истории Китая занимает особое место. Именно в период существования маньчжурской династии был сформирован тот территориальный облик, который характерен для современного китайского государства. Иноземной династии Цин удалось включить в состав Китая огромные территории с совершенно иной историко-культурной основой (Синьцзян, Тибет, Монголия), выйдя за рамки так называемого Внутреннего Китая. Близость маньчжурской культуры к степной позволила династии Цин, в отличие от предшествующих династий, преодолеть исторически сложившиеся территориальные барьеры на западных границах Китая.

Господствовавшие негативные оценки цинского правления в китайской национальной историографии первой половины XX в. сменились попытками осмыслить объективную роль и значение маньчжурского двора в истории Китая. Исследователями подчеркивается достигнутые успехи при цинских императорах: рост народонаселения, связанный с длительным периодом стабильности, освоение новых земель, развитие как собственно китайской культуры, так и других народов, входивших в многонациональную империю. С этой позиции одной из фундаментальных задач становится выяснение и реконструкция всех обстоятельств, способствовавших как приходу к власти малочисленной народности маньчжуров, находившихся на самой ранней стадии образования государства, так и длительному их правлению в течение двух с половиной веков.

Сложность решения этой задачи заставляет, с одной стороны, обратиться к истокам политогенеза маньчжурской общности, представленной первоначально разрозненными племенными объединениями, на основе теоретических достижений в области политической и социальной антропологии.

С другой стороны, наряду с переосмыслением имеющихся в отечественном востоковедении свидетельств необходимо детально исследовать сведения малоизученных в российской ориенталистике аутентичных источников, способных пролить свет на специфику конструирования политической организации маньчжуров в условиях напряженной и изменчивой геополитической обстановки во Внутренней Азии. К таким источникам несомненно относится исторический труд под названием «Daičing ulus-un mongγul-un maγad qauli» («Правдивые записи о монголах Цинской империи»), изданный в 2013 г. в Исследовательском центре по своду древних письменных памятников малочисленных народов АРВМ КНР в шести томах на старописьменном монгольском языке на основе монгольской версии китайской династийной хроники «Цин ши лу». В настоящее время коллектив исследователей Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН при поддержке ученых из Монголии осуществляет комплексное историко-культурное и источниковедческое изучение памятника на основе сравнительного перевода текста «Правдивых записей о монголах Цинской империи» со старописьменного монгольского и китайского языков и анализа востоковедной историографии.

В 1627 г., в первый год правления Хун Тайчжи (Абахая), чиновники во главе с секретарем Нурхаци и Хун Тайчжи по имени Эрдэни-бакша полу-

чили приказ начать составление правдивых записей о правлении Нурхаци (Тайцзу). Работа велась в течение 8 лет была завершена в 1635 г. изданием труда под названием «Правдивые записи маньчжуров с иллюстрациями» («Мань чжоу ши лу ту»). Художники Чжан Цзянь и Чжан Инкуй снабдили императорские правдивые записи иллюстрациями, что облегчило их понимание. Сказав, что в данном сочинении после рисунков даны пояснения, что не согласуется с форматом правдивых записей, Тайцзун издал указ канцлерам академии династийной истории страны Си Фо и Гарину о том, чтобы маньчжурские, китайские и монгольские «Иллюстрированные записки Тайцзу» были составлены заново. По мнению Б.Г.Доронина, данный эпизод может свидетельствовать о борьбе между сторонниками и противниками использования китайского опыта в создании собственного государства среди маньчжурской аристократии. С этой точки зрения ортодоксальный формат «ши лу» символизировал атрибут императорской власти в китайской традиции[646]. Альтернативная точка зрения относительно создания «Маньчжоу ши лу» отражена в монографии Т.А.Пан, где упоминается, что «Маньчжурские правдивые записи» с 77 иллюстрациями были заказаны императором Цяньлуном в 1781 г. и почти полностью повторяли «Тайцзу ши лу». Возможно, речь идет о новом варианте «Иллюстрированных «Правдивых записей» о маньчжурах», составленных по велению Цяньлуна в 80-е гг. XVIII в., которые также были включены в официальный комплект «Правдивых записей» династии Цин. При этом в большинстве исследований утвердилось положение о «Маньчжоу ши лу» как оригинале для «Тайцзу ши лу»[647].

В ноябре 1636 г. (1-й год правления Хун Тайчжи) переработка, после которой памятник приобрел традиционный вид, была завершена. Основатель новой династии Нурхаци обрел в тексте нового памятника традиционные в китайской государственной практике храмовое имя Тай-цзу (великий предок) и посмертное имя У хуан ди (Августейший Воинствующий император). Внесенные изменения отчетливо демонстрировали политические замыслы провозглашенной в этом же году династии Цин [648]. Во время правления Фулиня (кит. Шуньчжи) эти записи подверглись очередной редакции. При императоре Канси канцлер Лэдэхун был назначен чиновником, осуществляющим общий надзор, и ему было приказано внести дополнения и поправки. Под задачей исправления неточностей и огрехов скрывалась истинная цель — легитимация утверждения династии Цин на китайском престоле. В текст были добавлены более пятидесяти ранее неизвестных указов Нурхаци, выполненные в традициях китайского делопроизводства,

---

[646] Доронин Б.Г. Историография императорского Китая XVII–XVIII вв.— СПб.: Филол. фак-т СПБГУ, 2002 — С. 63–64.

[647] Пан Т.А. Маньчжурские письменные памятники по истории и культуре империи Цин XVII–XVIII вв. — СПб.: Петербургское востоковедение, 2006. — С. 60.

[648] Доронин Б.Г. Историография императорского Китая XVII–XVIII вв.—СПб.: Филол. фак-т СПБГУ, 2002. — С.64.

предисловие, написанное самим Канси, а также традиционные элементы оформления официальных историописаний: доклад, сопровождавший представленные императору оглавление, список составителей и т.д. В результате объем текста «Тайцзу ши лу» увеличился с 4 до 13 цзюаней[649]. В 1686 г. (25-й год правления Канси) «Правдивые записи императора Тайцзу» были окончены. По 12 тетрадей записей на маньчжурском, монгольском и китайском языках, а также по четыре тетради «Священных наставлений» на маньчжурском и китайском были представлены императору. В 1734 г. (12-й год правления Юнчжэна) текст подвергся повторной редакции: работа по исправлению и сверке географических названий, личных имен чиновников заняла пять лет. В декабре 1739 г. (4-й год правления Цяньлуна) работа была завершена и после представления императору Цяньлуну была им утверждена. После пяти редакций первоначальный текст «Правдивых записей» правления Нурхаци претерпел существенные изменения, в частности в вопросах освещения раннего этапа отношений маньчжуров с Минской династией и обстоятельств прихода к власти. И все же Ши лу остаются важнейшим историческим источником, ценность которого для реконструкции событий и процессов раннего периода правления маньчжурской династии особо подчеркивал видный советский востоковед Г.В.Мелихов: ««Шилу» о правлении Нурхаци воссоздают замечательно точную картину взаимоотношений маньчжуров с соседними народностями и позволяет судить о весьма характерной для первого маньчжурского хана политике всемерного привлечения отдельных представителей этих народностей, предоставлении им разнообразных льгот, материальной помощи, полном уравнении в правах с коренным населением страны и т.п., что значительно способствовало успеху деятельности Нурхаци»[650].

В 1649 г. (6-й год правления Фулиня) было начато составление «Правдивых записей светлейшего мудрого императора Тайцзуна». Назначенные приказом императора канцлеры Фань Вэньчэн и Гарин не успели окончить эту работу. В 8-м месяце 1673 г. (12-й год правления Канси) специально была создана академия династийной истории страны. Канцлер Лэдэхун на протяжении многих лет занимался составлением памятника, «достав всё, что хранится в каменном доме, и разобрав по отдельности сочинения из драгоценного сундука». Работа была завершена в 1682 г. (21-й год правления Канси). «Правдивые записи светлейшего мудрого императора Тайцзуна» составили по 67 тетрадей, включая свод (п.-монг. huriyangγui), на монгольском, китайском и маньчжурском языках. В 1739 г. (4-й год правления Цяньлуна) канцлер Урдай по приказу императора привел в соответствие с правилами диакритических знаков и знаков препинания. «Правдивые записи светлейшего мудрого императора Тайцзуна» стали на-

---

[649] Доронин Б.Г. Китай XVII–XVIII вв.: проблемы историографии и источниковедения.— Л.: Ленинградский университет, 1988. — С. 51.

[650] Мелихов Г.В. «Да Цин личао шилу» как исторический источник // Страны Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии (Проблемы истории и экономики). — М., 1969. — С. 75.

считывать по 68 тетрадей на монгольском, китайском и маньчжурском языках, включая свод. Также было окончено по 6 тетрадей «Священных наставлений» на маньчжурском и китайском языках[651].

Составление «Правдивых записей светлейшего императора Шицзу» было начато канцлером Батаем и его коллегами в 1667 г. (6-й год правления Канси) по приказу императора. Они в течение четырех лет «проверили и объединили источники, хранящиеся в Лантай и Юньгэ, достали и проверили источники, хранящиеся в каменном доме и драгоценном сундуке». В 1672 г. (11-й год правления Канси) работа была завершена. «Правдивые записи светлейшего императора Шицзу» вместе со сводом насчитывают 146 тетрадей на маньчжурском, китайском и монгольском языках. В 1734 г. (12-й год правления Юнчжэна) император прочитал это законченное сочинение и передал его канцелярским сановникам для проверки. С 1739 г. (4-й год правления Цяньлуна) канцлер Урдай со своими коллегами в течение пяти лет составлял сочинение «в соответствии с прежними уложениями о территориях и рангах сановников, давно прошедшее у старейшин уточнялось, недавно прошедшее со слов сверялось». В него вошли 147 тетрадей «Правдивых записей светлейшего императора Шицзу» на трех языках и 6 тетрадей «Священных наставлений» на маньчжурском и китайском языках[652].

Назначение «Цин ши лу» (Правдивые записи о династии Цин) помимо исторической функции и обеспечения будущих составителей династийных хроник достоверной информацией о деяниях правителей заключалось в сохранении и аккумуляции политической мудрости ушедших императоров. «Ши лу» часто использовались в повседневной практике государственного делопроизводства и были ориентированы на решение утилитарных политических задач текущего момента и периода правления в целом. Также почетная обязанность описания дел ушедшего правителя его наследником служила символом преемственности власти и обеспечивала легитимность прав нового императора на престол. Указанные особенности назначения «Цин ши лу» наряду с ограниченным кругом лиц, обладавших доступом к «Правдивым записям», включавшего императора, членов императорской семьи и высших чиновников, должны были обеспечивать объективность и достоверность сведений, приведенных в сочинении[653]. Следовательно, в «Правдивых записях о монголах династии Цин», составленной на основе «Цин ши лу», в свете официальных государственных документов представлена де-

---

[651] Базаров Б.В., Цыренов Ч.Ц., Нолев Е.В. Правители маньчжурской династии Китая в традиции летописания «Цин ши лу» // Вестник Восточно-Сибирского государственного института культуры — 2018.— № 4. — С. 9.

[652] Базаров Б.В., Цыренов Ч.Ц., Нолев Е.В. Правители маньчжурской династии Китая в традиции летописания «Цин ши лу» // Вестник Восточно-Сибирского государственного института культуры — 2018.— № 4. — С. 9.

[653] Базаров Б.В., Сундуева Е.В., Цыренов Ц.Ц., Нолев Е.В. «Открылось то, что хранится в золотом сундуке…»: к вопросу об источниках и о назначении «Правдивых записей о династии Цин» // Вестник архивиста. — 2018.— № 1.— С. 19,20.

тальная история становления маньчжурского государства от объединения чжурчжэнских племен до утверждения маньчжурский династии в Китае.

Говоря о важном значении маньчжурских письменных источников, все же следует подчеркнуть тот факт, что они не могут дать представления об исторической обстановке и условиях, в которых началось возвышение одного из многочисленных чжурчжэньских племен — маньчжоу, сумевших впоследствии консолидировать народности северо-восточного Китая под своим именем. Первые регулярные записи начались вести только после внедрения письменности на старомонгольском языке, то есть после 1599 года. Для воссоздания картины чжурчжэньского общества XVI в. опорными письменными источниками являются исторические хроники Минской династии.

Согласно описанию авторов минских источников, в начале XVII в. чжурчженские племена делились на три большие группы: чжурчжэни Цзяньчжоу и Маолиня, чжурчжэни Хайси и дикие чжурчжэни. Все они представляли племенные общности, находившиеся на разной стадии разложения родоплеменных отношений[654].

Чжурчжэни Цзянчжоу (Маньчжурское объединение) представляли собой крупную конфедерацию племен, на основе которой был создан приграничный округ. Чжурчжэни Хайси (Хулуньское объединение), населяли земли северо-западнее от племен Цзянчжоу севернее Мукдена. Проживавшие в небольших городках и селениях, они занимались земледелием, ремеслом и подсобными видами хозяйственной деятельности. Близость к границам предопределило для этой группы чжуржэньских племен тесные торговые и политические связи с империей Мин[655].

Так называемые «дикие чжурчжэни», жившие севернее, соответственно, более удаленные от границ Минской империи, были собирательным именем для многочисленных небольших племен, в этническом отношении представлявших народности эвенкийской и тунгусо-маньчжурской группы. Практически для всех племен этой группы был характерен кочевой образ жизни, связанный с их основными занятиями: охотой, рыболовством, собирательством.

Дальнейшее развитие чжурчженских племен было связано с углублением процесса разложения родоплеменных отношений. Стали появляться более сильные и влиятельные роды, которые начали концентрировать в своих руках общественные функции управления, военного дела, а также религиозные обязанности. Все это привело к острой борьбе и междоусобным войнам среди чжурчжэньских племен, в ходе которых возникали отношения зависимости, подчинения между отдельными племенами и общинами.

В описании китайских источников это выглядело следующим образом: «…В те времена во всех землях царила смута. Маньчжурский народ

---

[654] Мелихов Г.В. Маньчжуры на Северо-Востоке, XVII в. — Наука, 1974. — С. 26.

[655] Li G. R. State building before 1644 //The Cambridge History of China. — 2002. — Т. 9. — №. Part 1. — P. 9–72.

состоял из племен, проживающих в районе рек Сугсухэ и Хуньхэ, племен ванцзя, дунъо, чжэчэн, нэинь и ялуцзян на Чанбайшане, воцзи, варка, хурха у Восточного моря, ула Хулуня, хада, ехэ, а также хойфа. Повсюду поднялись роем воры и грабители. Оспаривая старшинство, ханы, нойоны и сановники воевали меж собой во главе своих айлов и племен. Брат убивал брата, сильный угнетал слабого…»[656]

Как можно видеть, картина является «среднестатистической» и была типична для народностей, находящихся в стадии разложения родоплеменных отношений.

В конце XIV в. — начале XV в. наблюдались массовые перемещения чжурчженьских племен, причиной которых послужили не только внутренние неурядицы, но и внешняя обстановка. Рухнувшая вместе с Юаньской династией пограничная система управления привела к политической дестабилизации региона. Монгольские кочевники стали притеснять чжуржэней, которые были вынуждены уходить на юг, к границам Минской империи, в поисках защиты и установления порядка[657].

Пограничное положение с Китаем не могло не отразиться на социально-экономическом развитии чжурчжэньским племен. Политика Минской империи по отношению к чжурчжэням исходила из главной цели — обеспечить спокойствие на ее границах. Ситуация межплеменной борьбы и межродовой разобщенности была выгодна китайскому государству, которое, умело используя и поддерживая противоречия между различными племенами чжурчжэней, старалось не допустить усиления одного из них. К тому же небезосновательным представляется предположение о стремлении Минской династии, подчинив чжурчжэньские племена, во-первых, использовать давнее монголо-чжурчжэньское соперничество для контроля над монголами, во-вторых, укрепить связи с корейскими союзниками Мин.[658] Через создание специальных округов — вэй-шу (wei-so) достигалось подчинение вождей чжурчжэньских племен Минскому двору. К периоду Ваньли (1573–1620 гг.) число округов — вэйев — достигло количества 384[659]. Подкрепленная существенными торговыми привилегиями для племенной верхушки, система вэев подрывала процессы объединения чжуржэньских племен и удерживала их в рамках подчиненных экономических связей.

Чжурчжэньские старшины, назначавшиеся на должности командующих округами, наделялись военными чинами и получали официальную печать, которая позволяла им вести торговлю как в приграничных крепостях, так

---

[656] Daičing ulus-un mongγul-un maγad qauli (True records of the Mongols of the Qing Empire. Volume 1. In Mongolian). — Hohhot, The Center of Education of Inner Mongolia publ., 2013.— P. 1.

[657] Pei Huang. New Light of the Origins of the Manchus // Harvard Journal of Asiatic Studies. — 1990. — Vol. 50, No. 1.

[658] Бербэнк Д. Купер Ф. Взлет и падение великих империй. — М.: АСТ, 2015.

[659] Мелихов Г. В. Политика Минской империи в отношении чжурчжэней (1402– 1413 гг.) // Китай и соседи в древности и Средневековье. — М., 1970. — С. 251– 271.

и в столице империи. В их функции входили охрана границ, поддержание порядка и удержание местного населения от грабежей и нападений на жителей Ляодунской провинции. Этими обязательствами исчерпывалось вассальная служба чжурчжэнских вождей.

Вполне логичным выглядело стремление чжурчжэньских вождей стать «данниками» династии Мин. При показной внешней покорности главы племен оставались самостоятельными в проведении своей внутренней политики. Обязанности, налагаемые должностью в системе приграничных караулов, не были обременительны, а выгоды, приносимые товарообменом в ходе ежегодных поездок с данью к китайскому двору, были вполне очевидными. В условиях племенных междоусобиц и постоянной необходимости утверждения власти среди родовичей наличие китайских должностей и чинов поднимало престиж и авторитет чжурчжэньских вождей и старшин внутри рода, племени, а также придавало им дополнительный статус в межплеменных отношениях. При этом чжурчжэньские старшины и вожди в борьбе со своими соперниками старались привлечь военные силы китайских наместников. Китайские власти, внимательно следившие за обстановкой в приграничных округах, время от времени принимали участие в этой борьбе, совершая карательные экспедиции, целью которых было не допустить объединения племен или усиления одного из них.

Консолидация чжурчжэньских племен была связана с деятельностью одного из племенных вождей, Нурхаци. Род Айсинь Гиоро (Нингутабэйлэ), к которому относился Нурхаци, будущий основатель Цинской империи, принадлежал племенному объединению маньчжоу, которое в сравнении с остальными племенными общностями чжурчжэней не выделялось ни многочисленностью, ни военной силой, ни богатством.

В одной из карательных экспедиций, осуществленной совместно с одним вождем суксухэского племени Никан-Вайланом, погибли дед Нурхаци Гиочанга и отец по имени Такши. Китайское правительство подтвердило наследственную передачу Нурхаци должности начальника пограничного округа, которую занимал его дед, тем самым сохранив за ним место вождя племени.

Свою политическую карьеру молодой вождь племени маньчжоу начал с мести Никан-Вайлану. Принципиально важным был сам акт кровной мести, который показал бы родственникам Нурхаци, что он способен быть главой своего рода. До тех пор пока Никан-Вайлан был жив, Нурхаци не мог пользоваться авторитетом среди своих родовичей. В обществе, где господствовали традиции и обычаи родоплеменного строя, гибель деда и отца Нурхаци должна была восприниматься как обида, нанесенная всему роду. Тот факт, что при нападении на городок-крепость погибли сразу и дед, и отец Нурхаци, лишь усугубляло положение Никан-Вайлана. С точки зрения традиционного права в глазах общества Нурхаци имел не только право на кровную месть, но это было и его прямой обязанностью. Поэтому неудивительно, что Никан-Вайланом предпринимались действия, чтобы нейтрализовать Нурхаци.

Из маньчжурских и китайских источников известно, что предпринимались неоднократные попытки покушения на жизнь молодого вождя. В «Маньчжоуши лу» есть упоминания о двух таких попытках, совершенных в 1584 г. Опуская детали подробного описания того, как Нурхаци удалось поймать убийц, мы хотели бы привести несколько выдержек из разных источников, характеризующих личные качества основателя маньчжурского государства.

«Тайцзу повалил его на землю ударом рукоятки меча и громко приказал своим людям схватить и связать нападавшего. Слуга Лоохань и другие сказали: «Зачем связывать его? Он заслуживает смерти!» Тайцзу шепотом ответил ему: «Негодяй может принадлежать какому-то вождю. Если я убью его, то хозяин обвинит нас в убийстве и со своими людьми нападет на нас. Насколько я знаю, у нас значительно меньше людей, чем у наших врагов». Поэтому он притворно спросил: «Ты, наверное, пришел украсть корову?» Тот ответил, что именно за этим и ни за чем другим. Лоохань опять сказал: «Этот человек хотел убить моего господина. Он врет, говоря, что пришел украсть корову. Мы должны убить его, чтобы проучить остальных». Тайцзу ответил: «Этот человек действительно хотел только украсть, и ничего другого». И он простил негодяя»[660].

Приведенный отрывок достаточно показателен. Очевидно, что Нурхаци не был уверен в своих силах в случае военных действий со стороны соседей, для начала которых он не хотел давать повод. Существование института кровной мести, представлений о равном возмездии и принципа коллективной ответственности, характерных для традиционного общества, вполне могли служить оправданием открытых военных действий соперников Нурхаци в случае казни преступника. С другой стороны, в глазах соплеменников решение отпустить без наказания последнего могло показать слабость главы племени маньчжоу. В этом противоречивом моменте поступок Нурхаци выглядит более чем разумным.

Второй описанный в маньчжурских источниках случай нападения раскрывает ту сложную обстановку, в которой приходилось действовать Нурхаци:

«Однажды ночью в 5-й лунный месяц Тайцзу был в своей спальне. Прислуживавшая ему девушка не спала и чем-то занималась на кухне при лампе. Вдруг свет стал ярче, а потом неожиданно погас. Тайцзу заметил это и заподозрил неладное. Надев легкую форму (кольчугу), под которой спрятал лук со стрелами, он сделал вид, что пошел по нужде в сторону наружной трубы дома. Внимательно осмотревшись, он увидел нечеткую фигуру человека. Неожиданный свет молнии осветил незнакомца совсем близко. Тайцзу пустил стрелу, которая попала в плечо разбойника, и тот побежал. Тогда Тайцзу выстрелил во второй раз, и стрела пронзила обе ноги бежавшего. Затем Тайцзу ударил врага рукояткой меча и повалил его. Когда тот

---

[660] Пан Т.А. Маньчжурские письменные памятники по истории и культуре империи Цин XVII–XVIII вв.— СПб: «Петербургское Востоковедение», 2006.

упал, его связали. Собравшиеся старшие и младшие братья и родственники сказали: «Нет смысла наказывать его, надо его убить!» Тайцзу сказал: «Если я его убью, то его хозяин обвинит меня в убийстве, со своими людьми нападет на нас и заберет провизию. Если у меня будет мало продовольствия, то мои соплеменники будут голодать, выразят недовольство и разбегутся. Если наше племя разбредется и будет разбросано, враг обязательно использует мою слабость и атакует меня. Если у нас не будет хватать луков, стрел и другого оружия, как же мы будем обороняться? А еще я опасаюсь, как бы другие племена не обвинили меня в убийстве и не начали войну. Будет разумнее, если мы простим его». Поэтому негодяй был отпущен. Его имя было Ису»[661].

Из рассматриваемого фрагмента маньчжурского источника видно, что авторитет его как вождя племени держался на успешном выполнении экономических обязанностей, а именно сохранении и распределении материальных благ. Довод о том, что враг может лишить племя запасов провизии, что в конечном счете может вызвать недовольство властью вождя, был более чем весом. В условиях междоусобиц ослабление внутреннего единства племени грозило потерей политической самостоятельности. Косвенно это также подчеркивает зависимость власти вождя от способности организовать и обеспечить условия для торговли с Китаем. Вот почему Нурхаци стремился получить как можно больше лицензий на право торговли на приграничных рынках. Известно, что в ходе поездок в Китай для поднесения дани Нурхаци привозил в большом количестве даннические грамоты, подтверждающие права на получение «даров», которыми он награждал своих сподвижников.

Слова опасения Нурхаци «как бы другие племена не обвинили меня в убийстве и не начали войну» говорят о том, что принадлежность к чужому роду присланного человека могла повлечь длинную цепочку ответственности, в ходе которой общности разного уровня, от рода до племени, могли воспользоваться правом для развязывания военных действий. В этой сложной системе кровнородственных отношений и в межплеменной борьбе формировались и оттачивались дипломатические приемы Нурхаци.

Известный маньчжуровед Т.Пан отмечает, что в более поздних текстах эта «внутриплеменная борьба сознательно не акцентировалась при создании образа первого маньчжурского правителя»[662]. Это было обусловлено необходимостью поддерживать единство в новообразованной маньчжурской общности и формирование ее идентичности. Данное обстоятельство, как было сказано выше, заставляет более критично относиться к документам на китайском языке и более пристально взглянуть на собственно маньчжурские источники, записи в которых велись одновременно с событиями наиболее раннего этапа развития маньчжурского государства. Историографиче-

---

[661] Пан Т. А. Маньчжурские письменные памятники по истории и культуре империи Цин XVII–XVIII вв.— СПб: «Петербургское востоковедение», 2006.

[662] Там же.

ский анализ, проведенный Т.Пан, Дж.Стари, М.Вайерс и др., показал, что в основе китайских текстов лежат ранние маньчжурские записи. Дополнительную ценность маньчжурскому архиву придает тот факт, что маньчжурский язык использовался в качестве секретного первыми правителями династии Цин, с целью сохранить в тайне сообщения военного характера, сведения об отношениях с Монголией, Россией и Тибетом, а также информацию о делах внутри императорской семьи[663].

Как пример неоднократных правок и редакций можно привести источниковедческое исследование известного литературного памятника «Священное учение тайцзуна Нурхаци», проведенное Дж.Стари. Проанализировав различные тексты источника, представленные в пяти версиях: наиболее ранний по происхождению источник «Jiu Manzhou dang» (часть «Старого маньчжурского архива»), тексты, представленные в «шилу» Manzhou Shilu (*Manju-i yargiyankooli*)', Wuhuangdi Shilu (*Horonggo Enduringge Hūwangdi-i yargiyankooli*), и две версии, подвергнувшиеся ревизии в период правления Канси и Цяньлуна, он пришел к заключению, что при оценке аутентичности и исторической ценности «Священного учения тайцзуна Нурхаци», можно с должной мерой надежности опираться только на маньчжурский источник «Jiu Manzhou dang». Как пишет ученый: «Если мы хотим знать, чему, по-видимому, действительно учил Нурхаци, мы должны обратиться к записям в Jiu Manzhou dang, которые во многих случаях показывают заметные отличия от «Учений». В настоящее время только 22,5% «Учений» можно считать оригинальными (и частью оригинальной маньчжурской литературы)».[664]

Далеко не последнюю роль сыграло знакомство Нурхаци с китайской культурой. По сведениям некоторых китайских источников, покинув в 19 лет отцовский дом из-за разлада с мачехой, он несколько лет жил при дворе Ли Чэнляна, минского наместника на Ляодунском полуострове, сопровождал его в официальных поездках, выучил китайский язык и получил некоторые знания в области китайской истории и военного дела[665]. Как нам кажется, именно этим следует объяснить те нестандартные «инновационные» решения Нурхаци, которые резко контрастировали с методами и средствами племенной политики. Обладая незначительными ресурсами, Нурхаци был вынужден рассчитывать не столько на военные методы, сколько на дипломатические средства.

После того как Нурхаци сумел отомстить своему обидчику Никан-Вайлану, имея всего 13 латников, его престиж и авторитет резко возрос не только внутри родного племени, но и среди других чжурчжэньских племен. Это способствовало добровольному переходу на сторону Нурхаци некоторых

---

[663] Rawski E. S. The last emperors: A social history of Qing imperial institutions. — Univ. of California Press, 1998. — P. xxi.

[664] Stary G. Some Preliminary Remarks on the Authenticity and Historical Value of Qing Taizu Nurhaci's «Holy Teachings» (The Manchu version — Enduringge tacihiyan) // Central Asiatic Journal. — 2005. — Vol. 49, No. 1.

[665] Кузнецов В.С. Нурхаци — основатель маньчжурского государства//Дальний Восток и соседние территории в Средние века. / Отв. ред. Е.И.Деревянко.— Новосибирск: Наука, 1980.

родовых старшин, который сопровождался произнесением клятв и заключением договоров, в честь чего устраивались многодневные пиры. Эти старшины были окружены вниманием, к ним относились как к равным, им оказывали всемерное уважение и почет. Не скупился Нурхаци и на щедрые подарки, для того чтобы расположить к себе племенных вождей. Выбранная Нурхаци тактика находит аналогии с методами и средствами политики китайского двора в отношении «северных варваров», для которой церемония «дарения» и «отдаривания» племенных вождей была характерной чертой.

С укреплением своих сил Нурхаци начал покорение малочисленных и слабых племен. Процесс консолидации чжурчжэньских племен проходил в рамках зарождающего маньчжурского государства. Конкретный механизм кооптации родов и племен был очень сложен. Общность языка и быта была условием наиболее важным, но явно недостаточным. На фоне типичной картины междоусобиц — разоренных хозяйств, увода в плен и дальнейшего порабощения — политика, проводимая Нурхаци, явно отличалась. Для большинства населения, захваченного маньчжурами, создавались благоприятные условия для обустройства на новом месте, им предоставлялись земли, скот, сельскохозяйственный инвентарь. Племенная верхушка, старейшины и главы родов не были ущемлены в своем статусе, а органично встраивались в общую структуру управления.

Успехи Нурахци, усилившие цзяньчжоуское объединение, в условиях даннической системы Мин не могли не вызвать беспокойства у соседних племен. Округ Цзяньчжоу занимал выгодное политическое и экономическое положение. По территории этого округа пролегали торговые маршруты к приграничным рынкам Китая. Посредничество Нурхаци в отношениях с Китаем не отвечало интересам остальных племенных вождей. В 1593 г. коалиция из девяти племен во главе с Ехэ напала на владения Нурхаци, но атака была отбита. Это событие подняло авторитет и значительно усилило влияние Нурхаци на чжурчжэньские племена.

Дальнейший рост экспансии был направлен на присоединение всех чжурчженьских племен и обусловлен не только с политическими, но и экономическими причинами. Увеличение собственной экономической базы было постоянно актуально для зарождающегося государства. В первую очередь это касалось людских ресурсов, в которых постоянно испытывался недостаток.

С 1583 по 1626 гг. большинство чжурчжэньских племен были объединены под властью маньчжуров. Расширение и включение большого количество разноплеменного населения потребовало реорганизации системы управления. Попытки удержать власть над племенами и утвердить ее привели к тому, что прежний принцип конфедеративности был постепенно сменен на более централизованную власть. Политическая организация чжурчжэньского общества усложнялась в сторону образования государства вместе с ее военными успехами. Расширение за пределы собственно чжурчжэньских территорий, рост могущества маньчжурской политики не могли не за-

тронуть интересов соседних монгольских племен, в отношении которых мы можем наблюдать проведение той же гибкой политики Нурхаци.

Первым монгольским племенем, с которым был заключен союз, были хорчины, ввиду этого получившие наибольшее привилегии и особое положение в знаменной системе. «Тогда же, в июне, на аудиенцию к маньчжурскому хану прибыл хорчинский бэйлэ Ууба. Прием его, как «бэйлэ другого государства», был обставлен с большой пышностью. Нурхаци лично выехал встречать хорчинского бэйлэ за десять ли. В честь Ууба при маньчжурском дворе неоднократно устраивались пиры, он получил щедрые пожалования; по его просьбе ему была дана в жены дочь тайджи Ту-луня, и он получил титул хэшо эфу (императорский зять). После десятидневного пребывания при дворе хана Ууба, обменявшись с Нурахаци клятвой верности, выехал обратно. На берегу Хуаньхэ он произнес клятву: «Во веки веков не забуду милости. Если изменю союзу, да падут навечно все беды на мою голову»»»[666]. Исследователями подчеркиваются распространенность в практике межплеменной дипломатии таких ее средств, как произнесение клятв и брачные союзы, особое значение которым придавалось Нурхаци при установлении политических союзов с вождями племен[667].

В 1601 г. Нурахаци провел реформу системы военного и административного управления. Были созданы крупные соединения войск, так называемые знамена. Первоначально было четыре знамени (желтое, красное, белое и синее), которые затем, в 1614 г., с созданием еще четырех так называемых пограничных знамен были преобразованы в восьмизнаменную армию. Во главе этих знамен Нурхаци назначил своих сыновей Дайсаня, Мангултая, Хунтайцзи и племянника Амина (второй сын Шурхаци, младшего брата Нурхаци). Эта система знамен удачно совмещала в себе военные и гражданские элементы управления. Как отмечает Г.В.Мелихов, «это была специфическая маньчжурская система, зачаток той системы государственного управления, которая позднее развилась у маньчжуров, уже при заимствовании определенных реалий у соседнего минского Китая»[668].

Основной единицей знаменной системы стали ниру. Они представляли собой сложную военно-хозяйственную организацию. Численность ниру составляла 300 солдат, сюда причислялись также члены их семей. Слово «ниру» в переводе с маньчжурского языка означает «стрела». Изначально это было название группы людей, вооруженных луками и стрелами и задействованных в проведении облавной охоты. Из 15 ниру составлялся один чжалан (полк). В свою очередь 5 чжаланов образовывали знамя. Фактическое количество часто не совпадало с номинальным, временами существен-

---

666 Ермаченко И.С. Политика маньчжурской династии Цин в Южной и Северной Монголии в XVII в. — М.: Глав. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1974.

667 Di Cosmo N. From Alliance to Tutelage: A Historical Analysis of Manchu-Mongol Relations before the Qing Conquest //Frontiers of History in China. — 2012. — Т. 7. — №. 2; Ермаченко И.С. Политика маньчжурской династии Цин в Южной и Северной Монголии в XVII в. — М.: Глав. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1974.–193 с.; Мелихов Г. В. Маньчжуры на Северо-Востоке (XVII в.). М.: Наука, 1974.

668 Мелихов Г.В. Маньчжуры на Северо-Востоке (XVII в.). М.: Наука, 1974.

но отличаясь. «В тот год под власть хана пришло много племен. Из 300 мужчин формировали одну роту, в каждой роте назначался командир. Испокон веков в нашем народе, отправляясь в поход или выступая на облавную охоту, привлекались все роды и семьи, независимо от количества людей. Во время облавной охоты каждый имел стрелы, над каждыми десятью человеками назначался командующий и каждый придерживался своей (роты). Тот назначенный человек стал называться командиром роты, впоследствии это название закрепилось за командующим офицером».[669]

В отличие от Г.В.Мелихова, Д.Фаркуар подчеркивает, что источником многих наиболее важных нововведений маньчжуров, связанных с их первоначальными завоеваниями, была вовсе не китайская культура управления, а монгольские институты XVI века и более раннего времени. Он опровергает мнение о происхождении знаменной организации от минской приграничной оборонительной системы вэй-шу и обращает внимание на схожесть ключевых подразделений знаменных войск с монгольскими. Так, в частности, «ниру» находит аналогии с монгольским «хошунном» XIII–XIV вв. Слово «ниру» означает «стрела», и воинское подразделение с этим наименованием не было известно в Восточной Азии. Но среди монгольских народов стрела является атрибутом власти и символом верности произнесенной клятве. Знамя (gusa) по устройству было идентично с монгольским хошуунами уже XVI века. Это выражалось в том, что как знамя, так и хошун представляли собой неопределенное количество боеспособных мужчин родового коллектива. Точная численность воинов в знамени была установлена только к 1615 году. Как и глава знамени (бэйлэ), предводителем хошуна был назначаемый ханом ближайший родственник. Должности аппарата управления знаменем, такие как амбань (amban), бэйдэши (beidesi или dutiesi) и бакши (baksi), были смоделированы по монгольскому образцу и находили аналогии с существовавшими у монголов чинами сайд (sayid), джаругачи (jaryuci) и багши (baysi) соответственно[670].

Действенность и жизнеспособность созданной знаменной системы заключалась в том, что в условиях племенной организации чжурчжэньского общества она снимала противоречия, возникавшие в процессе объединения. Она также заложила прочный фундамент для формирования маньчжурского этноса.

Нурхаци, столкнувшись с проблемой объединения разрозненных племен, принял простое, но в то же время очень эффективное решение. Формирование знамен разрушало племя как крупную общественную структуру, что предотвращало племенной сепаратизм и выстраивало надплеменную систему. С другой стороны, более мелкое подразделение, ниру, состояло из членов кровнородственного коллектива. Эта форма не нарушала единства

---

[669] Daičing ulus-un mongγul-un maγad qauli (True records of the Mongols of the Qing Empire. Volume 1. In Mongolian). Hohhot, The Center of Education of Inner Mongolia publ., 2013.

[670] Farquhar D. M. Mongolian Versus Chinese Elements in the Early Manchu State//Ch'ing-shih wen-t'i. — 1971. — T. 2. — №. 6.

более мелкой родовой организации. Во главе ниру оставались вожди или старейшины завоеванных или присоединенных племен и родов[671]. При этом вошедшие в состав государства племена, как отмечалось выше, уравнивались в правах с маньчжурским населением.

Так, можно привести пример с племенем Ехэ, все взрослое население которого составило 18 ниру. Эти ниру были распределены по разным знаменам[672]. Таким образом, «ехэское» общество, раздробленное на мелкие единицы родственных групп, прекратило свое существование.

Такая организация войск должна была, несомненно, сплотить разнородные в этническом и культурном плане племенные группы, предложив им объединиться вокруг общеполитической цели нового маньчжурского государства, таким образом сняв имевшиеся среди племенных групп чжурчжэней противоречия.

В то же время восьмизнаменная организация населения стала базой для формирования новой коллективной идентичности. «Наряду с племенами маньчжурского сейма и хулуньского объединения в состав ниру восьми маньчжурских знамен включались другие группы населения — предки современных нанайцев (гольдов), удэгэйцев и орочей. Маньчжурские ниру комплектовались также из близких к монголам неманьчжурских племенных групп, таких как солоны, к которым с полным основанием можно отнести и сахарча, хуярча, хурхунь, людей из местности Чжань и др. Наконец, имеются прямые свидетельства о том, что в состав маньчжурских знамен входили ряд ниру, составленных из собственно монголов. Все эти элементы активно ассимилировались маньчжурами»[673].

В то же время были утверждены новые должности — амбань и бэйлэ. Первыми амбанями (советниками) в 1613 году были назначены зятья Нурхаци[674]. Создание института амбаней преследовало цель ограничить власть бэйлэ — князей, командовавших знаменными войсками. Рассматривая, данные им войска как собственность, принадлежащую лично им, они представляли собой потенциальную угрозу власти хана — возможным выходом из-под контроля. Случай с наследным принцем Цуенем, старшим сыном Нурхация, подтвердил эти опасения, наглядно продемонстрировав реальность такой угрозы.

При сохраняющихся родоплеменных традициях Нурхаци неизбежно должен был столкнуться с проблемой утверждения своей власти среди сородичей и других племен, с необходимостью преодоления элементов воен-

---

671 Барфилд Т.Дж. Опасная граница: кочевые империи и Китай (221 г. до н. э. — 1757 г.н.э.) / пер. Д.В. Рухлядева, Б.В. Кузнецова. — СПб: Ин-т восточных рукописей, 2009; Мелихов Г.В. Некоторые вопросы консолидации маньчжурской народности при Нурхаци и Абахае (1591–1644 гг.) // Маньчжурское владычество в Китае. М., 1966.

672 Мелихов Г.В. Маньчжуры на Северо-Востоке (XVII в.).— М.: Наука, 1974.

673 Мелихов Г.В. Некоторые вопросы консолидации маньчжурской народности при Нурхаци и Абахае (1591–1644 гг.) //Маньчжурское владычество в Китае. — М.: Наука, 1966

674 Wakeman F. E. The great enterprise: The Manchu reconstruction of imperial order in seventeenth-century China. — Univ. of California Press, 1985. — V. 1.

ной демократии. Новая власть должна была дистанцироваться от общества, преодолев эгалитарность его характера.

В начальный период своей деятельности Нурхаци правил вместе со своим младшим братом Шурхаци. Неизбежная концентрация власти в одних руках по мере расширения владений маньчжурского государство создала оппозицию власти Нурхаци. Открытое недовольство, выказываемое Шурхаци, привело к тому, что в 1611 году он был казнен.

При реализации своих смелых замыслов, которые шли в противоречие с узкими интересами племенной аристократии, Нурхаци должен был опираться на людей с новым прогрессивным мышлением, не обремененных грузом традиционных представлений о коллективной власти. Главными помощниками и наставниками в новом деле стали лама Эрдэни бакши и Гагай-дзаргучи. Эти люди, родившиеся и выросшие на маньчжуро-монголо-китайском пограничье, будучи носителям в равной мере трех разных культур, смогли осуществить сложный акт межкультурной адаптации и синтезировать основные элементы маньчжурского государства[675]. Эрдэни бакши и Гагай-дзаргучи были теми, на чью долю выпали первые важные шаги в становлении маньчжурского государства, в частности, по заданию Нурхаци в 1599 году они приспособили для записей маньчжурского языка старомонгольскую письменность.

Именно эта деятельность сделала их уязвимыми для нападения со стороны соперничающих групп и позволила позже обвинить их в продвижении интересов чужой культуры. Гагай был уволен с должности в 1623 году, а Эрдени был казнен в 1623 году за недоказанные преступления. Пердью предположил, что, возможно, они стали жертвами ложных слухов, распространявшихся бэйлэ, которые возмущались их близостью с восходящим ханом[676].

В 1616 г. Нурхаци провозгласил создание новой династии *Поздняя* Цзинь, присвоив себе титул хана. Он правил под *девизом «Абкай Фулинга» (Благословенный Небом).* В соответствии с общепринятой традицией был принят новый календарь, летоисчисление в котором велось по годам правления императоров. Этот шаг придал Нурхаци новый статус и, конечно, способствовал утверждению принципа единовластия.

В 1621 г. маньчжурское государство стало именоваться Да Цзинь (Великое Золотое). В этом же году Нурхаци перенес маньчжурскую столицу в завоеванный Ляоян. Весьма показательна дискуссия относительно новой столицы, в которой новое государственное и геополитическое видение правителя одержало верх над коллегиальной позицией реакционного характера: «Хан собрал нойонов и сановников, чтобы посоветоваться: переселиться ли в дарованный Небом город Ляоян, вернуться ли в свои земли. Все нойоны и сановники изъявили желание вернуться назад. Тогда хан изрек: «Управление государством подразумевает управление землями и людьми.

---

[675] Perdue P. C. China marches west: the Qing conquest of Central Eurasia. — Harvard University Press, 2009. p.

[676] Ibid.

Если мы сейчас вернемся на наши земли, враг снова займет город Ляоян. Люди окрестностей разбегутся по горным ущельям и сгинут там. Если мы бросим новые земли и вернемся, то это станет хорошим залогом для повторного похода. Нам следует остаться жить на земле, пожалованной нам Небом. Это хорошая земля, находящаяся между тремя государствами: Мин, Кореей и Монголией». Нойоны и сановники одобрили эти слова и послали человека за супругами»[677].

Отношения маньчжуров с соседними монгольскими племенами сыграли решающую роль в укреплении Цинского государства с самого раннего периода. Родство и идеологическая близость связывали их тесным узами. Сам Нурхаци ввел в широкую практику брачные союзы и обмен наложницами с главами монгольских племен. В то же время монголы выступали в качестве конкурирующей силы, и без их подчинения завоевание Северного Китая представлялось невозможным. Объединенные силы монголов могли нанести серьезный урон маньчжурам. Поэтому Нурхаци и его сын Хунтайчжи старались не допустить союза монгольских племен. Для этого маньчжуры принимали деятельное участие на той или иной стороне в возникающих среди монгольских князей спорах, оказывали помощь одним в борьбе против других, присваивали титулы, дарили дорогие подарки, заключали клятвенные союзы. Цель политики дробления монгольских сил была ясно выражена в словах Нурхаци: «Жизнь монголов стала подобна этой дождевой туче. Когда собираются тучи, идет дождь. Когда объединяются монголы, они выступают в поход. Роспуск их войска подобен тому, как тучи рассеиваются и дождь прекращается. После того как их объединенное войско разойдется, мы найдем его по следам и захватим»[678]. Это стало одним из главных принципов дальнейшей политики маньчжуров в отношении монгольских племен.

С другой стороны, интересы маньчжурского государства требовали не только защиты своих границ, но и привлечения дополнительных военных ресурсов, которые могли предоставить монголы. Эффективная дипломатия Нурхаци, заключавшаяся в создании благоприятных условий интеграции новых племен и щедрых пожалованиях союзникам, привела к повышению его авторитета в степи, закрепленного в титулах правления. Так, в 1605 г. хан щедро одарил сына предводителя баягудского отука халха-монголов Дархан-багатур-нойона Энгэдэр-тайджи, прибывшего на поклон с данью. В ответ на это год спустя Энгэдэр-тайджи вместе с послами нойонов монгольских пяти халхаских отуков доставил верблюдов и лошадей. В знак поклонения они присвоили Нурхаци титул «хундулэн-хан», что означает «уважаемый хан». Это титул отразил идеал многонационального правителя, или универсального хана.

После основания Нурхаци собственной династии в монгольской правовой традиции был закреплен за ханом титул «Тнгри-дэчэ-Джиягату» (ни-

---

[677] Daičing ulus-un mongγul-un maγad qauli (True records of the Mongols of the Qing Empire. Volume 1. In Mongolian.). Hohhot, The Center of Education of Inner Mongolia publ., 2013.

[678] Ibid.

спосланный Небом), служащий эквивалентом маньчжурского названия девиза правления «Абкай фулинга» («Небом благословенный»).

Консолидация и усиление маньчжурской династии происходило в условиях господства традиционных представлений о межплеменных отношениях в степи, в связи с чем основным средством маньчжуро-монгольской дипломатии являлись клятвы, призванные обеспечить сакральный характер достигнутых договоренностей и в то же время часто нарушавшиеся. Как правило, подобные клятвы периода Нурхаци отражали ситуативную заинтересованность монгольских племен в консолидации с маньчжурским государством, регламентируя вопросы торговых отношений с другими племенами и Китаем, а также совместных военных действий.

Примером такой клятвы является договор о перемирии между Нурхаци и нойонами пяти халхаских отуков 1619 г.: «…затем, разложив по чашам водку, мясо, кровь, кости и землю, они поклялись перед Небом и Землей: «Отныне нойоны, управляющие десятью хошунами маньчжурского государства, и нойоны, управляющие пятью отуками монгольского государства, будут пребывать в мире по милости Неба и Земли. Вместе будем воевать против минского государства, с давних пор являющегося нашим заклятым врагом. Если когда-либо возникнет необходимость вступить в перемирие с Минским государством, то, обсудив этот вопрос, вместе присоединимся. Если Маньчжурское государство, нарушив клятву, без согласования с нойонами пяти отуков вступит в перемирие с Минским государством, если Минское государство подошлет тайно человека с целью внести раздор между нами, если мы не скажем об этом нойонам пяти отуков, пусть нас осудят Небо и Земля. Пусть станет короче жизнь нойонов, управляющих десятью маньчжурскими хошунами, подобно этой крови прольется их кровь, подобно этой земле их накроет землею, подобно этим костям кости их побелеют. Если же Минское государство пошлет человека к нойонам пяти отуков Монгольского государства с предложением перемирия, а нойоны об этом не доведут до сведения светлейшего хана маньчжурского государства, то нойоны пяти отуков — Дугурэн-хун-багатур, Ууба-дайчин, Эсан, Бабай, асудский Мангулдай, Эбугэдэй-тайджи, Убаши-Дугурэн, Гурбуши, Дай-дархан, Мангулдай-дайчин, Бидэнту, Елдэн, Чогэхур-дархан-багатур, Энгэдэр, Сангарджай, Бутачи-дугурэн, Сангарджай, Баярту, Дорджи, Нэйчи, Уйджэн, Улджэйту, Бурхату, Этэн, Элджигэ — будут наказаны Небом и Землей. Жизнь их укоротится, подобно этой крови, кровь их прольется, подобно этой земле, накроет их землей, подобно этим костям, их кости побелеют. Если мы, два народа, будем придерживаться этой клятвы, то Небо и Земля будут к нам благосклонны, будем пить водку, как пьем сейчас эту водку, будем есть мясо, как едим сейчас это мясо. Жизнь нойонов наших государств удлинится, потомство наше будет размножаться на протяжении ста поколений и прибывать в течение десяти тысяч лет. Наши два народа будут как единое государство пребывать в мире и спокойствии.»» При этом карательные санкции, обрушившиеся на халхаских князей, нарушивших

клятвенный договор, свидетельствуют о возросшей мощи маньчжурского государства, формирующего новые правовые правила международных отношений в степи. В 1626 г. Нурхаци с нойонами, сановниками и большим войском выступил в поход на халха-монголов пяти отоков в ответ на нарушение клятвы последними: «Ранее хан с халхаскими нойонами пяти монгольских отуков принесли клятву Небу и Земле о том, что в случае нападения на государство Мин будут делать это вместе, в случае заключения мира — также вместе. Халхаские нойоны пяти монгольских отуков нарушили данную клятву, установив связь с Минским государством. Они убили людей из наших почтовых станций и, доставив в Минское государство их отрубленные головы, получили большое вознаграждение. Также они неоднократно отбирали скот и имущество у наших послов».[679]

В то же время во взаимоотношениях с Минским Китаем политическая мудрость, проявленная Нурхаци, возвышается над традициями степной политики опасного пограничья. Осторожная политика предполагала решение вопросов укрепления экономического положения государства прежде активных внешнеполитических действий в направлении Поднебесной. Красноречивым подтверждением этому служит описание инцидента, произошедшего из-за решения выдать младшую сестру Буянгу-нойона из племени ехэ, обещанную хану, за Мангулдая, сына халхаского предводителя Багадархан-нойона. Подобная несправедливость вызвала мгновенную реакцию со стороны аристократического окружения Нурхаци, призывавшего к немедленной отправке войск. «Нойоны и сановники сказали: «Обещанную хану девушку, достигшую 33 лет и в течение 20 лет находившуюся в княжестве Ехэ под стражей войска Минской империи, ехэские Гинтайши и Буянгу, доверившись, отдали монголам. Нам следует выступить в поход на Минскую империю…» На это хан ответил: «Мне следовало бы собрать войско, поддавшись вашим уговорам. Но я четко представляю себе это дело, и у меня нет сомнений на этот счет. Хозяин — это тот, кто владеет целым народом. Если мы будем наказывать или защищать, не разбирая, кто прав, кто виноват, если мы будем зря применять силу, то пойдем наперекор воле Неба. Пусть они защищают отвергнутое Небом княжество Ехэ. Вы не торопитесь. Если мы сейчас пойдем на империю Мин, за наше правое дело Небо простит нас. Если Небо будет к нам благосклонно, мы одержим победу. Но, поскольку у нас нет собранного зерна, нам нечем будет кормить пленных людей и захваченный скот. Если мы решим содержать их, наш народ будет обречен на страдания. Нам следует собрать свой народ, построить крепости для укрепления наших земель, засеять поля хлебом и собрать урожай»»[680].

Таким образом, можно утверждать, что синтез культур, возникший на пограничье северо-востока Китая, стал прочной основой для формирования маньчжурского государства, формирующего новые правовые правила международных отношений в степи.

---

[679] Daičing ulus-un mongγul-un maγad qauli (True records of the Mongols of the Qing Empire. Volume 1. In Mongolian.). Hohhot, The Center of Education of Inner Mongolia publ., 2013

[680] Daičing ulus-un mongγul-un maγad qauli (True records of the Mongols of the Qing Empire. Volume 1. In Mongolian.). Hohhot, The Center of Education of Inner Mongolia publ., 2013.

чжурской государственности. Обстановка, сложившая на рубеже XVI–XVII вв. в северо-восточном Китае, способствовала консолидации чжурчжэньских племен. Минский Китай, охваченный чередой восстаний, не мог уделять пристального внимания приграничной политике. Разобщены были и монгольские племена. Вполне закономерным выглядело то, что находившиеся на стадии разложения родоплеменных отношений племена чжурчжэней должны объединиться в ходе междоусобных войн в рамках некой государственной общности, но несомненно то, что именно Нурхаци сумел придать этому процессу определенную логику и воплотить в реальность потенциальные возможности.

Нурхаци в своем завещании не указал имени того, кому бы он хотел передать свою власть, хотя впоследствии и имели место слухи, что он выбрал своим наследником Доргоня, своего сына от императрицы Сяо-леу (*Абахай*). Вместо этого он призвал к созданию коллективного органа управления — совету бэйлэ: «Тот, кто меня сменяет, не должен быть тем, кто полагается на силу. Если такой человек станет правителем, я боюсь, что, полагаясь на силу своего положения, он обидит Небеса. Кроме того, мудрость одного человека не может сравниться с мудростью многих. Вы, восемь человек, являетесь лидерами восьми знамен, и если вы сможете управлять страной с общей целью, то ничего не будет потеряно». Нурхаци установил, что совет из восьми бэйлэ будет поочередно возглавляться одним из них. Все решения должны были приниматься коллегиально.

Возможно, данное решение являлось компромиссным, связанным со стремлением уравновесить силы и интересы своих наследников. Назвав имя своего преемника, он оттолкнул бы от него других, которые имели не меньшие заслуги и права на трон. Каждый из них принимал активное участие в военных кампаниях и управлении, решал ответственные задачи, возлагаемые их отцом Нурхаци.

Маньчжурское государство вступило в период борьбы за власть. В нем сразу же обозначились противоречивые тенденции, которые столь характерны для обществ, находящихся в процессе политической трансформации, на пути становления к государству с полноценным бюрократическим аппаратом. В первую очередь угрозу зарождающемуся государству представлял возврат к старым, племенным формам правления. В случае отсутствия сильной единоличной власти бэйлэ превращались бы в самостоятельных правителей, что, безусловно, предвещало распад созданного Нурхаци государства.

Хун Тайчжи[681] (1592–1643), восьмой сын Нурхаци, был верным последователем централизации власти. Как командующий белым и белым с каймой

[681] В отечественной историографии более известен под именем Абахай. Однако, как показано в работах Т.А.Пан и Дж. Старри, в действительности личное имя маньчжурского императора было Хун Тайчжи (Hong Taiji). Впервые на это обратили внимание китайские и японские ученые, указав на отсутствие употребления имени Абахай в маньчжурских и китайских источниках. См. например, Chen Chieh-hsien. A study of the Manchu Posthumous Titles of the Ch'ing Emperors, in Central Asiatic Journal XXVI/3–4, (1982).

знаменами, он имел решающее преимущество в борьбе за право на верховную власть. Действуя совместно со старшими бэйлэ, он сумел упредить создание союза младших бэйлэ, Доргоня, Додо и Ацзиге, сыновей Нурхаци от брака с Сяо-леу, каждый из которых по его завещанию должен был получить по знамени. В нарушение завещания Ацзиге не стал во главе одного из знамен. Хун Тайчжи произвел замены знаменных корпусов. Два его знамени были отданы Доргоню и Додо, вместо них он получил знамена желтого и желтого с каймой. Последние ранее находились в подчинении у Нурхаци и, согласно его последнему слову, должны были перейти к Доргоню и Додо. Надо заметить, что в период династийных кризисов, возникавших в силу разногласий относительно престолонаследия, знаменные войска приобретали большое значение. Количество знамен, поддержавших того или иного претендента на власть, было решающим фактором.

В ходе следующего этапа борьбы Хун Тайчжи удалось привлечь на свою сторону старшего бэйлэ Дайшаня и его сына Йото, которые согласились признать его ханом.

В 1627 году Хун Тайчжи был провозглашен ханом (*Bogd Sécén Khaan*) династии Поздняя Цзинь. Но угроза его личной власти продолжала существовать, хотя и не выражалась открыто. Хун Тайчжи предпринял ряд мер. Он отстранил от руководства знаменами старших бэйлэ, а также отменил чередование бэйлэ на посту главы Совета великих князей. Далее он расправился с бэйлэ Амином, сыном младшего брата Нурхаци, арестовал своего единокровного брата Мангултая и добился от бэйлэ Дайшаня обещания отказаться от власти. Таким образом, он удалил всех возможных претендентов на власть среди племенной знати, но не устранил самой угрозы. Для того чтобы ослабить власть родоплеменной верхушки, он начал активно привлекать к управлению китайских чиновников. В 1631 году была учреждена система так называемых «Шести ведомств» (ведомство по дворцовым делам, ведомство финансов, ведомство религии и ритуалов, ведомство юстиции, военное ведомство и ведомство по организации общественных работ), очевидно, созданная по образу и подобию минской бюрократической системы, хотя и здесь прослеживается инерция родоплеменного мышления. Первоначально при назначении главы каждого ведомства Хун Тайчжи руководствовался старыми принципами организации управления и рассматривал их как своего рода уделы: главой каждого ведомства должен был быть один из его родственников, хотя это руководство было, очевидно, только номинальным[682].

Более того, он пошел на создание китайских знамен, чтобы уравновесить военную мощь бэйлэ. Новые знамена подчинялись непосредственно императору.

Вместе с тем Хун Тайчжи должен был восстанавливать свой авторитет среди отдельных вассальных иноплеменных князей, у которых, вероятно,

---

[682] Farquhar D. M. Mongolian Versus Chinese Elements in the Early Manchu State //Ch'ing-shih wen-t'i. — 1971. — V. 2. — №. 6

господствовало представление о персонифицированном подданстве, характерном для раннего этапа кочевых империй и ослабевшем со смертью Нурхаци. Подобная тенденция проявилась во взаимоотношениях Хун Тайчжи и хорчинского бэйлэ Уубы, возведенного предыдущим маньчжурским правителем в ранг тушэту-хана. В письме Хун Тайчжи порицались нарушения подданства, допущенные Уубой: «Вы, отец и сын, поддерживали войско Ехэ и выступили на нас в поход. Однако Небо было на нашей стороне. После того как наше войско отправилось к горе Ухэр в княжестве Ула, вы, отец и сын, снова поддержали войско ула. Затем, защищая Ехэ, вы убили нашего адъютанта Буянгу. Ваше неподчинение воле Неба стало неискупимым грехом, в связи с чем следовало немедля выступить на вас в поход. Однако хан, отец мой, обладая великой душой, заботясь о большом государстве, пошел с вами на перемирие, ведя переговоры через послов, и принес клятву Небу и Земле. После этого договорился о личной встрече, с тем чтобы обговорить вопросы перемирия, но, когда хан-отец прибыл в условленное место, ты не появился. Твой первый недостаток в лживости. Когда чахары, желая убить тебя, пришли с войском, мы отправили свое войско в помощь к Нунган-субургану. Чахары были вынуждены отступить от почти уже сдавшегося твоего города. Был бы ты сейчас жив, если бы тогда не прибыло наше войско? После того как чахары ушли, ты приехал поблагодарить, и хан-отец, милостиво пожаловав тебе принцессу, а также золото, перламутр, пушнину, шелка, доспехи и другие необходимые вещи, отправил назад. Он оказал тебе такие почести, а ты не отплатил ему и малой толикой. После того как хан отец покинул этот мир, многие народы скорбели, отправляли своих сановников, сыновей и младших братьев с соболезнованиями. Ты же лишь по истечении двух месяцев отправил никудышного послушника. Твой второй недостаток в неблагодарности. Не думая о твоих недостатках, он отправил тебе принцессу, думая о большом государстве. После этого ты лишь весной прислал восемь больных и слабых лошадей. Ты только знаешь, как брать у других и ничего не отдавать. Твой третий недостаток в алчности. Ты не выдал нам человека, убившего Хэри, который доставил принцессу. Ты до сих пор не искупил вину за то, что отобрал жену Хэшигту. Твой четвертый проступок в том, что ты унизил нас. Ты сказал, что за вину Эгу отдашь скот, если же не будет скота, ты отправишь самого Эгу. Ныне нет ни скота, ни Эгу. Твой пятый проступок в том, что ты обхитрил и унизил нас. Дом твоей виновной жены находится перед домом нашей принцессы. Ты все время твердишь о том, что твоя виновная жена — потомок великих людей. Какой хан тебе пожаловал ее? Какого ранга нойон ее родственник? Родной дядя твой по отцовской линии убит. Разве ты сам не опасаешься за свою жизнь? Раз ее родственники-чахары хотят убить тебя, по какой причине эта женщина занимает более высокое положение? По какой причине наша принцесса ниже ее? Это твой шестой проступок. Ты нарушил клятву, данную ранее: «Если вступать в перемирие, то вместе, если идти войной, то вместе». Ты несколько раз отправлял людей вести торговлю с ненавистными китайцами. Твой седьмой недостаток в ненадежности и хитрости. Желая получить от чаха-

ров ответ, ты несколько раз отправлял к ним послов. Когда наше войско выступило в поход, ты не присоединился. Твой восьмой недостаток в том, что ты не держишь слово. Когда Манджушири отправил к тебе человека с сообщением о месте, где ты должен присоединиться с войском, ты выразил согласие участвовать в походе, но не сказал, где конкретно присоединишься. Ты решил сказать, что начал грабить чахаров с одного края. В этом девятый твой проступок. Раньше мы думали, что Хонгор-нойон сеет смуту, а ты надежен. С тем чтобы сблизиться и породниться с тобой, мы отдали тебе принцессу. После кончины хана-отца Хонгор-нойон первым отправил своего сановника с соболезнованиями. Ныне он отправил в назначенное место своего сына. Сравнение показывает, что у тебя нет достоинств. Ты нарушил клятву, данную Небу и Земле. Откуда нам знать, что ты говорил, когда дважды отправлял гонцов ненавистным китайцам? Как после этого тебе верить?»[683] После того как Ууба полностью признал свою вину и принял обязательства выплатить соответствующие компенсации, он был прощен Хун Тайчжи.

Укрепление маньчжурского государства было связано с дальнейшими военными успехами. Хун Тайчжи продолжил подчинение оставшихся чжурчжэнских племен, одновременно с этим он совершал походы в Китай и Корею, чередой военных кампаний добился вхождения монгольских племен в состав маньчжурского государства. Содержание внешнеполитической доктрины Хун Тайчжи отражено в его письме монгольскому найманскому Гунчус-багатуру в первый год правления: «Мы всегда придерживаемся порядка. На хороших людей не нападаем, плохих людей не боимся. Мы по прихоти не выступаем в поход. Если нам сильно досаждают, мы взываем к Небу и спрашиваем его волю. Почему мы воюем с китайцами? Когда мы хотели жить с ними в мире, они прислали войско для защиты княжества Ехэ, просватанную нам девушку отдали монголам, не дали людям, живущим по окраинам наших крепостей, собрать урожай, подожгли дома. Поэтому мы начали войну против китайцев. Почему мы воюем с халха? Изначально жили с ними мирно, но Джайсай разграбил наш город Уджала, а посланного нами посла казнил. Баг-дархан, отдав просватанную нам девушку за своего сына, развязал войну. После того как мы поймали Джайсая, нойоны пяти халхаских отуков, желая жить с нами в мире, поклялись Небу и Земле: «Если будем воевать против китайцев, то вместе, если пойдем на перемирие — тоже вместе. Если маньчжуры или халха, польстившись на красивые китайские вещи и искусные слова, заключат с китайцами мир, то пусть это будет грехом». Халха, преследуя свою выгоду, убили людей из наших почтовых станций, отдали их головы китайцам, неоднократно угоняли скот. Тем не менее мы продолжали сохранять добрые отношения, но в прошлом году, когда мы отступили после неудачного похода на город Нинъюань, халха, думая, что наше войско уничтожено, решили отправить воинов на помощь китайцам.

---

[683] Daičing ulus-un mongγul-un maγad qauli (True records of the Mongols of the Qing Empire. Volume 1. In Mongolian.). Hohhot, The Center of Education of Inner Mongolia publ., 2013. — P. 43.

Направившись в нашу сторону, они неоднократно грабили и убивали наших послов, следовавших к хорчинам. Поскольку таким образом они нарушили клятву и испортили с нами отношения, мы начали войну против халха. Почему мы воюем с корейцами? Изначально мы жили с ними в согласии. Когда они без причины, поддержав китайцев, пошли на нас войной, мы благодаря милости Неба их победили. Корейцы не принимали нашу сторону до тех пор, пока мы, простив их вину, не отпустили живыми пленных — их сановников и воинов. Пойдя против нас, они выступили на стороне китайцев, помогая нашим заклятым врагам и принимая наших дезертиров. Поскольку корейцы, не отвечая благодарностью на нашу милость, шли неверным путем, мы начали войну против них. Все эти военные действия были неизбежны. Что хорошего в войне? Мы хотели бы жить в мире со всеми народами»[684].

В 1635 году путем выделения двух монгольских знамен так называемых «старых монголов»[685], находившихся в подчинении маньчжурских знамен, с племенем харачин (в их составе числилось около восьми тысяч воинов) была создана восьмизнаменная монгольская армия.

Восьмизнаменная система организации населения была действительно тем инструментом, который конструировал взамен племенной новую общность, сохраняя в своих низовых единицах родовую идентичность. Но эта система не могла решить проблему этнической интеграции. Император Хунтайчжи, понимая назревшую необходимость формирования единой общности, в 1635 году издал указ: «В нашем государстве в прошлом были распространены такие названия, как маньчжоу, хада, ула, ехэ и хойфа. Раньше люди невежественные обычно называли [нас] чжушенями. [Однако] название чжушень [относилось] лишь к потомкам чаоморгеньских сибо и не имеет никакого отношения к нашему государству, которое основано под названием Маньчжоу и имеет длительное историю, а престол передавался из поколения в поколение. Отныне [приказываю], чтобы все люди называли наше государство только первоначальным названием — Маньчжоу. [Запрещается] впредь пользоваться неправильным названием»[686].

Как предполагает Э.Равски, этим шагом Хун Тайчжи провозглашал «новую идентичность, которая могла бы переписать племенную принадлежность чжурчжэней и других северо-восточных народностей»[687].

В 1636 г. Хун Тайчжи провозгласил себя императором новой династии Цин (чистая), объявив тем самым маньчжурскую «историческую миссию» управления народами. В то же время этим актом Хун Тайчжи открыто про-

---

[684] Daičing ulus-un mongγul-un maγad qauli (True records of the Mongols of the Qing Empire. Volume 1. In Mongolian.). Hohhot, the Center of Education of Inner Mongolia publ., 2013.

[685] Под «старыми монголами» имеются в виду два первых монгольских знамени, образованные при Нурхаци.

[686] Мелихов Г.В. Маньчжуры на Северо-Востоке (XVII в.). — М.: Наука, 1974.

[687] Rawski E. S. The Last Emperors: A Social History Of Qing Imperial Institutions. — Univ. of California Press, 1998.

демонстрировал разрыв преемственности нового государства с прежней династией Цзинь (1115–1234): «Мин не является потомком Сун, и я не являюсь потомком Цзинь; времена разные». Провозглашение новой династии совпало с обретением яшмовой печати, легитимирующей преемственность власти Хун Тайчжи от династии Юань и, шире, монгольской империи Чингисхана, и, одновременно, с решением 49 нойонов внешних монгольских племен присвоить Хун Тайчжи высший титул: «Хан объединил народы разных земель, стал обладателем драгоценной яшмовой печати. Это верный знак благоволения Неба. В соответствии с волей Неба и чаяниями людей, жалуем хану-владыке высший титул»[688].

Смерть Хун Тайчжи в 1643 году вновь поставила империю перед опасностью возникновения междоусобных войн. Особый драматизм возникшей ситуации придавало то обстоятельство, что маньчжуры находились в разгаре военных действий с Китаем. Сразу же был созван Совет князей, где четко обозначились две партии, представлявшие два различных подхода к передаче власти. На Совете была предложена кандидатура Хаогэ, старшего сына Хун Тайчжи. Когда она была решительно отвергнута членами Совета, была рассмотрена возможность наследования престола по боковой линии, а именно младшим братом императора Хун Тайчжи бэйлэ Доргонем. Он был наиболее сильным и могущественным претендентом. В период правления Хун Тайчжи Доргонь заслужил славу искусного полководца и умелого управленца, участвуя во всех важных военных кампаниях против Минской династии. Когда он отказался престола, было принято компромиссное решение, и выбор пал на малолетнего сына Хун Тайчжи — Фулиня. В октябре 1643 года он был провозглашен императором в пятилетнем возрасте с девизом правления Шуньчжи. Советом маньчжурских князей были назначены два регента, Доргонь и Цзиргалан. Доргоню, четырнадцатому сыну Нурхаци, удалось сосредоточить в своих руках всю полноту власти. При нем была практически решена главная задача — завоевание Китая.

В феврале 1651 года было объявлено о прекращении регенства и полном переходе власти в руки Шуньчжи, которому на тот момент было тринадцать лет. В отличие от периода регентства политика, проводимая Шуньчжи, была направлена на восстановление китайского влияния при дворе. При нем были возрождены бюрократические учреждения китайской системы управления, упраздненные при Доргоне, вновь введены государственные экзамены. Он активно привлекал к управлению евнухов, на которых опирался в противостоянии с маньчжурской знатью. Для того чтобы упрочить власть императора, он вывел из подчинения бэйлэ три «верхних» знамени (желтое, желтое с каймой и белое) и поставил их под свой непосредственный контроль. Шуньчжи живо интересовался конфуцианством, приглашал ко двору ученых, с которыми проводил время в беседах, а также увлекался каллиграфией.

---

[688] Daičing ulus-un mongγul-un maγad qauli (True records of the Mongols of the Qing Empire. Volume 1. In Mongolian.). Hohhot, the Center of Education of Inner Mongolia publ., 2013.

Со смертью Шунчжи маятник снова качнулся в сторону маньчжурской знати. Согласно завещанию императора, при его малолетнем сыне назначались четыре регента, при которых вновь усилились позиции глав знамен и маньчжурских чиновников. При императоре Канси, которому удалось сместить регентов, процесс централизации и абсолютизации власти в руках императора стал необратимым.

Ретроспективный взгляд на ранний период истории становления Маньчжурского государства развертывает довольно связный ряд событий, в логичной последовательности вытекающих друг из друга. Вся деятельность Нурхаци в этом смысле есть осуществление целенаправленного плана. Такого мнения придерживается известный кочевниковед, синолог Ди Космо. Разбирая основные события ранних лет цинской династии, он приходит к выводу, что в целом маньчжурская стратегия, отнюдь не являвшаяся простым оппортунистическим маневром, направленным на то, чтобы воспользоваться ситуацией, развивалась через сложную и длинную серию дипломатических шагов, политических выборов, военных интервенций и экономических выгод[689].

В то же время имеется и другая точка зрения, высказанная Т.Барфилдом. Ученый полагает, что события могли развернуться самым неожиданным образом. Закономерности исторического развития лишь определяли наиболее общий ход этого процесса. Развернувшийся ряд событий, который в конце концов привел маньчжуров к господству в Китае, был цепью вынужденных жизненно важных мер, совпавших по времени с кризисом минской династии. «Великая эпоха маньчжурских завоеваний была результатом скорее экономической нестабильности, нежели четкого военного планирования»[690].

В массе вероятностей исхода событий ключевую роль сыграл фактор личности. Необходимо отдать должное основателю маньчжурского государства Нурхаци. Именно благодаря его храбрости, проницательному уму, незаурядным организаторским способностям и военному таланту племя маньчжоу встало на путь обретения государственности. Организация власти на новых принципах выразилась в постоянной борьбе между представителями племенной аристократии, возглавлявшими знамена и ратовавшими за автономию, и самим государством, которое требовало единства власти в руках императора. Острый характер эта борьба приобретала в период династийных кризисов, вызванных неустоявшимися принципами престолонаследия. Однако маньчжурским правителям удавалось сохранить баланс политических сил для стабильного развития государства

---

[689] Di Cosmo N. Nurhaci's Gambit: Sovereignty as Concept and Praxis in the Rise of theManchus // The Scaffolding of Sovereignty: Global and Aesthetic Perspectives on the History of a Concept. — Columbia University Press, 2017.

[690] Барфилд Т. Дж. Опасная граница: кочевые империи и Китай (221 г. до н. э. — 1757 г.н.э.) / пер. Д.В.Рухлядева, Б.В. Кузнецова — СПб: Ин-т восточных рукописей, 2009.

ИСТОРИЯ ЭМИГРАЦИИ

Е.И. Пивовар

Российское зарубежье в новейшей отечественной историографии

Аннотация

Статья посвящена анализу научной литературы по проблемам истории российского зарубежья, опубликованной преимущественно во второй половине 2000-х — 2010-е гг. Автор характеризует современные концептуальные подходы и тематику новейшей отечественной историографии, посвященной истории российского зарубежья. В статье отмечается рост теоретического уровня исследований феномена российского зарубежья, устойчивость таких направлений научного поиска, как история региональных диаспор, расширение хронологических рамок публикаций, успешная реализация международных исследовательских проектов и др.

Ключевые слова: российское зарубежье, российская эмиграция, Русский мир, отечественная историография, международный научный диалог.

Russian foreign community in the latest national historiography

Abstract

The article features the analysis of scientific literature on the problems of the history of the Russian foreign community published mainly in the second half of the 2000s–2010s. The author characterizes modern conceptual approaches and the subject matter of the latest national historiography devoted to the history of the Russian foreign diaspora. The article highlights the growth of the theoretical level of research on the phenomenon of the Russian abroad, sustainability of such directions of scientific inquiry as the history of regional diasporas, expansion of the chronological framework of publications, successful implementation of the international research projects, etc.

Key words: Russian foreign community, Russian emigration, Russian world, national historiography, international scientific dialogu.

Историография российского зарубежья — главным образом, зарубежной России XX века — существует как неотъемлемый компонент отечественно-

го интеллектуального пространства около трех десятилетий. Назвать какую-либо конкретную точку отсчета, обозначившую становление данной проблематики в российской гуманитарной науке новейшего времени, достаточно сложно, однако некоторые ключевые вехи этого процесса можно проследить. Первые проблески нового восприятия мира зарубежной России, появившиеся в конце 1980-х гг. на страницах газет и литературных журналов, на телевизионных экранах, стали фоном для интенсивного обновления фактологических и концептуальных основ изучения феномена российского в зарубежья в академической и вузовской науке. В 1987 г. издательством «Мысль» была опубликована монография Л.К.Шкаренкова «Агония белой эмиграции», впервые приоткрывшая для научной общественности огромные информационные возможности эмигрантских фондов ГАРФ[691], в октябрьском номере журнала «Вопросы истории» за 1988 г. появилась статья В.А.Тесемникова «Российская эмиграция в Югославии (1919–1945 гг.)», в которой также впервые в советской историографии решалась задача изучения региональной диаспоры российской послереволюционной эмиграции[692]. Примерно в это же время в СССР начинается публикация литературного наследия зарубежной России[693]. В течение 1990-х гг. в российском информационном пространстве широко распространяются памятники философской мысли, художественно слова, политической публицистики первой волны российской эмиграции.

Появление и утверждение проблематики российского зарубежья в исследовательском пространстве российской исторической науки сыграло важнейшую роль в общем процессе развития гуманитарного знания, модернизации методов научного исследования, становлении новых научно-литературных форм, адресованных как интеллектуальной элите, так и широкому читателю. Уже на начальном этапе становления современной историографии российского зарубежья она находится в тренде актуальных тенденций развития отечественной и мировой гуманитарной науки. В частности, история и культура российского зарубежья явились востребованным материалом в процессе утверждения в отечественной историографии цивилизационного подхода, нашедшего, в частности, отражение в дискурсе о социально-культурной сущности феномена глобального Русского мира[694].

Широкий общественный интерес к миру российского зарубежья обусловил становление этой темы в формате такого востребованного направления современной западной историографии как «публичная история» (public history). При этом процесс сотворчества профессиональных историков и об-

---

[691] Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. М., Мысль, 1987.

[692] Тесемников В.А. Российская эмиграция в Югославии (1919–1945 гг.). Вопросы истории. 1988. № 10. С. 128–137.

[693] Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989. Осоргин М.А. Времена. М., 1989. Зайцев Борис. Осенний свет. Повести и рассказы. М., 1990; и др.

[694] Иванов В.Н. Русский мир: концепция и реальность. Доклад на совместном заседании ученых советов ИСПИ РАН, РГСУ, МИСКП 23 мая 2007 г. М., 2007; Тишков В.А. Русский мир: смысл и стратегия России//Повестка дня для России. Аналитические материалы Фонда «Единство во имя России» за 2007–2008 годы. М.: Форум. 2009. С.185–203.

щества в целом, характерный для данной отрасли историографии[695], осуществлялся через взаимодействие ученых с российскими эмигрантами — носителями исторической памяти о зарубежной России XX века, с журналистами, дипломатами, деятелями искусства. Следует отметить, что традиция участия российских зарубежных соотечественников в научных и медийных проектах, посвященных феномену российского зарубежья, продолжает развиваться и в настоящее время, причем ее активно поддерживают иностранные ученые-гуманитарии с русскими корнями, которые транслируют в российское научно-информационное пространство не только результаты своих научных исследований, но и фрагменты личного и семейного опыта, являющегося частью «публичной истории» российской эмиграции XX века.

История российского зарубежья включает ряд аспектов, научный анализ и обобщение которых способствует продвижению конкретно-исторических знаний и теоретико-познавательных концепций в сфере изучения таких явлений и процессов, как международные миграции, диалог культур, проблема соотношения традиций и новаций в истории культуры, история повседневности, интеллектуальная история и т.п. Говоря об историко-культурном феномене российского зарубежья XX века, необходимо учитывать, что его основу составляет эмиграция как процесс исхода, формирования и эволюции диаспор. В рамках истории эмиграции как историографической проблемы всегда присутствуют, по крайней мере, два предмета анализа: история страны — источника эмиграционных потоков и история стран пребывания эмигрантов. Существенную роль в развитии данного историографического направления играет его междисциплинарный характер. История эмиграции является общим полем исследований не только историков, но и этнологов, культурологов, психологов, философов, искусствоведов и филологов; все чаще к ней обращаются архивисты и археографы и т.п.[696]

Тема истории и культуры российского зарубежья впервые получила комплексное научное освещение в ходе двух научных конференций 1993 года, организованных Институтом российской истории РАН: «Культурное наследие российской эмиграции 1917–1940-х гг.» и «Роль русского зарубежья в сохранении и развитии отечественной культуры»[697]. На этих форумах не только вводились в научный оборот материалы совсем недавно открытых для общественности архивов и библиотечных фондов русского зарубежья, но и были обозначены основные тематические направления исследовательской работы. Кроме того, прозвучали имена представителей отечественной науки,

---

[695] Савельева И.М. Профессиональные историки в «публичной истории» // Новая и новейшая история. 2014. № 3.с.145.

[696] Пивовар Е.И. Российское зарубежье. Социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. М., 2008. С38–39.

[697] Культурное наследие российской эмиграции 1917–1940-х гг. Международная научная конференция: Тезисы докладов. М., 1993. Культурное наследие российской эмиграции 1917–1940-х гг. В 2 книгах / Российская академия наук; под общей редакцией Е.П.Челышева и Д.М.Шаховского.— Т 1. М., 1994; Роль русского зарубежья в сохранении и развитии отечественной культуры: Научная конференция Москва, 13–15 апр. 1993 г.: Тезисы докладов / Редкол.: Ю.С.Борисов (отв. ред.) и др. — М.: ИРИ, 1993.

стоящих у истоков современной историографии российского зарубежья: Ю.А.Полякова, Г.Я.Тарле, М.Г.Вандалковской, Е.И.Пивовара, З.С.Бочаровой, В.Ф.Ершова, Л.П.Муромцевой, Т.И.Ульянкиной, Э.А.Шулеповой и др. Участниками конференции стали иностранные русисты (А.Аржаковский, О.Джурич, А.Копршивова и др.) и известные общественные деятели зарубежной России. Таким образом, историография российского зарубежья изначально развивалась как центральный элемент международного научного диалога по проблемам истории и культуры России и российской эмиграции XX века, поскольку после окончания холодной войны востребованность данной проблематики на Западе значительно снизилась, а в России, напротив, приобрела огромную популярность. Становление данной проблематики отечественной историографии происходило в условиях общей смены исследовательских парадигм общественных наук и пересмотра подходов к ряду ключевых аспектов исторического процесса, что способствовало быстрой интеграции отечественной и мировой традиции изучения феномена российского зарубежья. Несмотря на сильное, эмоционально окрашенное влияние эмигрантской публицистики и мемуарных источников, которые в идеологическом плане представляли собой контрверсию официального образа зарубежной России, существовавшего в СССР, отечественная историческая наука в течение 1990-х гг. выработала собственные подходы к изучению данной проблематики.

Уже в первой половине 1990-х гг. были определены ключевые направления в исследовании российского зарубежья, причем приоритетным стало изучение феномена зарубежной России 1920–1930-х гг., что было вполне обосновано, ввиду его выдающегося значения для отечественной и мировой истории и культуры. Широта этого исследовательского поля, представлявшего собой тогда почти сплошное «белое пятно», обусловила и множественность тем и направлений в историографии, среди которых выделилось несколько ведущих: повседневная история зарубежной России, история военно-политического зарубежья, история региональных диаспор, социально-экономическая и правовая адаптация эмигрантов, наука и образование в российском зарубежье. Научные школы по изучению российского зарубежья, сложившиеся в Москве, Санкт-Петербурге, Казани, Саратове, Саранске, Владивостоке и других городах России, изначально обладали определенной индивидуальностью, связанной с традициями тех или иных академических учреждений и университетов, составом региональных архивных и библиотечных фондов. Так, например, в научном сообществе Северной столицы значительное внимание уделяется изучению литературного наследия и книжности зарубежной России, в Саранске — истории эмигрантской педагогики, в Сибири и на Дальнем Востоке — теме русской эмиграции в Китае и США и т.п.

Разработка проблем истории российского зарубежья осуществляется исследовательскими центрами Института российской истории РАН, Института всеобщей истории РАН, Института славяноведения РАН, Института востоковедения РАН, Санкт-Петербургского института истории РАН, МГУ им. М.В.Ломоносова, СПбГУ, РГГУ, РУДН, МГОУ, многими федеральными университетами и др. Актуальные вопросы эволюции российских диаспор

за рубежом являются предметом обсуждения на заседаниях постоянного научно-теоретического семинара ИРИ РАН «Российские диаспоры ближнего и дальнего зарубежья: прошлое, настоящее, будущее».

История российского зарубежья XX века получила отражение в научно-исследовательской и публикаторской деятельности Российского общества историков-архивистов (РОИА). На страницах издаваемого Обществом «Вестника архивиста» регулярно публикуются материалы, отражающие мир архивного наследия русского зарубежья и актуальные вопросы его изучения[698].

К середине 2000-х гг. российскими авторами был создан значительный комплекс разнообразных конкретно-исторических исследований, ставших основой для концептуальных обобщений и формирования объективных научных представлений о социально-культурном феномене российской эмиграции XX века. Наиболее интенсивно изучались те российские диаспоры, история которых отражена в документах отечественных архивов, прежде всего — Русского зарубежного исторического архива в Праге (в составе ГАРФ). Богатство и доступность данного источникового материала обусловили более оперативное и глубокое освоение проблематики российского зарубежья в Западной, Юго-Восточной и Центральной Европе. Российскими историками была воссоздана историческая картина становления, изучена институциональная структура и деятельность российской послереволюционной эмиграции в Чехословакии, Югославии, Франции, Германии, Китае и ряде других стран. По мере освоения российскими исследователями иностранных архивов и развития международных связей отечественной науки осуществлялись исследовательские проекты, связанные с историей российского зарубежья в Северной Европе, США, Латинской Америке, Африке.

Процесс воссоздания исторической картины становления и эволюции российского зарубежья сопровождался освоением историографических источников по конкретным аспектам темы, включая эмигрантскую, иностранную, советскую и новейшую российскую литературу. Однако становление историографии истории российского зарубежья как самостоятельного направления научных исследований происходит на рубеже XX–XXI вв., когда рядом исследователей — Е.И.Пивоваром[699], З.С.Бочаровой[700], А.А.Прониным[701] — было предпринято подведение первых итогов изучения истории российского зарубежья. Специальное внимание этой задаче уделялось специалистами ис-

---

[698] Из последних публикаций см., напр.: Катагощина М.В. Документальные памятники из коллекции Л.А.Гринберга в Государственном Историческом музее:
к истории поступления//Вестник архивиста. 2015. № 3. С. 206–274 и др.

[699] Пивовар Е.И. Российское зарубежье XIX — первой половины XX в.: некоторые итоги изучения проблемы//Исторические записки. М, 2000. № 3 (121). С.237–253

[700] Бочарова З.С. Современная историография российского зарубежья 1920–1930-х гг.// Отечественная история. 1999. № 1 С.91–102

[701] Пронин А.А. Историография российской эмиграции. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2000; Он же. Пути и судьбы «второй» эмиграции. Историографический очерк.
(К 55-й годовщине ялтинских соглашений) // Клио. 2000. №. 3(12). 2000. С. 26–31; Он же. Пронин А.А. Российская эмиграция в современной историографии // Международный исторический журнал. 2001. № 16.

следовательского центра Института российской истории РАН по изучению российской эмиграции, во главе с академиком РАН Ю.А.Поляковым[702]. Под эгидой ИРИ РАН проводились научные конференции и выпускались сборники статей по проблемам историографии зарубежной России. Определенной вехой в развитии данного исследовательского направления явился сборник «История российского зарубежья: проблемы историографии (конец XIX–XX в.)», на страницах которого И.П.Беленьким, З.С.Бочаровой, О.В.Будницким, В.Ф.Ершовым, М.Н.Мосейкиной, А.В.Поповым, В.М.Селунской и другими исследователями была представлена объемная панорама отражения историко-культурного феномена российского зарубежья в отечественной и иностранной (в том числе эмигрантской) научной литературе разных лет, включая комплекс современной отечественной историографии[703].

В последующие годы были опубликованы работы представителей нескольких университетских исторических школ России, в которых раскрывались историографические аспекты изучения различных проблем истории российского зарубежья XIX–XX вв. Среди них отметим труды В.А.Митрохина, посвященные отечественной историографии российской эмиграции первой волны[704], публикации В.А.Кувшинова, Л.Ю.Гусмана, В.И.Цепиловой, А.В.Берлова и др.[705] Тема историографии российского за-

---

[702] Телицын В.Л. Конференция по проблемам историографии Российского зарубежья в Институте российской истории РАН (30–31 января 2001 г.) // Новый исторический вестник. 2001. № 1. С.290–292

[703] История российского зарубежья: Проблемы историографии (конец XIX–XX в.). Сборник статей / Сост. *Г.Я. Тарле. Под ред.* академика РАН *Ю.А.Полякова* и доктора исторических наук Г.Я.Тарле. — М.:. Институт российской истории РАН. 2004.

[704] Митрохин В.А. Современная отечественная историография русской эмиграции первой волны (1990-е — начало 2000-х гг.) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Право. Международные отношения. 2005. Т. 5. Вып. 1/2. С.93–102. Он же. Отечественная историография российской эмиграции первой волны (1920-е — середина 80-х. гг.) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2008. Т. 10. № 4. С. 1235 — 1242; Некоторые вопросы исследования русской эмиграции первой волны в начале 2000-х гг. // Проблемы истории, филологии, культуры. 2008. Вып. 22. С. 216–223.

[705] Кувшинов В.А. Кадетская эмиграция: историография, организация, политика. Год первый (май 1920 — июль 1921) / Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова. Факультет государственного управления. — М.: Университетский гуманитарный лицей, 2005; Гусман Л.Ю. Русская либерально-конституционалистская эмиграция 1840–1860-х гг.: обзор отечественной и зарубежной историографии // Проблемы российской истории: Сборник. Магнитогорск: Издательство Магнитогорского государственного университета (МаГУ). 2007. Вып. 8. С. 27–50; Коненко А.А. Эсеровская эмиграция в 1920-е — 1950-е гг.: проблемы историографии // Тюменский исторический сборник. 2006. Вып. 8. С.10–20; Цепилова В.И. Историческая наука русского зарубежья 1920–1930-х годов в отечественной и зарубежной историографии: Автореферат дисс. доктора исторических наук. Екатеринбург, 2010; Антропов О.К. Отечественная историография общественно-политической жизни русского зарубежья 1920–1930-х гг. Монография. Астрахань: Астраханский университет, 2012; Протасова Е.Ю. Русская эмиграция в Чехословакии в 1920–1930-х гг. в оценках современной российской историографии: Автореферат дисс. кандидата исторических наук. Воронеж, 2012; Пронин А.А. Новые книги по историографии эмиграции из России // Интеллигенция и мир. 2013. № 1. С.123–126; Берлов А.В. Историография российской аграрной научной мысли в русском зарубежье 1920–1930-х гг. // Историография общественно-политической жизни русского зарубежья 1920–1930-х гг.: Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского. 2015. № 3. С. 19–26; и др.

рубежья прозвучала в контексте осмысления творческого наследия ведущих отечественных ученых — Ю.А.Полякова, В.А.Тесемникова и др.[706]

Следует отметить потребность в более широком изучении иностранной (вне русскоязычного пространства) историографии российского зарубежья. Актуальность этой задачи определяется ростом научно-информационного уровня отечественных исследований, стремлением российских авторов к более глубокой интеграции в международное исследовательское сообщество. Осмысление ретроспективной картины и современных тенденций развития соответствующих направлений иностранной русистики может стать дополнительным стимулом для разработки востребованных мировой гуманитарной наукой аспектов истории и культуры российского зарубежья. Интерес иностранных ученых к проблематике Русского мира в определенной степени отражает динамику международных процессов, в частности, расширение научно-образовательного сотрудничества в евразийском регионе. Так, в 2003 г. Н.А.Василенко, специалистом Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН, была выпущена книга «История российской эмиграции в освещении современной китайской историографии»[707]. Темой аналогичных специальных исследований, безусловно, может стать французская, американская, английская научная литература.

В целом существующая к настоящему времени аналитика научного освоения проблем истории и культуры российского зарубежья включает ряд сходных наблюдений и выводов, высказанных различными авторами. В большинстве вышеназванных публикаций отмечается тематическое (при сохраняющемся интересе исследователей, прежде всего, к эмиграции первой волны) разнообразие данного историографического комплекса, его междисциплинарный характер, значительный рост теоретического уровня исследований в течение периода 1990–2000-х гг.

Новейшая литература по тематике российского зарубежья, вышедшая в свет за последние примерно пятнадцать лет, получила лишь частичное отражение в работах историографического характера, главным образом в рам-

---

[706] Пивовар Е.И. Российское зарубежье в мировом интеллектуальном пространстве XX–начала XXI в. // Достоинство историка: к 90-летию со дня рождения академика РАН Юрия Александровича Полякова: (сборник статей) / Сост. В.Б.Жиромская Под ред. В.А.Тишкова. РАН. Отделение историко-филологических наук. — М.: РОССПЭН, 2011. С. 40–63; Жиромская В.Б. Академик Юрий Александрович Поляков. Жизнь и творчество // Новая и новейшая история. 2013. Декабрь. № 6. С. 157–175; Историки-слависты МГУ Кн.9: В.А.Тесемников: исследования и материалы, посвященные 75-летию со дня рождения В.А.Тесемникова / Под ред. Г.Ф.Матвеева и В.С.Путятина. М.: Изд-во Московского университета, 2013; Герасимов Н.И. Современная историография и актуальные проблемы истории философии русского Зарубежья // Творческое наследие А.А.Зимина и современная российская историография. Шестые Зиминские чтения: международная научная конференция, посвященная 95-летию со дня рождения Александра Александровича Зимина, Москва, 7 апреля 2015 г.: доклады, статьи и воспоминания. М.: Древлехранилище, 2017. С. 320–324.

[707] Василенко Н.А. История российской эмиграции в освещении современной китайской историографии / Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. — Владивосток: Дальнаука, 2003.

ках тематических обзоров, входящих в структуру монографий или диссертаций. Между тем в историографии российского зарубежья прослеживается становление некоторых заслуживающих внимания тенденций, воздействующих как на традиционные направления исследований, так и на сферу поиска новых тем и методик, жанров и форм научных публикаций.

Как уже говорилось выше, отечественная историография российского зарубежья включает несколько основных тематических линий, разработка которых началась еще на рубеже 1980-х — 1990-х гг. и успешно развивается вплоть до настоящего времени. Основной массив новейшей историографии российского зарубежья, как и в предшествующие два десятилетия, составляют исследования, посвященные российской эмиграции XX века, среди которых, в свою очередь, преобладают публикации по проблемам истории и культуры первой волны. При этом общая картина развития данного направления в отечественной гуманитарной науке демонстрирует, с одной стороны, сохранение традиционной для него тематики (связанной с историей Белого движения, эмигрантских «столиц» и др.), с другой — расширение спектра исследовательских интересов с заметным преобладанием работ в области филологии, истории философской и богословской мысли. И в том, и в другом случае происходит насыщение новым фактологическим и теоретическим содержанием ключевых проблемно-тематических комплексов историографии и источниковедения российского зарубежья, сложившихся в 1990-е — 2000-е гг.

Наглядная картина современного спектра исследовательских интересов раскрывается в содержании сборников «Русское зарубежье: история и современность», выпускаемых ИНИОН РАН[708], в материалах петербургских Слепухинских чтений[709], научных конференций Института российской истории РАН, Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), Дома русского зарубежья им. А.Солженицына, в монографических исследованиях и многочисленных научных публикациях в академических и вузовских периодических изданиях.

На начальном этапе становления современной историографии российского зарубежья XX века на первый план выдвигались задачи изучения основных характеристик и особенностей эволюции социально-профессиональных групп эмиграции (военных, студентов, ученых, художников и др.) и территориальных центров российского зарубежья — Русского Парижа, Русского Берлина, Русской Праги, Русского Харбина, что было необходимо для осмысления феномена российского зарубежья в целом. Данный ракурс продолжает сохранять свою актуальность и в настоящее время, находя воплощение в монографиях и тематических сборниках, авторы которых стре-

---

[708] Русское зарубежье: история и современность: (сборник статей) / ИНИОН РАН, Комиссия по комплексным исследованиям российской эмиграции Научного совета по изучению и охране культурного и природного наследия ИНИОН РАН. М.2013; и др.

[709] Эмигранты и репатрианты XX века: Слепухинские чтения — 2014: труды Международной научной конференции / Под ред. П.Н.Базанова, Н.А.Слепухиной; Благотворительный фонд им. Ю.Г.Слепухина «Лучшие книги — библиотекам». — СПб: Фонд Ю.Слепухина, 2015. 715 с.; и др.

мятся соединить исследование социально-культурных процессов и динамики общественной жизни зарубежной России с персонификацией ее образов, воссозданием внутреннего мира конкретных семей, литературных кружков, учебных заведений, этнических сообществ. При этом многие новейшие публикации аналогичной тематики хронологически охватывают не только период «классической» зарубежной России, но и XVIII–XIX века, когда русские путешественники и первые эмигранты открывали для себя Европу. Часть из них представляет собой исторические очерки или сборники, в которых научно-историческая часть дополнена выдержками из литературных произведений, философских эссе, мемуарных источников и т.п.[710] Появление подобных публикаций свидетельствовало о расширении исследовательского инструментария, требующего от авторов широкой междисциплинарной эрудиции и глубокого знания предмета непосредственного изучения. В таком ключе выполнены, в частности, монография В.И.Косика, раскрывающая историко-культурное своеобразие Русского Белграда (М., 2007)[711], и книга Р.Л.Урицкой о русской эмиграции во Франции в 1930-е — 1940-е гг. (СПб, 2010)[712], фундаментальный труд О.В.Будницкого и А.Л.Полян «Русско-еврейский Берлин, 1920–1941» (М., 2013)[713]. В целом можно говорить о становлении во второй половине 2000-х гг. нового для отечественной научной литературы жанра, в котором системный информационно-аналитический подход сочетается со свободной формой изложения, используются одновременно методы исторического исследования, литературоведения, искусствознания и т.п.

Во второй половине 2000-х — 2010-е гг. был предпринят ряд научных исследований и документальных публикаций (нередко соединенных в одном издании), посвященных недостаточно изученным к этому моменту российским диаспорам в Восточной и Центральной Европе, Африке, Латинской Америке и других регионах. В качестве примера укажем содержательную монографию Т.Пушкаревой-Рыбкиной о жизни русских эмигрантов в Загребе[714] и двухтомник В.К.Ронина «Русское Конго» (М., 2009), построенный на материалах личных и семейных архивов русских конголезцев, их окружения и потомков, а также на многочисленных авторских интервью с представителями сообщества российских соотечественников в Бельгии и Франции, дополненных документами бельгийских и российских архивов. Этот труд

---

[710] Прага. Русский взгляд. Век восемнадцатый — век двадцатый. М., 2003.

[711] Косик В.И. Что мне до вас, мостовые Белграда? Очерки о русской эмиграции в Белграде. 1920–1950-е годы. Ч.1. М., 2007.

[712] Урицкая Р.Л. Они любили свою страну… Судьба русской эмиграции во Франции с 1933 по 1948 г. СПб: Дмитрий Буланин, 2010.

[713] Русско-еврейский Берлин, 1920–1941 / Олег Будницкий, Александра Полян; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Факультет истории, Российская академия наук, Институт российской истории. Москва: Новое литературное обозрение, 2013; «Философское кафе» Вупперталя: путеводитель по русской эмиграции в Германии / сост. А. М.Кутник. — М.: Крафт+, 2014.

[714] Пушкарева-Рыбкина Т. Эмигранты из России в научной и культурной жизни Загреба. Загреб, 2007.

выделяется также широкими хронологическими рамками, охватывая период 1870–1970 гг.[715] Русской Африке, главным образом периода 1920-х — 1930-х гг., посвящены работы М.А.Пановой, И.В.Махрова и др.[716] Достоинством книг В.Е.Колупаева «Русский Египет» (М., 2008) и «Русские в Магрибе» (М., 2009) помимо представленного в них разнообразного и яркого фактического материала является широкий хронологический охват: автор воссоздает картину повседневной жизни и деятельности российских эмигрантов первой и второй волны в Египте, Тунисе, Марокко, Алжире до конца XX века.

Представляет интерес небольшая по объему, но информативная книга Б.М.Горелика «Российская эмиграция в Южную Африку: вчера и сегодня» (М., 2007), которая охватывает период с XVIII столетия до настоящего времени. Достоинством данной работы является постановка ряда тем, которые могут стать предметом самостоятельного изучения, среди них: история общины русских евреев в Южной Африке в 1870–1917 гг., российская эмиграция в Южно-Африканском Союзе (ЮАС) в послевоенный период и др. Автор раскрывает особенности положения российской диаспоры в данном регионе в зависимости от международного политического контекста: холодной войны и апартеида, антикоммунистической политики правительств Южной Африки и др.

В 2008–2009 гг. московское издательство «Вече» осуществило выпуск серии книг «Русские за границей», в которой были опубликованы работы, посвященные российским диаспорам в Париже, Ницце, Праге, Стамбуле, Харбине[717], а также российской эмиграции в Египте, Индии, Финляндии и др. Данные публикации не являются строго академическими и по стилистике приближаются к научно-популярным изданиям, но в то же время существенно дополняют многообразную картину русского рассеяния, благодаря привлечению их авторами разнообразных источников, в том числе архивных. Кроме того, некоторые центры зарубежной России впервые получили освещение в исторической литературе именно в этой серии. В частности, существенное научно-информационное значение имеет книга С.Ю.Нечаева «Русская Ницца», раскрывающая роль россиян в истории этого знаменитого центра Французской Ривьеры в XIX–XX вв. Заслуживает внимания и исследование Н.В.Кривцова, посвященное российской эмиграции в Финляндии, которая после 1917 г. являлась одним из крупных анклавов российского зарубежья. Здесь, как и в других лимитрофных государствах, социально-культурное своеобразие российской диаспоры опреде-

---

[715] Ронин В.К. «Русское Конго»: 1870–1970: книга-мемориал: (в 2 т.). М.: Русский путь, 2009.

[716] Панова М.А. Культурная жизнь российской эмиграции первой волны в Тунисе // Исторические записки / Отв. ред. акад. Б.А.Ананьич. — М., 2006. № 9 (127). Она же. Русские в Тунисе. Судьба эмиграции первой волны. М., 2008; Русская колония в Тунисе. 1920–2000: Сборник статей / Сост. И.В.Махров. — М., 2008; и др.

[717] Бурлак В.Н. Русский Париж. М.: Вече, 2008; Нечаев С.Ю. Русская Ницца. М.: Вече, 2008; Командорова Н.И. Русская Прага. М.: Вече, 2009; Она же. Русский Стабул. М.: Вече, 2009; Гончаренко О.Г. Русский Харбин. М.: Вече, 2009;

лялось многообразными историческими связями страны пребывания с миром дореволюционной России[718].

Дальнейшее развитие в рассматриваемый период получила традиция международных научных конференций, посвященных российскому зарубежью в той или иной стране. Наряду с широко известными центрами зарубежной России, история и культура которых стала неиссякающим источником научного творчества как для отечественных авторов, так и для иностранной русистики всех специальностей, в орбиту научного диалога вошли и некоторые новые или малоизученные объекты. Так, например, в 2010 г. состоялась международная научная конференция «Российская белая эмиграция в Венгрии (1920–1940-е годы)», организованная Институтом славяноведения РАН, Домом русского зарубежья им. А.Солженицына и Культурным центром Венгрии в Москве[719].

Мир Русской Праги и других центров российской диаспоры в Чехословакии 1920–1930-х гг. неизменно остается одним из наиболее востребованных объектов историографии российского зарубежья первой волны. Благодаря существовавшему здесь уникальному интеллектуальному пространству, в межвоенной Чехословакии не только получила продолжение персональная и коллективная (по отраслям знания) история российской науки и литературы дореволюционной «формации», но и был раскрыт инновационный, если пользоваться современной терминологией, потенциал научно-организационной, педагогической и гуманитарной деятельности российской интеллигенции. Соответственно, различные грани творческого наследия русского зарубежья в Чехословакии находят отражение в работах исторического, искусствоведческого, литературоведческого профиля. Данное направление в современной историографии русского зарубежья могло бы стать темой отдельного обширного труда. Необходимо отметить, что значительная часть новейшей литературы является плодом российско-чешского и российско-словацкого сотрудничества, а многие чешские и словацкие ученые публикуются на русском языке в российских научных изданиях, так что данная отрасль историографии русского зарубежья в значительной степени представляет собой пласт международной научной мысли. Среди публикаций 2010-х гг. — книга Лукаша Бабки и И.А.Золотарева, посвященная «Русской акции» в Чехословакии в 1920-х гг.[720], и монография саратовского исследователя М.В.Ковалева «Русские историки-эмигранты в Праге

---

[718] Кривцов Н.В. Русская Финляндия. М.: Вече, 2009.

[719] Нечаев С.Ю. Русская Ницца. М.: Вече, 2008; Российская белая эмиграция в Венгрии (1920–1940-е годы): (сборник статей по материалам научной конференции, апрель 2010 г., г. Москва) / Стыкалин А.С., Варга Е.М., Архивный институт при Культурном, научном и информационном центре Венгрии в Москве, Дом русского зарубежья им. А.Солженицына, Институт славяноведения РАН. — М.: Пробел, 2012.

[720] Бабка Лукаш, Золотарев И.А. Русская акция помощи в Чехословакии: история, значение, наследие: к 90-летию начала Русской акции помощи в Чехословакии. Прага: Общество «Русская традиция». 2012.

(1920–1940 гг.)»[721], которая, по словам рецензентов, «сочетает в себе широту охвата сюжетов из жизни и творчества ученых-историков и стремление к глубокому раскрытию и осмыслению этих сюжетов»[722], а также вводит в научный оборот комплекс не использовавшихся ранее документов из архивов России, Чехии и Эстонии. Заслуживают внимания научные работы М.В.Добушевой, С.С.Левошко, И.В.Щеблыгиной, А.Копршивовой, М.Стефановича и других российских и чешских авторов, в которых раскрывается множество неизвестных ранее аспектов истории русского зарубежья в ЧСР.

Богатство фондов Русского заграничного исторического архива (РЗИА) в ГАРФ и российских эмигрантских архивов, хранящихся в Праге, дает возможность подготовки документальных публикаций, воссоздающих картины повседневной жизни и широкой научно-культурной деятельности российских эмигрантов в Чехословакии. При этом в сфере издания документов и материалов идет постоянная чрезвычайно плодотворная перекличка историков и архивистов России и Чехии. Так, в Праге были опубликованы существенно расширяющие источниковое поле исследований феномена российской эмиграции в Чехословакии сборник «Дом в изгнании: очерки о русской эмиграции в Чехословакии, 1918–1945» (2008)[723], «Воспоминания. Дневники. Беседы. Русская эмиграция в Чехословакии» (2011)[724], Институтом славяноведения и Институтом российской истории РАН был подготовлен сборник документов и материалов «Культурное и научное наследие русской эмиграции в Чехословацкой республике» (2016) и др. [725]

Возрождение исторической памяти о Русской Праге, ставшее фундаментом для развития сотрудничества российских и чешских специалистов в наши дни, нашло свое отражение в научных конференциях и круглых столах, которые проводятся Российским государственным гуманитарным университетом (РГГУ) в России и Чешской Республике[726].

---

[721] Ковалев М.В. Плеве И.Р. Русские историки-эмигранты в Праге (1920–1940 гг.). Под ред. И.Р.Плеве. Саратов: Издательство СГТУ, 2012.

[722] Демина Л.И.. Евсеева Е.Н. У книжной полки // Новый исторический вестник. 2013. № 38 (4).С.139

[723] Дом в изгнании: очерки о русской эмиграции в Чехословакии, 1918–1945 / Аникина Т., Бабаева Ю., Белошевская Л.Н. — Прага, RT+RS Servis, 2008.

[724] Воспоминания. Дневники. Беседы. Русская эмиграция в Чехословакии / Белошевская Л.Н. Славянский институт АН ЧР (Прага). — Кн.1. Прага: Slovansky ustav AV CR, 2011.

[725] Культурное и научное наследие русской эмиграции в Чехословацкой республике: документы и материалы / Российская академия наук, Институт славяноведения, Институт Российской истории; редакционная коллегия: Аксенова Е.П. и др. — Москва; Санкт-Петербург: Нестор-История, 2016; Русский Юридический Факультет в Праге: (к 95-летию со дня основания): сборник документов / Щербаков А.Д. — М.: Юрлитинформ, 2017, и др.

[726] Российская эмиграция в 1920-е гг. в Праге: материалы Всероссийской научно-практической конференции, проходившей в г. Воскресенске 14–15 марта 2013 г. в рамках международного научного форума «Гуманитарные чтения РГГУ — 2013» / Минобрнауки России, Филиал РГГУ в г. Воскресенске; отв. ред.О.А.Черемных. — Воскресенск, 2013.; Как зарождалась Русская Прага: материалы международного круглого стола, Прага, 26 июня 2017 г. / Под ред. Пивовара Е.И.; Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ). — М.: Издательство РГГУ, 2017.

На новый уровень в настоящее время выходит связанное с описанием и использованием фондов РЗИА взаимодействие российских и чешских архивистов в научно-информационной сфере. Свидетельством этого является, в частности, фундаментальный справочник «Русский заграничный исторический архив в Праге — документация: каталог собраний документов, хранящихся в пражской Славянской библиотеке и в Государственном архиве Российской Федерации», вышедший в Праге под редакцией Л.Бабки в 2011 г.[727] Объектом научного исследования неоднократно становилась и история самого РЗИА; в частности, этой теме посвящена монография Л.В.Серковской, изданная в 2015 г.[728]

Сферой актуального научного диалога российских и европейских ученых, связанного с темой Русской Праги, в 2000-е — 2010-е гг. явились научные проекты, которые были реализованы под эгидой Института славяноведения РАН, в том числе в рамках сотрудничества российской и чешской славяноведческих школ. Большой личный вклад в исследовательскую и научно-организационную работу в данной сфере был внесен М.Ю.Досталь, опубликовавшей ряд научных статей по проблемам русско-чешских научных связей XIX — первой половины XX в.[729] и принимавшей активное участие в подготовке и проведении международных научных форумов, посвященных российскому научному зарубежью в Чехословакии[730].

В рассматриваемый период выходят в свет новые работы, посвященные российской эмиграции первой волны в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (Югославии). В частности, в книге Е.А.Бондаревой (М., 2012) представлено научное наследие белградского круга российских историков-эмигрантов (Ф.В.Тарановского, В.А.Мошина, А.В.Соловьева и Е.В.Спекторского). Издание включает общеисторическую часть, в которой освещается жизнь российского научного сообщества в Сербии, тексты статей вышеуказанных авторов по истории российской государственности и их биографии[731].

---

[727] Русский заграничный исторический архив в Праге — документация: каталог собраний документов, хранящихся в пражской Славянской библиотеке и в Государственном архиве Российской Федерации / Бабка Лукаш; Национальная библиотека Чешской Республики — Славянская библиотека. Прага, 2011.

[728] Серковская Л.В. Русский заграничный исторический архив в Праге (1923–1945 гг.) / Российский государственный гуманитарный университет. — Коломна: Серебро слов, 2015.

[729] Досталь М.Ю. Чешские связи И.И.Срезневского 70-х годов XIX века: К 190-летию со дня рождения ученого // Славяноведение. 2002. № 5 С.3–14; Она же. Историк-эмигрант А.В.Флоровский в Чехословакии: страницы научного творчества // Новая и новейшая история. 2011. № 2 (28). С.80–87 и др.

[730] Досталь М.Ю. Международная научная конференция «Российские ученые-гуманитарии в межвоенной Чехословакии» (Москва, 21–22 июня 2005 г.) // Славяноведение. 2006. № 4. С.107–112. Она же. Международная конференция «Русская эмигрантская культура и гуманитарные науки в межвоенной Чехословакии: линии профессионального сотрудничества» (Прага, 8–10 октября 2008 г.) // Славяноведение. 2009. № 4.С.134–136; На рубеже культур: российская эмиграция в межвоенной Чехословакии: сборник статей: памяти Марины Юрьевны Досталь (1947–2011) / Институт славяноведения РАН; редкол.: М.А. Робинсон (отв. ред.), М.Ю. Дронов, Е.П.Серапионова. — Москва: Институт славяноведения РАН, 2012.

[731] Бондарева Е.А. Pax Rossica. Русская государственность в трудах историков зарубежья: работы русских историков-эмигрантов белградского круга, 1920–1941 гг. Москва: Вече, 2012.

Значительным потенциалом развития в конкретно-исторической и теоретической сфере обладает отечественная историография Русской Америки. Актуальность разработки данного направления определяется не только достаточно широким пространством неизученных вопросов, но и значением США и Канады в институциональном и социальном пространстве современного дальнего зарубежья. В 2000-е гг. осуществлялось изучение Русской Америки XVIII–XIX вв. в традициях научной школы академика Н.Н.Болховитинова[732]. В новейшей историографии Русской Америки центральное место занимают исследования Э.Л.Нитобурга[733], А.Б.Ручкина[734], А.А.Хисамутдинова[735], в которых раскрываются важнейшие аспекты демографической, социальной, общественно-политической, институциональной эволюции российских диаспор в США.

Заметным явлением в развитии историографии российского зарубежья в 2000-е гг. стали публикации, посвященные Русскому миру в Латинской Америке. Так, в книгах М.А.Российского и М.Б.Мартынова раскрывается история колоний российских эмигрантов на Кубе и в Парагвае[736]. Исследования М.Н.Мосейкиной посвящены диаспорам второй волны российской эмиграции в Венесуэле и Аргентине[737]; и др.

Параллельно с изучением территориальных диаспор и центров русского зарубежья, в отечественной историографии утвердилось крупное исследовательское направление, охватывающее различные аспекты проблемы социально-экономической, правовой и культурной адаптации российских эмигрантов в 1920-е — 1930-е гг. Историографическое освоение данной темы наиболее активно осуществлялось в конце 1990-х — 2000-е гг., что нашло отражение в сборниках научных трудов, опубликованных под эги-

---

[732] Русское открытие Америки: Сборник статей, посвященный 70-летию академика Николая Николаевича Болховитинова. М., 2002; и др.

[733] Нитобург Э.Л. У истоков русской диаспоры в США: Вторая волна // США. Экономика, политика, идеология. — 1998. — № 8.С.70–83. Он же. Судьба русских эмигрантов второй волны в Америке // Отечественная история. 2003. — № 2.С102–114. Он же. Русские в США. История и судьбы. 1870–1970. Этноисторический очерк. — М., 2005 и др.

[734] Ручкин А.Б. Русская диаспора в Соединенных Штатах Америки в первой половине XX века. — М., 2006; Зацепина О.С., Ручкин А.Б. Русские в США: Общественные организации русской эмиграции в XX — XXI вв. — Нью-Йорк, 2011; Толстовский фонд в США островок Отечества // Власть. 2012. № 7. Он же. От «врагов народа» до «друзей нации»: русская диаспора в российско-американском диалоге // Знание. Понимание. Умение. — 2014. — № 2. С.40–50; и др.

[735] Хисамутдинов А.А. В Новом Свете, или История русской диаспоры на Тихоокеанском побережье Северной Америки и Гавайских островах. Владивосток, 2003. Он же. Русская диаспора на Тихоокеанском побережье США (первая половина XX в.) // Вопросы истории. 2005. № 11. Он же. Русский Сан-Франциско. — М., 2010

[736] Российский М.А. Русское зарубежье на Кубе. Страницы истории. М., 2002; Мартынов Б.Ф. Русский Парагвай. Повесть о генерале Беляеве, людях и событиях прошлого века. М., 2006; и др.

[737] Мосейкина М.Н. Русские перемещенные лица в Венесуэле (1940–1950-е гг.) // История российского зарубежья. Эмиграция из СССР — России 1941–2001 гг: Сборник статей ИРИ РАН. М., 2007. Она же. «Издевательства над ди-пи продолжаются»: Формирование новой волны русской эмиграции в Аргентине после Второй мировой войны и проблемы репатриации в СССР // Вестник РУДН. Серия «История России». 2007. № 2.С.70–81

дой Института российской истории РАН[738], а также в работах В.М.Селунской, И.В.Сабенниковой, З.С.Бочаровой и других авторов[739]. В настоящее время, когда все более активно ведется изучение российской эмиграции второй и третьей волны, приобретают актуальность вопросы социально-культурной адаптации представителей этих и позднейших миграционных потоков.

Представляется перспективной и дальнейшая разработка истории российского предпринимательства за рубежом. Постановка данной проблемы была осуществлена в работах Е.И.Пивовара, О.А.Грибенчиковой, А.С.Ипатовой, опубликованных в первой половине 2000-х гг. и посвященных положению российского капитала в Европе и Северной Америке, приватизации имущества и капитала Российского государства за границей, функционированию российских банков и страховых компаний, торгово-промышленных объединений и общественных организаций российских предпринимателей, становлению среднего и малого бизнеса в эмигрантской среде (торговля, издательское дело, реклама, общественное питание, сельское хозяйство и т.п.) [740]. Позднее выходит в свет ряд книг и статей, связанных главным образом с историей российского бизнеса и предпринимательства в Русской Америке XIX–XX вв. Так, в 2018 г. была опубликована очень содержательная монография Аиды Дерье «Русские эмигранты и их потомки: история успеха». Автор поставил перед собой задачу рассказать о россиянах, недостаточно или вообще неизвестных на Родине, однако достигших выдающихся успехов в странах своего пребывания. Причем это прежде всего касается людей бизнеса, науки и искусства.[741]

В 1990-е — 2000-е гг. в отечественной историографии российского зарубежья сложился объемный и разнообразный комплекс исследований феномена эмигрантской науки и образования, в значительной степени определяющих уникальность мира зарубежной России XX века и ее значение в мировой истории. Научная эмиграция рассматривалась в контексте исто-

---

[738] История российского зарубежья. Проблемы адаптации мигрантов в XIX–XX вв. М., 1996; Источники по истории адаптации российских эмигрантов в 19–20 вв.: Сб. статей ИРИ РАН. М., 1997; и др.

[739] Селунская В.М. Проблемы интеграции эмигрантов в российском зарубежье между двумя мировыми войнами в отечественной историографии // Вестник МГУ. Серия 8. История. М., 1998; Сабенникова И.В. Российская эмиграция (1917–1939): Сравнительно-типологическое исследование. Тверь, 2002; Бочарова З.С. «…не принявший иного подданства»: Проблемы социально-правовой адаптации российской эмиграции в 1920–1930-е годы. СПб, 2005, и др.

[740] Пивовар Е.И., Грибенчикова О.А. Реклама российского бизнеса как источник по истории зарубежной России 20–30-х гг. // Проблемы экономической истории: человек и общество в мировой экономике. К XIII Международному конгрессу историков (Буэнос-Айрес, 2002). М., 2002; Ипатова А.С. Российская эмиграция в Шанхае: торгово-предпринимательская деятельность как способ адаптации и самоутверждения (20–30-е годы XX века), В сб.: Китай в диалоге цивилизаций: К 70-летию академика М.Л.Титаренко. М., 2004; и др.

[741] Поведская И. Весьегонский американец. Тверь, 2008; Воробьева О.В. Бизнес в Русской Америке: история и современность. М.: ИНФРА-М, 2012; Головкин А.А. Американский бизнес русской эмиграции (сер. 1940-х — конец 1980-х гг.): некоторые проблемы и актуальные задачи исследования // История, политика и философия в эпоху глобализации. Материалы VII научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. — М.: Изд-во РУДН, 2016. — С. 23–33; Арье Аида. Русские эмигранты и их потомки: история успеха. М., Грифон, 2018.

рии социально-профессиональных групп российского зарубежья, как часть истории российской интеллигенции, в рамках проблематики адаптационных процессов и др.[742] При этом, в отличие от многих других аспектов темы, изначально были поставлены задачи освещения эпохи XVIII–XIX вв.[743] Крупными событиями в изучении российской научной эмиграции в свое время стали труды Т.В.Пашуто, В.П.Борисова, Г.М.Бонгард-Левина, В.Е.Захарова, Н.Н.Болховитинова и др.[744]

Среди публикаций второй половины 2000-х гг. выделяется фундаментальная работа М.Г.Вандалковской «Историческая мысль русской эмиграции. 20–30-е гг. XX века» (М., 2009)[745], в которой на высоком теоретическом уровне исследован идейный спектр исторической мысли зарубежной России, включая воззрения ученых-историков российского зарубежья (П.Б.Струве, В.А.Маклакова, П.Н.Милюкова, С.Л.Франка, Н.С.Тимашева, Н.А.Бердяева, П.Н.Савицкого и др.) и размышления идеологов Белого движения и представителей других течений эмигрантской политической и философской мысли о возможных путях развития России. Одной из новаций данного исследования является введение в научный оборот фактически забытых статей П.Н.Милюкова периода Второй мировой войны. Глубокое исследование исторической и общественно-политической мысли российской эмиграции представляет собой монография Ю.Н.Емельянова, посвященная исторической периодике российской эмиграции 1920–1940-х гг.[746]

В настоящее время историография мира российского научного зарубежья развивается как в историко-биографическом жанре, так и в рамках изучения социально-культурного феномена российского зарубежья в целом. Истории российской науки за рубежом посвящен целый ряд монографий и сборников научных статей, географические и хронологические рамки которых все чаще выходят за пределы европейских центров российского зарубежья и межвоенной эпохи. При этом российское информационное пространство обогащается именами ученых-эмигрантов, которые были знамениты за рубежом, но почти неизвестны на своей исторической родине. Так, например, 18–19 июня 2012 г. в Доме русского зарубежья им. Александра Солженицына состоялся

---

[742] Российская интеллигенция на родине и в зарубежье: Новые документы и материалы: Сборник научных статей. М., 2001; и др.

[743] Иванов А.Е. Российское академическое зарубежье XVIII — начала XX века (К постановке научно-исторической проблемы) // Источники по истории адаптации российских эмигрантов в 19–20 вв.: Сб. статей ИРИ РАН. М., 1997; Гутнов Д.А. Русская высшая школа общественных наук в Париже (1901–1906 гг.). М., 2004;

[744] Пашуто Т.В. Русские историки-эмигранты и ученые в Европе. М., 1992; Российские ученые и инженеры в эмиграции / Под ред. В.П.Борисова. М., 1993; Вандалковская М.Г. Историческая наука российской эмиграции: «евразийский соблазн». М., 1997; Российская научная эмиграция: Двадцать портретов / Под ред. академиков Г.М.Бонгард-Левина и В.Е.Захарова. М., 2001;. Болховитинов Н.Н. Русские ученые-эмигранты (Г.В.Вернадский. М.М.Карпович, М.Т.Флоринский) и становление русистики в США. М., 2005.

[745] Вандалковская М.Г. Историческая мысль русской эмиграции. 20–30-е гг. XX века. М., 2009.

[746] Емельянов Ю.Н. История в изгнании: Историческая периодика русской эмиграции (1920–1940-е годы). М., 2008.

Международный научный коллоквиум, посвященный научной и общественной деятельности Е.В.Антиповой — выдающегося русского психолога и детского правозащитника, работавшей в Швейцарии и Бразилии, где ее труды получили широкое признание, были отмечены государственными наградами[747].

Теоретическую значимость и перспективность историографического освещения мира российской науки за рубежом демонстрируют труды участников Международной научной конференции «Российское научное зарубежье: люди, труды, институции, архивы», которая состоялась в октябре 2014 г. в Институте российской истории РАН[748]. В этот сборник вошли расширенные тексты докладов участников конференции, воссоздающие впечатляющую картину интеллектуального наследия российских ученых-эмигрантов. Значительный интерес представляют также обзоры архивных фондов и ряд ценных археографических материалов (фрагменты эпистолярного наследия А.Ф.Изюмова, О.А.Цингера, статья Н.Н.Кнорринга о гибели Тургеневской библиотеки в Париже, хранящаяся в фонде С.О.Шмидта в АРАН, и др.).

Достижения российских ученых и инженеров, проживавших в 1920–1930-е гг. в Югославии, рассмотрены в работе А.Е.Кашаева и В.Е.Осипова[749]. Теме русской научно-аграрной эмиграции в Чехословакии и ряде других стран Европы посвящена монография А.В.Берлова (М., 2014)[750]; и т.п. Из публикаций, представляющих современную русистику стран ближнего зарубежья, заслуживает внимания книга ведущего исследователя Института философии и социологии Латвийского университета С.Н.Ковальчук о судьбах ученых-эмигрантов в Латвии, охватывающая в том числе период Второй мировой войны[751]. Воссоздание истории эмигрантского научного сообщества явилось для автора монографии поводом для размышлений о причинах и сущности глобальных миграций. В российском зарубежье 1920-х — 1930-х гг. С.Н.Ковальчук видит проявление процессов глобализации, «как синоним воплощения бесприютности, приведшей к возникновению транснациональных и смешанных культур»[752].

---

[747] Образование для всех и ученые-эмигранты: наследие русско-бразильского психолога Елены Антиповой (1892–1974) в области науки, образования и прав человека в Латинской Америке, Европе и России: материалы Международного научного коллоквиума, Москва, 18–20 июня 2012 г. / Сост. и кураторы Н.Ю.Масоликова, М.Ю.Сорокина. — Москва: Известия, 2014.

[748] Российское научное зарубежье: люди, труды, институции, архивы: сборник научных статей/ Институт российской истории РАН. Отв. ред. П.А.Трибунский. — М.: Ин-т российской истории, 2016.

[749] Кашаев А.Е., Осипов В.Е. Научный и инженерный вклад русской эмиграции первой волны в развитие Югославии // Культура. Наука. Образование. 2015. № 3 (40). С.71–88; и др.

[750] Берлов А.В. Российская аграрно-научная эмиграция в Европе в 1920–1930 гг.: монография. Москва: Граница, 2014.

[751] Ковальчук С.Н. Настоящий изгнанник с собой всё уносит: судьбы ученых-эмигрантов в Латвии 1920–1944 гг. М.: Новый хронограф, 2017.

[752] Гурин А. Судьбы в изгнании: Как было недавним подданным Российской империи не стремиться в Ригу? [Интервью со Светланой Ковальчук]. 05.05.2017. URL: https://baltnews.lv/Interview/20170505/1019597010.html

Тема эмигрантского евразийства представлена двумя монографиями В.К.Романовского: книгой в историко-биографическом жанре «Жизненный путь и творчество Николая Васильевича Устрялова» (М., 2009) и логически продолжающим ее исследованием, посвященным устряловскому идейному и научному наследию[753].

Тема российской эмиграции в современной научной литературе нередко рассматривается сквозь призму деятельности конкретных личностей, как российских, так и иностранных. Примером реализации подобного подхода является монография Е.П.Серапионовой, посвященная личности Карела Крамаржа и его роли в чехословацко-русских культурных и общественных связях[754]. Жанр историко-биографических исследований представлен также многочисленными статьями и научными докладами о судьбах российских эмигрантов, включая ряд работ об ученых-историках (Н.П.Оттокаре, С.Г.Пушкареве, В.А.Мякотине[755]. В частности, важным вкладом в воссоздание истории российского зарубежья XX века через изучение жизненных путей конкретных личностей являются научные конференции «Люди и судьбы русского зарубежья», которые с 2011 г. регулярно организуют Институт всеобщей истории РАН и Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет[756].

Существенное место в отечественной историографии российского зарубежья 1920-х — 1940-х гг. принадлежит военной эмиграции, которая в значительной степени составила основу социума и институциональной инфраструктуры российского зарубежья первой волны и вследствие этого стала предметом особого внимания российских специалистов. Ее научная постановка в начале 1990-х гг. в работах В.Ф.Ершова и Е.И.Пивовара [757] положила начало исследовательскому направлению, в рамках которого были изданы десятки монографий, статей, сборников документов, биографиче-

---

[753] Романовский В.К. Н.В.Устрялов в общественно-политической, научной и культурной жизни русского зарубежья (1920–1935 гг.). Нижний Новгород, Издательство Нижегородского института развития образования, 2017.

[754] Серапионова Е.П. Карел Крамарж и Россия. 1890–1937 годы: идейные воззрения, политическая активность, связи с российскими государственными и общественными деятелями. М., 2006..

[755] Клементьев А.К. Николай Петрович Оттокар: Путь русского историка: Санкт-Петербург — Пермь — Петроград — Флоренция // Исторические записки. 2004. Вып.7 (125). С.323–338; Ковалев М.В. Жизнь и творчество историка Русского зарубежья Сергея Германовича Пушкарева (1888–1984) // Новая и новейшая история. Май-июнь 2015. № 3. С. 162–179; Олесич Н.Э., Яковлева М.Г. Наследие петербургской университетской науки в русском зарубежье (историк, политик В.А.Мякотин) // Клио. Октябрь 2017. № 10 (130). С. 182–190; и др.

[756] Люди и судьбы Русского зарубежья: (сборник статей) / Ред. А.Б. Ефимов, Е.М.Миронова. — Москва: Издательство ИВИ РАН, 2011. 275 с.; Люди и судьбы Русского зарубежья: Сборник статей] / РАН. Институт всеобщей истории, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет; Отв. ред. А.Ефимов, Е.Миронова. — Вып.4. М., Институт всеобщей истории РАН, 2017. 309 с.; и др.

[757] Ершов В.Ф., Пивовар Е.И. Военно-учебные заведения и военно-научная мысль белой эмиграции в 1920–1930 гг. // Роль русского зарубежья в сохранении и развитии отечественной культуры. М., 1993; Ершов В.Ф. Военно-политические доктрины белой эмиграции в 1920–30-х гг. // Культурное наследие российской эмиграции 1917–1940-х гг. Международная научная конференция. М., 1993; Ершов В.Ф. Российская военно-политическая эмиграция в 1920–1945 гг.: Учебное пособие по спецкурсу / Отв. ред. Е.И. Пивовар. М., 2003; и др.

ских справочников и др. В 2000-е гг. трудах В.Ф.Ершова, В.И.Голдина, С.В.Волкова, В.Э.Полетаева и других авторов был осуществлен анализ идеологии и менталитета военной эмиграции, проблем формирования и деятельности ее институциональных структур, роли в общественно-политической и культурной жизни.[758] Продолжается также изучение темы российской военно-морской эмиграции, которой посвящены, в частности, книги К.А.Капитонова, Н.А.Кузнецова, исследования и научно-справочные работы В.В.Лобыцина и др.[759] В то время как исследование истории Белого движения в значительной степени утратило политическую остроту, характерную для значительной части научных и публицистических работ 1990-х гг., проблема участия российской эмиграции во Второй мировой войне и связанная с ней тема власовского движения по-прежнему носят достаточно острый полемичный характер[760]. В данном контексте большое значение приобретает выход в свет научно объективных исследований, построенных на взвешенном беспристрастном анализе исторических источников. Данные задачи решаются, в частности, в работах В.Голдина и Ю.Цурганова, выполненных на базе российских и немецких архивов[761].

Длительное время практически закрытой темой в отечественной историографии была история сионистского движения в советской России в 1920-е годы и его воздействие на формы и характер иммиграции в Палестину, а также позиция органов советской власти по отношению к сионистам и их репатриационным организациям. Первые работы по данной тематике были опубликованы в 1990-е гг.[762] Проблема воссоздания еврейского государства в Палестине, позиция Русской Православной церкви и дипломатии Белого движения в данном отношении рассматриваются в монографии О.В.Будницкого «Российские евреи между красными и белыми» (М., 2006). В последние годы возрос интерес исследователей

---

[758] Ершов В.Ф. Военно-политический мир зарубежной России в XX в. // В едином историческом пространстве: Сборник научных статей к 60-летию члена-корреспондента РАН, доктора исторических наук, профессора Е.И.Пивовара. М., 2009; Голдин В.И. Армия в изгнании. Страницы истории Русского Обще-Воинского Союза. Архангельск-Мурманск, 2002; Волков С.В. Трагедия русского офицерства: Офицерский корпус России в революции, Гражданской войне и на чужбине. Москва: Центрполиграф, 2002; Полетаев В.Э. Офицерский корпус России и российского зарубежья: Подвиг. Мужество. Честь. М.: Инфра-М, 2018; и др.

[759] Капитонов К.А. Голгофа русской эскадры: последний поход барона Врангеля. М., 2009; Н.А.Кузнецов. Русский флот на чужбине. М., 2009; Мартиролог русской военно-морской эмиграции по изданиям 1920–2000 гг. (Сведения о 1890 чинах Рос. флота и Мор. ведомства). Москва: Пашков дом, 2001; и др.

[760] См.: Александров К.М. Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А.А.Власова 1944–1945: Биографический справочник.— 2-е изд. — М., 2009. С.37.

[761] Голдин В.И. Роковой выбор: Русское военное зарубежье в годы Второй мировой войны. Архангельск — Мурманск, 2005; Цурганов Ю. Белоэмигранты и Вторая мировая война. Попытка реванша. 1939–1945. М., 2010; и др.

[762] Симонова А. Советская власть в борьбе с «контрреволюционным» сионизмом 1919–1925 гг. // Международная ежегодная конференция по иудаике «СЕФЕР». Лето, Москва, 1998. Она же. Геры и субботники Кубани в описании анонимного ростовского сиониста (1917 г.) // Вестник Еврейского университета в Москве. 1998. № 1(17). Она же. Сионизм на заре Советской власти // Иностранец. 1998. №29 (138); и др.

к истории и культуре русскоязычного сообщества в Израиле. В частности, в 2007 г. вышел в свет сборник статей «Русское лицо Израиля: черты социального портрета», в который вошли статья Ю.Штерна, посвященная вкладу русско-еврейской эмиграции в становление государства Израиль, работы М.Солодкиной, Т.Фридгута и других авторов, исследующих вопросы этнической, языковой и гражданской идентичности русскоязычных граждан Израиля и т.п.[763]

В последние годы все большее внимание исследователей привлекает проблематика «левой» эмиграции. Одной из первых крупных работ на эту тему явилась монография В.Я.Гросула, в которой анализировались международные связи российской политической эмиграции второй половины XIX в.[764] Проблема советского невозвращенчества 1920-х — 1930-х гг. плодотворно исследуется В.Л.Генисом, результаты изысканий которого представлены в фундаментальном двухтомном издании «Неверные слуги советского режима»[765]. Данное направление изучения российского зарубежья принадлежит к числу весьма перспективных, особенно в части освоения иностранных архивов. Например, значительное количество документов российской политической эмиграции хранится в Национальном архиве Франции, в том числе материалы левых социалистических партий, включая троцкистские организации[766].

Тематическое разнообразие научных публикаций, осуществленных в рамках истории и культуры первой волны в 2000–2010-е гг., показывает, что историография российского зарубежья предоставляет широкий спектр исследовательских возможностей. Так, например, перспективным направлением научных исследований является изучение феномена национальных диаспор — белорусской, украинской, башкирской, татарской, осетинской и др. Данной теме посвящены работы Р.М.Адутова, Е.Б.Бесоловой, О.В.Коваля и др.[767] Новизной теоретических подходов характеризуется под-

---

[763] «Русское лицо Израиля: Черты социального портрета: Сборник научных статей/ Сост и ред. Моше Кенигштейн. — Иерусалим — Москва, 2007.

[764] Гросул В.Я. Международные связи российской политической эмиграции во 2-й половине XIX века. М., 2001.

[765] Генис Владимир, «Политическое невозвращенчество», или Рождение «советской эмиграции (Мистификатор Яков Бадьян, его «двойники» и Заграничное бюро оппозиционеров) // Диаспора. Новые материалы. Париж — СПб, 2007. Вып. IX. Он же. Неверные слуги режима: первые советские невозвращенцы (1920–1933). Опыт документального исследования в двух книгах. Книга 1. «Бежал и перешел в лагерь буржуазии…» (1920–1929). М., 2009.

[766] См.: Lesure M. Les sources de l'histoire de Russie aux archives nationales. Paris, 1970.

[767] Адутов Р.М. Татарская и башкирская эмиграция в Японии (на основе писем эмигрантов и публикаций российских и зарубежных авторов). Набережные Челны, 2008. Бесолова Е.Б. О деятельности осетин кавказской эмиграции в первой четверти XX века // IV Всероссийские Миллеровские чтения: материалы научной конференции, 11–12 ноября 2014 г. / Под ред. З.В.Кануковой. — Владикавказ: Изд-во Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований (СОИГСИ). 2014; Коваль О.В. Общие черты формирования белорусской и украинской эмиграции в межвоенный период // Эволюция Содружества Независимых Государств: достижения и проблемы: материалы II Международной научно-практической конференции, Москва, РУДН, 12–13 ноября 2010 г. / Под ред. В.М.Козьменко, В.В.Керова. Российский университет дружбы народов (РУДН). Москва: Экон-Информ, 2010. С.113–119; и др.

готовленная в рамках научного проекта Центра стратегии и аналитики МГОУ монография В.Ф.Ершова «Русский мир и северокавказское зарубежье в XX — начале XXI века». Северокавказские диаспоры, сложившиеся в Европе и США после 1917 г., исследуются автором в контексте эволюции российского зарубежья и международного диалога культур[768].

Малоизученные аспекты истории российского зарубежья отражены в сборнике научных трудов «Русская эмиграция в Европе и Католическая церковь между двумя мировыми войнами», изданном в серии «Россия и Ватикан» в 2014 г. (его основу составили материалы международной научной конференции 2010 года)[769], книге О.Н.Савостьяновой о правосознании русской адвокатуры[770], монографии А.А.Куренышева, посвященной крестьянским организациям зарубежной России в 1920–1940-е гг.[771]; и др.

Вкладу российской эмиграции в развитие мирового кинематографа посвящены работы Р.М.Янгирова[772]. Перспективный ракурс в изучении мира культуры и искусства российского зарубежья представлен в работах Г.В.Волковой, посвященных роли документальной и художественной фотографии, сохранившей образы зарубежной России 1920-х — 1930-х гг. [773]

Возвращение в Россию памятников истории и культуры, собранных и сохраненных в российском зарубежье, явилось стимулом для изучения истории музейного дела и частного коллекционирования в зарубежной России. Различным аспектам этой темы посвящены публикации А.Г.Быковой, В.Г.Рыженко, Т.В.Таболиной, М.В.Катагощиной и других авторов, вышедшие в 2000–2010-е гг[774]. В серии статей Л.П.Муромцевой изучаются особен-

---

[768] Ершов В.Ф. Русский мир и северокавказское зарубежье в XX — начале XXI века: Монография. М.: Инфра-М, 2016. Он же. Северокавказское зарубежье 1920–1930-х гг. в Турции, Западной Европе и США: эволюция и социально-культурная специфика // Архивы и общество. Научно-просветительский журнал. Нальчик, 2012. № 22; 24.

[769] Россия и Ватикан = Russia e Santa Sede / Российская академия наук, Институт всеобщей истории, Папский ком. ист. наук (Ватикан) / Отв. ред. Е.С.Токарева, А.В.Юдин. Вып. 3: Русская эмиграция в Европе и Католическая церковь между двумя мировыми войнами L`emigrazione russia nell`Europa e la Chiesa Cattollica tra le due Guerre Mondiali. Москва: ЛЕНАНД, 2014.

[770] Савостьянова О.Н. Правосознание адвокатов России и русского зарубежья (1864–1925 гг.). Москва: Дашков и К, 2015.

[771] Куренышев А.А. Крестьянские организации Русского Зарубежья (1920–1951). М., 2008.

[772] Янгиров Р.М. В кадре и за кадром. Российские кинематографисты-эмигранты во Франции (1924–1930) // Диаспора: Новые материалы. Париж; СПб, 2001. Вып.II; СПб, 2002. Вып. III; СПб, 2003; Вып. V. Он же. «Рабы Немого»: очерки исторического быта русских кинематографистов за рубежом: 1920–1930-е годы. Москва: Русский путь, 2007. и др.

[773] Волкова Г.В. Фотография в общественно-политической и культурной жизни российского зарубежья (1920–1930-е гг.) // Новый исторический вестник. — М., 2007. — №2(16). Она же. Фотография и общество зарубежной России. 1920–1930-е годы. М., 2007; и др.

[774] Быкова А.Г., Рыженко В.Г. Учреждения — хранители исторической памяти русской эмиграции: музеи, архивы, библиотеки. М., 2003; Таболина Т.В. Русское зарубежье в Калифорнии: Музей русской культуры в Сан-Франциско и Гуверовский архив в Стэндфордском университете. М., 2004; Катагощина М.В. Антиквары русского Парижа 1920–1930-х гг. // Берега: Информационно-аналитический сборник о русском зарубежье. СПб, 2007. Вып.8. Она же. Первая мировая война в зеркале частных и корпоративных историко-культурных коллекций России и Российского зарубежья // Вестник РУДН. Серия: История России. 2019. Том 18, № 1: к 100-летию Версальского мира. Эхо Великой войны в России. С.151–181; и др.

ности формирования собраний историко-культурных и художественных памятников в различных центрах российского зарубежья и раскрывается их значение в сохранении культурной идентичности российской эмиграции; в том числе представлены ценные в научном отношении данные о собраниях российских исторических реликвий в США[775].

Необходимо подчеркнуть, что тематика истории музейного и архивного дела имеет важнейшее значение для понимания сущности историко-культурного феномена российского зарубежья XX века, осуществлявшейся российскими эмигрантами миссии сохранения и передачи культурных традиций молодым поколениям. Данный аспект в истории зарубежной России в наши дни приобрел практическое значение для современных русскоязычных диаспор во всем мире и особенно в странах ближнего зарубежья.

Вкладом в историографию истории культуры и искусства зарубежной России стали книги М.Литавриной и Н.М.Вагаповой, посвященные о театральному миру российской эмиграции в Европе[776], монография-альбом А. Толстого о русском изобразительном искусстве за рубежом[777], исследования Д.Я. Северюхина[778], В.Ф. Ершова[779] и др.

Из новых тематических ракурсов в современной историографии российского зарубежья хотелось бы отметить также гендерное направление, в рамках которого выполнены исследования петербургского историка О.Н.Барковой, посвященные профессиональной и общественной деятельности женщин в эмиграции, главным образом в интеллектуальной сфере[780].

В современном мире исследований феномена российского зарубежья на первый план нередко выходят проекты и научно-общественные мероприятия историко-литературной и историко-философской направленности. Так,

---

[775] Муромцева Л.П. История и культура России в музейных собраниях эмиграции // История и историки: 2003: Историографический вестник / РАН. ИРИ. — М., 2003. Она же. Реликвии российской послереволюционной эмиграции во Франции // Берега: Информационно-аналитический сборник о русском зарубежье. СПб, 2007. Вып.8. Она же. Эмигрантская интеллигенция и сохранение историко-культурного наследия России // 1918 г. в судьбах России и мира. Архангельск, 2008. Она же. Реликвии российской эмиграции в Северной Америке // Россия и современный мир. М., 2009. № 3 (64). Она же. Деятели американской культуры из Российской империи: Сборник статей. СПб, 2009. Она же. Традиции в жизни российской эмиграции//Вестник истории, литературы, искусства /РАН. Отделение историко-филологических наук. Том 13, М., 2018. С.84–104; и др.

[776] Литаврина М. Русский театральный Париж. М., 2003; Вагапова Н.М. Русская театральная эмиграция в Центральной Европе и на Балканах: Очерки. СПб, 2007.

[777] Толстой А.В. Художники русской эмиграции. М., 2005.

[778] Северюхин Д.Я. Русская художественная эмиграция. 1917–1939 / Петербургские исторические записки. Вып.1. СПб, 2003.

[779] Ершов В.Ф. Российская художественная эмиграция во Франции в 1920–1930-е гг. М., 2008.

[780] Баркова О.Н. Женщины — издатели русского зарубежья 1917–1939 гг. // Клио: Журнал для ученых: Journal for scientists. 2014. № 8 (92). С.34–37. Она же. «Медицина была их призванием в эмиграции…» Профессиональная, научная и просветительская деятельность женщин — врачей русского зарубежья 1917–1939 гг. // Клио: Ежемесячный журнал для ученых: печатный орган Международной академии исторических и социальных наук = a Monthly Scholarly Journal: print agency of the International Academy of History and Social science. 2017. № 7 (127).

например, представляет интерес историко-литературные эссе, вошедшие в книгу Б.Носика «Заманчивые и обманчивые истории русского Парижа» (М., 2008), в которых автор воссоздает своеобразный мир эмигрантской творческой элиты. Новые темы и ракурсы исследований, почти забытые имена деятелей русской культуры представлены в историко-филологических трудах отечественных и зарубежных авторов — участников нескольких международных научных форумов второй половины 2000-х гг., посвященных русско-французским литературным связям. Так, например, в декабре 2005 г. в Женевском университете состоялась Международная научная конференция «Русские писатели в Париже: взгляд на французскую литературу: 1920–1940», материалы которой, посвященные творчеству Алексея Ремизова, Марины Цветаевой, Вячеслава Иванова, Бориса Поплавского, Владимира Вейдле, Сергея Шаршуна и других представителей российской литературной и художественной эмиграции, позволяют преодолеть стереотипные представления об ее интеллектуальной обособленности. Тексты докладов, дополненные публикациями статей, рецензий, литературных обзоров, печатавшихся в эмигрантской прессе, раскрывают различные нюансы восприятия российской творческой интеллигенцией французской литературной культуры[781].

Зеркальным отражением темы русско-французского культурного диалога явился цикл международных научных конференций «Русское присутствие в творчестве французских писателей русского происхождения: Россия видимая и невидимая». Первая из них, приуроченная к проведению Года русского языка и литературы во Франции и французского языка и литературы в России, состоялась в Доме русского зарубежья им. А.Солженицына 19 ноября 2012 г. и показала широкие перспективы сотрудничества российских и французских ученых, изучающих творческое наследие русской литературной эмиграции[782]. Доклады профессора МГУ им. М.В. Ломоносова Н.Т.Пахсарьян о писателей Андре Макине, проф. СПбГУ Т.С.Таймановой о Борисе Суварине, доцента РГГУ, известного переводчика Е.Е.Дмитриевой об Антуане Володине, доцента Страсбургского университета Татьяны Викторовой о Доминик Десанти и другие материалы этого форума свидетельствовали об огромном разнообразии и яркости русско-французских культурных кодов, воплотившихся в творческом наследии российского зарубежья.

Вторым мероприятием проекта стала Международная научная конференция 16–17 октября 2015, посвященная творчеству современного французского писателя и драматурга российского происхождения Мишеля Ви-

---

[781] Русские писатели в Париже: взгляд на французскую литературу: 1920–1940: Международная научная конференция / Сост., науч. ред. Ж.-Ф.Жаккара, А.Морар, Ж.Тассис. Москва: Русский путь, 2007.

[782] Русское присутствие в творчестве французских писателей русского происхождения: Россия видимая и невидимая: материалы Международной научной конференции, Москва, 19–20 ноября 2012 года / Под ред. Викторовой Т.В. Дом русского зарубежья им. А.Солженицына, Страсбургский университет. — М.: Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына, 2014. 117 с.

навера и истории семей Винаверов — Гринберг[783]. В октябре 2017 г. в рамках цикла была проведена научная конференция «Русская эмиграция во Франции и средневековая культура Европы: творческая встреча, исследования, переводы», участники которой обсуждали вклад российских эмигрантов во французскую медиевистику и отражение образов европейского Средневековья в эмигрантском художественном и литературном творчестве.

Историко-литературный ракурс избрал известный исследователь русского зарубежья в Китае и США А.А.Хисамутдинов в работе «Русский литературный Пекин»[784]. Среди публикаций, посвященных культурному наследию русского зарубежья первой волны, привлекает внимание новая книга (учебное пособие для театральных вузов) историка эмигрантского театра М.Г.Литавриной «От серебряного века — к русскому зарубежью. Чехов&Набоков», в которой раскрывается диалог образов и судеб выдающихся драматургов XX столетия[785].

Различные аспекты эмигрантского литературного наследия отражены в сборниках научных трудов ИНИОН РАН. В 2006 г. вышел в свет сборник, посвященный литературной критике российской эмиграции 1920–1930-х гг., авторы которого исследовали ряд малоизвестных аспектов литературной жизни Берлина, Варшавы, Парижа[786]. В 2017 г. ИНИОН РАН издал новый сборник научных трудов «Литературное зарубежье как культурный феномен», в котором раскрывается основной спектр научных интересов современных отечественных авторов в сфере изучения литературного наследия зарубежной России[787].

В непосредственной связи с историей литературы русского зарубежья разных лет находится тема издательской деятельности российских эмигрантов, изучение которой остается неизменно востребованным благодаря той роли, которое печатное слово играло в жизни зарубежной России в течение XX столетия. В круг наиболее значимых историографических событий в этой сфере входит научная конференция «Издательское дело российского зарубежья (XIX–XX вв.)», организованная в октябре 2015 г. Институтом

---

783 Творчество Мишеля Винавера: между Францией, Америкой и Россией = L'oeuvre de Michel Vinaver: entre la France, l'Amérique et la Russie: Международная научная конференция, Москва, 16–17 октября 2015 г./ Под ред. Т.В.Викторовой и С.Н.Дубровиной; Дом русского зарубежья им. А.Солженицына, Страсбургский университет, Французский институт в России. — М.: Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына, 2017. 378 с.

784 Хисамутдинов А.А. Русский литературный Пекин: Монография / Науч. ред. Т.В.Прудкогляд. — Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 2014.

785 Литаврина М.Г. От серебряного века — к русскому зарубежью. Чехов & Набоков: драматургия. Москва: *Российский институт театрального искусства* — ГИТИС, 2018.

786 Классика и современность в литературной критике русского зарубежья 1920–1930-х годов: Сборник научных трудов / ИНИОН РАН. Центр гуманитарных научно-информационных исследований. Отдел литературоведения. — М., 2006.

787 Литературное зарубежье как культурный феномен: сборник научных трудов / Российская академия наук, Институт научной информации по общественным наукам: редакционная коллегия: Т. Г. Петрова (отв. ред.) и др. Москва: ИНИОН РАН, 2017.

российской истории РАН и Домом русского зарубежья. Научная значимость данного форума определяется новизной информации, представленной его участниками: от зарубежных публикаций одесских ученых в конце XIX века, материалов о ведущих эмигрантских издательствах в Париже, Берлине, Праге, Варшаве в 1920-е — 1930-е гг. до книг и открыток из лагерей дипи, изданий Мюнхенского института изучения СССР эпохи холодной войны и др.[788]

Значение литературной деятельности и журналистики русского зарубежья на Дальнем Востоке в международном диалоге культур XX–XXI вв. отражено в работе коллектива авторов Тихоокеанского государственного университета (Хабаровск, 2012)[789].

Отдельного внимания заслуживают научно-общественные и издательские проекты, в которых отражены процессы социально-культурной и институциональной трансформации российского зарубежья в период Второй мировой войны[790]. 70-летие Великой Победы, широко отмечавшееся в 2015 г. не только в России, но и в глобальном масштабе во всех центрах международного Русского мира, актуализировало в отечественной и зарубежной исторической науке, а также в интеллектуальном сообществе российских соотечественников задачи восстановления исторической памяти об участии российской эмиграции в антифашистском движении. Этой теме была, в частности, посвящена Международная научная конференция «Российская эмиграция в борьбе с фашизмом», состоявшаяся в Москве в мае 2015 г. Ее участники представили научно и общественно значимый комплекс материалов о патриотическом движении в российском зарубежье во Франции, Югославии, Польше и других странах Европы, а также в Китае и Латинской Америке в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В ходе данного форума проявилась также тенденция расширения поля исследований общественно-политических движений российского зарубежья, нашедшая отражение в докладах об участии русских зарубежных анархических и эсеровских групп в антифашистском подполье, а также в материалах об идеологических дискуссиях в зарубежной России эпохи Второй мировой войны[791]. Тема «советского патриотизма» и идеологических дискуссий в эмигрантской среде в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. прозвучала на

---

[788] Издательское дело российского зарубежья (XIX–XX вв.): (сборник по материалам конференции, 7–9 октября 2015 г.) / Под ред. П.А.Трибунского; Дом русского зарубежья им. А.Солженицына, Институт российской истории РАН. — Москва: Дом русского зарубежья им. А.Солженицына, 2017.

[789] Литература и журналистика русского зарубежья Дальнего Востока в межкультурной коммуникации XX–XXI вв. / Якимова С.И., Бабкина Е.С., Выхованец Н.А. — Хабаровск, Изд-во Тихоокеанского государственного университета (ТОГУ), 2012.

[790] Русское зарубежье и Вторая мировая война: IV Культурологические чтения «Русская эмиграция XX века» (Москва, 28–29 марта 2011 года): сборник докладов / Под ред. И.Ю.Беляковой. Москва: Дом-музей Марины Цветаевой, 2013; и др.

[791] Российская эмиграция в борьбе с фашизмом: Международная научная конференция, Москва, 14–15 мая 2015 года / Семенов К.К., Сорокина М.Ю., Дом русского зарубежья им. А.Солженицына. — М.: Русский путь, 2015

дискуссионных площадках ряда научных конференций, посвященных памяти Великой Победы[792].

Среди изданий, дополняющих картину общественной жизни российского зарубежья периода Второй мировой войны и первых послевоенных десятилетий, следует обратить внимание на монографию А.А.Кострюкова, посвященную институтам Русской Зарубежной Церкви и их диалогу с Московским Патриархатом в 1939–1964 гг.[793]

Научному освоению проблем истории второй волны российской эмиграции способствует расширение корпуса научно-справочных материалов и опубликованных источников по данной теме. Так, событием в литературоведении российского зарубежья второй половины XX века явилась антология произведений 44 писателей Ди-Пи и второй волны, включая неизвестных в России авторов, подготовленная В.В.Агеносовым[794]. Отметим также статью по библиографии философской мысли второй волны, опубликованную П.Н.Базановым[795].

Примерно со второй половины 2000-х гг. происходит утверждение в отечественной научной литературе проблематики истории и культуры российской эмиграции третьей волны и постсоветского дальнего зарубежья. Активно осваивают ее в настоящее время филологи и литературоведы И.М.Попова, Н.М.Байбатырова и др.[796] В 2010-х гг. были изданы также учебные пособия для вузов, освещавшие историю и специфику трех волн российской эмиграции XX столетия, в том числе авторский курс лекций В.М.Соловьева (М., 2016)[797] и учебно-методическое пособие Ю.В.Матвеевой (Екатеринбург, 2017)[798].

---

[792] 70 лет Победы в Великой Отечественной войне: подвиг народа и уроки истории: Материалы Международной научной конференции, посвященной 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. 24–25 марта 2015 года / Под ред. С.Н.Волкова, И.И.Широкорад, Н.А.Кирсанова, А.В.Македонского; Государственный университет по землеустройству. — М.: ГУЗ, 2015; Великая Отечественная. К 70-летию народного подвига: материалы Международной научной конференции «ЯЛТА-45. Крымская конференция 1945 г. в контексте «острых» вопросов окончания Второй мировой войны и начала войны холодной». Симферополь — Москва, 18–19 марта 2015 г. / Отв. ред. Е.И.Пивовар, д.и.н., член-корр. РАН; сост. И.А.Анфертьев, к.и.н, проф. — М., 2015; и др.

[793] Кострюков А.А. Русская Зарубежная Церковь в 1939–1964 гг.: административное устройство и отношения с Церковью в Отечестве. М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (ПСТГУ), 2015.

[794] Агеносов В. В. Восставшие из небытия: антология писателей Ди-Пи и второй эмиграции / Ассоциация исследователей российского о-ва (АИРО-XXI). М.: АИРО-XXI; Санкт-Петербург: Алетейя, 2014.

[795] Базанов П.Н. Философская мысль второй волны: библиографический экскурс // Библиография: научный журнал по библиографоведению и книговедению и библиотековедению. Сентябрь-Октябрь 2017. № 5 (412). С. 147–150.

[796] Попова И.М. Путь взыскующей совести. Духовный реализм в литературе русского зарубежья: Владимир Максимов: монография. Тамбов: Изд-во Тамбовского государственного технического университета, 2008. 274 с.; Егорова Л.П. Дифференциация литературных явлений русского зарубежья (эпоха перестройки, начало постсоветского периода) // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. 2015. № 20. С.17–22; Егорова Л.П. Дифференциация литературных явлений русского зарубежья (эпоха перестройки, начало постсоветского периода) // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. 2015. № 20. С.17-22; и др.

[797] Соловьев В.М. Три волны эмиграции: хроника Русского зарубежья: одиссея длиною в век: учебное пособие для высшей школы, подготовленное на базе курса лекций автора. Москва: URSS: ЛЕНАНД, 2016.

[798] Матвеева Ю.В. Русская литература зарубежья: три волны эмиграции XX века: (учебно-методическое пособие). Екатеринбург: Изд-во Уральского университета (УрГУ) 2017.

Отдельную тему, связанную с проблематикой диссидентского движения и российского литературного зарубежья 1970–1980-х гг. в отечественной гуманитарной науке, составляют исследования и документальные публикации, посвященные А.И.Солженицыну. В частности, под эгидой Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына были подготовлены и изданы два документальных сборника, отражающих творческий путь писателя на родине и в зарубежье[799].

В 2010-х гг. были представлены новые научные труды, авторы которых на серьезном теоретическом уровне осваивают проблематику миграций с территории дореволюционной России и даже Древней Руси. Примером подобных исследовательских новаций является совместный проект Института всеобщей истории РАН и Московской Патриархии «История русского православного зарубежья». Первая часть этого масштабного академического труда, вышедшая в свет в 2016 г., охватывает период с X по начало XX в.[800] Истории православного зарубежья дореволюционного периода посвящены публикации В.В. и О.П.Цысь, отражающие также рост внимания российской научной общественности к теме российского зарубежья в контексте региональной истории[801].

Надо отметить, что история Русской Православной Церкви в изгнании явилась одним из востребованных сюжетов в научной литературе 2000-х гг., что нашло отражение в работах Е.Б.Парфеновой, А.В.Попова и др.[802] Дополнительную актуальность и в то же время полемическую остроту этой теме придавал развивавшийся в этот период международный диалог церквей, направленный на преодоление Карловацкого раскола. Опытом объективного научного анализа идейно-политических и организационных факторов возникновения Русской Зарубежной церкви в начале 1920-х гг. стала монография А.А.Кострюкова «Русская Зарубежная церковь в первой половине 1920-х годов» (М., 2007)[803]. В 2007 г. также вышло в свет совместное российско-французское издание биографического справочника, посвящен-

---

[799] «Дорогой Иван Денисович!..»: письма читателей, 1962–1964 / Сост. Тюрина Г.А. — Москва: Русский путь, 2012; Александр Солженицын: Из-под глыб: рукописи, документы, фотографии: к 95-летию со дня рождения / Солженицына Н.Д., Тюрина Г.А. Государственный музей изобразительных искусств им. А.С.Пушкина. — Москва: Русский путь, 2013. .

[800] История русского православного зарубежья. Том I. Русское Православное зарубежье до 1917 г. Книга 1. Русское православное присутствие на христианском Востоке. X — нач. XX в. / Бибиков М.В. и др. Институт всеобщей истории РАН. Под ред. архиепископа Евгения (Решетникова В.Г.), академика Чубарьяна А.О. и др. — М.: Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2016.

[801] Цысь В.В., Цысь О.П. Сибиряк в Палестине: трудный путь сургутянина Я.А.Кайдалова в Святую землю (из истории русской духовной миссии в Иерусалиме) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2015. № 5 (38). С. 5–11; Цысь О.П., Цысь В.В. Поездка Х.М.Лопарева на Афон в 1896 году // Православие. Наука. Образование. 2016. № 1. С. 14–17.

[802] Парфенова Е.Б. Православное образование в эмиграции (20–30-е годы XX века) // Исторические записки. М., 2004. Вып. 7(125). М., 2004; Попов А.В. Российское православное зарубежье: история и источники. М., 2005; и др.

[803] Кострюков А.А. Русская Зарубежная церковь в первой половине 1920-х годов. Организация церковного управления в эмиграции и его отношения с Московской Патриархией при жизни Патриарха Тихона. М., 2007.

ного православному духовенству, богословам и деятелям церкви русской эмиграции[804]. Эта работа французского ученого А.Нивьера, имевшая, по словам В.И.Косика, новаторский характер[805], включала более 900 биографий, списки храмов и церковных общин, библиографические указатели. Фундаментальным продолжением этого проекта явился научно-справочный труд, подготовленный В.И.Косиком, «Русское церковное зарубежье: XX век в биографиях духовенства от Америки до Японии» (М., 2008)[806].

Комплекс хронологических и биографических научно-справочных изданий, созданных в 1990-е — 2000-е гг., в настоящее время дополнен несколькими новыми справочниками и словарями, существенно расширяющими возможности исследователей истории и творческого наследия российского зарубежья. Среди новейших публикаций данного жанра следует назвать двухтомную «Хронику русской культурной и общественной жизни в Эстонии» за 1918–1940 гг., подготовленную С.Г.Исаковым, Т.К.Шор и Т.Т.Гузаировым[807], которая, безусловно, даст стимул к более широкому освоению истории эстонского центра зарубежной России международным научным сообществом. По инициативе Л.Н.Белошевской, руководителя исследовательской группы Славянского института Академии наук Чешской Республики, в 2011 г. было заключено соглашение о сотрудничестве между Домом русского зарубежья им. Александра Солженицына и Славянским институтом Академии наук Чешской Республики на 2012–2016 гг. в целях совместной работы по реализации научно-исследовательской и издательской программы «Гуманитарные и социальные науки как коммуникативное пространство между Чехией/Чехословакией и Россией в XX в.», включая подготовку издания «Русская эмиграция в Чехословакии: биографический лексикон», работа над которым была приостановлена после кончины Л.Н.Белошевской в 2013 г., но впоследствии продолжена[808]. Завершение проекта предполагается в двух версиях — книжной (на русском языке) и электронной (на чешском языке) в 2021 г.[809] Издание станет, по всей видимости, аналогом не менее уникального по ценности информации и трудности ее сбора известного

---

[804] Православные священнослужители, богословы и церковные деятели русской эмиграции в Западной и Центральной Европе, 1920–1995: биографический справочник / Нивьер Антуан. Библиотека-фонд «Русское Зарубежье» им. А.И.Солженицына; «YMCA-Press». — Москва; Париж: Русский путь, 2007.

[805] Косик В.И. Церковное зарубежье в биографических справках // Вестник ПСТГУ. Серия II. История. История Русской Православной Церкви. 2008. Вып. II:1(26). С.138.

[806] Русское церковное зарубежье: XX век в биографиях духовенства от Америки до Японии: материалы к словарю-справочнику / В.И.Косик. — Москва: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный ун-т, 2008.

[807] Хроника русской культурной и общественной жизни в Эстонии (1918–1940). Из истории русского зарубежья. Т. 1: 1918–1931 / сост. С.Г. Исаков, Т.К. Шор. — Таллин: Aleksandra, 2016. Т. 2: 1932–1940 / сост. С.Г.Исаков, Т.К.Шор, Т.Т.Гузаиров. — Tallinn: Aleksandra, 2017.

[808] Сорокина М.Ю. Материалы к биографическому словарю «Русская эмиграция в Чехословакии» // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. М., 2016. С.665.-712.

[809] Пробелы в истории послереволюционной эмиграции из России восстанавливаются: [Интервью с Данной Гашковой]. Электронная публикация. 04.06,2016. // Český rozhlas Radio Praha. URL: http://www.czech.cz/ru/ (Дата обращения: 29.04.2019).

биографического словаря, посвященного персоналиям Русской Франции[810]. Многотомный справочник «Русское зарубежье. Хроника русской культурной, научной и общественной жизни. Франция»[811] уже имеет чехословацкую версию, также изданную под редакцией Л.Н.Белошевской в 2000 г.[812] Можно надеяться, что подготовка подобных биографических словарей будет осуществлена и в отношении других российских диаспор XX века.

Получил дальнейшее развитие и опыт создания биографических справочников по отраслям профессиональной деятельности российских эмигрантов. Так, Дом русского зарубежья в сотрудничестве с Сербским Архивом Югославии издал биографический словарь и анкеты российских врачей, работавших в Королевстве СХС в 1918–1946 гг.[813] Интересным проектом, отражающим стремление современных русскоговорящих сообществ и русистов стран Восточной Европы к изучению и популяризации истории российских диаспор, является научно-энциклопедический сборник «Геологи российского зарубежья: судьбы и вклад в мировую науку», подготовленный международной исследовательской группой под эгидой Русского академического союза в Болгарии[814].

Важным вкладом в развитие научно-информационной базы изучения литературного и общественно-политического наследия российского зарубежья является выпуск в 2018 г. фундаментального издания «Словарь псевдонимов русского зарубежья в Европе (1917–1945)»[815], изданию которого предшествовала глубокая эвристическая и аналитическая работа М.Шрубы, О.А.Коростелева и других специалистов в этой области [816].

В конце 2000-х — 2010-е гг. продолжается публикация мемуарных, эпистолярных, литературных и публицистических источников, раскрывающих

---

[810] Российское Зарубежье во Франции, 1919–2000 = L'Émigration russe en France, 1919–2000: биографический словарь в трех томах / [М. Авриль и др.]; под общ. ред.: Л.Мухина, М.Авриль, В.Лосской. — Москва: Наука: Дом-музей Марины Цветаевой, 2008–2010.

[811] Русское зарубежье. Хроника научной, культурной и общественной жизни. 1920–1940. Франция = L'Émigration Russe. Chronique de la vie scientifique, culturelle et sociale. 1920–1940. France / под общей редакцией Л.А.Мнухина и др. — Т. 1–4. Москва: ЭКСМО, 1995–1997 Т. 1 (5)–4 (8). 1940–1975.

[812] Хроника культурной, научной и общественной жизни русской эмиграции в Чехословацкой республике / Под ред Л.Н.Белошевской. Славянский институт АН Чешской Республики. Т.1. 1919–1929. Т.2. 1930–1939. Прага, 2000.

[813] Российские врачи в Королевстве сербов, хорватов и словенцев / Югославии: биографический словарь и анкеты: (1918–1946) / Горинов М.М., Милошевич М., Москвин В.А. Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, Архив Югославии (Сербия). — Москва: Дом Русского Зарубежья им. А. Солженицына, 2012.

[814] Геологи российского зарубежья: судьбы и вклад в мировую науку: научно-энциклопедический сборник по истории геологии / П.Чумаченко, О.Дитл; Русский Академический Союз в Болгарии; Geological Non-profit Limited (London). — София: Русский Академический Союз в Болгарии, 2014.

[815] Словарь псевдонимов русского зарубежья в Европе (1917–1945) / Под ред. М.Шрубы. — М.: Новое литературное обозрение, 2018.

[816] Кедринец П. Международная конференция «Псевдонимы русской эмиграции в Европе (1917–1945)» (Бохум, 3–5 сентября 2014 г.) // Новое литературное обозрение 2015. № 3. С. 416–420; Шруба М., Коростелев О.А. Псевдонимы русского зарубежья: материалы и исследования. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 656 с.; Псевдонимы русского зарубежья: материалы и исследования. Под ред. М.Шрубы и О.Коростелева. — М.: Новое литературное обозрение, 2018.

все новые и новые грани уникального интеллектуального и творческого пространства российского зарубежья. В число наиболее значимых издательских проектов следует включить сборник «И.Я. Билибин в Египте, 1920–1925», подготовленный В.В. Беляковым под эгидой Института востоковедения РАН и Дома-музея М.Цветаевой (М., 2009)[817], двухтомник воспоминаний, рассказов и писем Константина Коровина[818], переписка и творческие материалы Б.И.Щуцкого[819], сборник произведений В.С.Варшавского[820], мемуары Н.А. и И.А.Кривошеиных «Четыре века нашей жизни»[821] и др.

Под эгидой Дома русского зарубежья им. А.Солженицына был осуществлен ряд проектов, ставших ценным вкладом в популяризацию и научное изучение литературного и художественного наследия российского зарубежья и в то же время демонстрирующих плодотворность традиции сотрудничества отечественной науки с российскими соотечественниками — хранителями и исследователями архивов зарубежной России. Так, публикация переписки Константина Бальмонта и Дагмар Шаховской, подготовленная профессором Университета Чикаго (США) Робертом Бёрдом, включает материалы, хранящиеся в собрании Йельского университета и в личном архиве С.Шейлз (дочери К.Бальмонта и Д.Шаховской)[822]. В создании альбома, посвященного творчеству выдающегося графика и художника кино А.М.Арнштама, принимал участие его сын — художник книги и кино парижанин К.А.Арнштам[823]. Книга-альбом «Автобиография души» включает текст воспоминаний, фотографии, произведения живописи и графики художницы А.Н.Прегель из семейного архива Прегелей, хранителем которого является русская американка Ю.В.Гаухман, ставшая составителем данного издания[824].

Из недавних публикаций, посвященных миру российского политического зарубежья XIX в., следует упомянуть сборник «М.А.Бакунин: pro et

---

[817] И.Я. Билибин в Египте, 1920–1925: письма, документы и материалы: (сборник) / Беляков В.В, Институт востоковедения РАН, Дом-музей М. Цветаевой. — М.: Русский путь, 2009.

[818] Коровин К.А. «То было давно... там... в России...»: воспоминания, рассказы, письма / Сост. Ермолаева Т.С. В 2-х кн. Кн. 1: Мемуары «Моя жизнь»; Рассказы (1929–1935). М.: Русский путь, 2012. 750 с.; Кн. 2: Рассказы (1936–1939); Шаляпин. Встречи и совместная жизнь; Из неопубликованного; Письма. М.: Русский путь, 2012.

[819] Рок генерала Бориса Щуцкого: письма из эмиграции, избранная проза / Сост, вступ. ст., подгот. текста и примеч Е.П. Высоцкой. — М.: Русский путь, 2016.

[820] Варшавский В.С. Ожидание: проза, эссе, литературная критика / Сост и ред. Красавченко Т.Н. — Москва: Дом Русского Зарубежья им. А. Солженицына, 2016.

[821] Кривошеина Н.А., Кривошеин И.А. Четыре трети нашей жизни: воспоминания. — М.: Русский путь, 2017.

[822] «Мы встретимся в солнечном луче»: Письма Константина Бальмонта к Дагмар Шаховской, 1920–1926 / Берд Р., Черкасова Ф. — М.: Русский путь, 2014.

[823] Александр Арнштам. Вкус времени. Жизнь. Искусство. Творческие параллели. 1880–1969: (альбом) / Сост. и отв. ред. Ю.С.Гудович; авт. вступ. ст. М.Л.Магидович. Дом русского зарубежья им. А.Солженицына. — М.: Русский путь, 2015.

[824] Прегель А.Н. Автобиография души... Воспоминания / Сост. Гаухман Ю.В., авт. предисл. Рюмин А.А. — М.: Русский путь, 2018.

contra: личность и творчество Михаила Бакунина в оценке отечественных исследователей» (СПб, 2015). Книга включает широкий спектр публицистических и историографических источников, от эпохи В.Г.Белинского до современности, в том числе материалы, в которых отразилось восприятие личности и идей М.Бакунина в интеллектуальных кругах российской послереволюционной эмиграции[825].

Привлекает внимание практика подготовки документальных публикаций на основе аудиозаписей воспоминаний и интервью российских эмигрантов. Так, например, книга, посвященная деятелю Белого движения на Дальнем Востоке генералу В.М.Молчанову построена на текстах его интервью, записанных в 1970 г. сотрудником библиотеки Калифорнийского университета в Беркли Б.Реймондом и дополненных материалами из личного архива сына генерала и фондов Музея русской культуры в Сан-Франциско[826].

В начале XXI века отечественная историография российского зарубежья переходит на новый качественный уровень — от заполнения фактологических пробелов к аналитике и созданию панорамных обобщающих исследований, выработке новых теоретических концепций. Исследование феномена зарубежной России осуществляется в общем контексте отечественной и мировой истории. Уровень накопления информации и научно-теоретического осмысления сути феномена российского зарубежья в 2000-е гг. обусловил возможность его изучения как целостного явления, формировавшегося в течение как минимум полутора столетий. Эта задача приобрела особую актуальность в контексте формирования современной концепции взаимоотношений российского общества и государства с русскоязычными диаспорами в дальнем и ближнем зарубежье.[827]

Процесс реализации крупных исследовательских проектов в рассматриваемый период соединяется с практикой расширения хронологических рамок истории российского зарубежья. Так, в фундаментальной монографии В.Я.Гросула «Русское зарубежье в первой половине XIX века» (М., 2008) воссоздается мир сложившихся в этот период зарубежных русских колоний, а также исследуется деятельность российских дипломатов, военных, деятелей науки и искусства, длительное время находившихся за рубежом, раскрывается процесс формирования центров российской политической эмиграции[828].

---

[825] М.А.Бакунин: pro et contra: личность и творчество Михаила Бакунина в оценке отечественных исследователей: Антология / Сост., вступ. статья, комм. П.И.Талерова. — СПб: Издательство Русской христианской гуманитарной академии (РХГА), 2015.

[826] Молчанов В.М. Последний белый генерал. Устные воспоминания, статьи, письма, документы / Сост. Л.Ю.Тремсиной, комм. С.В.Волкова. — М., 2009.

[827] См. подробнее: Пивовар Е.И. Российское зарубежье. Социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. М., 2008. Он же. Мир российского зарубежья в конце XX — начале XXI века. М.: РГГУ, 2019

[828] Гросул В.Я. Русское зарубежье в первой половине XIX века. М., 2008.

Одним из ключевых подходов к теме российского зарубежья становится концепт международного Русского мира как системы сообществ, связанных с Россией, история миграций, конкретных семей и личных биографий, культурных традиций. Идея Русского мира была воплощена, в частности, в шеститомном издании «Русский мир в XX веке», вышедшем под редакцией Г.А.Бордюгова и А.Ч.Касаева в 2014 г. и включающем работы З.С.Бочаровой, М.Н.Мосейкиной и других ведущих исследователей русского зарубежья[829].

В процессе изучения масштабной темы истории российского зарубежья XIX — начала XXI веков сложилось сообщество ученых-историков, создавших интеллектуально-информационную базу по данной проблеме. Данное сообщество включает в себя как российских историков, так и западных русистов и славистов, а также представителей мира российских соотечественников. В рамках научного проекта, объединившего российских и немецких ученых, был подготовлен первый выпуск словаря «Исследователи русского зарубежья», содержащий биобиблиографические и наукометрические данные о более чем 160 российских авторах научных трудов по истории и культуре зарубежной России[830].

Таким образом, в настоящее время отечественная историография располагает многочисленным и разнообразным в тематическом отношении комплексом работ, посвященных общим и частным вопросам проблематики российского зарубежья. При этом уже изданная литература выступает в качестве фактологического и теоретического фундамента для новых исследований, благодаря которым не просто заполняются существующие лакуны, но и происходит процесс перманентного углубления представлений о феномене зарубежной России.

Общий качественный рост отечественной гуманитарной науки, связанный с расширением ее участия в глобальном интеллектуальном диалоге, стимулирует дальнейшее развитие историографии российского зарубежья. Отличительной чертой современного этапа развития историографии зарубежной России является широкое взаимодействие отечественного научного сообщества с иностранными учеными, прежде всего с русистами, представляющими мир российских зарубежных соотечественников. Одновременно происходит дальнейшее освоение исследователями всего мирового богатства архивов и опубликованных источников, связанных с историей российского зарубежья. При этом, как видно из представленного обзора из-

---

[829] Мосейкина М.Н. У истоков формирования Русского мира, XIX — начало XX века / Русский мир в XX веке. В 6 томах. Под ред. Г.А.Бордюгова и А.Ч.Касаева. — Т.1. М.: АИРО-XXI; СПб: Алетейя, 2014; Бочарова З.С. Русский мир 1930-х годов: от расцвета к увяданию зарубежной России / Русский мир в XX веке. В 6 томах. Под ред. Г.А.Бордюгова и А.Ч.Касаева. Т.6. М.: АИРО-XXI, 2014.

[830] В.Л.Гентшке, И.В.Сабенникова, А.С.Ловцов. Исследователи русского зарубежья. Биобиблиографический словарь. = The Researchers of Russian Diaspora: Biobibliographical Reference Book / В.Л.Гентшке, И.В.Сабенникова, А.С.Ловцов. — Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2018.

даний, развиваются две дополняющих и стимулирующих друг друга тенденции — обобщение имеющейся информации и создание новых тематически разнообразных баз данных, главным образом биобиблиографического характера.

Проблематика российского зарубежья остается одной из наиболее востребованных в научном и издательском сообществе, неизменно привлекает внимание специалистов и широкого читателя. Залогом дальнейшего сохранения этой тенденции является очевидный факт существования феномена Русского мира не только в исторической ретроспективе, но и как неотъемлемой части современной международной жизни.

Е.А. Косован

Украинский научный институт (УНИ) в Берлине

Аннотация

Статья посвящена истории исследовательского и политического центра украинской эмиграции в Германии в 1920-е — 1930-е гг. — Украинского научного института в Берлине. Автор анализирует причины создания Института, его статус и особенности функционирования. Особое внимание автор уделяет его роли во взаимодействии германских политических элит и украинской эмиграции, прежде всего ее консервативно-монархических кругов. В статье также рассматривается позиция по «украинскому вопросу» германского руководства в контексте внешнеполитической доктрины Веймарской Республики и Третьего Рейха.

Ключевые слова: украинская эмиграция, Веймарская Республика, Германский Рейх, «украинский вопрос», гетманское движение, Организация украинских националистов.

Abstract

The article is devoted to the history of the Ukrainian Research Institute in Berlin, considered the research and political center of the Ukrainian emigration in Germany in the 1920s — 1930s. The author analyzes the causes of the foundation of the Ukrainian Research Institute, its status and features of functioning. The author pays special attention to the role of the Institute in the interaction between German political elites and Ukrainian emigration, especially its conservative-monarchist circles. The article also deals with Germany's stance on the «Ukrainian issue» in the context of the foreign policy doctrine of the Weimar Republic and the Third Reich.

Key words: Ukranian emigration, Weimar Republic, Deutsches Reich, Ukrainian question, hetman's movement, Organization of Ukrainian Nationalists.

Украинский научный институт (УНИ) в Берлине[831] — организация, история которой почти неизвестна российскому научному сообществу. Между тем во второй половине 1920-х гг. и в течение всего предвоенного десятилетия это был один из главных центров украинской эмиграции в Европе. УНИ, тесно связанный с гетманским движением и с семьей

[831] Український науковий інститут у Берліні, УНІ.

П.П.Скоропадского, это своего рода *camera obscura*, которая позволяет увидеть во всей полноте жизнь значительной части украинской эмиграции, составить представление о ее целях, идеалах как политического, так и социокультурного характера. Более того, почти двадцатилетняя деятельность Института — это также история взаимоотношений украинского и российского зарубежья, двух ветвей отечественной межвоенной эмиграции. В ней, как в зеркале, отразились поиски национальной идентичности, формирование представлений об образе антагониста («другого»), непростые, конфликтогенные процессы «национализации» и «суверенизации» истории[832], то есть попытки отделения собственного, украинского нарратива от общегороссийского историко-культурного процесса. Здесь же, в УНИ, украинская эмиграция писала сценарий сотрудничества с реакционными германскими властными и военными элитами, в том числе и с нацистами, накануне и в годы Второй мировой войны.

Несмотря на всю значимость истории УНИ, в зарубежной историографии она изучена фрагментарно[833]. Украинская историография Института, наоборот, обширна. Одним из первых исследований, посвященных деятельности УНИ, стала диссертация Т.В.Бублык[834]. Также стоит упомянуть статьи Г.Ю.Калиберды, О.И.Шаблия, Р.М.Конты, Л.В.Божук, И.Г.Передерий, Е.А.Прыймак, Т.А.Подоляки и Д.В.Бурима[835].

---

[832] Термины «национализация» и «суверенизация» истории принадлежат Г.В.Касьянову. См.: «Украина и соседи: Историческая политика 1987–2018». М., 2019.

[833] Можно упомянуть следующие работы: Manfred A., Kämpfer F., Kappeler A. Kleine Völker in der Geschichte Osteuropas: Festschrift für Günther Stökl zum 75. Geburtstag. Stuttgart, 1991; Kumke C. Das Ukrainische Wissenschaftliche Institut in Berlin: Zwischen Politik und Wissenschaft // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1995. № 43. S. 218–253; Kappeler A. Der schwierige Weg zur Nation: Beiträge zur neueren Geschichte der Ukraine. Wien, 2003; Grelka F. Die ukrainische Nationalbewegung unter deutscher Besatzungsherrschaft 1918 und 1941/42. Wiesbaden-Erbenheim, 2005.

[834] Бублик Т.В. Наукова та культурно-освітня діяльність української еміграції в Чехословаччині та Німеччині в 20–30-ті роки XX ст.: дис. … канд. іст. наук. Київ, 1997.

[835] Каліберда Г.Ю. Науково-дослідницька та освітня діяльність українського наукового інституту у Берліні (1926–1945). URL: http://www.rusnauka.com/5_NITSB_2009/Istoria/41208.doc.htm (дата обращения: 21.03.2019); Шаблій О.І. Володимир Кубійович: енциклопедія життя і творення. Париж — Львів, 1996; Конта Р.М. Наукові здобутки Зенона Кузелі як етнолога — члена Наукового товариства ім. Шевченка: діаспора історіографія // Етнічна історія народів Європи. Київский національний університет імені Тараса Шевченка. Вип. 37. Київ, 2012. С. 57–62; Божук Л.В. Роль Дмитра Дорошенка у формуванні українського освітнього простору // Вісник Київского національного університету імені Тараса Шевченка. 2008. № 12. С. 32–35; Передерій І.Г. Український науковий інститут у Берліні та В'ячеслав Липинський (до 130-річчя від дня народження). Український історичний журнал. 2012. № 2. С. 98–113; Приймак О.О. Громадсько-політична й наукова діяльність В'ячеслава Казимировича Липинського (1882–1931 рр.): автореф. дис. … канд. істор. наук: 07.00.01. Харків, 2011; Подоляка Т.А. Діяльність Зенона Кузелі в Українському науковому інституті в Берліні (1926–1945 рр.) // Наука. Религия. Суспільство. 2009. № 1. С. 33–37; Она же. Народознавча діяльність Зенона Кузелі: автореф. дис…канд. іст. наук: 07.00.05. Львів, 2009; Бурім Д.В. Українiка в Архіві Університету Гумбольдта (Берлін, Німеччина). Матеріали до біографії професора доктора Івана Мірчука // Наукові записки: Зб. пр. молодих вчених та аспірантів. Академія наук України. Інститут української археографії. Т. 22. Київ, 2011. С. 312–327; Он же. Українська еміграція в епістолярних джерелах: листи Дмитра Дорошенка до Миколи Стороженка (1925–1928) // Український археографічний щорічник. Нова серія. Вип. 16 / 7. Український археографічний збірник. Т 19 / 20. Київ, 2012. С. 438–531; Себта Т.М. Українiка в Берлінській державній бібліотеці Пруської культурної спадщини та Федеральному Архіві в Берліні // Архіви України, Київ, 2006, № 1–6 (259). С. 200–234.

Недостаточно освоено и архивное наследие УНИ, разбросанное по разным странам и континентам. В данном исследовании использовались материалы Государственного архива высших органов власти Украины (Центральний державний архів вищих органів влади та управління України (ЦДАВО України), отложившиеся в фонде 4158 «Український науковий інститут в Берліні». Кроме того, источниковую базу данной работы составили источники личного происхождения. В первую очередь это переписка Дмитрия Ивановича Дорошенко (1882–1951 гг.) и Вячеслава Казимировича Липинского (1982–1931 гг.)[836]. Письма Д.И.Дорошенко В.К.Липинскому охватывают период с июля 1918 по май 1931 г. и отражают многие перипетии планирования, организации и первых лет работы УНИ, глубокие противоречия среди «гетманцев».

Между поисковой работой и мемуарами балансирует труд Симона Нарижного «Українська еміграція. Культурна праця української еміграції між двома світовими війнами»[837], который впервые увидел свет в Праге в 1942 г. Впоследствии он был переиздан с использованием материалов, собранных автором для второй части книги. Эмигрировавший трижды (в 1922 г. в Чехословакию, после Второй мировой войны — в Германию и в 1951 г. — в Австралию), Симон Нарижный тщательно проанализировал различные аспекты деятельности украинской эмиграции в Европе в межвоенный период.

Мы отдаем себе отчет, что история УНИ — тема для множества специальных исследований. В одной работе невозможно рассмотреть все аспекты деятельности Института и данная статья — попытка общей ретроспективы почти двадцатилетней деятельности УНИ.

Предыстория Института разворачивается в начале 1920-х гг., когда в основном завершилась первая постреволюционная волна украинской эмиграции в Германию. Причины эмиграции, ее ход и значение в контексте формирования украинско-германского геополитического тандема, без которого были бы невозможны интересующие нас события, подробно рассматривались в наших специальных публикациях, к которым мы и отсылаем читателя[838]. Здесь же отметим, что закрепление прогерманского

---

[836] Липинський В.К. Листи Дмитра Дорошенка до В'ячеслава Липинського / Т. 6. Архів / Ред. І. Коровицький. Філядельфія, Пенсільванія, 1973.

[837] Наріжний С.П. Українська еміграція. Культурна праця української еміграції 1919–1939 (матеріали, зібрані С. Наріжним до частини другої). Київ, 1999.

[838] См., например: Косован Е.А. «Украина должна быть на борту Европы»: к вопросу о геополитическом треугольнике «Германия — Украина — Россия» // Труды Института постсоветских и межрегиональных исследований РГГУ. Вып. 1: Украинистика. М.: Издательство РГГУ, 2018. С. 138–165. Она же. Союз Освобождения Украины и германская политика «декомпозиции» Российской империи в 1914–1917 гг. // Революции в истории: Сб. избр. ст. участников VII международной научной конференции молодых ученых и специалистов «Clio — 2017» / [гл. ред. А.К.Сорокин, отв. ред.]. М.: Политическая энциклопедия, 2017. С. 115–124. Она же. «Украинский вопрос» в предвоенной политике Германской империи (1900–1914 гг.) // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы Первой мировой войны и перспективы их изучения»; Тюменский государственный университет, 26 ноября 2014 г. Ишим — Тюмень, 2015. С. 15–19.

вектора сначала украинского национального движения, потом «украинской национальной революции» 1917–1920 гг. и первого национального государственного образования — Украинской Народной Республики (УНР) — оказалось фатальным: Германия проиграла Великую войну и была вынуждена покинуть столь удачный украинский плацдарм, а УНР утратила не просто союзника, но и в определенной степени гаранта собственной независимости и источник внешнего управления. Попытки Киева переориентироваться на страны Антанты или создать военно-политический тандем с Польшей не увенчались успехом. После ухода из Украины германских военных сил начался беспорядочный дрейф полунезависимого украинского государства, который в итоге и привел к его распаду.

Крах Украинской Народной Республики вызвал эмиграцию прогермански настроенных украинских политиков, военных в Берлин. И основная ее причина заключалась в том, что план создания независимой Украины при военной и дипломатической помощи Берлина, несмотря на его очевидную несостоятельность, оставался актуальным как для эмигрантов, так и для части немецких политиков, рассматривавших «украинский вопрос» как инструмент взятия военного реванша.

Эмиграция привела к созданию общественно-политических структур украинского зарубежья. В особенности это касается общины в Берлине, члены которой представляли наиболее активную в социальном плане группу. Благодаря им Берлин стал в межвоенный период безусловным центром политической и культурной жизни украинской эмиграции в Германии[839]. Не зря этот период исследователи украинской диаспоры в Германии часто называют «золотым веком»[840].

Несмотря на многочисленные трудности, порожденные как самим фактом эмиграции, так и послевоенной разрухой в принявшем их государстве, украинские эмигранты занимали положение, которое можно считать в целом благоприятным. Прежде всего, они были хорошо знакомы с политической, социальной и культурной ситуацией в стране пребывания и были «узнаваемы». Многие из них, особенно выходцы из западноукраинских земель, еще до Первой мировой войны работали в Германии, у них сохранились здесь академические и деловые связи[841]. Тем не менее практически сразу возникла потребность в структуре, которая выполняла бы функции представителя украинской общины и посредника между нею и немецкой стороной. Заинтересованы в ее создании были как украинцы, так и немцы. Этот интерес особенно возрос, после того как в 1925 г. Веймарскую республику возглавил П.Гинденбург. Таким образом, у власти вновь оказались представители «военно-аристократических кругов с кон-

---

[839] Наріжний С. Указ. соч. С. 50.

[840] Десятерик Д. Український Берлін: минуле і сьогодення // День: щоденна українська газета. 15 березня 2012 р. № 45. URL: http://www.day.kiev.ua/uk/article/panorama-dnya/ukrayinskiy-berlin-minule-i-sogodennya (дата обращения: 03.05.2019).

[841] Бублик Т.В. Указ. соч. С. 140–141.

сервативно-монархическими взглядами», которые в 1918 г. непосредственно контактировали с гетманским правительством, не имея практической возможности оказать какое-либо влияние на решение «украинского вопроса», тем не менее считали прежнюю гетманскую Украину наиболее удобным с точки зрения германских интересов политическим образованием[842]. Они были готовы оказывать эмигрантам-гетманцам материальную поддержку, которую те с готовностью принимали и которая могла бы быть направлена на организацию вышеупомянутого центра.

Обсуждение возможности создания такого центра в виде Украинского научного института (Український науковий інститут) шло по крайней мере с 1924 г. Это нашло отражение, например, в переписке первого директора Института Д.И.Дорошенко и идеолога украинского консерватизма В.К.Липинского.

Дмитрий Иванович (Дмитро Іванович) Дорошенко (1882–1951 гг.), министр иностранных дел в период гетманата, с 1919 г. находился в эмиграции в Чехословакии, где преподавал в Украинском свободном университете (Український вільний університет), Украинском высшем педагогическом институте (Український високий педагогічний інститут ім. М. Драгоманова) и Карловом университете. Один из основателей объединения «Украинский Союз хлеборобов-державников», он с глубоким интересом относился к проектам создания украинского института. Но на первых порах его мнение относительно переезда в Берлин и работы в будущем Институте было очень неоднозначным. Получив осенью 1924 г. от П.П.Скоропадского сообщение о «плане создания Украинского научного института в Берлине и приглашение на должность его директора»[843], Д.И.Дорошенко сомневался в целесообразности своего переезда в Германию — страну, не предоставлявшую эмигрантам таких преференций, как Чехословакия («Кто из нас может переселиться в Берлин и жить там на свой кошт?»[844]). Однако впоследствии эта идея захватила его.

Изначально немецкая сторона считала, что украинский Институт должен войти в состав созданного в феврале 1923 г. Русского (Российского) научного института в качестве филиала или секции[845]. По этой проблеме в среде гетманцев в конце 1924 г. шли острые споры. Объединение с Русским научным институтом считал возможным, вероятно, один П.П.Скоропадский[846], подавляющее же большинство украинских эмигрантов считало предательством национальных интересов какое бы то ни было сотрудничество

---

[842] Там же. С. 91.

[843] Бурім Д. Діяльність Товариства підтримки української науки та культури в Німеччині (за матеріалами Архиву Федеральної Землі Берлін) // Чорноморський літопис. 2011. № 5. С. 144.

[844] Липинський В.К. Листи Дмитра Дорошенка до В'ячеслава Липинського / Т. 6. Архів / Ред. І. Коровицький. Філядельфія, Пенсільванія, 1973. С. 102.

[845] Там же. С. 104.

[846] Антонович М. В. Липинський і Д. Дорошенко (До наукової співпраці двох великих істориків) // Український історик. 1982. № 3–4. С.15.

с российской эмиграцией, отрицательно относившейся к проектам создания независимой Украины. Поэтому одна часть общины стояла за полную независимость будущего Института, другая допускала возможность объединения, но только не с российскими организациями, а с немецкими — например, с Институтом Восточной Европы (Osteuropa-Institut zu Breslau).

Д.И.Дорошенко принадлежал к той группе, которая смотрела на объединение даже с Институтом Восточной Европы как на крайнюю меру и считала образование самостоятельного украинского учреждения делом предпочтительным. В конце концов сторонникам независимости Института удалось склонить немецких чиновников на свою сторону.

Уже в 1924 г. ни для кого, в том числе и для немецкой стороны, не было секретом, что будущий Институт — организация не только и не столько научная, сколько политическая[847]. Однако отношение эмиграции к такому сценарию организации УНИ также было противоречивым. С одной стороны, по мнению Д.И.Дорошенко, Институт, «созданный по инициативе… п. Г. (*пана Гетмана* — Е.К.) и людей, которые стоят около него», должен сослужить гетманскому движению «определенную идейную службу»[848] параллельно со своей основной, неполитической задачей, которая заключалась в развитии украиноведения и оказании помощи украинским студентам.

При этом Д.И.Дорошенко и его сторонников тревожила необходимость сложного лавирования и осознание того, что, если политическая составляющая в деятельности новой организации будет доминировать, это оставит Институт без способных сотрудников и приведет к многочисленным конфликтам. В эпистолярной дискуссии Дорошенко и Липинского о месте политики в деятельности Института отразились серьезные разногласия, существовавшие между умеренным и радикальным направлениями в среде гетманцев.

Считая, что следует отдавать предпочтение специалистам, которые бы «сочувственно относились к гетманскому движению»[849], Д.И.Дорошенко указывал на то, что Институт и так оказывается в сложном, зависимом положении: ведь создатели его действуют «на чужой земле, за чужой счет и в очень неблагоприятных условиях»[850]. Жесткое же следование «партийному принципу» может связать руки сотрудникам и сделать их заложниками чужих политических игр. Часто приезжая в Берлин, вращаясь в различных эмигрантских кругах, общаясь с немецкими представителями, Д.И.Дорошенко действительно гораздо тоньше разбирался в ситуации и делал более дальновидные прогнозы, нежели В.К.Липинский, практически безвыездно живший в Райхенау (Австрия).

Липинский утверждал, что «нужно приложить все усилия, чтоб собрать людей нашей идеи и годных для работы в нашей организации» (но

---

[847] Липинський В.К. Указ. соч. С. 108.

[848] Там же. С. 106.

[849] Цитирую по: Передерій І.Г. Український науковий інститут у Берліні ті В'ячеслав Липинський (до 130-річчя від дня народження) // Український історичний журнал. 2012. № 2. С. 100.

[850] Липинський В.К. Указ. соч. С. 110.

и он оговаривался, что «при оценке людей нужно руководствоваться не тем, воспринял ли данный кандидат нашу идею, а тем, хочет ли и может ли он ее воспринять»[851]), и настаивал на том, что при открытии института его действительные члены должны торжественно присягнуть П.П.Скоропадскому. По мнению Липинского, руководствоваться чисто академическими принципами при наборе сотрудников Института было бы равносильно самоубийству[852].

Таким образом, Липинский в отличие от Дорошенко рассматривал будущую организацию прежде всего «как институт общественно-политического и лишь потом — научно-академического значения»[853] и либо не видел негативных последствий превращения будущего Института в политическую организацию, либо не хотел их видеть. Отметим, что опасения Д.И.Дорошенко впоследствии вполне оправдались. Шаткое положение УНИ было обусловлено не только и не столько противоречиями внутри украинской эмиграции, но самим положением этого учреждения, полностью зависимого от немецких властей.

Итак, компромисс относительно политического и профессионального содержания деятельности будущего Института был достигнут с трудом. Не менее сложным оказался и выбор оптимального устройства новой организации. Были планы, например, создать не научное, а образовательное учреждение типа Украинского свободного университета в Праге — «школу». Но от этой идеи пришлось отказаться из-за малочисленности студентов. Как писал Д.Дорошенко в письме от 28 июля 1926 г., «…мы бы обанкротились уже на второй месяц (как обанкротился в конце концов Украинский университет в Праге[854]), если бы задумали создать школу с лекциями и т.д. Потому что у нас не будет аудитории. Очень простая причина — пятьдесят украинцев — студентов на весь Берлин (и то всяких техников, агрономов и т.д.)»[855].

---

[851] Цитирую по: Передерій І.Г. Указ. соч. С. 100.

[852] Антонович М.Д. Указ. соч. С. 16.

[853] Передерій І.Г. Указ. соч. С. 100.

[854] Очевидно, ошибка. Автор имеет в виду первый, так называемый «венский период» (весна — лето 1921 г.) существования Украинского свободного университета (Український Вільний університет), когда из-за недостатка средств, слишком маленькой аудитории и в конечном итоге утраты Веной значения в качестве центра украинской эмиграции Университет был перенесен в Прагу. «Пражский период» Университета продлился до 1945 г. Подробнее об этом см.: Полонська-Василенко Н.Д. Український Вільний Університет (1921–1971) // «Український історик». 1971. № 1–2.

[855] Липинський В.К. Указ. соч. С. 234.
Информация о численности студентов-украинцев очень разнится из-за отсутствия точной статистики. Согласно одним данным, в 1926 г. только в Берлине училось не менее 200 студентов-украинцев, объединенных Союзом украинских студентов в Германии (Спілка Українських Студентів у Німеччині) и Академическим обществом (Академічна Громада). Примерно столько же их насчитывалось в Кенигсберге, Киле, Геттингене и Бреслау. По другим сведениям, в том же году на территории Германии всего было менее 150 студентов-украинцев (См.: Дуднік О.Я. Український студентський рух в еміграції (Центрально-Східна Європа, 20-ті роки XX ст.): дис…канд. іст. наук: 07.00.02. Київ, 2003. С. 74). Справедливости ради надо заметить, что через три года, в 1929 г., Спілка студентів-українців зафиксировала 72 студента-украинца (См. Бублик Т.В. Наукова та культурно-освітня діяльність української еміграції... С. 132). Вопрос о том, каким образом определялась национальность студентов, остается открытым.

С началом 1926 г. подготовка к открытию Института активизировалась. Летом этого года было основано Общество поддержки украинской науки и культуры (Товариство підтримки української науки та культури), структурно и по поставленным перед ним целям единое с будущим Украинским научным институтом. Так, Правление Общества одновременно являлось Кураторией (руководящим органом) будущего Института[856].

Наконец 10 ноября 1926 г. «по инициативе украинского Союза помощи беженцам, в целях создания в Германии наиболее благоприятных условий для развития украинской науки и культуры, а также для установления и усиления культурных контактов между Украиной и Германией»[857], при активной поддержке П.П.Скоропадского и министра иностранных дел Германии Густава Штреземана был создан (в качестве филиала при Берлинском университете) Украинский научный институт. На создание и деятельность УНИ МИД Веймарской республики предоставил 64000 немецких марок, еще 10000 марок на стипендии украинским студентам предполагалось выдавать ежегодно[858].

Директором Института стал Д.И.Дорошенко. Управлением Института занималась Куратория, в состав которой входили директор, один из действительных членов Института и представитель немецких органов власти. В первый состав Куратории вошли с немецкой стороны: генерал В.Грёнер[859] (глава Куратории), профессора М.Фасмер (директор Института славистики при Берлинском университете), М.Зеринг (Берлинский университет), Ф.Майнеке (Берлинский университет), Г.Келлер (Женевский университет); с украинской стороны: заместитель главы Куратории А.Ф.Скоропис-Йолтуховский, директор Института Д.И.Дорошенко, а также бывший дипломат И.Я.Коростовец, профессор М.И.Панчишин и представитель профессорской коллегии И.Мирчук[860]. Сотрудниками Украинского научного института стали как украинцы — эмигранты, так и немцы, берлинцы и живущие в других городах, сочетавшие работу в УНИ с другой деятельностью[861].

Первоначально планировалось создать в УНИ шесть кафедр, однако к 1926 г. их число было сокращено до четырех: украинской истории (заведующий Д.И.Дорошенко), истории украинской государственности (В.К.Липинский), нематериальной культуры (И.Мирчук) и истории мате-

---

[856] Бурім Д.В. Указ. соч. С. 143.

[857] ЦДАВО(У). Ф. 4158. Оп. 1. Спр. 26. Арк. 235.

[858] Дуднік О.Я. Указ. соч. С. 67

[859] Вильгельм Грёнер в 1918 г. командовал немецкой армией на Украине и активно участвовал в приведении к власти П.П.Скоропадского. В своих воспоминаниях последний называет Гренера «выдающимся немецким военачальником и мудрым политиком». См.: Скоропадський П.П. Спогади. Кінець 1917 — грудень 1918. — Київ — Філадельфія, 1995. С. 191.

[860] Главой куратории после ухода В.Грёнера в 1934 г. стал профессор А. Пальме, а с 1939 по 1944 г. — профессор Г.Герулис.

[861] ЦДАВО(У). Ф. 4158. Оп. 1. Спр. 27 . Арк. 26, 171–172.

риальной культуры (В.Р.Залозецкий). Также с 1928 г. при Институте действовало Украинское академическое товарищество (Українське академичне товариство) во главе с В.В.Кучабским и Д.Г.Олянчиным, которое объединяло украинских преподавателей и студентов, занимавшихся преимущественно политической историей Украины. В составе УНИ работали Украинский дом студента (Український Студентський Дім), библиотека и архив[862].

Основными целями Института были заявлены «развитие украинской науки и культуры в структуре общеевропейских научных достижений и продвижение их в германоязычном обществе, а также помощь украинским студентам, которые проходят обучение в немецких высших учебных заведениях»[863].

В начале своей деятельности Институт субсидировался Обществом содействия украинской культуре и науке (Verein zur Förderung der ukrainischen Kultur und Wissenschaft) и Министерством иностранных дел Германии.

Уже в первое пятилетие деятельности Украинского научного института было очевидно, что, несмотря на название, научная деятельность не является его основной задачей, хотя именно ее старался развивать в первую очередь директор Дорошенко. Отметим, что в этот период для академической деятельности УНИ был характерен повышенный интерес к вопросам, связанным с украинской государственностью, который в 1930-е гг. существенно снизился. Это вполне объяснимо: в 1920-е гг. настоятельно требовал осмысления недавний крах первого украинского национально-государственного проекта, проблематичным оставалось место «украинского вопроса» в политике Советской России и государств Западной и Центральной Европы и т.п. В конечном итоге глубокого ретроспективного анализа требовала вся история Украины, и попытки такого анализа отразились в работах сотрудников УНИ, датируемых 1927–1932 гг. Это прежде всего лекционные курсы, которые читались как в стенах УНИ, так и в немецких высших учебных заведениях, а также публикации в печатных органах Института — «Abhandlungen des Ukrainischen Wissenschaftlichen Institutes in Berlin» («Записки УНІ в Берлине») и «Mitteilungen des Ukrainischen Wissenschaftlichen Instituts in Berlin» («Известия УНІ в Берлине») и европейской славистической периодике («Jahrbücher für Kultur und Geschichte der Slaven», Zeitschrift für slavische Philologie и «Zeitschrift für osteuropäische Geschichte»[864]). В частности, стоит отметить курсы В.К.Липинского («Теории форм государства и управления», «Монархические традиции на Украине»), Д.И.Чижевского («Философия, язык, национальность»), В.А.Старосольского («К вопросу о формах государства»), Д.Г.Олянчина («Из материалов о немецко-украинских политических от-

[862] ЦДАВО(У). Ф. 4158. Оп. 3. Спр. 1. Арк. 150.

[863] Подоляка Т.А. Діяльність Зенона Кузелі в Українському науковому інституті в Берліні (1926–1945 рр.). // Наука. Религия. Суспільство. 2009. № 1. С. 34.

[864] Бурім Д.В. Указ. соч. С. 144.

ношениях»), Б.Д.Крупницкого («Запорожские казаки, их история и организация»), В.Н.Леонтовича («Проблема феодализма на Украине»), И.Мирчука («Славянская философия», «Восточно-галицкий вопрос на переговорах в Брест-Литовске», «Украинская философская литература»)[865], многочисленные исследования Д.И.Дорошенко, в том числе и биографические, посвященные Михаилу Драгоманову, Василию Доманицкому, Дмитрию Бантыш-Каменскому[866] и др., наконец, подготовленные сотрудниками УНИ материалы для энциклопедий (Mezers-Lexikon, Brockhaus-Lexikon, Lexikon für Kirche und Teologie, Lexikon für Kunstgewerbe).

После 1932 г. историко-политологическая направленность деятельности Института постепенно сошла на нет. Для УНИ 1930-х гг. характерен крен в сторону изысканий, посвященных преимущественно средневековым сюжетам. Среди наиболее значимых выделим историографические работы Д.И.Дорошенко, исследования И.В.Лосского, посвященные ранним украинско-немецким контактам, собранные Д.Г.Олянчиным материалы по освободительным войнам середины XVII в., работы М.Д.Антоновича по истории казачества XVI–XVII вв. и т.д. В этот период рупором УНИ становятся издания «Статьи по украиноведению» (Beiträge zur Ukrainekunde) и «Известия Украинского научного института» (Kulturberichte des Ukrainischen Wissenschaftlichen Institut)[867].

Сотрудники Института постоянно принимали участие в немецких и международных конференциях, симпозиумах, конгрессах: в качестве примера можно привести Конгрессы славянских географов и этнографов, конгрессы польских историков в Варшаве, XII Съезд немецкого философского общества в Магдебурге, VIII Международный философский конгресс в Праге, II Украинский научный съезд в Праге и т.д. Ряд конференций был организован Украинским академическим товариществом, оно же в годы своей работы (1928–1932 гг.) организовывало лекции, экскурсии и так называемые «святкові академії» — праздничные мероприятия в честь выдающихся украинских ученых, писателей, политических деятелей[868]. После того как Товарищество прекратило существование, его место занял Союз украинцев в Германии (Спілка українців в Німеччині, основанный в 1935 г.). Совместно с ним УНИ по-прежнему проводил праздники, концерты, памятные вечера. Среди таких мероприятий можно отметить концерты украинской пианистки Л.Колесса в Берлине (1933), тенора К.Андриенко (1934), хора под управлением композитора и дирижера Е.Цимбалистого (1936)[869].

---

[865] Бублик Т.В. Указ. соч. С. 104.

[866] Андрєєв В.М. Дмитро Дорошенко: «перший» чи «другий» в українській історіографії першої половини ХХ ст.? (Досвід вивчення інтелектуальної біографії історика) // Український історичний журнал. 2007. № 4. С. 113.

[867] Бублик Т.В. Указ. соч. С. 115.

[868] ЦДАВО(У). Ф. 4158. Оп. 3. Спр. 1. Арк. 1–2.

[869] Там же. Арк. 102.

Как в 1920-е, так и в 1930-е гг. руководство Института уделяло самое пристальное внимание библиотеке украиноведения. К 1937 г. в ней насчитывалось около 31180 томов, не считая периодики, газетных вырезок, каталогов[870]. Институт получал бесплатно экземпляры ведущих научных изданий Германии, регулярно отправлял свои во Львов, города Закарпатья и Копенгаген.

Деятельность УНИ в первые несколько лет его существования показывала, что Институт обладает большим потенциалом. Многообещающими были и его имиджеобразующие возможности по отношению к украинской эмиграции. Однако Институт зависел от политики Германии в «украинском вопросе», от настроений внутри эмиграции вообще и гетманского движения в особенности. Споры о статусе Института, которые велись еще до его основания, в 1924–1925 гг., свидетельствовали о том, что все конфликты внутри общины и колебания внешнеполитического курса Германии будут незамедлительно отзываться в УНИ, ослабляя его и препятствуя его работе. Противоречия между Дорошенко и Липинским, о которых было сказано выше и которые продолжались и после создания Института, означали не просто наличие некоторых расхождений между лидерами гетманского движения — нет, они были выражением более глубоких процессов, процессов размежевания и внутри гетманского движения, и гетманцев с другими политическими силами эмиграции. Институт становился заложником этого размежевания.

В конце 1920-х гг. споры о том, чем должен быть УНИ — совершенно ли независимой академической и культурно-информационной институцией, стоящей вне политики, общественным ли центром, занимающимся только лишь «репрезентацией… гетманского движения в эмиграции»[871], или же структурой, заточенной под выполнение «заданий общего национально-агитационного характера»[872], — все эти споры вылились в открытый конфликт между директором Дорошенко и его сторонниками с одной стороны и партией Липинского и Скорописа-Йолтуховского — с другой[873]. Конфликт вынудил Д.И.Дорошенко в 1929 г. подать в отставку. Правда, благодаря вмешательству немецкой части Куратории, отставка его не была принята, и скандал замяли. Однако противоречия в среде эмигрантов-монархистов замять было невозможно, и вскоре разгорелся новый конфликт, принявший уже откровенно безобразные формы.

Причиной нового столкновения с участием В.К.Липинского и самого «пана гетмана» П.П.Скоропадского стало стремление последнего укрепить свою власть, отстранив Липинского от руководства управляющим органом Украинского союза хлеборобов-державников — Совета (Рады) присяжных — и ограничив его деятельность «делами исключительно те-

---

[870] ЦДАВО(У). Ф. 4158. Оп. 3. Спр. 1. Арк. 149.

[871] Передерій І.Г. Указ. соч. С. 98.

[872] Бурім Д.В. Указ. соч. С. 144.

[873] Андреєв В.М. Указ. соч. С. 112.

оретического и идеологического характера»[874]. Оскорбленный Липинский покинул Берлин, отошел от Союза хлеборобов-державников и создал новую организацию — Братство украинских классократов-монархистов[875]. В ответ его бывшие коллеги по Институту и соратники по гетманскому движению поспешили объявить ученого помешанным[876].

Все эти события и смерть В.К.Липинского в 1933 г. нанесли серьезный удар по репутации гетманского движения и осложнили положение связанного с движением Института. К тому же осенью 1931 г. изменился его статус: УНИ был переведен под юрисдикцию Министерства образования Германии и фактически превратился в немецкое государственное учреждение. После этого, в декабре 1931 г., Д.И.Дорошенко все-таки покинул пост директора Института, и Куратория уже была не в силах повлиять на ситуацию: она сама оказалась в центре бесконечной распри. В конце концов, посчитав невозможным находиться в организации, где «люди, не имеющие ничего общего с наукой, имеют не меньшее влияние, чем видные ученые»[877], Кураторию покинул М.Фасмер. Затем вышел из состава Научной коллегии В.Р.Залозецкий-Сас. Через год последовал самороспуск и Украинского академического товарищества.

Так печально завершился первый этап в истории Украинского научного института, а в 1932 г. начался новый — связанный с именем Ивана Мирчука[878], который занял место Дорошенко, и отмеченный фатальными изменениями в судьбе УНИ[879].

Приход к власти национал-социалистов означал трансформацию германской внешнеполитической концепции, частью которой оставался «украинский вопрос». В конце 1933 г. в Берлине состоялась конференция, участники которой (представители НСДАП, Министерств иностранных дел, культуры и обороны) попытались выработать новое отношение к данной проблеме. Хотя в целом «украинский вопрос» продолжал рассматриваться в качестве фактора давления на Польшу, а украинская эмиграция — как наиболее удобный инструмент этого давления, стратегия завоевания «жизненного пространства» для немецкого народа неминуемо ставила Украину в центр экспансионистских планов руководства национал-социалистов. Не секрет, что Гитлер видел решение проблем Герма-

---

[874] Гай-Нижник П.П. Український консерватизм і Гетьманский рух у ХХ ст.: нариси історії становлення та розвитку // Гілея. Науковий вісник: Зб. наук. пр. Історичні науки. Філософськи науки. Політичні науки. Вип. 43 (№1). С. 26.

[875] Там же.

[876] Андреєв В.М. Указ. соч. С.113.

[877] Цитирую по: Бурім Д.В. Указ. соч. С. 145.

[878] Иван Мирчук (1891–1961 гг.) — украинский историк, философ, политический деятель. Госсекретарь (Державний секретар) ЗУНР, в эмиграции — сотрудник Украинского свободного университета (УВУ) в Праге. С 1926 г. — профессор Украинского научного института в Берлине. После Второй мировой войны И.Мирчук участвовал в восстановлении УВУ в Мюнхене и стал его ректором (1947–1951 гг.).

[879] Kumke C. Das Ukrainische Wissenschaftliche Institut in Berlin: Zwischen Politik und Wissenschaft // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas (Berlin). 1995. № 43. S. 231.

нии в колонизации земель России и «подвластных ей пограничных держав»[880].

Было очевидно, что Берлин для достижения этой цели вновь, как это было во время Первой мировой войны, разыграет «украинскую карту», хотя на протяжении второй половины 1930-х гг. четкого понимания того, как следует поступить с украинскими землями, среди руководства Германии все-таки не было. С одной стороны, часто повторялся «ходовой тезис агрессивных германских геополитиков, которые считали, что для ослабления России от нее необходимо оторвать Украину, которая станет ориентироваться на Германию и всегда будет служить противовесом России», с другой — на партийном съезде в Нюрнберге в сентябре 1936 г. фюрер однозначно заявил: «Если бы… плодородные равнины Украины были в границах Германии — мы бы имели всё»[881].

Позиция украинской эмиграции в Германии также была двоякой. Интересно при этом, что разногласия среди большинства касались не сущностного вопроса — должны ли украинцы вновь, как в 1918–1919 гг., стать шахматной фигурой в чужой политической игре, а цены этого вопроса, то есть того, насколько эта игра якобы может приблизить создание независимого украинского государства.

Эмиграция в целом и гетманцы в частности спокойно восприняли и политизацию деятельности УНИ, и то, что с 1933 г. процессы этой политизации пошли в русле, выгодном пришедшим к власти национал-социалистам. Восточная секция Бюро внешней политики НСДАП, с этого года отвечавшая за сотрудничество с эмигрантами из Восточной Европы, настаивала на том, что эмигрантские организации, включая Украинский научный институт, должны служить прежде всего «немецким интересам в национал-социалистическом понимании»[882].

Положение Института изменилось также в связи с тем, что гетманцы начали утрачивать свои позиции в жизни украинской общины и в политических планах германских правящих кругов. Кризис гетманского движения, начавшийся в 1930 г., привел к тому, что был распущен Украинский союз хлеборобов-державников, его сменил Союз гетманцев-державников (Союз гетьманців-державників, СГД). Хотя новый Союз пользовался некоторой поддержкой немецкой военной аристократии, важно отметить, что национал-социалисты в отличие от политиков Веймарской республики уже не выделяли гетманцев в качестве главной политической силы эмиграции. Гетманское движение начало постепенно уступать место на политической сцене новым организациям националистического толка, в первую очередь Организации украинских националистов (ОУН).

---

[880] Косик В.М. Україна і Німеччина у Другій світовій війні. Париж — Нью-Йорк — Львів, 1993. С. 38.

[881] Украинская государственность в XX веке. Историко-политологический анализ. Киев, 1996. С. 128.

[882] Бублик Т.В. Указ. соч. С. 96.

ОУН появилась в 1929 г. в результате объединения нескольких украинских националистических организаций. Ее руководящие органы находились в разных городах Европы — Женеве, Берлине, Праге, Брюсселе. Организация проводила «мирные» (например, бойкот польских и еврейских фирм, торговавших табаком и алкоголем)[883] и террористические (поджоги имущества польских помещиков на территории Галиции, покушения на убийство государственных служащих и т.п.) акции, которые участились после прихода в 1933 г. С.Бандеры к руководству Краевой экзекутивой ОУН на западноукраинских землях.

ОУН принимала самое активное участие в автономизации Подкарпатской Руси в 1938 г., воспринимая возникновение Карпатской Украины как прелюдию к созданию независимой Украины и рассчитывая на помощь Германии. Германия, впрочем, в «закарпатском вопросе» была на стороне Венгрии, которая вскоре и оккупировала Карпатскую Украину (21 марта 1939 г.). Это стало ударом не только для ОУН, но и для всей украинской общины в Германии. Однако разочарование не помешало дальнейшему росту германофильских настроений среди украинских эмигрантов, особенно националистов и сочувствующих им[884]. Судя по материалам гетманского издания «Нація в поході. Орган української державної думки», гетманцы, как и националисты, в начале Второй мировой войны «возлагали немало надежд на помощь Германии в позитивном решении «украинского вопроса«». Еще 28 апреля 1932 г. личный секретарь П.П.Скоропадского С.М.Шемет в письме выражал надежду на то, что «договорятся между собой Германия, Франция и Англия» и «когда это произойдет, настанет конец большевистской власти, потому что одна Германия не может сделать ей «харакири«»[885].

В конце 1930-х гг. расчеты на то, что в условиях военного конфликта и изменения границ «украинцам удастся воспользоваться удачной международной ситуацией и получить независимое государство»[886], повлекли за собой решение радикальных националистов (в 1940 г. ОУН разделилась на радикальную, или «революционную» фракцию ОУН(р), или ОУН(б), по имени ее руководителя С.Бандеры, и умеренную группировку ОУН(м) во главе с А.Мельником) «играть роль третьей силы на Украине, выступая в качестве союзников Германии»[887].

Решение это вылилось в открытие вермахтом по инициативе украинских националистов сначала специальных курсов для бойцов закарпат-

---

[883] Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны. Документы: в 2 тт. / Под ред. А.Н.Артизова. М., 2012. Т.1. С. 6.

[884] Там же. С. 7.

[885] Кентій А.В .Збройний чин українських націоналістів. 1920–1956. Історико-архівні нариси у 2-х томах. Київ, 2005, 2008. Т. 1. Від Української Військової Організації до Організації Українських Націоналістів. 1920–1942. URL: http://chtyvo.org.ua/ (дата обращения: 21.03.2019).

[886] Колісник Д.[В.] Події в Карпатської Україні (1939 р.) в оцінці гетьманського руху (за матеріалами часопису «Нація в поході») // Гуманітарний журнал. 2012. № 1. С. 19.

[887] Гогун А.С. Деятельность вооруженных националистических формирований на территории западных областей УССР (1943–1949): дис. канд. ист. наук. СПб, 2005. С. 35.

ской «Сечи» (1939), затем учебных отделов для подготовки офицерского и сержантского состава будущей украинской армии[888], а в 1941 г. завершилось созданием батальонов СС «Нахтигаль» и «Роланд».

Взаимоотношения «гетманцев» и националистов складывались непросто, особенно после того как в 1933 г. последние попытались при поддержке НСДАП подчинить себе УНИ. Правда, в итоге им пришлось ограничиться учреждением офицерской школы ОУН при УНИ[889], но конфликт показал: политическое объединение всей украинской общины в Германии невозможно даже с учетом того, что ее значительная часть была настроена германофильски и симпатии к германскому внешнеполитическому курсу нарастали по мере приближения 1939 г.

Еще зимой 1937 года польская пресса отметила «восстановление немецко-украинского пакта 1918 г.»[890]. В 1939 г., согласно сведениям Национального отделения МВД Польши, германские политики дали эмиграции понять, что «украинский народ созрел к тому, чтобы получить самостоятельность», и уверили украинцев в своей готовности к оказанию им материальной и моральной помощи, продемонстрировав, таким образом, что «Брестский договор 1918 г. продолжает действовать»[891].

Польские спецслужбы отмечали не только финансирование Германией украинских националистических формирований, но и рост «германофильской ориентации среди украинских националистов», которая накануне Второй мировой войны особенно возросла и акцентировалась совершенно явно[892]. Впрочем, германофильские настроения были характерны не только для националистически настроенных украинцев, но для большей части украинской общины в Германии. Эти настроения мешали понять, что эмигранты, и особенно украинские националисты, с началом Второй мировой войны, все больше и больше втягиваясь в конфликт, выступают в роли отнюдь не равноправных союзников Германского Рейха.

Хотя в окружении фюрера по-прежнему были сторонники создания самостоятельной украинской государственности в целях сдерживания Москвы и безопасности «великогерманского жизненного пространства с востока»[893], возглавлял которых Альфред Розенберг, в целом такие планы не соответствовали намерениям и планам главы государства. Гитлер не собирался предоставлять Украине независимость: он считал наилучшим для Германии вариантом «создание на оккупированной советской территории колониальных сатрапий» и собирался «разрезать огромней-

---

[888] Украинские националистические организации… С. 62.

[889] Лісіна С.О. Військово-організаційна діяльність ОУН в 1929–1939 рр. // Вісник Національного університету «Львівська політехніка». 2006. № 572. С. 27.

[890] Косик В.М. Указ. соч. С. 50.

[891] Украинские националистические организации… С. 73

[892] Там же. С. 75.

[893] Украинская государственность в XX веке… С. 128.

ший пирог» СССР так, чтобы «во-первых, овладеть им; во-вторых, управлять; в-третьих, эксплуатировать»[894] без помощи каких-либо союзных государств на этой территории, тем более славянских.

Тем не менее демонстрировать это в начале Второй мировой войны и накануне нападения на СССР нацисты не собирались. Наоборот, советские спецслужбы отмечали рост украинофильских настроений. «Отношение немцев к украинцам за последнее время чрезвычайно изменилось, в лучшую сторону, — констатирует в 1940 г. источник НКВД. — Сейчас достаточно сказать, что вы украинец, и вы получаете определенные преимущества. Украинец в своем правовом и рабочем положении не имеет никаких отличий от немцев, в то время как отношение к русской эмиграции презрительное, и никаких преимуществ она не имеет»[895].

При этом украинофильство немецких политиков было очень прагматичным: на службу Рейху была поставлена работа учреждений диаспоры. А вся «научная идеологическая работа» этих учреждений проводилась «под указкой немцев»[896].

Пример Берлинского УНИ в этом отношении весьма характерен. С 1939 г. Институт работал главным образом для вермахта, издавая специальные военные словари (немецко-украинские и украинско-немецкие артиллерийский, для военных летчиков, для службы связи и др.) и самоучители, сотрудничая с Министерством иностранных дел при подготовке географических и геодезических карт СССР и УССР и т.п.

Националистически настроенная украинская эмиграция встречала эти изменения в работе Института с удовлетворением, расценивая их как подготовку к войне «за Украину» и не только полностью отдавая себе отчет в том, что «немцы… на случай будущего захвата ими Украины используют зарубежную украинскую эмиграцию как основу своей полицейской и управленческой организации», но и принимая это как необходимое условие «освобождения Украины» [897].

Пронацистский энтузиазм первых военных лет (когда не только оуновцы, «как бандеровцы, так и мельниковцы… пропагандировали «освободительную миссию» немцев»[898], но и профессор И.Мирчук добровольно участвовал в «польской кампании» 1939 г., будучи офицером-переводчиком и руководя отделом по борьбе со шпионажем[899]) закончился полным разочарованием для воинственно настроенных политических групп украинской эмиграции. Рухнули все их надежды. В отличие от ситуации, кото-

---

[894] Там же. С. 127–128.

[895] Украинские националистические организации… С. 151.

[896] Там же.

[897] Там же. С. 152.

[898] Гогун А.С. Указ. соч. С. 37.

[899] Бурім Д. Українiка в Архіві Університету Гумбольдта (Берлін, Німеччина). Матеріали до біографії професора доктора Івана Мірчука // Наукові записки: Зб. пр. молодих вчених та аспірантів. Київ, 2011. Т 22. С. 319–320.

рая сложилась после Первой мировой войны, в 1945 г. было очевидно, что в ближайшее время возродить независимость Украины не удастся. «С окончанием войны каждый связывал какой-нибудь свой интерес, какие-то надежды, только для украинцев не существовало никаких надежд, — писал украинский политик-националист Зиновий Кныш[900]. — Это был конец, который ничего им не сулил; после него должно было настать начало чего-то, что не предвещало ничего хорошего. И так между концом и началом шли наши дни — в тревоге и безнадежности…»[901]

На фоне этой общей катастрофы конец УНИ был почти незаметен. По сути, история Института завершилась еще в годы войны. А 1945 год, когда во время бомбардировки Берлина было уничтожено здание Института и погибла библиотека УНИ, стал бесславным и трагическим финалом. И хотя после войны некоторые сотрудники Института продолжили свою деятельность в других учреждениях диаспоры (прежде всего — в Украинском свободном университете), Украинский научный институт в Берлине окончательно стал достоянием истории.

---

[900] Зиновий Кныш (1906–1999) — украинский политик, историк, журналист. В 1920-х гг. был членом Окружной команды Украинской военной организации (Українська військова організація, УВО) и Боевой референтуры УВО. С 1939 г. — член ОУН(м), входил в состав Провода украинских националистов. С весны 1944 г. находился в эмиграции в Австрии, с 1946 г. — во Франции, где представлял ОУН(м), а также был секретарем светского отдела греко-католической миссии. В 1949 г. эмигрировал в Канаду.

[901] Книш З.М. На порозі невідомого (спогади з 1945 року). URL: http://knysh.national.org.ua/mem1945/r06.html (дата обращения: 02.05.2019).

В.Ю. Афиани,
М.В. Ковалев

Мемуарные зарисовки профессора А.В. Флоровского

Аннотация

Вниманию читателей предлагается публикация ранее неизвестных мемуарных зарисовок профессора Антония Васильевича Флоровского (1884–1968). Публикуемый документ хранится в рукописном собрании Славянской библиотеки в Праге. Автор делает упор на различных факторах, повлиявших на формирование его как историка. Значительная часть текста охватывает дореволюционный период жизни ученого, в который совершилось интеллектуальное восхождение от гимназиста до профессора Новороссийского университета. А.В.Флоровский тщательно обрисовывает свое профессиональное окружение, подробно останавливается на взаимоотношениях с коллегами, рассказывает о жизни Новороссийского университета, о подготовке историков. Интересны зарисовки московских коллег, с которыми А.В.Флоровский познакомился в пору подготовки и защиты магистерской диссертации (С.В.Бахрушин, М.М.Богословский, С.Б.Веселовский, Ю.В.Готье, М.К.Любавский, А.И.Яковлев). Запечатлены и некоторые из иностранных ученых, как, например, К.Кадлец и Я Бидло. Можно лишь сожалеть, что повествование А.В.Флоровского обрывается на середине 1930-х гг., а потому в нем не отражены многие важные последующие события в его жизни: руководство Русским историческим обществом в Праге, жизнь под оккупацией, попытки возродить деятельность Археологического института имени Н.П.Кондакова после войны, обстоятельства принятия советского гражданства в 1946 г., работа в послевоенной Чехословакии. Публикуемый с научными комментариями и вступительной статьей текст является ценнейшим источником по истории российских университетов, русской эмиграции, российско-чехословацким связям, историографии.

Ключевые слова: А.В.Флоровский, мемуары, Одесса, Прага, Новороссийский университет, историография, русская эмиграция, российско-чешские связи

Abstract.

The publication of previously unknown memoirs of Professor Anthony V. Florovsky (1884–1968) is offered to the readers. The published document is kept in the Special collection of the Slavic Library in Prague. The author focuses on various factors that influenced his formation as a historian. A significant part of the text covers the pre-revolutionary period of the scientist's life, in which the intellectual ascent from a high school student to a Professor of Novo-

rossiysk University was accomplished. A.V. Florovsky carefully outlines his professional environment, dwells in detail on the relationship with colleagues, talks about the life of Novorossiysk University, the training of historians. The images of Moscow colleagues with whom A.V. Florovsky met during the preparation and defense of his master's thesis (S.V. Bakhrushin, M.M. Bogoslovsky, S.B. Veselovsky, Yu.V. Gauthier, M.K. Lubavsky, A.I. Yakovlev) are interesting. Some of the foreign scientists, such as K. Kadlec and J. Bidlo, are also captured. We can only regret that the story of A.V. Florovsky ends in the middle of the 1930s, for this reason it did not reflect many of the important subsequent events in his life: the leadership of the Russian Historical Society in Prague, life under occupation, attempts to revive the activities of the Kondakov Archaeological Institute after the war, the circumstances of the adoption of the Soviet citizenship in 1946, work in post-war Czechoslovakia. The text published with scientific comments and introductory article is the most valuable source on the history of Russian universities, Russian emigration, Russian-Czechoslovak relations, and historiography.

Key words: A.V. Florovsky, memoirs, Odessa, Prague, Novorossiysk University, historiography, Russian emigration, Russian-Czech relations

Профессор Антоний Васильевич Флоровский (1884–1968) принадлежал к числу крупнейших историков русской эмиграции, чья жизнь и научная карьера оказались расколоты надвое революцией и Гражданской войной. В СССР имя ученого не попало под жесткий запрет, подобно именам многих его коллег-эмигрантов, и в 1940–1960-е гг. он опубликовал на Родине несколько работ, однако его биография и научное наследие начали систематически изучаться фактически лишь с 1990-х гг. Первым, кто написал об А.В.Флоровском на родине был В.Т.Пашуто[902], много способствовавший передаче архива ученого в Академию наук. В последние десятилетия интерес к жизни и деятельности А.В.Флоровского и его творческому и архивному наследую значительно возрос[903].

---

[902] *Пашуто В.Т.* Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1992.

[903] О жизни и научном наследии А.В. Флоровского см. подробнее: *Аксенова Е.П.* Институт им. Н.П.Кондакова: попытки реанимации (по материалам архива А.В.Флоровского) // Славяноведение. 1993. № 4. С. 63–74. *Она же.* Историческая наука СССР и русского зарубежья в оценке А.В.Флоровского // Культурное наследие российской эмиграции: 1917–1940. М., 1994. Т. 1. С. 95–100; *Досталь М.Ю.* Из переписки В.А.Францева (Письмо В.А.Францева В.С.Иконникову, письма А.В.Флоровского В.А.Францеву) // Славяноведение. 1994. № 4. С. 102–107; *Аксенова Е.П.* А.В.Флоровский и Русское историческое общество в Праге // Rossica: Научные исследования по русистике, украинистике, белорусистсике. Прага, 1997. № 1. С. 77–82; *Аксенова Е.П., Горяинов А.Н.* Русская научная эмиграция 1920–1930-х годов: по переписке М. Г.Попруженко и А. В.Флоровского // Славяноведение. 1999. № 4. С. 3–15;. *Аксенова Е.П.,* Записка А.В.Флоровского 1938 г. «Славянскому институту в Праге» // Славяноведение. 2002. № 4. С. 65–67; *Šaur J.* K česko-ruské vztahové problematice (Florovského pojetí česko-ruských kulturních vztahů v 10.–18. století) // Dialog kultur III. Ústí nad Orlicí 2005. S. 247–253; Idem, A. V. Florovskij (1884–1968) //Slovanský přehled 91. 2005. Roč. 91№ 1. S. 131–146; *Аксенова Е.П.* Жрец «Клио» (к научной биографии А. В.Флоровского) // Вестник →

В силу обстоятельств огромное документальное собрание А.В.Флоровского еще в 1960-е — 1970-е гг. оказалось разделено между Москвой (Архив Российской академии наук) и Прагой (Отдел рукописей Славянской библиотеки)[904]. Исследователям хорошо известен личный фонд А.В.Флоровского в Архиве РАН (Ф. 1609, 2 оп., 783 ед. хр.), без которого уже трудно представить изучение российской эмиграции 1920-х — 1930-х гг. и отечественной историографии[905]. К содержащимся в нем документам многократно обращались и российские, и иностранные специалисты. Этого нельзя сказать об огромной коллекции документов А.В.Флоровского в Славянской библиотеке в Праге (Slovanská knihovna v Praze), которая изучена гораздо меньше, хотя сегодня в этом направлении уже делаются энергичные усилия, документы активно вводятся в научный оборот. Материалы описаны и рассортированы по 50 архивным коробкам, в каждую из которых уложены соответствующие тематические папки. Подробная опись фонда, составленная согласно принятым в чешском архивоведении правилам, доступна не только в самой библиотеке, но и онлайн[906].

Но о том, что ставить точку в изучении архивного наследия А.В.Флоровского пока еще рано, свидетельствуют факты. Весной 2013 г. в хранилище Славянской библиотеки были обнаружены три архивных коробки с не описанными прежде документами ученого. Вероятно, их начал обрабатывать еще Иван Петрович Савицкий (1937–2010), сын евразийского лидера, и в ту пору — сотрудник Славянской библиотеки. Отдельные документы разложены по тематическим папкам, но большинство представляет собой архивную россыпь.

славянских культур. 2009. Т. XI. № 1. С. 32–47; Попова Т.Н. Проблемы изучения интеллектуальной биографии А.В.Фроловского: к 125-летию со дня рождения // Проблемы славяноведения: сборник научных статей и материалов. Вып. 11. Брянск: РИО БГУ, 2009. С. 147–164; *Досталь М.Ю.* Историк-эмигрант А.В.Флоровский в Чехословакии: страницы научного творчества // Новый исторический вестник. 2011. № 28. С. 80–87; *Šaur J.*, K nosným tradicím české historické rusistiky — A.V. Florovskij a J. Macůrek // (Nosné tradice české slavistiky /Vyd. Pospíšil a Šaur J. Brno, 2012. S. 219–228; *Аксенова Е.П.*,. Антоний Васильевич Флоровский о Романовых // Славяноведение. 2013. № 5. С. 68–77; *Ковалев М.В.* А.В.Флоровский и его немецкие корреспонденты // Историческая память и стратегии российско-немецкого межкультурного диалога. Саратов: Саратовский государственный технический университет имени Ю.А.Гагарина, 2015. С. 136–183. *Он же.* Зигзаги судьбы: профессор А.В.Флоровский и его советские коллеги // Россия XXI. 2016. № 4. С. 82–105; № 5. С. 84–97; № 6. С. 98–113. *Он же.* А.В. Флоровский (1884–1968): пражская жизнь одесского профессора // Новая и Новейшая история. 2017. № 6. С. 123–140 и др.

[904] Об истории архивного наследия А.В.Флоровского см.: *Ковалев М.В.* Личный фонд А.В.Флоровского в Славянской библиотеке в Праге: состав документов и история формирования // Фундаментальня наука: проблемы изучения, сохранения и реставрации документального наследия. М.: Архив РАН, 2013. С. 131–138; 318; Афиани В.Ю. Историк-эмигрант Антоний Флоровский: итоги и перспективы публикации его научного наследия// Как зарождалась русская Прага? Материалы международного круглого стола. Прага. 26 июня. 2017. The formaiation of the Russian Prague. The materials of the Intarnational Round table. Prague. June 26 2017 / Отв. ред. Е.И.Пивовар. Редколл.: В.Ю.Афиани, Э.Ворачек, А.С.Левченков, Я.Немечек, Е.И.Ханова. М.РГГУ. 2017. С.18–27; Kovaljov M.V., Afiani V. Yu. , Archivní dědictví Antonije Florovského: o historii formování a perspektivách studia//Slovanský přehled. 2019. Roč. 105. №1. S. 97–104.

[905] *Лаптева Т.Н.* Научное наследие А.В.Флоровского в Архиве РАН (1884–1968) // Вестник архивиста. 2014. № 1. С. 270–287. *Она же.* Личный фонд историка-эмигранта А.В.Флоровского в Архиве Российской академии наук: научное использование и реконструция. дисс. канд. ист. наук. М., 2018.

[906] URL: http://sbirkysk.nkp.cz/index.php?page=sbirky&id=9 (дата обращения: 15.04.2019)

Во время пребывания в Праге в мае 2013 г. М.В.Ковалев с любезного разрешения директора библиотеки доктора Лукаша Бабки провел первичный разбор найденных бумаг. В коробках находятся список трудов А.В.Флоровского, библиографические карточки, написанные историком рецензии на исследования Л.В.Черепнина, Я.Вавры, М.В.Шахматова, Ю.К.Бегунова, некрологи И.И.Лапшина и Я.Бидло, творческие работы студентов Карлова университета, оттиски и рукописи статей Я.М.Бромберга, Г.В.Вернадского, В.А.Мошина, предназначавшиеся, видимо, для выпуска трудов Археологического института имени Н.П.Кондакова, оттиски работ самого А.В.Флоровского как дореволюционного, так и эмигрантского периода, комплект журнала «Евразийские тетради», брошюра С.Г.Пушкарева о крестьянской общине, стихи и литературные заметки. Имеется там и неизвестная ранее корреспонденция: письма В.В.Бартольда, Г.В.Вернадского, А.Н.Грабара, Д.С.Лихачева, Г.И.Лукьянова и др. Среди документального богатства особого внимания заслуживают ранее неизвестные мемуарные заметки А.В.Флоровского, вносящие немало нового в понимание его жизни, научного творчества и его эпохи.

Текст мемуарных записок напечатан на машинке на 28 листах формата А4. На титульном листе стоит заглавие «Автобиография А.В.Флоровского (машинописная копия рукописного подлинника)». Сразу заметим, что рукописный оригинал не обнаружен. Очевидно, что работа по набору текста была проделана не самим автором и название дано, видимо, тем, кто перепечатывал текст с рукописи.

В тексте имеются вставки и пометки, сделанные синими чернилами или карандашом, но это не почерк историка, и не почерк его супруги. Обратим внимание на то, что карандашными пометками обозначены пропуски слов. Очевидно, человек, расшифровывавший текст рукописи, не всегда мог справиться с трудностями почерка А.В.Флоровского, и, главное, ему не с кем было посоветоваться относительно правильности прочтения. Тем самым напрашивается вывод, что текст печатался уже после смерти историка в 1968 г., вероятно, в период разбора бумаг из его архива.

В некоторых местах наборщик явно неверно распознал имена и фамилии персонажей, в которых сам А.В.Флоровский вряд ли бы сделал ошибки. Ему (или ей?) приходилось действовать по аналогиям и догадкам, что не всегда давало верный результат. Так, в тексте перечисляются авторы исследований по истории Древней Руси, которые А.В.Флоровский рецензировал в начале 1920-х гг. — Фрицлер, Горак, Янушевский. Но если немецкий славист К.Фрицлер и отставной генерал Г.Е.Янушевский действительно написали книги о началах Руси, то чешский ученый И.Горак к этим сюжетам не обращался. Размышления над смыслом фразы, понимание общего контекста творчества А.В.Флоровского в годы эмиграции и знание перечня его работ дают основания утверждать, что наборщик текста неверно расшифровал фамилию одного из авторов. Вместо «Горак» должен быть «Барац», написавший ряд исследований о роли еврейского компонента в истории Древней Руси. Данный пример приведен не случайно, а для того, чтобы показать,

с какими трудностями сталкивался человек, работавший с подлинным текстом А.В.Флоровского. К сожалению, не имея перед собой рукописного оригинала, не представляется возможным полностью восстановить пропущенные при перепечатке слова. Важно и следующее обстоятельство — в той же, пока не описанной части архива, имеются разрозненные машинописные листы, отражающие процесс работы по расшифровке текста. Это некая пробная версия, содержащая исправления и приписки синими чернилами. Вместе с тем над некоторыми словами и выражениями лиловыми чернилами поставлены обведенные в кружок цифры. Трудно сказать, отражались ли в этом некие шаги по комментированию текста для его последующей публикации.

Теперь обратимся к содержательной части заметок историка. Уже первая их фраза («В иных частях этих записок я не раз уже останавливался на обстоятельствах…») отчетливо дает понять, что перед нами лишь фрагмент более обширных мемуарных зарисовок. Вот только дать ответ на вопрос, где же находятся остальные части, пока не представляется возможным. Остается надеяться, что рано или поздно они будут обнаружены среди документальных сокровищ Славянской библиотеки.

Трудно однозначно ответить и на вопрос, когда А.В.Флоровский начал и когда закончил писать автобиографические записки. Не вызывает сомнения лишь тот факт, что созданы они были уже после Второй мировой войны. Самое позднее событие, описанное автором, относится к 1941 г. (задержка оккупационной цензурой издания второго тома книги о взаимоотношениях чехов с восточнославянскими народами). Но мы имеем дело лишь с фрагментом мемуарного очерка, что человек, набиравший его на печатной машинке, четко зафиксировал в конце: «На этом автобиография А.В.Флоровского обрывается». Явная незаконченность текста заметна даже невооруженным глазом. Антоний Васильевич обрывает повествование на истории издания своего фундаментального научного труда, послужившего основой для защиты докторской диссертации. Причем о самой защите, прошедшей 2 января 1936 г., не говорится ни слова. Вряд ли А.В.Флоровский обошел стороной столь важное событие своей научной биографии. Как человек усидчивый и необычайно трудоспособный, он, скорее всего, не бросил бы свой рассказ на полуслове. У мемуарных записок А.В.Флоровского явно имелось продолжение.

В тоже время нужно отметить, что историк на протяжении жизни написал несколько автобиографий[907]. Все они носили исключительно канцелярский, служебный характер и предназначались для потенциальных работодателей. Примечательна автобиография, написанная в сентябре 1940 г. для Толстовского фонда, который, как известно, оказывал помощь русским ученым, желавшим перебраться на работу в США[908]. В начале

[907] Slovanská knihovna v Praze. Trezor. A.V. Florovskij. T-FlOR. Krab. I. B. Desky č. 1. № 1–14.

[908] Curriculum vitae pro Tolstoy Foundation USA [10.9.1940] // Slovanská knihovna v Praze. Trezor. A.V. Florovskij. T-FLOR. Krab. I.B. Desk. č. 1.

Второй мировой войны этой возможностью помимо самого А.В. Флоровского попытались воспользоваться сразу несколько его русских коллег из Чехословакии: историки Г.М.Катков, П.Н.Савицкий, М.В.Шахматов, философ Н.О.Лосский, зоолог Л.В.Черносвитов, ботаник П.Ф.Миловидов. Но, к сожалению, ни один из них не смог получить поддержку[909]. Оставшись после войны жить в Чехословакии и взяв советский паспорт, А.В.Флоровский старался не упоминать о своей попытке эмиграции за океан. Эпизод с несостоявшимся переездом в США выпал из поля зрения биографов ученого.

В 1960 г. в связи с полувековым юбилеем со дня выхода своей первой научной работы А.В.Флоровский написал более развернутое жизнеописание. Оно попало в поле зрения В.Т.Пашуто (1918–1983), который собирал материал для книги о русских историках-эмигрантах и лично познакомился с пражским профессором во время поездки в Чехословакию. Доподлинно неизвестно, как именно попала записка к советскому историку. В сохранившейся переписке между ним и А.В.Флоровским нет намеков на это. Не исключено, что текст попал в руки В.Т.Пашуто вместе с бумагами историка-эмигранта, которые тот, согласно завещанию, передал в дар АН СССР. Во всяком случае, рукопись и машинопись под авторским заглавием «Пятьдесят лет учено-литературной деятельности (1910–1960)» имеется среди материалов личного фонда А.В.Флоровского в Архиве РАН[910]. Текст был использован В.Т.Пашуто в работе над книгой о русских историках-эмигрантах. Смерть помешала Владимиру Терентьевичу завершить начатое дело, его книга вышла посмертно в 1992 г. В ней в качестве приложения был впервые напечатан и очерк Антония Васильевича под заглавием «Автобиография А.В.Флоровского (1960)»»[911].

В публикуемом нами тексте А.В.Флоровский попытался сделать обзор своего жизненного и творческого пути, отведя главное место характеру научной работы и описанию проведенных исследований. Биографические сведения представлены лишь основными вехами. Перед нами подробный рассказ о научных трудах с особым акцентом на изучении ученым российско-чешских связей.

Выявленный в 2013 г. текст значительно отличается по содержанию от уже опубликованной «Автобиографии». Первое, что бросается в глаза при сравнении двух текстов, — разность акцентов. Если в известном В.Т.Пашуто варианте автор подробно останавливался на своих ученых трудах, то в тексте недавно обнаруженных записок упор делается на различных факторах, повлиявших на формирование автора как историка, на его пути в науку. Зна-

---

[909] См.: *Ульянкина Т.И.* «Дикая историческая полоса…»: Судьбы российской научной эмиграции в Европе (1940–1950). М.: РОССПЭН, 2010. С. 65, 6–69.

[910] *Флоровский А.В.* Пятьдесят лет учено-литературной деятельности (1910–1960) // Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 1. Л. 1–49.

[911] Автобиография А.В.Флоровского (1960) // *Пашуто В.Т.* Русские историки-эмигранты в Европе. М.: Наука, 1992. С. 234–244.

чительная часть неопубликованного варианта мемуаров охватывает дореволюционный период, в который совершилось интеллектуальное восхождение от гимназиста до профессора Новороссийского университета. А.В.Флоровский тщательно обрисовывает свое профессиональное окружение, подробно останавливается на взаимоотношениях с коллегами. Он создает микропортреты ученых, с которыми сводила его судьба в Одессе — Э.Р. фон Штерна, И.А.Линниченко Б.М.Ляпунова, рассказывает о жизни Новороссийского университета, о подготовке историков. Интересны зарисовки московских коллег, с которыми А.В.Флоровский познакомился в пору подготовки и защиты магистерской диссертации (С.В.Бахрушин, М.М.Богословский, С.Б.Веселовский, Ю.В.Готье, М.К.Любавский, А.И.Яковлев)[912]. Запечатлены и некоторые из иностранных ученых, как, например, К. Кадлец и Я.Бидло. Можно лишь сожалеть, что повествование А.В.Флоровского обрывается на середине 1930-х гг., а потому в нем не отражены многие важные последующие события в его жизни: руководство Русским историческим обществом в Праге, жизнь под оккупацией, попытки возродить деятельность Археологического института имени Н.П.Кондакова после войны, обстоятельства принятия советского гражданства в 1946 г., работа в послевоенной Чехословакии.

В сохранившихся записках находится место не только публичной, но и частной жизни ученого. И все же она является скорее фоном. О жизни своих близких (родителей, братьев и сестры) Антоний Васильевич говорит бегло, хотя с большой любовью и теплотой. Не упоминает он и о своей женитьбе. Это молчание отнюдь не вызвано нежеланием делиться личным. Оно есть результат авторского замысла, который переносил тяжесть повествования с мира приватного на мир творческий.

Остается открытым главный вопрос — для чего и для кого писались эти мемуарные записки. В известной переписке А.В.Флоровского не выявлены даже косвенные свидетельства о подготовке им воспоминаний. На закате жизни он все сильнее рефлексировал о пройденном пути. Его душевно тянуло в прошлое, во времена одесской молодости и начала ученой карьеры. Оттого он так жадно искал общения с людьми из родного города (например, с В.Т.Галясом), ждал фотографий оттуда. В начале 1960-х гг. он написал к Пасхе стихотворение, в котором отразилась его тоска по безвозвратно ушедшим временам и по потерянной Родине:

Христов воскрес, воскрес Христос!
Ответ: Воистину воскресе!
Я в Праге возглас произнес,
А эхо слышится в Одессе…

---

[912] К слову, рассказ А.В.Флоровского вносит немало новых деталей в историю подготовки и защиты им магистерской диссертации, дополняя уже сделанные наработки (*Мирончук А.С.* Докторський диспут А.В.Флоровського: спроба реконструкції біографії // Сумьска старовина. 2014. Т. XLV. С. 99–104). Он также важен для изучения диссертационной культуры Российской империи вообще.

Года идут, года летят…
Все в прошлом, будущего нету…
Но волны как всегда шумят,
И листья тянутся всё к свету…
И память прошлого живет
Как будто то вчера лишь было,
И краской прежнею цветет
Всё то, что сердцу было мило…
В «Отраде» на горе стою
И слышу шум волны прибрежной,
Вдыхаю вольно в грудь свою
Я аромат акаций нежный…
Простор морской передо мной…
А там вон — парус одинокий…
Покинул берег он родной,
Уехал в край иной, далекий…
И вот весна! Христос воскресе!
Цветут акации в Одессе…
И властно в скалы бьет волна,
Как ветер смела и вольна….
Ау, ау, ау…[913]

Своих стихов А.В.Флоровский никогда не публиковал, писал их в стол и читал только самым близким людям. Можно предположить, что и сохранившиеся мемуарные зарисовки являют собой и попытку историка выговориться перед самим собой. Его душевно тянуло на Родину, потому едва ли не самым ярким впечатлением последних лет жизни станет посещение им Москвы и Ленинграда, где он не бывал полвека[914].

Текст публикуется по машинописи, хранящейся в несистематизированной части личного фонда А.В.Флоровского в рукописном собрании Славянской библиотеки в Праге (Slovanská knihovna v Praze. Trezor. A.V. Florovskij. T-FLOR.). При подготовке к печати максимально учтены текстологические особенности документа. Все сокращения, пропуски, вставки особо обозначены. Сохранены, но оговорены стилистические особенности текста: склонение автором украинских фамилий, болгарских названий и пр. Расшифровки пропущенных слов и авторских сокращений даны в квадратных скобках. Подробный комментарий призван сориентировать читателя в реалиях творческого мира, в котором жил и работал профессор.

---

[913] Slovanská knihovna v Praze. Trezor. A.V. Florovskij. T-FLOR. Krab. I. B. Desky č. 9. Verše. № 2. Různé verše, koncepty veršů (50. a 60. léta).

[914] *Ковалев М.В., Лаптева Т.Н.* «В Москве я был последний раз ровно 50 лет назад…» Из переписки А.В.Флоровского с советскими историками В.Т.Пашуто, А.А.Зиминым и Е.П.Подъяпольской // Исторический архив. 2014. № 4. С. 66–87.

А.В. Флоровский.
Неизвестные фрагменты «Автобиографии» [915]

В иных частях этих записок я не раз уже останавливался на обстоятельствах, благоприятствовавших развитию моих уклонов в сторону исторических интересов. Теперь мне придется повторить кое-что из сказанного для полноты и связности изложения условий и обстоятельств, приведших меня на путь историка, на путь исторической работы.

В этом вопросе играла известную роль уже та семейная обстановка, в которой я вырос. Прежде всего, имел свое значение общий гуманитарный уклон симпатий и интересов, господствовавших в нашей семье. Отец[I] — богослов не был ученым и к[916] науке, как таковой, не имел нарочитых склонностей, но он был представитель гуманитарных культурных интересов, в его библиотеке были представлены рядом с богословской[917] <литературой>[918] в большом выборе русские классики, которые потом систематически подбирались. Любовь отца к плотничеству не была такой, чтобы можно было говорить о технических уклонах его мыслей, и никто из нашей семьи о технической работе или карьере никогда серьезно не задумывался. Не менее определенно проявлялись гуманитарные уклоны у мамы[II], большой любительницы и знатока русской литературы. Музыка и чтение были ее живыми интересами в молодые годы, когда росли мы, ее дети, и у нас в эту же сторону были направлены интересы и симпатии. При этом у мамы была еще тоже особая любовь к историческому чтению, которая оставалась и на всю ее жизнь, хотя бы в форме постоянного чтения «Исторического вестника»[III] с его пестрым подбором разнообразного исторического материала, часто в беллетристической обработке. Мама в свое время — после пансиона Матео[IV] — слушала лекции на частных женских курсах проф[ессора] Трачевского[919], известного историка[V]. И это могло питать ее общий гуманитарно-исторический уклон симпатий и интересов.

Существенно и то, что наша семья относилась с большим уважением и признанием к научному знанию вообще, к высшей школе, к гуманитарным наукам, и едва ли не больше всего к наукам историко-филологическим.

Дома ценили врачей и медицину, но едва ли не спорным сравнительно явлением было расположение к тому, чтобы кто-нибудь из детей стал медиком, во всяком случае ни в коем из нас не питались нарочито симпатии в этом направлении и поступление Васи[VI] на медицинский факультет было следствием не столько нарочитой подготовленности мысли к этому шагу — не зависимо от привходящих внешних обстоятельств — сколько совпадение

---

[915] Машинописная копия озаглавлена: «Автобиография (машинописная копия рукописного подлинника)».

[916] В тексте: «в».

[917] В тексте: «богословной».

[918] Рукописная вставка синими чернилами.

[919] В тексте ошибочно: «Грачевского».

года окончания гимназии с открытием в Одессе медиц[инского] факультета[VII]. Едва ли бы Вася стал медиком, если бы факультет открыт не был, а приходилось бы за наукой этой ехать куда-нибудь в столицы и под[обное]. Выезд Дуси[VIII] в С[анкт]-Петербург в 1903 г. на Бестужевские курсы[IX] был уже явлением более поздним, когда мы все — старшие дети — имели и свои суждения, и стояли на пороге высшей школы вообще <(неразборчиво — карандашом)>[920]. Одес[ские] женские курсы были совершенно в зачатке и на них остановиться было еще нельзя[X].

Наша семья, можно сказать, и вообще жила в мире гуманитарных традиций и интересов. Наш дед — проф[ессор] Егор Иванович Попруженко[XI], магистр богословия Киевской Духовной Академии — был в Одессе лично связан с кругом представителей гуманит[арных] знаний. Большой приятель профессора богословия проф[ессора] А. Кудрявцева[XII] и через него ряда профессоров Одесского университета, старый друг известного Киевского проф[ессора] историка И. Малышевского[XIII], он был, кроме того, членом Общества истории и древностей[XIV] и сам оставил несколько литературных трудов историко-богословского, ист[орико]-церковного содержания. И среди его детей эти интересы получили особое развитие. Дядя Илиодор Попруженко[XV], юрист по образованию и деятельности в Польше, в душе был как художником и писателем, так и историком. Эти последние свои интересы он развил в особенности в последние годы своей жизни в Польше, когда занялся архивами разысканиями по истории 1848 года и когда стал вести постоянный отдел «Между прочим» в газете «Варшавский дневник»[XVI]. Прямо исторической и филологической науке посвятил себя другой наш дядя, Миша[XVII], ставший специалистом по славянской филологии, профессором и ученым, со специальным уклоном в сторону культурной и духовной истории Болгарии. Да и третий наш дядюшка, Сережа[XVIII], хотя и метеоролог[921] по специальности, не был чужд общих гуманитарных интересов, связывая с ними свою жизнь и активную привязанность к музыке и музыкальному творчеству.

Живя в этом мире уклонов, симпатий, и профессий гуманитарного характера, я получил уже в юные годы известный толчок в сторону исторических и научных интересов. Мои первые исторические впечатления можно было бы связать еще с фактами русско-турецкой войны 1877–[18]78 гг. Это было ближайшее к годам моего детства историческое воспоминание. События войны, так близко затрагивавшие в свое время и Одессу и Елизаветград, где я провел первые 9 лет своей жизни, еще были в свежей и живой памяти всех старших; в частности, у нас дома о войне нередко вспоминали и говорили (дядя Илиодор был участником войны, был на Балканах в гражданском управлении кн[язя] Черкасского[XIX]), его книжка о «братушках»-детях[XX] читалась у нас и нами — детьми. Для детей вещественным следом

---

[920] Рукописная вставка синими чернилами.

[921] Исправлено. В тексте, вероятно, опечатка: «нетеоролог».

этих воспоминаний были томы «Всемирной иллюстрации»[XXi] за годы войны с огромным подбором картинок, портретов и т. п., а также особый альбом картинок из истории войны. Мы, дети, усердно «изучали» эти книги, едва ли не по ним я учился и вообще читать. Имена и фигуры героев войны были нам отлично известны: и Гурко[XXII], Скобелев[XXIII] и многие другие входили в наше сознание. Вспоминаю и сейчас из альбома войны картинку «Подвиг капитана Горталова»[XXIV], которого турки берут на штыки, или рисунок, изображающий как некий русский солдатик бежит в ров, разделявший русскую боевую линию и линию турецкую, за упавшим туда барабаном, что турки радостно приветствуют как смелый подвиг.

Из других впечатлений еще не могли сложиться мои исторические симпатии. Уже больше в этом смысле могли сделать впечатления от исторической старины, которые я воспринимал уже с детства. Едва ли не первым такого рода фактом было мое знакомство с двумя каменными бабами, стоявшими в саду Елизаветградского земского реального училища[XXV] у в хода в здание. Мы с мамой нередко ходили в этот сад гулять и я хорошо помню свой интерес к этим изображениям. И уже тогда — в первые десять лет жизни — я знал, что камни эти были найдены при экскурсиях преподавателем истории в училище В.Н.[922] Ястребовым[XXVI], которого я лично не раз видел. Он был деятельным археологом, работал в Одесском Обществе истории и древностей, но скоро оборвалась его жизнь — он сошел с ума. Я с детских лет знал его имя, знал и его книги «Лядинский и Томниковский могильники»[XXVII] и его раскопки и работы были вообще едва ли не первыми археологическими моими впечатлениями. М[ожет] б[ыть], это сыграло потом свою роль при моих школьных книжных увлечениях археологией, не развившихся, правда, в подлинную специальность под влиянием разных иных впечатлений.

Моя дошкольная учеба, как равно и обучение в первых классах гимназии, не оставили во мне никаких воспоминаний, которые можно было бы связать с последующими моими историческими интересами. В первых классах гимназии я учился средне, особые успехи оказывал в области географии, в особенности своим умением легко и быстро определять широту и долготу того или иного места. Уроки истории не производили на меня и вообще в гимназии особого впечатления, хотя преподаватель истории А.В.[923] Вырлан[XXVIII] и умел интересно рассказывать и объяснять. Правда, гуманитарный уклон моих интересов и способностей был всегда налицо, к математике не имел вообще никогда склонности, хотя и занимательно было порой решать арифметические и особенно алгебраические задачи.

Когда именно определялись мои собственно исторические симпатии, сказать точно сейчас не могу, но, во всяком случае, уже не позже пятого класса гимназии. Уже тогда я заносил в свою записную книжку заголовки

---

[922] В тексте ошибочно: «М».

[923] В тексте ошибочно: «О».

работ по археологии, главным образом археологии России. И в 1900 году, то есть ко времени пребывания в пятом или шестом классе гимназии относится приобретение мною (подарок папы) 3, 4 и 5 томов «Русских древностей» Толстого и Кондакова[XXIX], альбома «Геродотовой Скифии»[XXX] и еще каких-то археологических книг. М[ожет] б[ыть], уже в 1899 или же 1900 году при поездке нашей в Новгород я проявлял интерес к древностям и получил в подарок от нашего дальнего родственника Нильского[XXXI] — рукопись [х][924] акта XVII в. (она и сейчас имеется у меня). Собирал монеты старые и ранее, посещая иногда ларьки, менял на Ришельевской улице у театра, там бывали и др[угие], греческие монеты. Но из этого собирания ничего серьезного не вышло, коллекционером я и вообще не стал, разве коллекционером книг, да и то без страсти, просто любил и люблю иметь нужные для работы книги у себя.

В VI классе гимназии мои общие культурные интересы осложнялись и изменялись под влиянием уроков и дружественного общения с учителем русского языка и литературы А.Ф. Музыченко[XXXII]. Мои чтения и мысли приняли тогда определенно историко-литературное направление, — я перечитал русских классиков, много книг о них и [с][925] увлечением писал школьные сочинения. Музыченко, с которым я лично был очень близок, руководил моим чтением, он имел в виду ввести меня в круг вопросов и интересов — как я теперь понимаю — народнического направления, стараясь вселить в меня мысли о долге интеллигентов перед народом, отталкивал меня от типа размагниченного интеллигента и т.п. Это было общее ознакомление с рядом проблем текущей общественной жизни России, но оно отчасти питало и историко-культурные мои устремления. Однажды, кажется уже в седьмом классе на каникулы — Музыченко привлек меня к собственной литературной работе — он задумал хрестоматию психологическую из писателей русских, на меня возлагалось выбрать из писаний Салтыкова[XXXIII], соответствующий психологический материал. Я перечитал многое [из][926] Салтыкова и наметил план моей доли работы, но она никогда закончена не была. Весьма много [объяснений] Музыченко в смысле общего своего умственного, общественного и морального развития, я вынес из общения с ним определенного предрасположения в смысле развития той или иной своей научной симпатии. Рядом с ним из гимназических учителей я мог бы еще поставить классика Е.И. Ветлека[XXXIV] [?][927], который был не только недурным учителем, но и просто просвещенным человеком, считавшим нужным свое преподавание связывать и с развитием общей культурности учеников на фоне и средствами познания классического Мира. Чтения «Апологии Сократа»[XXXV] и иных писаний Платона он сопровождал интересными рассказами

---

[924] Карандашная пометка, вероятно, означающая нерасшифрованное слово.

[925] В машинописном тексте двойные косые скобки.

[926] В машинописном тексте двойные косые скобки.

[927] Двойные косые скобки в машинописном тексте. Вероятно, при перепечатке так отмечено сомнение в правильности расшифрованной фамилии.

о древнем мире, в частности, он мне дал как-то нем[ецкую] брошюру об организации суда и др[угом в] в древней Греции как материал для исторического комментария «Апологии»; у него же я брал русские переводы Федона и Пира Платона[XXXVI] и зачитывался в них, не затрудняя себя греческим оригиналом. При чтении «Одиссеи» мы должны были на ее материале постараться писать школьные сочинения, в частности мой реферат о Навсикае[XXXVII] по VI гл[аве] «Одессеи» имел огромный успех, — хотя, сознаюсь теперь, написан он был моей сестрой, правда, на основании выборки текстов и соображений, произведенных мной лично. Это не были еще исторические студии, но это было введение в круг как исторических явлений прошлого, так и хорошей школой писательства. Наставления Музыченко[928] о форме сочинений, развитии мыслей, расположении материала и т.д. и до сегодняшнего дня являются для меня руководящими, я уже в гимназии сросся с ними, как наиболее отвечающими целям сочинения вообще, симметрического и планового развития и расположения мыслей.

Кончая гимназию в 1903 году, я уже предрешил для себя, что иду на историко-филологический факультет. К этому времени совокупность всех впечатлений и <влияний[929]> это сделала для меня ясным. Что должно было выйти из этого обучения на ист[орико]-фил[ологическом] факультете, я еще заранее не знал. Служение народу в качестве учителя? Это была мысль внушавшаяся Музыченко, но она не владела мною так, чтобы ей подчинить все другие интересы и симпатии. В значительной степени влиянием Музыченко объяснялось то, что на первом курсе я с увлечением занимался психологией у Ланге[XXXVIII]. Музыченко в это время готовился к магистерским экзаменам по философии — с уклоном в сторону педагогики и сам посещал лекции Ланге. Последний читал эксперим[ентальную] психологию, фактически — психологию ощущений, физиологию органов чувств. Меня это очень увлекало. Помимо книг <Джемса>[930], [XXXIX] я штудировал эти вопросы по курсам физиологии Рунге[XL], Данилевского[XLI] вопросы локализации ощущений я изучал по Бехтереву[XLII], перечитывал статьи в бехтеревском журнале по психопатологии[XLIII] и т[ому] п[одобное]; вместе с тем занимался вскрытием бараньих голов и изучал мозг, глаз и др. Из этих занятий, которым я предавался с увлечением, не вышло, однако, ничего серьезного — кроме хорошо сданного экзамена у Ланге. Философские дисциплины меня притягивали мало, хотя еще летом 1904 года, между первым и вторым курсом, я сосредоточенно изучал историю древней философии по полному немецкому Цуллеру[XLIV]. Это была полезная практика немецкого чтения и конспектирования, но с нею явно конкурировали исторические интересы. На первом курсе университета я слушал курс истории Рима Э.Р. фон Штерна[XLV] и вместе с В. Лебедевым[XLVI] вел записки, которые были литографированы. На втором курсе

---

928 В тексте: «Музыченки».

929 Рукописная вставка синими чернилами.

930 Рукописная вставка синими чернилами.

я вел записки по историографии Г.И. Перетятковича[XLVII], как один из его усердных слушателей; его курс древней Руси в 1903–1904 г. я также внимательно слушал и записывал. С еще большим интересом участвовал я тогда же и на первом уже курсе (1903–1904 гг.) в семинаре В.И. Истрина[XLVIII] по древней русской литературе и даже написал один реферат по сравнению текстов какой-то части «Заветы двенадцати патриархов»[XLIX]. В методологическом отношении этот семинар Истрина был очень ценен и интересен. Но на втором курсе мне уже не удалось в нем участвовать, ибо он совпал с чем-то, что мне было более обязательно. Я не стал историком литературы или славистом, и это определилось уже в первые же годы университетского моего пребывания. Постоянный посетитель заседаний ист[орико]-фил[ологического] общества, так деятельного и живого при Истрине как председателе, я был, однако, более чистым историком, историком Руси. Уже в 1903–1904 гг. я посещал возникший тогда под председательством Линниченко[L] студенческий исторический кружок, где помню доклады Авалиани[LI], Окуджавы[LII] и, кажется, Слабченко[LIII]. Сам Линниченко открыл кружок речью о Михайловском[LIV], тогда как раз умершем.

Первым деловым этапом моего развития на пути собственно исторических изучений было мое обращение к И.А. Линниченко с просьбой посоветовать какой-нибудь вопрос для самостоятельной разработки. Я сейчас точно не помню, предшествовало ли или последовало за этим обращением мое участие в семинарах Линниченко, где я — по его указанию и по его книгам — читал реферат о положении крестьян Перемышльской земли в XV и XVI вв.[LV] по материалам, изданным отчасти Грушевским[LVI]. Эта тема находилась в связи с рядом страниц книги Линниченко по истории сословий в Галиц[кой] Руси[LVII]. Реферат был довольно трудным, ибо приходилось разбираться в сложной терминологии социальных и экономических отношений края, где сочеталось несколько культурно-правовых элементов — литовского, польского, собств[енно] русского, валашского, мадьярского. При моем посещении Линниченко на дому — было это, кажется, осенью или ранней зимой 1904 г. — он рекомендовал мне познакомиться с новой тогда литературой по истории крестьян в Московском государстве — с книгами Дьяконова[LVIII] и рецензией, «Разысканиями»[LIX] Лаппо-Данилевского[LX], его же статьей о «Кресть[янском] строе»[LXI] [?][931] и т[ому] п[одобное]. Я с увлечением предался чтению этих работ и проконспектировал их, проверяя понятно актовый материал. Однако, весной 1905 г. я внезапно заболел дифтеритом и этот этап исторических чтений принужден был прервать, отсиживая шестинедельный карантин в своей комнате. А тем временем открылась иная возможность попытать свои силы в области научного чтения и самост[оятельных] изысканий.

В 1904 г. факультет объявил ряд тем на соискание золотой медали. Среди ных была тема В.М. Истрина — переписка А. Тургенева с П. Вяземским как

[931] В машинописном тексте двойные косые скобки. Вероятно, так при перепечатке рукописи выражено сомнение в правильности расшифровки названия издания.

критико-литературный источник, далее тема Перетятковича — Писцовые книги Московского государства и тема Линниченко — Кресть[янский] вопрос в Екат[ерининской] законодательной Комиссии. Я решил взяться за одну из этих тем. Тема Истрина, имевшая в виду ценнейший «Остафьевский Архив»[LXII] была очень заманчива и я пересмотрел это издание, но специально им заинтересовалась сестра моя и взялась было за штудирование, имея надежду, что сможет — и не будучи студенткой нашего факультета — конкурировать на медаль. Я беседовал по этому делу с Истриным, он выразил сомнение в возможности этого, но разъяснение темы мне все же дал. Я остановил свое внимание на исторических темах. Дядя Миша мне не советовал заниматься Писцовыми книгами — и в виду большой общности темы, и обширности метериала, большую конкретность и четкость второй темы — Линниченко. Я знал, что мой коллега Зели[н]гер[LXIII] заинтересовался этими наказами Законодат[ельной] Комиссии 1767 г., но все же решился заняться ими. Уже позднее, через год стало мне известно, что на ту же тему писал и товарищ мой, перешедший на юридический факультет, Слабченко; он в 1906 г. получил серебряную медаль, мне в 1907 г. — в виду продолжения срока — была дана золотая.

Моя работа над этой темой совпала отчасти с перерывом занятий в Университете — события 1905 г. привели к его временному закрытию[LXiV]. Я использовал это время для интенсивного изучения материалов, собранных в наибольшей части в ряде томов «Сборника Русского Исторического Общества»[LXV]. Данные Линниченко литературные указания к теме оказались далеко не полными, я расширил их рядом новых справок и в общем овладел материалом. Зимой 1906–1907 гг. я засел за писание сочинения. Не скрою, что первые часы или и дни работы были весьма волнительными! Мне же давались первые строки до того болезненно, что я готов был бросить все, даже — по совету мамы — выпил как-то коньяку для храбрости. Но преодолев эти колебания и неуверенность, я затем едва не на чисто, прямо спешно писал свои размышления и сводки данных. Опасаясь пропуска срока, я по частям отдавал свою рукопись Линниченко[932] и был уже страшно утомлен, когда дописывал последние страницы. Отзыв Линниченко был очень хвалебный, как я узнал от дяди Миши в день факульт[ского] заседания, встретив его на Дерибасовской улице. Линниченко признал мою работу достойной золотой медали и издания (отзыв этот был напечатан в записках Новороссийского Университета)[LXVI]. Этот успех был для меня весьма и весьма радостен. Первый шаг на пути научной работы в области истории был сделан и сделан удачно. Вместе с тем годы и работы над материалами Комиссии 1767–1774 гг. укрепили меня в моих интересах как историка, и в моих интересах к эпохе Екатерины II в частности. Я чувствовал свое призвание, раньше еще недостаточно осознаваемое и стал готовиться к деятельности ученого-историка.

---

[932] В тексте: «Линниченке».

В 1908 г. я кончил курс ист[орико]-фил[ологического] факультета и при выходе из факультетской комнаты после заключительного собрания, Линниченко предложил мне остаться при университете для приготовления к проф[ессорскому] званию по кафедре русской истории. Я отвечал полным согласием. Представление факультета было утверждено и от 1 янв[аря] 1909 г. я стал профессорским стипендиатом по русской истории на 2 года, позднее было дано мне продление на год, но уже к ноябрю 1911 г. я кончил весь магист[ерский] экзамен и стал приват-доцентом.

Нужно сказать, что работа по подготовке к магистерским экзаменам не оставляла вообще места и времени для собственно-научной работы. И этому мешала, в особенности, неопределенная программа, которую дал мне лично Линниченко. Он не выделил на первое место какого-нибудь подбора специальных вопросов, но требовал от меня овладения всем основным подбором источников и научной литературы по истории России — политической, культурной и социальной. Я сосредоточил первоначально свое внимание на источниках, первый мой отчет был посвящен Летописи, точнее — истории ее изучения, которую я выяснил для себя во всех подробностях, перечитав все, что о начальной летописи было написано. Второй отчет заключал сведения об иностранных источниках по русской истории — в особенности об арабских и затем польских. Уже эти студии в области источниковедения открывали для меня различные возможности специального исследования, однако краткость времени и обширность всей подготовки не позволяла сосредоточиваться на намеченных частных проблемах. А затем пришлось перечитать, проконспектировать и продумать много и много тысяч страниц монографий и курсов для того, чтобы овладеть всей современной проблематикой науки русской истории, познакомиться с основными направлениями историографии и с решениями основных вопросов русского прошлого. Теперь я хорошо знаю, что такая постановка плана подготовки к магистерским экзаменам была ошибочна, — ограничение программы конкретными вопросами в том или ином их числе и знакомство с основными явлениями историографии — и более практично, и более полезно для магистрирующегося. А в моем случае с подготовкой к экзаменам [слагались] еще два обстоятельства: педагогическая деятельность, [влекущая] на путь истории литературы, ибо я преподавал в Коммерч[еском] училище литературу и русский язык, и подготовка к печати и изданию моей первой книги — переделки небольшого сочинения. Я закончил издание это к осени 1910 г., т[о] е[сть] за год до окончания маг[истерских] экзаменов, а преподавание в Ком[мерческом] училище потребовало от меня погружения в эпоху Пушкина — это не было вредно и для работы русского историка вообще.

Готовясь к маг[истерским] экзаменам и работая вместе с тем над книгой, я заносил на блокнот свои мимоходом намечавшиеся научные планы, — тех было много, но большая часть их так и осталась лишь помеченной на листе, ибо работа моя уводила меня в другие стороны.

Моя книга, выросшая из медального сочинения, была первым моим печатным научным трудом. Готовя ее к изданию — по советам и решению

И.А. Линниченко — я решил дополнить собранный мою печатный материал материалом рукописным. Для сего надлежало съездить в Петербург и в Москву, где хранится как архив самой Законной комиссии, так и собрание относящихся к ней новых материалов. Нужно иметь в виду, что отправляясь в столицы, я уже намечал для себя работу, выходящую за рамки темы моей книги. Книга касалась вопроса о крепостном праве, поскольку он был поставлен в Комиссии 1767 г., я же стал искать в Пет[ербурге] и Москве материал о Комиссии вообще. Первое мое путешествие состоялось в 1909 г., в будущем я съездил в Москву и Петербург в 1910 г. на более короткое время. В центре моего внимания было собрание Комисии 1767–1774 гг. в Архиве Госуд[арственного] Совета в С[анкт-Петербурге], куда я получил доступ после подачи прошения госуд[арственному] секретарю в канцелярии Госуд[арственного] Совета в Мариинском дворце. В 1909-м же году я работал в Сенатском Архиве, где просматривал собрание резолюций и указов Екатерины II, также занимался в Архиве Академии наук, где, при любезнейшем содействии Б.Л. Модзалевского[LXVII], я собрал материал об отношениях между Академией и Комиссией, — разработку его я опубликовал уже в Праге 1924 г.[LXVIII] Архив Морского министерства дал мне кое какой материал по истории на Наказа в Комиссии. Заглянул я и в Общество духовного просвещения, где просмотрел неск[олько] бумаг по комиссии депутата Князева[LXIX]. Тогда я еще не имел доступа в Госуд[арственный] Архив, куда направил свои стопы позднее. В Москве в 1909 и в 1910 гг. я работал как в Архиве Министерства иностранных дел (Погодинское древлехранилище[LXX], бумаги Г.-Ф. Миллера[LXXI]), так и в рук[описном] отделении Руманц[евского] музея, где против меня в дни моих занятий сидел обычно А.И. Соболевский[LXXII]. В Петербурге же я занимался тогда в рукоп[исном] отделении Имп[ераторской] Публичной библиотеки, где использовал бумаги Щербатова[LXXIII] по Комиссии 1767 г., следуя указаниям Д.И. Шаховского[LXXIV].

Я не скажу теперь, чтобы первые мои поиски 1909 и 1910 гг. имели сколько-нибудь систематический характер. Далеко не все, что я искал и находил, имело прямое отношение к теме книги, кое-что я тогда не принимал во внимание. Однако эти первые архивные разыскания вводили меня в обстановку научной работы, открывали мне общие перспективы жизни и деятельности Комиссии 1767 г. и намечали рамки дальнейших моих работ по ее истории. На несколько лет Комиссия 1767 г. стала в центре моих научных интересов.

Комиссия 1767 г. и, в частности, постановка в ней крестьянского вопроса уже к 1910 г. привлекали внимание новых исследователей. Протоколы общих собраний Комиссии были уже полностью изданы[LXXV], многое было извлечено из архивов. Лучший историк крестьянского вопроса В.И. Семевский[LXXVI], в своих работах использовал и материалы Комиссии печ[атные] и рукоп[исные] и наметил основные черты и этапы обсуждения вопроса о кресть[янском] праве в Комиссии. Однако для меня оставалось еще широкое поле. Изучая материал, я, прежде всего, не мог удовлетвориться тем изданием протоколов общего собрания[933], какое было дано в Сборниках Р[усского]

[933] В тексте ошибочно: «соображения».

и[сторического] о[бщества] особ[енно] в первых томах под редакцией Поленова[LXXVII] — пересказ записей и неуверенность в полноте и точности передачи их толкали меня к оригинальным теориям, мне хотелось посмотреть записки депутатов, подавшиеся в Комиссию, в полном их подборе и извлечь из них все, что говорило о кресть[янском] праве. С другой стороны, чрезвычайно слабо были изучены материалы частных рабочих комиссий, из которых выходили между тем ценные проекты и записки. Изучая самый Наказ Екатерины II, я хотел ознакомиться с критикой на него, высказанной во время его составления. В столичных архивах я нашел на эти вопросы интересные ответы и получил возможность представить обсуждение кресть[янского] вопроса в более широком виде, нежели это было дано у Семевского и других. Указания Чечулина[LXXVIII] на сохранившиеся в Публ[ичной] библиотеке (Эрмитажной) рукописи якобы замечания Дидро[LXXIX] на Наказ Екатерины II пробудило меня выписать рукопись в Одессу. Ее изучение убедило меня в ошибке Чечулина, — это не была работа Дидро (подлинные[934] его замечания были изданы только в 1920 г., о них я писал в особой статье 1928 г.[LXXX]). Перечитывая рукопись и роясь попутно в соц[иально]-эконом[ической] и юридической литературе франц[узской] при этом, я установил автора этой рукописи, это был франц[узский] юрист De Villiers[LXXXI], ряд работ которого я обнаружил среди бумаг комиссии 1767 г. в Арх[иве] Гос[ударственного] Сов[ета][LXXXII] и Рум[янцевском] музее[LXXXIII]. Это было положительное достижение моего исследования, я получил возможность установить формы участия этого франц[узского] юрисконсультора в законод[ательных] работах Екат[ерининского] времени, о чем я дал особый экскурс в своей книге 1910 г.[LXXXIV], по франц[узски] я об этом писал уже в 1924 г.[LXXXV]

Другое положительное достижение моей работы заключается в данных об истории некоторых частных комиссий, в особенности же по истории комиссии о размножении и пр[очих], ее интересный план я полностью опубликовал в приложении к книге. Было бы целесообразно сравнить его со знаменитой Запиской Ломоносова о размножении народа[LXXXVI] — анализ ломон[осовских] взглядов по этому вопросу Сухоплюева в Ломонос[овском] сборнике 1911 г.[LXXXVII] нужно было бы дополнить справками в моем материале. Вообще говоря, моя книга 1910 г. значительно обогатила самый материал о Комиссии, не говоря уже о том, что история крестьянского вопроса в Комиссии получила в ней законченное изложение и разъяснение. Сам В.И. Семевский это признал. В 1912 г. при личном моем его посещении на Васильев[ском] острове он мне говорил, что хотел представить мою книгу на премию в Вольно-эконом[ическом] обществе[LXXXVIII], но что принужден был от этой мысли отказаться только потому, что тогда как раз вышла в свет книга И. Игнатович «Помещичьи[935] крестьяне»[LXXXIX], которую нужно было непременно премировать. Были ли на книгу мою рецензии, кроме Линни-

[934] Подчеркнуто в тексте.

[935] В тексте ошибочно указано: «поместные».

ченко еще по первой редакции[XC], и Авалиани в «Ист[орическом] вестнике»[XCI], я не знаю, но знаю, что книгу мою обычно признавали ценной и солидной среди историков.

Закончив печатание книги осенью 1910 г. я стал заканчивать свои приготовления к маг[истерским] экзаменам. В мае 1911 г. сдал дополнительные испытания по всеобщей истории и политич[еской] эконом[ии], и в октябре основной экзамен у Линниченко. Клаузурную работу[XCII] я написал о С.М. Соловьеве[XCIII] — Линниченко ее в общем одобрил. Я не скажу, чтобы был лично вполне удовлетворен своими экзаменами. Перечитал я массу, знал много, но самое <отсутствие>[936] точно ограниченной программы не давало удовлетворения, ибо многое все же оставалось мимо моего внимания, многое усваивалось лишь в общем виде и не надолго. Четкости и законченности в работе и быть не могло. То, что отложилось в моих первых отчетах — о летописи, <арабах>[937] и др[угом] — оставило более определенный след, от остального чтения и продумывания остался скорее лишь общий налет, знание историографии, истор[ической] литературы, но не овладение проблемами в их конкретности и законченности. К тому же трехлетняя напряженная подготовка разрешалась короткой беседой на факультете, беседой, которая казалась так мало соответствовавшей этому длительному и упорному напряжению. С экзам[ена] у Линниченко я, помнится, вышел вечером с как бы опустевшей душой и мыслью, разряд[XCIV] был завершением волнения и стольких мучений!

Тотчас после экзаменов я подготовил для пробной лекции (по сообств[енному] выбору и по предв[арительному] соглашению с Линниченко) отчет о новой книге Гётца о Рус[ской] Правде[XCV]. Текст лекции был потом напечатан с нек[оторыми] дополнениями критич[еского] характера[XCVI]. При чтении лекции Б.[938]М. Ляпунов[XCVII] очень заинтересовался книгой Гётца и беседовал о ней со мною. Оттиск этой моей статьи[XCVIII] вошел в научный оборот, ибо книга Гётца вызвала общее внимание, — помню, я получал оттиски новых рецензий на Гётца от Преснякова[XCIX], Дьяконова, а Кадлец[C] в Праге тогда же зарегистрировал и парафразировал мою статью в своей статье о книге Гётца[CI], а оттиск от Кадлеца я получил еще до войны 1914 г.[CII] При встрече с Кадлецом в Праге в 1923 г. он меня сразу спросил, я ли автор этой рецензии.

Получив в ноябре 1911 г. звание приват-доцента, я стал готовиться к чтению лекций. Первый мой семестровый курс (январь — май 1912 г.) был посвящен обзору источников русской истории, первая вступит[ельная] лекция касалась вопроса о критике источников вообще. Чтение лекций и уроки в Ком[мерческом] училище[CIII], а с осени 1914 г. в Епарх[иальном] училище[CIV] были тем фоном, на котором я продолжал свою собственно учено-

---

[936] Рукописная вставка синими чернилами.

[937] Рукописная вставка синими чернилами.

[938] В тексте ошибочно6 «В.».

литер[атурную] работу. В ее основе лежала подготовка магист[ерской] диссертации. Ее тема выросла из моих занятий Комиссией 1767 г. еще в 1909–1910 гг. Попутно я печатал меньшие статьи как по истории Комиссии, так и по другим вопросам, но все основное внимание посвящено было, конечно, диссертации.

Тема моей диссертации определялась в ходе моих усиленных розысков материалов по истории Комиссии 1767 г. Знакомство с литературой о Комиссии и с печатным подбором источников открыло мне те стороны Комиссии, которые недостаточно были изучены и которые требовали сосредоточенного обследования по архивным материалам. Внешняя история Комиссии как учреждения была, в общем, известна, открытая ее деятельность в форме общего собрания (Большая Комиссия) была доступна ознакомлению по печатным протоколам; Наказ Екатерины II был изучен более или менее законченно, наказы населения[939] тоже давали много материала для статей, обзоров и пр[очего] об истории социальных отношений России той эпохи. Но оставались лишь затронутыми случайными очерками две основные стороны истории Комиссии: история составления самых основных актов по созыву Комиссии, т[о] е[сть] история работы Ек[атерины] II по определению созыва Комиссии и ее правового положения, и, с другой стороны, — история выборов депутатов на местах, реакция населения на созыв представителей и т[ому] п[одобное]. Оба эти вопроса я включил в рамки моего плана, который получил определение в названии книги — «Состав Законод[ательной] Комиссии 1767–1774 гг.»[CV], отчасти как аналогия работам о созыве Земских соборов Моск[овской] Руси[CVI]. Я не сразу остановился на таком названии книги и, в конце концов, сам не был особенно доволен сим — слишком ограничительно звучало оно. Однако мне хотелось дать книге имя краткое и выразительное, названия «Очерки», «Из истории» и пр[очих] меня не увлекали.

Еще при работе над первой студенческой редакцией моей книги о кресть[янском] вопросе я установил, что в подготовке актов по созыву Комиссии принимал участие, по-видимому, и Бибиков[CVII], известные в печати планы актов, изданные Липинским[CVIII] и Мо[…][940].

Законч[енная] их редакция не давала полной истории их текстов, почему я решил обследовать рукописную наличность по этому вопросу. Основной материал я нашел в Сенате, в общем соед[иненном] присутствии кассац[ионных] департаментов хранилось три тома таких бумаг Ек[атерины] II по Комиссии. Я проштудировал это «сенатское собрание», получив возможность изучить его сидя в особой кабинке канцелярии I гр[аждан]ского деп[артамента] Сената. В связи с этим вспоминаю один курьезн<ейший>[941] эпизод. Я приходил в Сенат к 10 ч[асам] дня, получал от одного из чиновников-письмово-

---

[939] В тексте, вероятно, опечатка: «населению».

[940] Несколько слов пропущено.

[941] Дописано от руки синими чернилами.

дителей тома рукописи, каждый день укладывавшейся в серебряный ларец в зале заседаний. При операции выемки и укладки я познакомился с содержанием других бумаг этого ларца — там был, м[ежду] пр[очим], печатный акт о браке Александра II с княг[иней] Юрьевской[CIX] и кое-что иное, что уже не вспомню. Я сидел один в кабинке, оборудованной деревянной перегородкой большого коридора, — в соседних кабинках никакого не бывало, а далее таких же кабинках работали чиновники. В 2 ½ ч[аса] дня чиновники расходились, и мой регистратор отбирал у меня рукописи и все вместе укладывал их в ларец. Окна кабинки выходили на двор Сената, на солнечную сторону, бывало очень жарко, несчастные чиновники — часто в мундирах — изнывали от тепла и запирались без сюртуков или мундиров. Я также не раз снимал пиджак и уединенно, часами иными не посещаемый, мог предаваться изучению бумаг Екатерины II, не прислушиваясь к движениям в коридоре. Однажды я оторвался от своих бумаг и не услышал больше привычного и обычного беганья по коридору (а стены кабинки не доходили до потолка!), было тихо, я высунулся в дверь — никого не было кругом. Не дав себе отчета в этом, я снова засел за работу, не интересуясь часами. Тут мой слух поразили новые для меня звуки — оказалось, служители мыли швабрами полы. Был уже пятый час. Мой регистратор забыл обо мне и убежал домой на обед. Мое положение было не из легких. Я мог бы смело взять тома рукописи Ек[атерины] II в портфель и унести с собою — полотеры ничего в деле не понимали и не могли бы ни возражать, ни просто знать. А между тем — это хранилище под собой охраной Сената бумаг Ек[атерины] II, сданных ею в свое время «в Сенатскую Архиву» как было ею надписано на обложке первого тома, были предоставлены мне для работы с особого разрешения министра юстиции и сенатора-председателя I кассац[ионного] деп[артамента] Добровольского[CX]. Я знал историю Сташевского[CXI] и не мог решиться на самоуправство. Никто из служителей, конечно, не мог быть ответственным за бумаги, если бы я и в их присутствии уложил их в письменный стол. Я был в недоумении. На счастье мой регистратор уже к 5 ч[асам] дня вспомнил обо мне и, запыханный, прибежал в Сенат, где все было уложено. К этим сенатским бумагам ценные дополнения дали бумаги Госуд[арственного] Архива, куда я получил доступ с Высочайшего соизволения, как это было формально необходимо. Здесь мне дал просмотреть кое-какие бумаги из Архива Мин[истерства] Имп[ераторского] Двора Я.Л. Барсков[CXII], с которым мы не раз беседовали о Ек[атерине] II, однажды я побывал и у него дома на Мойке.

Для второй части моей книги — о выборе депутатов — основной материал я нашел в Моск[овском] Архиве Мин[истерства] Юстиции. Здесь, с одной стороны, хранились дела Сената времен Ек[атерины] II, а также нек[оторых] иных центральных учреждений той же эпохи, а с другой стороны, тут имелся огромный [фонд] архивов полиц[ейских] админ[истративных] учреждений (фонд упразднен[ных] правит[ельственных] учреждений после реформ 1860–[18]70 гг.). Эти архивы провинц[иально]-губ[ернских] и уездных органов дали мне много подробностей, фактов, справок и т[ому] п[одобного] — что позволило обработать выборы на местах с большей точ-

ностью, нежели это было известно раньше. Подбор разного рода материала был не лишен случайностей в Арх[иве] Мин[истерства] юстиции попали далеко не все провинц[иальные] архивы старого времени, многие края не были тут совсем представлены, кое-что я не нашел или упустил из виду. Я попытался было получить дополнительные справки на местах, писал в нек[оторые] архивные комиссии (Оренбург, Нижний Новгород), в Гельсингфорс проф[ессору] Пальмену[CXIII] относительно Выборгской губернии и т[ак] д[алее], но эта анкета успеха не имела. Пальмен мне ответил, что в Выборге ничего нет, но уже в [19]20-х годах, после революции, там все же что-то нашлось, и об этом была особая финская работа. Еще в 1911 г. я нашел в нашем Одесском Архиве среди бумаг Запорожской Сечи дело о выборах депутата, т[о] е[сть] от Запорожского войска, — оно послужило основой для моей статьи в Зап[исках] Од[есского] Общ[ества] Ист[ории] и Др[евностей], [том] XXX, Сборник в честь Ф[он]-Штерна[CXIV].

Обработку собранного мною материала я начал еще далеко не закончив обследование архивов. Для первой части материал был мною объединен уже в 1913 г., когда я и напечатал статью[942] — история Положения о выборах депутатов[CXV], где выяснил очередь всех известных мне редакций актов и развитие основных их положений. Собрание архивных данных я закончил вообще уже в 1914 году. После двух поездок в Петербург и Москву в 1909 и 1910 гг. <я сделал перерыв в 1911 г., готовясь>[943] к маг[истерским] экзаменам. <А затем съездил на север[CXVI] и в летние месяцы, и зимой>[944] — на десять дней рождественский перерыв. Занятый уроками в Ком[мерческом] училище, я мог освободиться зимой только к 21–22 дек[абря], — вечером того же дня я уезжал в Пет[ербург] или в М[оскву] и там усиленно использовал все свободное время до последнего дня перед крещением. Летом 1912, 1913 и 1914 гг. я занимался как в Арх[иве] Госуд[арственного] Сов[ета] в С[анкт-Петербурге], так потом в особенности в Москве в Архиве Мин[истерства] юстиции.

Моя работа в основном моем плане дозревала уже к зиме 1914–1915 гг. Первая часть книги была к тому времени уже написана. Меня торопили с окончанием работы, ибо нужно было замещать кафедру по русской истории, она ждала меня. Зимой 1914–1915 гг. я усиленно занимался писанием второй части и довел ее до половины. Я решился отдать все написанное в печать, не закончив даже черновой обработки того, что касалось выборов от городов, сельск[ого] населения и т[ак] д[алее]. Все это едва не 200 с лишним страниц было мною обработано и написано летом 1915 г., когда я проводил время в селе Гниляково[CXVII] у Одессы. Дважды в неделю я ездил в Одессу и отвозил в типографию все написанное за предыдущие дни, забирая корректуры набранного и затем, к следующей поездке, давал и прав-

---

[942] В тексте ошибочно «статьи».

[943] Рукописная вставка синими чернилами.

[944] Рукописная вставка синими чернилами.

ку, и вновь написанные страницы. Это была скачка довольно рискованная, часто я отрывал на полуфразе и с нее начинал потом писать продолжение. не делая никаких поправок, но пиша это прямо для типографии. И любопытно, что на диспуте мне затем Ю.В. Готье[CXVIII] говорил, что стиль моей книги легче и живее именно во второй части, где я не имел, между тем, времени долго размышлять и сочинял в экспрессном темпе! Вставая в 8 ч[асов] утра, я с сумерками прерывал свою работу, являясь лишь на короткое время к обеду и отказываясь от удовольствия посидеть в саду среди фруктов и зелени. Мне посылали яблоки и абрикосы через окно в корзиночке, чтобы не отвлекать разговорами и прогулками. К осени 1915 г. книга была кончена, вышла из печати и могла быть пущена как диссертация.

Моя книга имела совершенно конкретную и предметную тему. Я имел в виду выяснить вопрос о том, как определялся созыв Комиссии 1767–1774 гг. — как определяла его в Законе Екатерина II и как определила его самая практика жизни. С этим вопросом были связаны, конечно, и общие проблемы социальной политики Ек[атерины] II, и социальной истории России ее времени. Выборы депутатов были моментом важным в отношении выявления политич[еской] и социальной самостоятельности населения страны, в отношении организации русского общественного мнения, во всяком случае, обществ[енного] мнения отдельных социальных групп и т[ому] п[одобного]. Комиссия как организация народного представительства — вот в основном тема моей книги. Не отрицаю, что я взял эту тему в известном ограничении, — я оставил в стороне зарождение и развитие самой мысли Ек[атерины] II о составе депутатов, эта общая проблема была мною оставлена в стороне, я занялся, так сказ[ать], редакционной стороной дела, не идейной или идеологической. На это обратил мое внимание уже на диспуте Ю.В. Готье. С еще большей настойчивостью отмечает это теперь Г.Ю. Закке[CXIX] в своей книге о Комиссии[CXX], где он объявляет мою книгу как лишенную ответа на политич[еские] предположения Ек[атерины] II при созыве Комиссии. Закке прав, я не писал историю самой идеи Ек[атерины] II о созыве депутатов, общая политич[еская] идеология истории в этом вопросе мною была обойдена, — это могло быть предметом иной работы, которая могла быть продолжением и дополнением моих конкретных изысканий. Мои строго фактические исследования должны были подготовить почву для обобщений и заключений, и, думаю, без моих изысканий они были бы вообще невозможны, во всяком случае имели бы характер скоротечных и лишенных деловой основы.

Моя книга послужила мне магистерской диссертацией. По совету И.А. Линниченко я решил защитить ее не в Одессе, в Москве. В сущности, я мог бы представить как магист[ерскую] диссертацию уже свою книгу 1910 г., но в уверенности в своих силах и трудоспособности я не останавливался на этой мысли и отложил защиту до выхода в свет книги о составе [Комиссии]. Линниченко списался с М.К. Любавским[CXXI] и получил принципиальное согласие со стороны московских историков на принятие моей книги в качестве диссертации. Я уже в листах посылал свою работу М.М. Бо-

гословскому[CXXII] и Любавскому, но потом выяснилось, что вместо последнего оппонентом моим будет Ю.В. Готье, который как раз в это время работал над историей местного управления в России в XVIII в. Любавскому предстояло, кажется, быть оппонентом у Яковлева[CXXIII], и он был занят, к тому же, своим ректорством. У меня завязалась живая переписка с Богосл[овским] и Готье, и после выхода книги в свет я узнал от них, что моск[овский] ист[орико]-фил[ологический] фак[ультет] принял по их отзыву мою книгу, срок диспута зависел от моего приезда в Москву. Я остановился на масляной неделе 1916 г.[CXXIV] Приехал я в Москву, кажется, уже 10 февраля, с величайшим трудом нашел себе комнату в весьма непервосортном «отеле» «Вега» у Страстного монастыря после посещений не менее 12 отелей, где — из-за движения во время [х][945] — не было мест, в прихожих люди стояли [в] очереди на комнаты в случае их освобождения. В следующий же день я посетил М.М. Богословского в его домике в Денежном переулке на Арбате. По его указанию я сделал затем визиты Любавскому, Готье, Кизеветтеру[CXXV], Савину[CXXVI], Егорову[CXXVII], Веселовскому[CXXVIII]; должен был побывать и у С.В. Бахрушина[CXXIX], кот[орый] намечался дополнительным оппонентом, но у него в этот день умер дядя или кто-то иной, и мне пришлось воздержаться от посещения и встречи с Бахрушиным. Через день вечером у М.М. Веселовского[946] сошлись моск[овские] историки для знакомства со мною. Никто из них не знал меня лично. При моих посещениях архивов в С[анкт-]П[етер]б[урге] И Москве я ни с кем почти не знакомился. В С[анкт-]П[етер]б[урге] я побывал у В.Г. Дружинина[CXXX] с письмом [от] Линниченко, у Лаппо-Данилевского — ради получения доступа в академическую библиотеку, знаком был — с работ в архиве — с Барсковым, Кисельковым[CXXXI], Модзалевским, в Москве видал Дьяконова, Кизеветтера и др., но не знакомился с ними и ни у кого ранее вообще не бывал. Теперь я знаю, что это было глупо, прямо было войти сразу в круг историков и поучиться у них и в порядке личного общения. Однако, для личного моего удовлетворения имело значение и то, что в Москве я выступал перед совершенно новой и не знакомой для меня лично средой историков, — их суд и суждения имели посему совершенно деловой характер без всякого влияния личных отношений и интересов. Помню, как Любавский увидел меня впервые в кабинете Богословского, спросил — да вы и на женских курсах читаете? Ответил — да, читаю, — да они вас там легко могут под шубкой спрятать, смеялся Любавский. У Богословского в тот вечер были кроме Любавского еще и А.Н. Савин, С.Б. Веселовский, Д.Н. Егоров, А.И. Яковлев, Ю.В. Готье. Расходясь по домам около полуночи, мы двигались по заснеженным улицам Москвы, и я сейчас слышу еще раскаты хохота Любавского и Кизеветтера, который передавал на Арбатской площади какой-то анекдот об Игн.Н. Потапенке[CXXXII].

---

[945] Карандашная отметка в машинописном тексте о пропуске слова.

[946] Вероятно, опечатка. Речь идет о С.Б. Веселовском.

14 февраля утром в 10 часов состоялся диспут. Я впервые тогда вошел под своды Московского Университета, где в большой <Богословской>[947] аудитории предстал перед московской исторической публикой — на той кафедре, [на] которой так часто говорил сам В.О. Ключевский[CXXXIII]. Не сомневаюсь, что эта публика, привыкшая видеть много славных лекторов и присутствовать при разных диспутах и лекциях, не без любопытства смотрела на мою маленькую и весьма молодую фигурку, предстоящую на ученом диспуте не в обычном традиционном фраке, но в обыкновенном сюртуке, мне, конечно, более подходившем, чем парадный фрак. Я сейчас точно не помню, кто именно из состава ист[орико]-фил[ологического] факультета Моск[овского] унив[ерситета] присутствовал на моем диспуте. Члены факультета сидели вблизи кафедры в нише ее замыкавшейся. Кроме историков я помню только декана А.А. Грушку[CXXXIV], председательствовавшего на диспуте, далее тут был Алексей Н.[948] Веселовский[CXXXV], С.И. Соболевский[CXXXVI] — классик, передавший тут же мне для Одесской Унив[ерситетской] Библиотеки экземпляр изданного им палеограф[ического] альбома классического; далее был тут А.В[949]. Казанский[CXXXVII], которого я слушал еще в Одессе (логика, история философии), он после выслужения пенсии в Одессе вернулся в родную ему Москву и читал в унив[ерситете] как доцент. Среди публики я видел А.А. Кизеветтера, который в 1911 [г.] не входил в число преподавателей университета, — он был первый рецензент моей книги (Рус[ские] Ведомости 1916)[CXXXVIII] и, конечно, мог бы быть хорошим оппонентом. Но из публики никто не выступил, и возражения ограничились офиц[иальными] оппонентами. После диспута ко мне подходил Илья Н. Бороздин[CXXXIX], работавший в области истории. А.Ф. Изюмов[CXL] мне говорил уже в Праге, что и он был там, я его тогда не знал.

Я произнес небольшое вступительное слово, которое не было у меня написано. Помнится, я говорил об использовании мною для книги материала и об основной установке книги, имевшей целью охарактеризовать комиссию, как представительное учреждение с точки зрения ее организации на основах выборов. Возражения Богословского и Готье напечатаны были в неск[олько] расширенном виде — Бог[ословского] в «Ист[орическом] вест[нике]»[CXLI], Готье — в «Ж[урнале] М[инистерства] н[ародного] п[росвещения]»[CXLII]. Они носили характер дополнений и уточнений и не оспаривали самого существа книги. Напротив, Богословский и на диспуте, и после него, когда мы с ним и с Яковлевым А.И. шли по Моховой улице, утверждая, что моя книга застрахована от каких-бы то ни было возражений — обилием материалов и строгой деловитостью изложения. Наиболее существенным было — с моей точки зрения — указание Готье на то, что не занялся все-же генеалогией самой идеи о созыве депутатов, и что я не свя-

---

[947] Приписка синими чернилами.

[948] Вероятно, опечатка в тексте: «Алексей И.»

[949] Ошибка в инициалах. Верно — А.П., т.е. Александр Павлович.

зал всего этого с традицией Земских соборов и затем с практикой выборов посадских и т.д., что могло бы помочь при объяснении практики 1767 года на местах. Я защищался ссылкой на строгое ограничение моей темы конкретной задачей и на то, что ответы на эти вопросы должны последовать за положительным исчерпанием этих конкретных вопросов из области истории Комиссии. Я сам тогда не закрывал себе пути к этой обобщающей работе. У меня сохранился и сейчас листок с пометками из возражений оппонентов — из него легко видеть, как немногочисленны они были. И, в частности, Готье указывал на неудачу заглавия книги, совпадающего с обозначением второй ее части, и на излишность снимка знака [???] [950], вместо чего было бы лучше расширить оглавление в более подробный указатель частных тем книги и пр.

Диспут продолжался около трех часов. Факультет признал меня достойным степени магистра русской истории. После диспута я зашел к А.И. Яковлеву — у Храма Христа Спасителя и обедал у него, после чего посидел с ним в кабинете за бутылкой красного вина. Я не устроил традиционного обеда или ужина для оппонентов их факультета — в разгар войны, это было уже нелегко в отношении напитков и сладостей, да я не умел еще освоиться в обстановке, не зная ни Москвы вообще, ни традиций ресторанных собраний и вечеринок. Тотчас после диспута я собрался домой в Одессу, послав заранее телеграмму о своем успехе с подписью «магистр Флоровский» (!) Перед отъездом я был еще приглашен на обед вечером к Готье, где были еще Веселовский и Яковлев. Из общего разговора я запомнил с удовольствием предложение оппонентов моих — и с докторской диссертацией приехать к ним же в Москву, что я воспринимал как ободрение старших молодому коллеге, и как признание того, что я не унизил себя на диспуте, что мое появление в Москве среди московских историков было оцениваемо положительно. Мои чувствования при этом были смешанные, ибо рядом с большим удовлетворением от достижения степени, общего тона возражений и разговоров, от самого превращения меня в магистра и осуществления этим важного этапа в жизни ученого и профессора, я все же переживал некоторое смущение от новизны впечатлений, от перехода в новое состояние чувств и мыслей. — Хотя в Москве было в эти дни масляное оживление и мне стоило бы там кое-что осмотреть, я поторопился домой, с трудом получил билет — оставалось только место в первом классе — я еще до конца недели добрался в Одессу, домой.

Уже весной же 1916 г. факультет в Одессе избрал меня на должность профессора по кафедре русской истории, осенью это избрание подтвердил и Совет Университета. Представление это было Высочайшим Приказом 17 января 1917 г. Утверждено и с начала семестра 1917 г. я мог начать чтение уже как полноправный профессор, член факультета и Совета и т.д. По соглашению с другим преподавателем той же кафедры, Е.П. Три-

[950] В тексте отмечен пропуск двойными косыми скобками. В просмотренных экземплярах книги какие-либо снимки не выявлены.

фильевым[CXLIII] — я должен был читать курс древней русской истории, ему отводилась история России в Новое время (с XVIII века). Подготовка курса и составила предмет моих ближайших занятий и усилий. Я успевал обработать и кое-что и из собранных мною иных материалов — по истории Комиссии 1767 г. и под[обных], но в центре был курс истории древней Руси. Кое-что из него я успел и ранее прочитать как специальные курсы. Как доцент я в 1912–1916 гг. вел просеминарий по русской истории, на котором разбирал главным образом Летопись, договоры с греками, Русскую Правду, рядом с этим читал небольшие специальные курсы — по обзору источников русской истории, по законодательству Ек[атерины] II, по истории Новгорода, обзор памятников русского законодательства и под. Но ни один из этих курсов не был мною записан и сейчас не помню, имел ли я для них подробные конспекты, — исключение, кажется только — обзор законодат[ельных] памятников — этот курс я читал и в унив[ерситет], и на Высш[их] Женск[их] Курсах и к этому я заготовил его старое изложение, чтобы не готовиться вновь каждый раз к лекциям. Курс древней русской истории я хотел обработать с одной стороны для студенч[еского] издания, о чем меня просило издательское студ[енческое] объединение (оно успело издать только введение в историю русс[кой] лит[ературы] Потапова)[CXLIV], а, с другой стороны, должен был дать и себе полный отчет в состоянии науки по всем основным вопросам истории древней Руси. В связи с этим, я в текст своей работы включал по возможности все важнейшие свидетельства источников и обзоры мнений по отдельным вопросам. Я успел написать в таком виде историю начала Руси, возникновение государства, вопрос данных об имени Русь, дальше — о политической системе Киевской Руси, обзор данных о теориях родовой, общинной, задружской и т.д. Далее нужно было бы заняться подведением свода о социальных отношениях и прочее, но суматоха после революции осенью 1917 г., моя поездка в Москву на церковный Собор, неустойчивость в жизни Университета — все это остановило меня и я для дальнейших частей курса обычно пользовался лишь конспектами. Написание же было для меня справочным сводом, к которому я обращался при чтениях, освещал в лекции соответствующие тексты и мнения ученых.

Уже в Москве я говорил Богословскому о своем плане дальнейших работ. Я указывал, что меня занимает история русской Новороссии в связи с общей колонизационной политики России при Александре I. История родного Новороссийского края естественно должна была меня интересовать, и в связи со значением этого края по существу, и по доступности материала, в частности архивного. Еще в 1911 г. я посещал одесский Архив упраздненного Новор[оссийского] и Бессар[абского] ген[ерал]-губ[ернаторского] управления, где смотрел прежде всего Запорж[ские] дела — ради истории Комиссии 1767 г. Для истории Новороссийской губернии я нашел и в столичных архивах, в частности о [слово пропущено], о прикреплении крестьян, о новорос[сийском] депутате [слово пропущено] и под[обном] — этот материал я попутно публиковал в разных изданиях. При посещении одесского Архива я узнал как-то от его заведующего А.Ф. Миллера[CXLV] о существова-

нии особого собрания Импер[аторских] указов и рескриптов по делам Новороссии. Я получил от градоначальника, которому подлежал и Архив, находившийся при его канцелярии, разрешение на ознакомление с этим собранием и нашел его весьма интересным. Описание этого собрания я в 1912 [г.] издал отдельной брошюрой[CXLVI]. Она оказалась полезной кое-кому из исследователей Новороссии и Бессарабии. В частности тогдашний министр народного просвещения Л.А. Кассо[CXLVII] с похвалой цитировал это мое издание в книге о присоединении Бессарабии, а один еврейский писатель Б.[951] Топоровский[CXLVIII] просил меня дать ему копию двух касающихся евреев документов, которые и издал[CXLIX] в «Еврейской Старине»[CL]. Истории Новор[оссийского] края в 1912 [г.] я посвятил и большую статью об откликах на войну 1812 [г.], для чего использовал материал архива Канцелярии градоначальника[CLI]. Эти и другие мои изыскания в области истории Новороссии приводили меня к мысли об изучении на широкой базе истории ее колонизации, в частности колонизации русской, ибо для нем[ецких] или болг[арских] колоний кое-что ранее было сделано, о русской же волне поселенцев в Ю[жно]-р[усских] степях было писано очень мало. В 1919 г. я напечатал результаты своих частных разведок по этому вопросу в связи с белорус[скими] переселенцами[CLII] [х][952], откуда их переселили на Херсонские просторы для освобождения места для военных поселений. Когда в 1916 г. я говорил Богословскому, что хотел бы следующую большую работу посвятить этим темам, он отговаривал, подчеркивая, что нужно брать тему общего и широкого, общерусского значения, для провинциальных тем не стоит отдавать основное свое и усилие. Я и сейчас не согласен с этой точкой зрения, ибо не представлял себе свою работу узкопровинциальной, но хотел дать ее общерусскую постановку в связи с историей политики народонаселения России вообще, в частности политики колонизационной Александра I — для Ек[атерины] II как раз в это время вышла в свет книга Писаревского, правда, довольно узко взявшая свою тему. Обстоятельства отклонили меня от углубления в разработку этой темы, заслуживающей вообще серьезного внимания. Рядом с нею я уже в 1916–1917 гг. намечал себе и новые темы. С одной стороны меня интересовали история III-ьей ревизии 1762–1765 гг., с которой я встретился уже при писании книги о Комиссии. Итоги ревизии были мне известны по ценной [х][953], которую я нашел в Архиве Министерства юстиции в Москве. Я хотел со временем изучить как самое проведение ревизии, так и ее результаты с точки зрения как техники, так и социальной политики. Ведь итоги III-й ревизии лежали в основе всех расчетов Екат[ерины] II в области статистики населения, финансов и пр. Новая ревизия была проведена двадцать лет спустя и таким образом более двадцати лет царст[вования] Ек[атерины] II именно к данным ревизии

---

[951] Ошибка в инициалах, в тексте «В».

[952] Карандашная отметка о пропуске, вероятно, неразобранного слова при перепечатке.

[953] Карандашная отметка о пропуске слова.

1762 г. и сл[едующих] гг. должны были обращаться все граждане России. Из ревизий XVIII в. были к тому времени более или менее широко изучены лишь первая петровская и первая павловская в книгах Клочкова[CLIII] и Дэна[CLIV], но последний интересовался особенно вопросами социально-статистическими. В связи со своим курсом по русской исторической географии я остановился на мысли изучить также оригинал «Книги Большому Чертежу», критически ее издать[CLV]. Этот план, поскольку его осуществление было возможно только на основе архивных изысканий в столицах, в частности в Москве, оказался для меня недоступным. Я побывал в Москве после защиты диссертации в феврале 1916 г., также еще однажды — осенью 1917 г. как член Церковного Собора. Несколько свободных от работы по Собору часов я посвятил просмотру в Архиве Минист[ерства] юстиции бумаг Екат[ерины] II, которые перед этим недавно разобрал Д.В. Цветаев[CLVI] из архива[954].

Здесь оказалось кое-что интересное для Комиссии 1767 г.[955], часть я использовал в своей статье об Академии наук уже в 1924 г[CLVII].

Лишенный возможности продолжать архивные изыскания в Петербурге или в Москве в связи с обстоятельствами войны, а потом революции и гражданской войны и занятый затем новыми своими интересами по Музею Одесского Общества Истории и Древностей, потом в 1920 г. Архива, а в 1921–1922 гг. библиотек Публичной и Университетской, я свои ученые занятия ориентировал в сторону вопросов начальной истории Руси, а, с другой, в сторону истории Новороссии. Из этих занятий постепенно вырастал план более значительной работы, которую, однако, мне не удалось осуществить полностью. В 1918–1919 гг. мне удалось опубликовать лишь очень немногое. В 1920–1922 гг. обстоятельства складывались более благоприятно в связи с моими изысканиями в архивах. Мое внимание тогда привлекла эпоха крестьянской реформы и ее отголоски в Новороссийском крае. Общие обзоры истории реформы недостаточны, по-моему, не учитывали местные отношения и конкретные подробности прохождения реформы в провинции. Меня давно уже заинтересовала книга Кречетовича[CLVIII] по истории реформы 1861 г. в Оренбургском крае[CLIX]. Я решил поискать материал соответствующего характера по Новороссийскому краю. Прежде всего в Архиве ген[ерал]-губ[ернатора] я обнаружил материал о деятельности губернских комитетов, проекты 3 новор[оссийских] губ[ернских] комитетов, переписку по ним и пр. Обработав в особой статье эти материалы, я обратил внимание на позицию, занимавшуюся по кресть[янскому] личному вопросу самим ген[ерал]-губернатором края, гр[афом] А.С. Строгановым[CLX] и собрал для его характеристики некоторый интересный материал в особой статье в сборнике «Посев» 1922 г.[CLXI] Особо остановился я на разработке данных о том, как сами крестьяне Новороссийских губерний восприняли акты 19.II.1861 г.

---

954 Приписка синими чернилами рукой неизвестного автора: «[пропуск А.В. Флоровского]».

955 В дате исправлена явная опечатка.

Архивы ген[ерал]-губернатора и дух[овной] консистории в Одессе дали мне весьма интересный и ценный материал, важный не только с местной точки зрения, но имеющий существенное значение и для ознакомления с настроением крепостного крестьянства 1861–1863 гг. в России вообще. Из собранного мною материала составилась особая книжка «Воля панская и воля мужицкая»[CLXII], которую издала Комиссия по концепции и разработке историко-революционного материала. В комиссии этой я принимал все это время активное участие и издание моей работы было этим облегчено. Губиздат внес при издании изменение в подзаголовке моей книжки — я писал — «Страницы из истории крестьянских волнений 1861–1863 гг.», издательство напечатало — «Страница из истории аграрных волнений», хотя меня тут интересовала скорее социальная, нежели хозяйственная сторона. Зато Губиздат признал целесообразным издать мою книжку и по-украински[CLXIII]. Перевод сделал М.К. [х][956], учитель и, кажется, ученик Ягича[CLXIV], едва ли не автор работы об [х][957]никах Святослава. Это укр[аинское] издание было мною дополнено и явилось как бы вторым изданием моей работы. Я лично признаю эту свою работу имеющей общее научное значение и считаю ее одной из удачных своих публикаций. Издание Мороховцем материала из Архива III-го отделения[CLXV] теперь позволяет неск[олько] дополнить мои указания, но существенно дела от этого не изменяются. Уже в последние недели жизни в России я начал новую главу своего общего плана по истории кресть[янской] реформы в Новоросс[ийском] крае.

В последние недели перед отъездом из России я перешел к иной области данных по истории крестьянской реформы в Новороссии. Я решился ознакомиться с отношением к ней органов периодической печати, отражавших т[ак] ск[азать] общественное мнение культурной среды Новороссии. Я успел пересмотреть «Одесский Вестник» и <«Journal d'Odessa»>[958] за 1857–1862 гг.[CLXVI] и выяснить для себя их общие позиции, — первая газета выражала взгляды либеральной интеллигенции, вторая скорее официальных кругов края. В связи с этим изысканием я должен был обратиться и к самой истории этих газет и в частности «Одесского Вестника» нужно было порыться и в биографии тогдашнего попечителя учебного округа знаменитого Н.И. Пирогова[CLXVII]. Как раз в 1858 г. «О[десский] В[естник]» перешел в ведение группы профессоров Ришельевского лицея, Пирогов играл в этом переходе существенную роль, сам наметил основы нового направления и руководства газеты, в вопросах цензуры вошел в контакт с ген[ерал]-губернатором А.С. Строгановым и т.д. В архивах я нашел для этой стороны дела интересный материал, в частности большой, доселе неизвестное собственноручное письмо Пирогова к Строганову в защиту от цензурных придирок последнего. Об этом я успел прочитать и узнать в Одесс[ком]

[956] В машинописном тексте карандашная пометка о пропуске слова, вызванная, вероятно, невозможностью его расшифровать.

[957] Карандашная отметка о пропуске неразобранного текста.

[958] Рукописная вставка синими чернилами.

библиогр[афическом] обществе. Однако из газет я не успел сделать нужных выписок и ограничился пока заголовками всех интересных для меня мест. Мой арест и затем высылка из Одессы и России оторвали меня от работы и прервали ее продолжение и завершение. Уезжая спешно заграницу, я даже — к сожалению — забыл захватить с собою сделанные уже копию письма Пирогова. Между тем эта работа об общественном мнении Новороссийского края, поскольку она выражалась в газетных статьях, должна была дополнить общий образ истории крестьянской реформы Новороссии. Впереди были бы еще судьба новоросс[ийских] крестьян в работах редакционных комиссий, роль новор[оссийских] делегатов в них, далее нужно было бы обработать данные о крестьянском населении Новороссии до реформы и после нее, и в связи с нею. Так получилась бы общая работа, значение которой и для истории края и для общей истории России было бы вне сомнения. К сожалению, осуществление этого плана оказалось невозможным.

В ночь на 19 августа 1922 г. и был арестован и 1.IX.1922 должен был покинуть пределы России. Моя научная работа в России на время, как мне казалось, прерывалась. При отъезде я взял с собою некоторый рукописный материал, еще мною на обработанный, это были гл[авным] обр[азом] бумаги по комиссии 1767 г., и рукописи моих лекций, докладов и иные за<метки>[959]. В последующие годы я использовал для печати кое-что из этих материалов. Однако, они не давали оснований для сколько-нибудь широкой работы, да новые условия жизни и деятельности вне России естественно требовали и обуславливали и новое направление самой моей научной работы и в смысле ее проблематики, и в смысле ее литературной реализации.

После месячного пребывания в Константинополе, который я — под впечатлением переживаний последних дней в России — не мог систематически и планомерно изучить, я оказался в Софии, где уже с 1920 г. была семья моих родителей. Я попытался оттуда завязать отношения со своими знакомыми по вопросу о возможности где-нибудь осесть и устроиться. Я писал в Германию Э.Р. фон Штерну и Л.К. Гётцу, в Англию М. Брайкевичу[CLXVIII] и Ю. Павловскому[CLXIX], в Прагу брату Георгию[CLXX] и Н.П. Кондакову[CLXXI]. Ответы были неудовлетворительные, особенно из Германии и Англии. Прага в это время переживала первый год создания русского ученого и студенческого центра и в конце концов удалось сюда привлечь и известную группу ученых из числа высланных из России в сентябре-октябре 1922 г. И //в//[960] эту группу попал и я и к 1.1.1923 я оказался в Праге. Но месяц перед этим в Софии я не знал, как определится моя судьба, и посему делал попытки зацепиться хотя бы в <самой>[961] Софии. Мое прошение в Министерство Народного Просвещения было отвергнуто, министерство не находило возможным использовать мои знания и силы как в академич[еском], так и в библиотечно-архивном

---

[959] Дописано синими чернилами от руки, вместо зачеркнутого слова «записи».

[960] Так в машинописном тексте.

[961] Рукописная вставка синими чернилами.

направлении. Я уже сговорился было с В.Н. Златарским[CLXXII] о том, что постараюсь объявить приватный, хотя бы бесплатный курс русской истории, чтобы так бросить корешок в болг[арскую] почву. А тем временем решил поискать материал для научной работы. На первое место естественно выдвинулись материалы по истории русско-болг[арских] отношений. По совету дяди Миши я направился в Архив по возрождение[CLXXIII], где было большое собрание материалов и по болг[арско]-русским отношениям, гл[авным] обр[азом] до освобождения, и в период освобождения страны 1877–[18]78 гг. Я успел пересмотреть значительную часть обширной описи этого фонда, что толкало меня на мысль о желательности проникнуть в Архив болг[арского] министерства иностранных дел, в котором должны были быть материалы по русско-болгарским вопросам. Правда, там могли быть данные только или по преимуществу уже после создания самого княжества Болгарии и Тырновской конференции[CLXXIV], едва ли там могло быть что-либо от более ранних времен, когда не существовало болгарской дипломатии. В связи с этими соображениями я был очень обрадован, когда узнал от директора Этнографического музея в Софии[CLXXV] С.Д. Чилингирова[CLXXVI], что в Народной библиотеке[CLXXVII] имеется неописанный доселе фонд, происходящий из Архива русского гражданского управления в Болгарии 1877 и сл[едующих] гг. Я обратился в Нар[одную] библ[иотеку] и получил доступ к этому фонду, хранившемуся в подвале библиотеки в далеко не безопасных в пожарном отношении условиях, из коридора, где находились бумаги, шли двери в комнаты служителей, в самом помещении была железная печка, полки — деревянные и т.д. Я пересмотрел весь этот фонд, перенося — часто собственноручно — дела в кабинет помощника директора. Тут оказалось всего около 350 «дел» разной величины; по содержанию это были фрагменты архива русского Имп[ераторского] комиссара в Болгарии[CLXXVIII]. Как известно, об архиве этом в целом было предположение, что он утрачен, частично увезли в Россию. Во всяком случае, еще Э.Д. Гримм при исследовании Тырновской конференции[CLXXIX] не смог установить судьбы этого фонда. Мне привелось таким образом принять прямое участие в обнаружении этого ценного фонда. Создавая для себя короткий указатель этого фонда, я написал затем краткую справку о нем. Сестра уже после моего отъезда из Софии передала эту статейку С.С. Бобчеву[CLXXX], и тот признал ее ценной и напечатал — с основной рекомендательной запиской — на страницах «Юридического Прегледу»[CLXXXI]. Уже много лет позднее мой пражский слушатель К. Гандев[CLXXXII] нашел в Пловдиве еще часть Архива Имп[ераторского] комиссара и на основании нее напечатал ряд исторических статей. Так только теперь этот ценный исторический материал поступает постепенно в научный оборот. Переезд в Прагу прервал мою работу в этом отношении, надеюсь, что кто-либо из русских, находящихся в Болгарии, постарается выяснить, не имеется ли еще что-либо из частей архива Имп[ераторского] комиссара. Было бы целесообразно соединить затем все эти фрагменты в одном месте и сделать этим возможным их целостное изучение. Русское гражд[анское] управления в 1877 и сл[едующие] гг. еще ждет своего законченного изучения и изо-

бражения, хотя бы общие и основные его черты и удавалось выяснить по известным ранее источникам.

Переезд в Прагу ставил меня в совершенно новые условия работы и должен был отразиться на моей научной деятельности существенным изменением ее содержания. Я не привез сюда с собою полуготовой работы, которая требовала бы завершения. Все начатое в России было оборвано, взятое мной с собой было достаточно для статей, не для сосредоточенной разработки. К тому же в Праге 1923 и сл[едующие] гг. не было благоприятных возможностей для работы в области русской истории в сколько-нибудь широком смысле. Библиотеки Праги были весьма скудны на подборки [sic! [962] русских книг. Библиотека Нац[ионального] музея[CLXXXIII] была в этом смысле еще сносна, но там был подбор по преимуществу русских книг до 1880 гг., новой книги там почти не было. Унив[ерситетская] Библиотека[CLXXXIV] была совсем скудна по отделу «Rossica». Кое-что было в библиотеке унив[ерситетских] семинаров — исторического и по истории сл[а]в[янского] права (К.Я. Кадлеца), но всего этого было более чем не достаточно. Ведь Прага не имела экземпляра «Полного Собрания Законов», комплекта «Полного Собрания Летописей» (не говоря уже об их новых изданиях), «Сборника Русского Историч[еского] Общества» и т.д. и т.д. Только после 1925 г. — с устройством Славянской библиотеки Мин[истерства] Иностр[анных] Дел[CLXXXV] и далее с открытием Русского Загр[аничного] Историч[еского] Архива[CLXXXVI] — для историка России открывались лучшие возможности, а вскоре Прага оказалась и вообще обладательницей особой богатого подбора русской литературы в этих двух учреждениях. Но я начал свою работу в Праге до открытия этих институций, нужно было считаться с тем, что была тогда[963] доступнее для использования. Вместе с тем, что именно Прага[964] может дать историку России, нужно было учесть именно местные возможности для постановки научной работы.

Обдумывая планы своей научной работы в 1923 г. в Праге, я остановился на мысли ознакомиться с данными по истории отношений между Русью и Чехией. На эту тему мое внимание обратила Валя еще весной 1923 г., рекомендуя подумать над этими вопросами. Я уже имел законченный образ истории рус[ско]-чеш[ских] отношений X в., использованы для этого данные и рус[ской], и чеш[ской], и польской литературы. Тогда, однако, эта чешско-русская тема меня еще не заинтересовала настолько, чтобы посвятить ей все мое внимание. Почитывая попутно литературу и источники по этим вопросам, я все же искал и в иных направлениях. Зимой 1923–1924 гг. меня занимали данные о русской международной позиции в разгаре польского восстания 1830–1831 гг., точнее — отношения европ[ейской] дипломатии к России и Польше во время восстания. Именно этой темой я зани-

---

[962] В машинописном тексте двойные косые скобки.

[963] Подчеркнуто в тексте.

[964] Слова «именно Прага» подчеркнуты в тексте.

мался и в Берлине, куда ездил на месяц в августе 1924 г. Эта тема, однако, должна была бы повести меня и в архив[ы] всех важных европейских государств, в частности и в Прусский архив в Берлине[CLXXXVII], где я предварительную разведку уже сделал. Такое широкое архивное исследование не казалось мне, однако, осуществимым. Из этого плана и по этой теме вообще я в конце концов ничего не сделал. Чешско-русская тема была доступнее. Как раз в 1924 г. летом мне нужно было прочесть общедоступное чтение на одном из пятничных клубных русско-чеш[ских] собраний в Збраславе[CLXXXVIII] в саду отеля <«Velká Hospoda» >[965]. Я прочел о чешско-рус[ских] отношениях с X в., — с явным успехом. И эту же тему я объявил и для доклада на III съезде русских ученых, который был на осень 1924 г. созван в Праге[CLXXXIX]. Доклад мой имел известный общий интерес, в прениях участвовал, правда, только С.П. Шелухин[CXC], кот[орый] тогда занимался начальной историей Руси и старался направить и меня в сторону веры и легенды о Чехе, Лехе и Русе и пр. И это публичное мое выступление по чешско-рус[ским] историч[еским] вопросам еще не привело меня, однако, к ним достаточно прочно. Я с не меньшим интересом относился тогда к проблеме начала Руси, к варяго-рус[скому] вопросу. Я написал ряд рецензий[CXCI] на новейшие работы по этому вопросу (Фрицлер[CXCII], Горак[CXCIII], Янушевский[CXCIV]), затем сам написал статью об имени Рош у Езекийля[CXCV] в связи с проблемой имени Русь, позднее — в 1927 г. я занялся изучением недавно тогда открытого араба Мискавейхи[CXCVI] X в. и т.д. При поездке в 1925 г. в Париж я занимался по преимуществу этим древне-русским вопросом, пересматривал в <Bibliothèque Nationale[966]>[CXCVII] литературу о [x][967], о начале Руси и пр. И мои заметки там же в 1926 г. были лишь отчасти связаны с русско-чешскими темами. На первом месте стояла отработка известий Мисхавейхи о походе русов на <Berd'a[968]> в 943 г.[CXCVIII] Однако, уже по возвращении из Парижа в Прагу в октябре 1926 г. я имел довольно значительный подбор данных по истории отношений чехами. Я пересматривал к тому времени и источники по старому времени и обширную литературу по XIX в. Это дало возможность объявить темой для созывавшийся летом в Варшаве конференции историков Восточной Европы и слав[янских] стран именно чешско-рус[скую] проблему — «Русы и Чехи в истории их политических и культурных отношений». Доклад свой я прочитал на конференции по-русски, но издал по-франц[узски][CXCIX] в переводе Лосского[CC]. Это был мой первый набросок истории чешско-русских отношений, далеко еще не полный и совершенно суммарный. В Варшаве он встретил со стороны некого публициста…[969]

Продолжая уже более сосредоточенно работать над этой же темой, я постепенно отказался от мысли включить в программу своей работы и XIX в.

---

[965] Вписано от руки синими чернилами.

[966] Вписано от руки синими чернилами.

[967] Карандашная отметка наборщика текста о пропуске слова.

[968] Вписано от руки синими чернилами.

[969] В машинописном тексте пометка: «//В рукописи фраза не закончена//».

О нем я читал специально в Народном Университете в Праге [CCI] особый курс в 6 лекций, о нем я писал по заказу редакции «Совр[еменных] Записок» к юбилею 28.X.1918 г. — «Пути чешско-русской взаимности»[CCII]. Однако, постепенно Новое время уходило из сферы моего прямого внимания, я его сосредоточивал на более старой эпохе, открывая все более материала для нее. Лишь приступив к конкретизации своего основного плана исследования, я принужден был вновь обратиться к написанию общего очерка для чешского издания. Комитет дня русской культуры 1927–1928 гг.[CCIII] заключил с издательством [x][970] соглашение об издании серии книжек по вопросам истории русской культуры, в их число включена была и моя книжка «Чехи и Русь в истории их взаимоотношений». Очерк был мною написан, составил он около 5–6 печ[атных] листов, его перевели на чешский язык, я выправил перевод, получил даже задаток, но издание это осуществлено не было ввиду того, что издательство стало на путь ликвидации. Для меня работа над этим очерком была полезна в том отношении, что я вновь мог передумать и общую схему развития интересовавших меня явлений войти в рассмотрение отдельных его эпизодов в рамках не детального исследования, но общих перспектив.

Писание своей книги я начал не с первых ее параграфов, а с некоторых отдельных ее глав. Прежде всего, мне пришлось написать главу о культе Св[ятого] Вацлава на Руси. К тысячелетию его смерти я составил для Нар[одного] Унив[ерситета] статью «Почитание Св[ятого] Вячеслава, князя чешского, на Руси»[CCIV]. Я написал ее в Белграде, где находился в апреле — августе 1929 г., приглашенный Русским Научным Институтом[CCV] для чтения лекций и докладов. Здесь я нашел ценнейший подбор материалов в составе библиотеки Ягича в Славянском семинаре А.И. Белича[CCVI] и в Державной библиотеке[CCVII]. Эта моя работа вызвала внимание и интерес со стороны чешских историков, впоследствии я включил ее — в дополненном виде — в состав тома моей большой книги. Большое значение для моей работы имела моя поездка в 1930 г. в Варшаву, предпринятая при содействии Славянского института[CCVIII]. Пересматривая серии русских публикаций вроде «Археограф[ического] Сборника», изд[анного] в Вильне, «Актов Виленского Архива», «Ист[орико]-Юрид[ических] материалов могилёвских»[CCIX], и т.д., я установил наличность и возможность двух обстоятельств в истории чеш[ско]-рус[ских] отношений — с одной стороны, торговых связей между Чехией и Моравией и Зап[адной] Русью, а с другой стороны, пребывание униатов среди ученых Олом[оуцкой] и Пражской Иезуитской Академий[CCX]. Этот последний факт я знал уже и ранее и еще в 1928 г. на съезде русских ученых в Белграде читал об этом небольшой доклад. Но теперь база сильно расширялась, что повело меня к интенсивным розыскам нового — и архивного материала по этому вопросу. В связи с этим возникла и моя статья[CCXI] об одном из оломуц[ких] ученых иезуитов Палладии Роговском[CCXII] (по-

[970] Карандашная отметка в тексте — о пропуске слова.

немецки), потом о нем я писал в своей особой книге о чешских иезуитах на Руси[CCXIII].

Книга моя в основной редакции была готова уже в 1933 году. Об издании ее я беседовал еще в 1931 г. с секретарем Слав[янского] института М. Вейнгартом[CCXIV] и получил предварительное согласие на принятие ее к изданию в русском тексте в серии книг Слав[янского] института. Я предполагал тогда, [что] работа составит около 25 печатных листов. Однако, предлагая рукопись книги к печати в 1933 г., я имел уже не менее 50 печатных листов рукописи! Это не помешало, однако, принять книгу к изданию[CCXV]. Проф[ессор] М. Вейнгарт ушел уже к тому времени из Института, решающую роль в принятии моей книги играл проф[ессор] Я. Бидло[CCXVI], который написал обширное и очень благоприятное для меня представление. Мы с ним вместе пересмотрели предварительно мою рукопись. Помню, что решение о принятии рукописи к изданию было сообщено мне на собрании в память А.А. Кизеветера в апреле 1933 года. Я лишь предлагал для удобства выпустить мою книгу в трех отдельных томах — каждую часть отдельно. Однако этот план не прошел, Бидло и др[угие] предлагали разделить книгу на две части — что я и сделал довольно механически.

Это ввело кое-кого в заблуждение, напр[имер] одного из рецензентов, И.И. Лаппо[CCXVII], который не досмотрел, что вторая часть работы — чехи <и лит [овско]->[971] рус[ские] <отношения>[972] только начинаются в первом томе и упрекал меня в опущении важных данных — о Скорине[CCXVIII], о торговле Чехии с <Литвой>[973] и т.п., чем между тем были посвящены десятки, даже сотни страниц в дальнейших главах, т.е. во втором томе. Я да Слав[янский] инст[итут] предполагали, что этот второй том будет скоро издан, чем это механическое разделение было бы сделано мало заметным и чувствительным. Однако, обстоятельства заставили затянуть издание второго тома, он был набран в 1940 году, но выпуск его в свет задержан был цензурой летом 1941 г.[CCXIX]

Первый том книги был набран в течение лета 1934 г. и вышел на пороге 1935-го. Его выпуск в свет едва не был задержан в связи с одним эпизодом, который имеет значительный и научный, и общественный интерес. Дело в том, что я определял и определяю русскую сторону чешско-русских отношений именем Русь, русские — в широком смысле этого слова, охватывая им все восточно-славянские племя, т.е. и украинцев, и белорусов, и собственно русских, т.е. и Украину и Белоруссию и Москву. Во избежание каких-либо недоразумений я оговариваю это в предисловии, а вместе с тем в заглавии книги употребляю термин не Русь, а восточные славяне вообще. Меня отнюдь не занимала в моей книге проблема русского единства, вместе с тем я нигде не допускаю полемического тона, а исхожу из фактов, отнюдь

[971] Рукописная вставка синими чернилами.

[972] Рукописная вставка синими чернилами.

[973] Рукописная вставка синими чернилами.

не закрывая глаз на разницы в судьбах Южной и Зап[адной] Руси и пр. Никакого смешения воедино явлений укр[аинских] или белор[усских] с моск[овскими] я отнюдь не допускал, и такого смешение не могло быть никак выведено из моего изложения. При утверждении моего предисловия к первому тому среди ответственных руководителей Слав[янского] института возникло, однако, воззрение о необходимости особо оговорить мои позиции в отношении украинцев. Насколько я знал, эта была мысль проф[ессора] Ю. Горака[CCXX], который, очевидно, опасался недовольства украинцев на обозначение и их общим с русскими именем Русь, русские. Редактор издания, проф[ессор] Я. Бидло — по соглашению, видимо, с Гораком и президентом Института М. Мурко[CCXXI], полагали возможным необходимую, по их мнению, оговорку в форме соответствующего пассажа в тексте моего предисловия, т.е. от моего же имени. Меня вызвали в Слав[янский] институт и передали уже готовую формулу с предложением внести ее в предисловие. Вопрос об оговорке, об имени Русь, закончился, таким образом, более или менее благополучно для меня. Я остался в стороне, но зато Слав[янский] Институт сделал своего рода декларацию, явно подчеркнув свои позиции в отношении спорных вопросов об имени Русь, правда, подчеркнув ее не так что уже четко и решительно, но зато дав этим основание к моей книге заранее уже подходить с известной точки зрения, поскольку была на первой же странице подчеркнута одна из тем моей книги и ее некоторая — для некоторых — спорность или деликатность.[974]

Slovanská knihovna v Praze. Trezor. A.V. Florovskij. T-FLOR.

Неразобранная часть коллекции

[I] Флоровский Василий Антонович (1852–1928), отец А.В.Флоровского, священник, настоятель кафедрального собора Одессы, ректор Елисаветградского духовного училища и Одесской духовной семинарии; с 1920 г. в эмиграции в Болгарии.

[II] Флоровская Клавдия Георгиевна (1863–1933), мать А.В.Флоровского, дочь протоиерея Г.И.Попруженко и М.Ф.Самборской, с 1879 г. замужем за В.А.Флоровским.

[III] «Исторический Вестник» — ежемесячный историко-литературный журнал, издавался в Санкт-Петербурге в 1880–1917 гг.

---

[974] Помета в машинописном тексте: «//На этом автобиография А.В. Флоровского обрывается//».

[IV] Имеется в виду частный пансион для девочек госпожи Матео в Одессе, в котором воспитывались как К.Г.Попруженко, мать ученого, так и К.В.Флоровская — его сестра. Среди преподавателей закона Божьего в пансионе был дед ученого — протоиерей Г.И.Попруженко.

[V] Трачевский Александр Семенович (1838–1906), историк, профессор всеобщей истории в Новороссийском университете. В 1879 г. в Одессе начали работу подготовительные курсы А.С.Трачевского для женщин.

[VI] Флоровский Василий Васильевич (1881–1924), брат А.В.Флоровского, врач.

[VII] Медицинский факультет, четвертый по счету, был открыт в Императорском Новороссийском университете в 1900 г.

[VIII] Речь идет о Клавдии Васильевне Флоровской (1883–1965), сестре А.В.Флоровского. Специалист в области всеобщей истории и классической филологии, приват-доцент Новороссийского университета. С 1920 г. в эмиграции в Болгарии. Живя за границей, от ученой деятельности отошла.

[IX] Бестужевские курсы в Санкт-Петербурге были открыты в 1878 г. и работали до 1918 г. Первым заведующим стал историк, профессор К.Н.Бестужев-Рюмин.

[X] Первые женские курсы просуществовали в Одессе с 1879 по 1886 гг. Высшие женские педагогические курсы были воссозданы в 1903 г., реорганизованы в 1906 г. в Высшие женские курсы с историко-филологическим и физико-математическим факультетами. В 1908–1910 гг. они пополнились юридическим и медицинским факультетами.

[XI] Попруженко Георгий Иванович (1818–1889), дед А.В.Флоровского, священник, протоиерей, писатель. Окончил Киевскую духовную академию. Преподавал в Одесской семинарии русскую словесность, еврейский, латинский и новогреческий языки. В 1888 г. избран членом Императорского Одесского Общества истории и древностей. Состоял членом Духовной Консистории и членом Одесского статистического комитета.

[XII] Кудрявцев Александр Николаевич (1840–1888), священник, профессор богословия Новороссийского университета, близкий друг семьи Флоровских, крестный отец А.В.Флоровского, его сестры Клавдии и брата Василия.

[XIII] Малышевский Иван Игнатьевич (1828–1897), историк, глава кафедры истории русской церкви Киевской духовной академии, гласный Киевской городской думы.

[XIV] Одесское общество истории и древностей, ставившее задачей комплексное изучение Новороссии, работало с 1839 по 1922 гг. Издавало свои «Записки».

[XV] Попруженко Илиодор Георгиевич (1852–?), дядя А.В.Флоровского по материнской линии, участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

[XVI] «Варшавский дневник» (Dziennik Warszawski) — официальная газета Царства Польского, издававшаяся на польском и русском языках в 1864–1917 гг.

[XVII] Попруженко Михаил Георгиевич (1866–1944), дядя А.В.Флоровского по материнской линии, филолог-славист, профессор Новороссийского университета. Секретарь Императорского Одесского общества истории и древностей. Заведующий Одесской городской публичной библиотекой (1896–1919). Эмигрант. Профессор Софийского университета.

[XVIII] Попруженко Сергей Георгиевич (1868–?), дядя А.В. Флоровского по материнской линии.

[XIX] Черкасский Владимир Александрович (1824–1878), князь, общественный деятель, активный участник крестьянской реформы, московский городской голова; в годы русско-турецкой войны 1877–1878 гг. — уполномоченный Красного Креста при действующей армии, заведующий гражданским управлением в Болгарии.

[XX] Попруженко И.Г. Братушка: Рассказ для детей. СПб: Тип. и хромолит. А.И. Траншеля, 1886. 30 с.

[XXI] «Всемирная иллюстрация» — еженедельный иллюстрированный художественно-литературный журнал, издавался в Санкт-Петербурге в 1869–1898 гг.

[XXII] Гурко Иосиф Владимирович (1828–1901), генерал-фельдмаршал, участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

[XXIII] Скобелев Михаил Дмитриевич (1843–1882), военачальник, генерал от инфантерии, участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

[XXIV] Горталов Федор Матвеевич (1839–1877), майор Владимирского пехотного полка (в тексте ошибочно назван капитаном), герой русско-турецкой войны 1877–1878 гг., погиб при обороне редута под Плевной.

[XXV] Скифские скульптуры VI–IV вв. до н.э. являлись экспонатами учебного музея древностей, созданного В.Н.Ястребовым. Это был первый музей Елисаветграда.

[XXVI] Ястребов Владимир Николаевич (1855–1898), историк, археолог, этнограф, преподаватель Елисаветградского реального училища.

[XXVII] Имеется в виду книга: Ястребов В.Н., Лядинский и Томниковский могильники Тамбовской губернии. СПб: Тип. И.Н.Скороходова, 1893. 138 с.

[XXVIII] Вырлан Александр Васильевич (?–после 1917), директор Феодосийской гимназии (с 1903), Одесской Ришельевской гимназии (с 1906), Одесского коммерческого училища (с 1907), гласный одесского уездного земства, статский советник.

[XXIX] Имеется в виду серия книг: Русские древности в памятниках искусства, издаваемые графом И.И.Толстым и Н.П.Кондаковым: в 6-ти вып. СПб, 1889–1899.

[XXX] Вероятно, имеется в виду издание: Надеждин Н.И., Геродотова Скифия, объясненная чрез сличение с местностями. Одесса: Городская типография, 1842. 114 с.

[XXXI] Возможно, речь идет о Николае Павловиче Нильском (1873–1938), священнике церкви Фрола и Лавра в Новгороде. 16 декабря 1937 г. Особой тройкой УНКВД по Ленинградской области 30 декабря 1937 г. приговорен как член «контрреволюционной организации церковников» к высшей мере наказания. Расстрелян в Новгород 9 января 1938 г.

[XXXII] Музыченко Александр Федорович (1875; по другим сведениям — 1878–1940), филолог, педагог-методист, преподаватель словесности Одесской четвертой мужской гимназии.

[XXXIII] Видимо, имеется в виду Салтыков-Щедрин Михаил Евграфович (1826–1889), крупнейший писатель-сатирик.

[XXXIV] Установить сведения о данном лице не удалось.

[XXXV] «Апология Сократа» — произведение Платона, передающее обстоятельства суда над Сократом, написано в около 390 г. до н.э.

[XXXVI] «Федон», «Пир» — диалоги Платона, посвященные Сократу и теме любви.

[XXXVII] Навсикая — персонаж древнегреческой мифологии, дочь царя феаков Алкиноя и Ареты, героиня «Одиссеи» Гомера.

[XXXVIII] Ланге Николай Николаевич (1858–1921), психолог, ученик М.И.Владиславлева, с 1888 г. приват-доцент, затем профессор Новороссийского университета, создатель одной из первых в России экспериментальных психологических лабораторий.

[XXXIX] Вероятно, имеется в виду: Джеймс Уильям (James William; 1842–1910), американский философ и психолог, представитель течения прагматизма и функционализма.

[XL] Рунге Генрих Макс (Heinrich Max Runge; 1849–1909), гинеколог, акушер, директор клиники гинекологии и акушерства при Геттингенском университете, действительный член Германской академии естествоиспытателей «Леопольдина». Возможно, имеется в виду его «Учебник акушерства», в русском переводе, выдержавший несколько изданий.

[XLI] Данилевский Василий Яковлевич (1852–1939), физиолог, основатель и директор Органотерапевтического института (Институт проблем эндокринной патологии им. В.Я.Данилевского Национальной академии медицинских наук Украины. Академик АН УССР. Имеется в виду его учебник «Физиология человека» (М., 1913–1915. Т. 1–3).

[XLII] Бехтерев Владимир Михайлович (1857–1927), психиатр, невропатолог, физиолог, психолог, основоположник рефлексологии и патопсихологического направления в России, академик. Основатель Психоневрологического института в Санкт-Петербурге.

[XLIII] Речь идет о журнале «Неврологический вестник», основанном В.М.Бехтеревым в Казани в 1893 г.

[XLIV] Целлер Эдуард Готтлоб (Eduard Gottlob Zeller; 1814–1908), немецкий теолог, философ и историк философии XIX века. А.В.Флоровский имеет в виду, вероятно, следующий труд: Zeller E.G. Die Philosophie der Griechen in ihrer geschichtlichen Entwicklung. Leipzig: Fues's Verlag (R. Reisland), 1876–1882.

[XLV] Фон-Штерн Эрнст Романович (Ernst von Stern; 1859–1924), историк, филолог, археолог, профессор Новороссийского университета, декан историко-филологического факультета. Почетный член Одесского общества истории и древностей. Действительный член Московского археологического общества. Ректор университета в Галле в 1921–1922 и 1923–1924 гг.

[XLVI] Возможно, Лебедев Вячеслав Бонифатьевич (1881–1931), географ, гидролог и гидробиолог, выпускник и преподаватель Новороссийского Императорского университета.

[XLVII] Перетяткович Георгий Иванович (1840–1908), историк, ученик С.М.Соловьева, профессор русской истории Новороссийского университета.

[XLVIII] Истрин Василий Михайлович (1865–1937), литературовед, специалист по древнеславянской литературе, профессор Новороссийского университета. Действительный член Императорской Санкт-Петербургской академии наук (1907).

[XLIX] «Заветы двенадцати патриархов» — ветхозаветный апокрифический текст I в. до н.э.

[L] Линниченко Иван Андреевич (1857–1926), историк, археограф, профессор Новороссийского университета. Член-корреспондент Императорской Санкт-Петербургской академии наук (1913).

[LI] Авалиани Семен (Симон) Лукич (Лукасдзэ) (1881–1922), историк, приват-доцент Новороссийского и Тбилисского университета, специалист по социально-экономической истории, прежде всего, истории Кавказа XIX в., истории крестьянской реформы в России 1861 г.

[LII] Личность не отождествлена.

[LIII] Слабченко Михаил Елисеевич (1882–1952), историк, юрист, публицист, общественный деятель. Приват-доцент Новороссийского университета. В 1920–1929 гг. — профессор Института народного образования в Одессе. Академик Всеукраинской академии наук (1929). Жертва политических репрессий.

[LIV] Михайловский Николай Константинович (1842–1904), публицист, социолог, литературовед, теоретик народничества.

[LV] Имеется в виду историческая область в землях бывшего Галицко-Волынского княжества с центром в Перемышле.

[LVI] Грушевский Михаил Сергеевич (1866–1934), историк, общественный и политический деятель, профессор Львовского университета В 1894–1914 гг. Председатель Украинской Центральной рады. Действительный член Всеукраинской академии наук и АН СССР.

[LVII] Линниченко И.А. Черты из истории сословий в Юго-Западной Галицкой Руси в XIV–XV вв. М.: Тип. Э.Лисснера и Ю.Романа, 1894.

[LVIII] Дьяконов Михаил Александрович (1855–1919), историк, профессор Юрьевского университета, специалист в области истории крестьянства, государства и церкви в России. Член Государственного совета. Академик Императорской Санкт-Петербургской академии наук (1912).

[LIX] Лаппо-Данилевский А.С. Разыскания по истории прикрепления владельческих крестьян в Московском государстве XVI–XVII вв. СПб., 1900.

[LX] Лаппо-Данилевский Александр Сергеевич (1863–1919), историк, один из основоположников методологии исторической науки в России, профессор Санкт-Петербургского университета. Академик Императорской Санкт-Петербургской академии наук (1905).

[LXI] Лаппо-Данилевский А.С. Очерк истории образования главнейших разрядов крестьянского населения в России // Крестьянский строй. Т. 1. СПб.: Тип. Товарищества «Общественная польза», 1905. С. 1–156.

[LXII] Остафьевский архив князей Вяземских. В 5 томах. Т. 1. Переписка князя П.А.Вяземского с А.И.Тургеневым. 1812–1819 гг. СПб., 1899; Т. 2. Переписка князя П.А.Вяземского с А.И.Тургеневым. 1820–1823 гг. СПб., 1899; Т. 3. Переписка князя П.А.Вяземского с А.И.Тургеневым. 1824–1836. СПб., 1899; Т. 4. Переписка князя П.А.Вяземского с А.И.Тургеневым. 1837–1845 гг. СПб., 1899; Т. 5. Вып. 1. СПб., 1909; Т. 5. Вып. 2. СПб., 1913.

[LXIII] Зелингер Григорий Лазаревич (1881–?), выпускник историко-филологического факультета Новороссийского университета, преподаватель Женской гимназии А.Э.Гецельд.

[LXIV] Имеются в виду события Первой русской революции, в ходе которых власти прибегли к прекращению занятий в университетах. Существуют указания дочери старшего университетского товарища А.В.Флоровского П.М.Бицилли Марии Петровны Бицилли о том, что в 1904 г. ее отец и А.В.Флоровский «вместе участвовали в студенческих сходках и волнениях и оба пострадали, попав в число исключенных из университета». Эти слова приводит М.А.Бирман со ссылкой на письмо М.П.Бицилли к нему от 20 апреля 1996 г., хранящееся в его личном архиве. (Бирман М.А. П.М.Бицилли (1879–1953). Штрихи к портрету ученого. // Бицилли П.М. Избранные труды по средневековой истории: Россия и Запад. М., 2006. С. 657–658). Однако иных подтверждений этому факту пока обнаружить не удалось.

[LXV] Сборник Императорского Русского Исторического Общества. СПб., 1867–1916. Всего вышло 148 томов.

[LXVI] Линниченко И.А. Отзыв о сочинении «Крестьянский вопрос» в Законодательной комиссии императрицы Екатерины II // Записки Императорского Новороссийского университета. Часть официальная. 1907. Т.109. С. 119–125.

[LXVII] Модзалевский Борис Львович (1874–1928), генеалог, библиограф, редактор, литературовед, заведующий Архивом Конференции Академии наук.

[LXVIII] См.: Флоровский А.В. Академия наук и Законодательная комиссия 1767–1774 гг. // Ученые записки, основанные русской учебной коллегией в Праге. Т. 1. Вып. 2. Прага, 1924. С. 103–176.

[LXIX] Князев Анисим Титович (1722–1798), геральдист и генеалог, депутат Уложенной комиссии от дворянства Крапивинского уезда Тульской губернии (по другим сведениям — от Каширского уезда), статский советник, член Межевой канцелярии в Москве.

[LXX] Погодинское древлехранилище — коллекция древних рукописей, книг, монет и др., собранная историком, публицистом, профессором Московского университета М.П.Погодиным.

[LXXI] Миллер Гер(х)ард Фридрих (Gerhard Friedrich Müller; 1705–1783), историк, историограф, академик, вице-секретарь Академии наук и художеств, действительный статский советник.

[LXXII] Соболевский Алексей Иванович (1856–1929), лингвист, палеограф, историк литературы, академик, автор работ по истории русского и старославянского языков, русской диалектологии. Академик Императорской Санкт-Петербургской академии наук (1900).

[LXXIII] Щербатов Михаил Михайлович (1733–1790), князь, историк и публицист, член Комиссии по подготовке нового Уложения, президент Камер-коллегии, тайный советник.

[LXXIV] Шаховской Дмитрий Иванович (1861–1939), князь, общественный и политический деятель, министр государственного призрения Временного правительства. Вероятно, А.В.Флоровский имеет в виду его статью, освещающую судьбу архивного наследия

М.М.Щербатова: Шаховской Д.И. Русский депутат XVIII века (новые материалы к биографии М.М. Щербатова) // Минувшие годы. 1908. № 11. С. 256–287.

[LXXV] Вероятно, имеется в виду публикация протоколов («дневных записок») Большого собрания Уложенной комиссии, подготовленная Д.В. Поленовым в трех сборниках Императорского русского исторического общества: Сборник Императорского Русского исторического общества. 1869. Т. IV; 1869. Т. VIII; 1875. Т. XIV.

[LXXVI] Семевский Василий Иванович (1848–1916), историк и общественный деятель, автор работ по социальной истории и истории общественной мысли в России, основатель журнала «Голос минувшего».

[LXXVII] Поленов Дмитрий Васильевич (1806–1878), историк, дипломат, археолог, библиограф, тайный советник, публикатор документов. Основная работа по подготовке издания «Сборника Императорского Русского исторического общества» лежала на ответственном секретаре Александре Александровиче Половцове (1832–1909), государственном секретаре и одном из основателей Общества.

[LXXVIII] Чечулин Николай Дмитриевич (1863–1927), историк, археограф, преподаватель Петербургского университета. Речь идет об указаниях Н.Д. Чечулина в его книге «Наказ Императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта Нового Уложения» (СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1907).

[LXXIX] Дидро Дени (Diderot Denis; 1713–1784), писатель и философ-просветитель.

[LXXX] А.В.Флоровский имеет в виду свою статью: Две политические доктрины («Наказ» и Дидро) // Труды IV съезда Русских Академических организаций за границей. Белград, 1929. Ч. 1. С. 113–129.

[LXXXI] Шарль де Вийе (Charles de Villiers; 1727–1775), французский адвокат, поступивший в 1767 г. на русскую службу (Флоровский А.В. Из истории Екатерининской законодательной комиссии 1767 г. Вопрос о крепостном праве. Одесса. 1910. С. 313–319; Cross A. Les Britanniques sur les bords de la Néva // L'influence française en Russie au XVIIIe siècle. Paris, 2004. P. 607).

[LXXXII] Архив в Санкт-Петербурге, хранивший документацию органов высшей государственной власти России. В 1887–1926 гг. размещался в специально построенном здании на Миллионной улице, 36. Ныне большая часть документов из этого собрания находится в Российском государственном историческом архиве.

[LXXXIII] Румянцевский музей — музейное собрание, хранившее также рукописи и книги. Музей создан в Петербурге в 1828 г. на основе коллекции государственного канцлера Н.П.Румянцева. В 1861 г. переведен в Москву, где разместился в Доме Пашкова. В 1924 г. закрыт, коллекции перераспределены между различными библиотеками, музеями и архивами.

[LXXXIV] Флоровский А.В. Из истории Екатерининской законодательной комиссии 1767 г. Вопрос о крепостном праве. Одесса: Типография «Техник», 1910. С. 313–319.

[LXXXV] Florovskij A. Un légiste français au service de la tsarine Cathérine II // Revue Historique du Droit Français et Étranger. 1924. 4-e sér. Vol. 3. P. 515–531.

[LXXXVI] Ломоносов Михаил Васильевич (1711–1765), ученый-энциклопедист, писатель, художник. Имеется в виду записка М.В.Ломоносова «О сохранении и умножении российского народа» (1761).

[LXXXVII] Сухоплюев И.К. Взгляды Ломоносова на политику народонаселения // Ломоновский сборник. СПб.: Академия наук, 1911. С. 163–234.

[LXXXVIII] Императорское Вольное экономическое общество учреждено в Санкт-Петербурге в 1765 г. Свернуло свою работу в условиях Первой мировой войны 1915 г. Официально ликвидировано в 1919 г.

[LXXXIX] Речь идет о книге: Игнатович И.И. Помещичьи крестьяне. М.: Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1910.

[XC] Можно предположить, что имеется в виду первое, журнальное издание работы А.В.Флоровского в «Записках Императорского Новороссийского университета» (1910. Вып. III. Историко-филологический факультет), которое впоследствии было издано в виде отдельной книги.

[XCI] Вероятно, А.В.Флоровского подводит память. Рецензию С.Л.Авалиани в «Историческом вестнике» обнаружить не удалось. Имеется его отзыв в журнале «Голос минувшего» (Авалиани С.Л. А.В.Флоровский. История текста «Положения» о выборе в Законод[ательную] комиссию 1767 г. // Голос минувшего. 1914. № 7. С. 303), правда, посвященный другой работе его одесского коллеги (Флоровский А.В. История текста «Положения» о выборах депутатов в Законодательную комиссию 1767 года. Одесса: Экономическая типография, 1913. 46 с.)

[XCII] Клаузурная работа — вид экзаменационных испытаний, сочинение.

[XCIII] Соловьев Сергей Михайлович (1820–1879) крупнейший историк, автор многотомной истории России, профессор и ректор Московского университета. Академик Императорской академии наук.

[XCIV] Имеется в виду оценка за сданный экзамен.

[XCV] Гётц Леопольд Карл (Goetz; 1868–1930), немецкий историк права, профессор Боннского университета. Речь идет о книге: Goetz L.K. Das Russische Recht (Russkaja Prawda). Stuttgart: Enke, 1910.

[XCVI] См.: Флоровский А.В. Новый взгляд на происхождение «Русской правды» (о книге Л.К.Гётца) // Известия Одесского библиографического общества при Новороссийском университете. Т. 1. Вып. 4. Одесса, 1912. С. 97–122.

[XCVII] Ляпунов Борис Михайлович (1862–1943), лингвист-славист, специалист по истории русского языка, сравнительной грамматике славянских языков, этимологии, диалектологии, лексикографии, профессор Новороссийского университета (1901–1924). Член-корреспондент Петербургской Академии наук (1907), академик АН СССР (1923) и Польской АН (1930), член-корреспондент Болгарской (1932) и Чешской (1934) академий наук.

[XCVIII] См.: Флоровский А.В. Новый взгляд на происхождение «Русской правды». Одесса: «Центральная» типография, 1912. 28 с.

[XCIX] Пресняков Александр Евгеньевич (1870–1929), историк, специалист в области летописания и источниковедения, профессор Санкт-Петербургского (Ленинградского) университета. Член-корреспондент Российской академии наук (1920).

[C] Кадлец Карел (Karel Kadlec; 1865–1928), чешский правовед, специалист в области славянского права, профессор (1909), декан (1911–1927) юридического факультета Карлова университета.

[CI] Kadlec K. Neue Ansichten über Russkaja Pravda // Archiv für Slavische Philologie. 1916. Bd. 36. H. 1/2. S. 282–320.

[CII] Письма К.Кадлеца к А.В.Флоровскому, относящиеся к периоду до Первой мировой войны, обнаружить не удалось. Однако в личном фонде К.Кадлеца в Масариковом институте и Архиве Чешской академии наук имеются два послания от А.В.Флоровского 1914 г. (Masarykův ústav a Archiv AV ČR. Fond 321: Karel Kadlec. Kart. 2. Inv. č. 86. Florovskij A.V.).

[CIII] Одесское коммерческое училище имени Николая I было основано в 1851 г. одесским купечеством, располагалось в здании Ришельевского лицея.

[CIV] Одесское епархиальное женское училище действовало с 1878 г. при Архангело-Михайловском женском монастыре. В 1922 г. здание училища было отдано под детский изолятор-распределитель.

[CV] Флоровский А.В. Состав Законодательной комиссии 1767–1774 гг. Одесса: Типография «Техник», 1915. 609 с.

[CVI] Вероятно, А.В.Флоровский имеет в виду исследование В.О.Ключевского «Состав представительства на Земских соборах Древней Руси» (Русская мысль. 1890. № 1; 1891. № 1; 1892. № 1).

[CVII] Бибиков Александр Ильич (1729–1774), государственный и военный деятель, председатель Уложенной комиссии, член Сената.

[CVIII] Липинский Мариан Александрович (1850; по другим сведениям, 1854–1919), юрист и статистик, преподаватель Демидовского лицея в Ярославле. А.В.Флоровский имеет в виду работу М.А.Липинского «Некоторые новые данные для истории Екатерининской комиссии» (Журнал Министерства Народного Просвещения. 1887. Ч. 251. № 6. С. 225–293).

[CIX] Светлейшая княгиня Юрьевская, княжна Екатерина Михайловна Долгорукова (1847–1922), фаворитка, а с 1880 г. супруга императора Александра II.

[CX] Добровольский Николай Александрович (1854–1918), губернатор Гродненской губернии, обер-прокурор Первого департамента Сената, последний министр юстиции Российской империи.

[CXI] Речь идет об истории с кражей преподавателем Киевского университета Е.Д.Сташевским документов из Московского главного архива Министерства иностранных дел, обнаруженной в 1912 г.

[CXII] Барсков Яков Лазаревич (1863–1937), историк русской литературы XVIII в., специалист в области истории екатерининского времени.

[CXIII] Скорее всего, упомянут финский историк, общественный и политический деятель Эрнст Густав Пальмен (Ernst Gustaf Palmén; 1849–1919), профессор Императорского Александровского Гельсингфорсского университета, специалист по истории Северной Европы. В этот период также работали: историк и политический деятель Э.Х. (или Э.Г.) Пальмен и Я.Ф.Пальмен — ректор Хельсинкского университета.

[CXIV] Имеется в виду работа А.В.Флоровского «Депутаты Войска Запорожского в Законодательной комиссии 1767 г.» (Записки Императорского Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1912. Т. XXX. С. 329–377).

[CXV] Флоровский А.В. История текста «Положения» о выборах депутатов в Законодательную комиссию 1767 года. Одесса: Экономическая типография, 1913. 46 с.

[CXVI] Речь идет о «севере» по отношению к Одессе: о Санкт-Петербурге и Москве.

[CXVII] Село Гниляково (с 1968 г. — Дачное), расположено в 22 км севернее Одессы.

[CXVIII] Готье Юрий Владимирович (1873–1943), историк, специалист в области раннего Средневековья в Восточной Европе, социально-экономической истории России XVII–XVIII вв., профессор Московского университета и Историко-архивного института. Академик АН СССР (1939).

[CXIX] Закке Георг (Georg Sacke; 1902–1945), немецкий историк российского происхождения, специалист по эпохе Екатерины II. Антифашист. Погиб в концлагере. См. о взаимоотношениях А.В.Флоровского и Г.Закке: Ковалев М.В. А.В.Флоровский и его немецкие корреспонденты // Историческая память и стратегии российско-немецкого межкультурного диалога. Саратов: Изд-во СГТУ имени Ю.А.Гагарина, 2015. С. 140–144). Опубликованную переписку ученых см.: Мирончук А.С. Законодавча комісія 1767–1768 рр. в листах Г. Закке до А. Флоровського (із зібрання Архіву РАН) // Спеціальні історичні дисципліни: питання теорії та методики. 2015. Ч.26–27. С. 285–303. [Электронный ресурс]: Режим доступа: http://nbuv.gov.ua/UJRN/sidptm_2015_26–27_26.

[CXX] Имеется в виду книга: Sacke G. Die Gesetzgeben de Kommission Katharinas II. Ein Beitrag zur Geschichte des Absolutismus in Rußland. Breslau, 1940.

[CXXI] Любавский Матвей Кузьмич (1860–1936), историк, специалист в области истории Великого княжества Литовского, эпохи Екатерины II, исторической географии. Ректор Московского университета в 1911–1917 гг. Академик АН СССР (1929)

[CXXII] Богословский Михаил Михайлович (1867–1929), историк, специалист в области истории Петра Великого и его эпохи, профессор Московского университета и Московской духовной академии. Академик Российской академии наук (1920).

[CXXIII] Яковлев Алексей Иванович (1878–1951), историк, специалист по социально-экономической истории России XVI–XVII вв., профессор Московского университета. Член-корреспондент АН СССР (1929).

[CXXIV] В 1916 г. Масляная неделя (Масленица) пришлась на 28 февраля — 5 марта (по старому стилю).

[CXXV] Кизеветтер Александр Александрович (1866–1933), историк и публицист, политический деятель. Автор работ по истории России XVIII–XIX вв. Профессор Московского университета и Карлова университета в Праге.

[CXXVI] Савин Александр Николаевич (1873–1923), историк, специалист по истории Англии эпохи Средневековья и Нового времени, профессор Московского университета.

[CXXVII] Егоров Дмитрий Николаевич (1878–1931), историк, профессор Московского университета. Член-корреспондент АН СССР (1928).

[CXXVIII] Веселовский Степан Борисович (1876–1952), историк и археограф, профессор Московского университета, академик АН СССР (1946).

[CXXIX] Бахрушин Сергей Владимирович (1882–1950), историк, профессор Московского университета, член-корреспондент АН СССР (1939), действительный член АПН РСФСР (1945).

[CXXX] Дружинин Василий Григорьевич (1859–1936), историк, археограф и палеограф, специалист по истории старообрядчества. Член-корреспондент РАН (1920).

[CXXXI] Здесь вероятна опечатка. А.В.Флоровский имел в виду Николая Петровича Киселева (1884–1965), книговеда, библиографа и палеографа, историка масонства.

[CXXXII] Речь идет об Игнатии Николаевиче Потапенко (1856–1929), прозаике и драматурге. Можно предположить, что обсуждалась история его отношений с А.П.Чеховым и Л.С.Мизиновой. В 1889 г. И.Н.Потапенко познакомился с А.П.Чеховым в Одессе, у них сложились дружеские отношения. Они подолгу гостили друг у друга и путешествовали вместе по России. В 1894 г. И.Н.Потапенко в Мелихове познакомился с Ликой (Лидией Стахиевной) Мизиновой, безнадежно влюбленной в А.П.Чехова. Это знакомство переросло в связь, и вскоре Лика уехала в Париж с женатым Потапенко. Там у Лики родилась дочь, а И.Н.Потапенко вернулся к жене. Узнав о беременности Л.С.Мизиновой, А.П.Чехов был рассержен, в частном письме к сестре он отрицательно охарактеризовал И.Н.Потапенко, а затем вывел его и Лику в «Чайке» в образах Тригорина и Нины Заречной. В этой пьесе А.П.Чехов задел не только личную жизнь И.Н.Потапенко, но и его писательские амбиции. Но тот не обиделся на А.П.Чехова, деятельно способствовал постановке «Чайки» в Александринском театре и поддерживал с ним контакты до самой его смерти, а затем написал воспоминания о нем (Потапенко И.Н. Несколько лет с А.П.Чеховым (К 10-летию со дня его кончины) // А.П.Чехов в воспоминаниях современников. М.: Художественная литература, 1986. С. 295–349).

[CXXXIII] Ключевский Василий Осипович (1841–1911), историк, профессор Московского университета, академик Императорской Санкт-Петербургской Академии наук (1900), председатель Императорского Общества истории и древностей российских при Московском университете.

[CXXXIV] Грушка Аполлон Аполлонович (1869/1870–1929), филолог-классик, специалист в области исторической грамматики латинского языка, римской поэзии, ординарный профессор и декан историко-филологического факультета Московского университета. Член-корреспондент АН СССР (1928).

[CXXXV] Веселовский Алексей Николаевич (1843–1918), литературовед, профессор Московского университета, специалист по западноевропейской литературе. Почетный академик Императорской Санкт-Петербургской Академии наук (1906).

[CXXXVI] Соболевский Сергей Иванович (1864–1963), филолог-классик, переводчик, профессор Московского университета. Член-корреспондент АН СССР (1928).

[CXXXVII] Имеется в виду Александр Павлович Казанский (1859–?), философ, логик, профессор Новороссийского университета.

[CXXXVIII] А.В.Флоровского подводит память. Указанная рецензия вышла годом ранее: Кизеветтер А.А. А.В.Флоровский. Состав Законодательной комиссии 1767–1774 гг. Одесса, 1915 // Русские ведомости. 1915. 14 октября. № 235.

[CXXXIX] Бороздин Илья Николаевич (1883–1959), востоковед, археолог, этнограф. Преподавал в высших школах Москвы, Алма-Аты, Ашхабаде, Воронеже. Подвергался репрессиям.

[CXL] Изюмов Александр Филаретович (1885–1950), архивист, историк, активный деятель русской эмиграции в Праге, сотрудник Русского заграничного исторического архива.

[CXLI] Имеется ввиду: Богословский М.М. Рецензия на книгу А.В.Флоровского «Состав законодательной комиссии 1767–74 гг.» // Исторические известия, издаваемые Историческим обществом при Московском университете. 1916. № 1. С. 75–78.

[CXLII] Готье Ю.В. А.В.Флоровский. Состав законодательной комиссии 1767–1774 // Критика и библиография. Журнал Министерства народного просвещения. 1917. Ч. 66. № 11–12. С.83.

[CXLIII] Трифильев Евгений Парфенович (Парфеньевич) (1867–1928), историк, архивист, профессор Новороссийского университета.

[CXLIV] Потапов Петр Осипович (1882–1945), языковед, литературовед, профессор.

[CXLV] Миллер Алексей Федорович, сотрудник канцелярии Одесского градоначальника.

[CXLVI] См.: Флоровский А.В. Собрание высочайших грамот и указов в архиве упраздненного Новороссийского и Бессарабского генерал-губернаторского управления. Одесса: Типография Епархиального дома, 1912. 32 с.

[CXLVII] Кассо Лев Аристидович (1865–1914), юрист, профессор Юрьевского университета, министр народного просвещения, запомнившийся крайне реакционной политикой.

[CXLVIII] Топоровский Борис Исаевич, литературовед, гебраист. См. его переписку с Н.А.Морозовым (АРАН. Ф.543. Оп.4. Ед.хр. 1887–1891).

[CXLIX] Имеется в виду публикация: Два указа императора Александра I // Еврейская старина. 1913. Вып. 3. С. 407–408.

[CL] «Еврейская старина» — научно-исторический журнал Еврейского историко-этнографического общества. Издавался в Петербурге (Петрограде, Ленинграде) в 1909–1930 гг.

[CLI] См.: Флоровский А.В. Отечественная война и Новороссийский край // Записки Императорского Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1913. Т. XXXI. С. 23–51. Имеется отдельный оттиск: Одесса: «Славянская» типография Е. Хрисогелос, 1913. 31 с.

[CLII] См.: Флоровский А.В. Несколько фактов из истории русской колонизации Новороссии в начале XIX века // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. XXXIII. Одесса, 1919. С. 25–40.

[CLIII] Клочков Михаил Васильевич (1877–1952), историк, профессор Харьковского университета, автор работ по исторической демографии.

[CLIV] Дэн (Ден) Владимир Эдуардович (Wladimir Alexander Ludwig von Dehn; 1867–1933), демограф и статистик, профессор Политехнического института в Санкт-Петербурге, где основал первую в стране кафедру экономической географии (1902).

[CLV] Научное издание было подготовлено значительно позднее: Книга Большому Чертежу / Под ред. К.Н.Сербиной. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1950. Первое подробное описание карты всей территории России и соседних государств XVI–XVII вв., так называемого «Большого Чертежа всему Московскому государству», который был составлен по приказу Ивана Грозного после 1552 г. и перерисован около 1600 г. Третья редакция составлена в 1627 г.

[CLVI] Цветаев Дмитрий Владимирович (1852–1920), историк, управляющий архивом Министерства юстиции и участник создания Центрального государственного архива древних актов в Москве (ныне РГАДА).

[CLVII] См.: Флоровский А.В. Академия наук и Законодательная комиссия 1767–1774 гг. // Ученые записки, основанные русской учебной коллегией в Праге. Т. 1. Вып. 2. Прага. 1924. С. 103–176.

[CLVIII] Кречетович Иосиф Павлович (1873–1933), историк и религиозный деятель. В 1911–1917 гг. — ректор духовных семинарий в Оренбурге, Екатеринославе, Витебске. Участник движения «обновленцев». Обновленческий митрополит Крымский. Почетный член Оренбургской ученой архивной комиссии.

[CLIX] Кречетович И.П. Крестьянская реформа в Оренбургском крае (по архивным данным). М.: Императорское Общество истории и древностей Российских при Московском университете, 1911.

[CLX] Строганов (Строгонов) Александр Григорьевич (1795/1796–1891), граф, управляющий Министерством внутренних дел Российской империи (1839–1841), новороссийский и бессарабский генерал-губернатор (1854–1863).

[CLXI] А.В.Флоровский допускает ошибку. Названная им статья была опубликована не в 1922-м, а в 1921 г.: Флоровский А.В. Крестьянская реформа и высшая администрация Новороссийского края // Посев. Одесса — Поволжье. Литературно-критический и научно-художественный альманах. Одесса: Всеукраинское государственное издательство, 1921. С. 143–154.

[CLXII] Флоровский А.В. «Воля панская и воля мужицкая». Страница из истории аграрных волнений в Новороссии 1861–1863. Одесса: Всеукраинское государственное издательство, 1921. 72 с.

[CLXIII] Флоровський А.В. Воля панська та воля мужицька. Сторінки з аграрних розрухів в Новоросії 1861–1863 рр. Одеса: Українське Державне видавництво 1922. 72 с. — Труди комісії по засередженню та розробленню історично-революційних матеріалів.

[CLXIV] Игнатий (Ватрослав) Викентьевич Ягич (Vatroslav Jagić; 1838–1923,) хорватский филолог-славист, фольклорист, лингвист, литературовед, историк, палеограф и археограф. Профессор Новороссийского университета (1872–1874), академик Петербургской Академии наук (1880). Один из крупнейших экспертов в области славянского языкознания во второй половине XIX в.

[CLXV] Мороховец Евгений Андреевич (1880–1941), историк, политический деятель. Имеется в виду издание: Крестьянское движение 1827–1869 / Подгот. к печ. Е.А.Мороховец. М.; Л.: Соцэкгиз, 1931. В 2 тт.

[CLXVI] «Одесский вестник» — газета, выходившая в Одессе с 1827 г., два раза в неделю, на русском и французском языках («Journal d'Odessa»). В 1893 г. издание было закрыто.

[CLXVII] Пирогов Николай Иванович (1810–1881), хирург, анатом, педагог. Член-корреспондент Императорской Санкт-Петербургской академии наук (1846) и Германской академии естествоиспытателей «Леопольдина» (1856).

[CLXVIII] Брайкевич Михаил Васильевич (1874–1940), инженер, экономист, коллекционер, меценат, публицист, общественный и государственный деятель. В эмиграции — активный участник русской общественной жизни в Великобритании.

[CLXIX] Павловский Ю.А., экономист, секретарь Русской академической группы в Великобритании.

[CLXX] Флоровский Георгий Васильевич (1893–1979), религиозный мыслитель, богослов, философ и историк, протоиерей, профессор Свято-Сергиевского православного богословского института в Париже, профессор Свято-Владимирской духовной семинарии в Нью-Йорке, профессор Гарвардского и Принстонского университетов.

[CLXXI] Кондаков Никодим Павлович (1844–1925), историк византийского и древнерусского искусства, археолог, создатель иконографического метода изучения памятников искус-

ства. Академик Императорской Санкт-Петербургской Академии наук (1898) и Императорской академии художеств (1893). В эмиграции — профессор Софийского университета и Карлова университета.

[CLXXII] Златарский Васил Николов (1866–1935), болгарский историк-медиевист, ректор Софийского университета в 1913–1914 гг. и в 1924–1925 гг. Член многих академий и научных обществ.

[CLXXIII] А.В.Флоровский неточно передает название архива, в чем в определенной степени отражается влияние на него чешской языковой среды. Правильное название — Архив на Възраждането. Первоначально материалы по истории освобождения Болгарии и болгарского национального Возрождения собирала Национальная библиотека, пока в 1901 г. не было начато создание специального архива. До 1908 г. он существовал в составе Национального музея, а затем был передан в Национальный этнографический музей. Именно там с его фондами познакомился А.В.Флоровский. В марте 1924 г. документы были переданы Национальной библиотеке.

[CLXXIV] Речь идет об учредительном Великом Народном собрании в городе Велико-Тырново, которое 16 апреля 1879 г. утвердило первую болгарскую конституцию (Търновска конституция). Она действовала до декабря 1947 г.

[CLXXV] Национальный этнографический музей (Народен етнографски музей) был выделен из состава Национального музея в 1906 г.; его первым директором стал известный историк Марин Дринов. В 1944 г. во время американских бомбардировок Софии музей сильно пострадал. В 1947 г. передан в ведение Болгарской академии наук. Ныне — Этнографический институт с музеем при БАН (Етнографския институт с музей при БАН).

[CLXXVI] Чилингиров Стилиян Хаджидобрев (1881–1962), болгарский писатель, этнограф, общественный деятель, политик, заместитель директора (1916–1919), директор (1919–1922) Народной библиотеки в Софии, директор Национального этнографического музея в Софии (1923).

[CLXXVII] Библиотека имени святых Кирилла и Мефодия была основана 4 апреля 1878 г. Через три года она получила статус Национальной.

[CLXXVIII] Временное русское управление в Болгарии (Временно руско управление) знаменовало собой период формирования новой болгарской администрации под контролем России. Оно учреждено в апреле 1877 г. и просуществовало до июня 1879 г. Для управления гражданской администрацией учреждена должность императорского комиссара, им стал князь В.А.Черкасский. После его смерти в марте 1878 г. на этот пост заступил князь А.М.Дондуков-Корсаков. Первоначально резиденция комиссара находилась в Пловдиве, затем, в октябре 1878 г., была перенесена в Софию.

[CLXXIX] Гримм Эрвин Давидович (1870–1940), историк, специалист по всеобщей истории, профессор Санкт-Петербургского университета и его ректор (1911–1918). Здесь имеется в виду его работа: Гримм Э.Д. История и идейные основы проекта Органического устава, внесенного в Тырновское Учредительное собрание 1879 г. // Годишник на Софийския университет, 1920–1921. Юридические факултет. Т. XVII. С. 1–377.

[CLXXX] Бобчев Стефан Савов (1853–1940), болгарский юрист, журналист и политик, член Народной партии Болгарии, председатель Славянского общества (1903–1940). В 1920 г. основал Свободный университет политических и экономических наук, оставаясь его ректором до 1937 г.

[CLXXXI] См.: Флоровский А.В. Архив на руското гражданско управление в България през 1877–1879 // Юридически преглед. София, 1925. Т. XXVI. Кн. 2. С. 57–61. Примечательно, что после долгих лет жизни в Чехословакии, в пору писания публикуемого мемуарного очерка, А.В.Флоровский склоняет несклоняемое болгарское название журнала («на страницах «Юридического Прегледу»») на чешский манер.

[CLXXXII] Гандев Христо (1907–1987), болгарский историк, профессор, в 1946–1961 гг. — заведующий кафедрой новой истории, в 1948–1951 гг. — декан историко-филологического факультета Софийского университета, в 1958–1972 гг. — директор Этнографического института Болгарской академии наук.

[CLXXXIII] Национальный музей (Národní muzeum) — крупнейший музей Праги, созданный в 1818 г.

[CLXXXIV] Важно иметь в виду, что в указанный период в Карловом университете не было единой централизованной библиотеки в современном понимании этого слова. Фактически ее роль выполняла так называемая Публичная и университетская библиотека (Veřejná a univerzitní knihovna) в Клементинуме (ныне — Национальная библиотека Чешской Республики). Вместе с тем книжные собрания были распределены между факультетами, кафедрами, семинарами.

[CLXXXV] А.В.Флоровский допускает ошибку. Начало создания специальной библиотеки в Праге было положено в 1924 г., когда при поддержке чехословацкого министерства иностранных дел была создана Русская библиотека, основу которой составило книжное собрание В.Н.Тукалевского. С 1927 г. она начала систематически собирать книги на всех славянских языках, потому в 1928 г. она была переименована в Славянскую библиотеку. Под этим название существует по сей день.

[CLXXXVI] В феврале 1923 г. в Праге был создан Архив русской эмиграции и Архив Чехословакии. С 1924 г. он получил название «Русский заграничный исторический архив». Архив собирал документы по истории революции, Гражданской войны, эмиграции, а также по истории освободительного движения в дореволюционной России. После Второй мировой войны фонды архива вывезены в СССР. А.В.Флоровский сотрудничал с архивом с 1924 г., входил в состав его Ученой комиссии и в Совет архива.

[CLXXXVII] Имеется в виду главный исторический архив Берлина, созданный в 1803 г. как Секретный государственный архив (Geheime Staatsarchiv) и напрямую подчиненный Гогенцоллернам. В 1924 г. для него было возведено специальное здание в районе Далем. Ныне его фонды входят в состав Тайного государственного архива Прусского культурного наследия (Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz)

[CLXXXVIII] Имеются в виду так называемые «Збраславские пятницы». В городке Збраславе неподалеку от Праги летом каждую пятницу и зимой один раз в две недели собирались для встреч и бесед представители русской эмиграции. Их темы могли быть самыми разнообразными и охватывать разные области знания. Обязательным условием для всех участников «Збраславских пятниц» был отказ от политики, поэтому доклады на политические темы не допускались. Там же, в Збраславе, в 1935 г. был открыт Русский культурно-исторический музей, в котором были собраны богатые коллекции русского искусства (картины, предметы старины, рукописи, книги). Музей был закрыт немцами в 1944 г.

[CLXXXIX] Имеется в виду Третий съезд Русских академических организаций за границей, проходивший в Праге 25 сентября — 2 октября 1924 г. Помимо решения организационных задач на нем были заслушаны научные сообщения. См.: Ковалев М.В. «На этих съездах мы растем и в своих, и в чужих глазах...»: из истории научных коммуникаций русской эмиграции (1921–1930) // Россия XXI. 2013. № 5. С. 92–95.

[CXC] Шелухин Сергей Павлович (Сергій Шелухін; 1864–1938), украинский правовед, историк, общественный и политический деятель. Профессор уголовного права Украинского свободного университета и Украинского педагогического института имени М.П.Драгоманова. Глава Украинского комитета в Чехословакии и Украинского юридического общества Чехии.

[CXCI] Флоровский А.В. Франко-тюркская теория происхождения Руси // Slavia. 1924. Roč. III. Seš. 2. S. 551–559; Seš. 3. S. 739–748. Он же. Янушевский, Григорий. Откуда происходит славянское племя Русь. Историческое исследование. Вильно, 1923, VI + 51 // Slavia. 1925. Roč. IV. Seš. 3. S. 605–607. Он же. Барац Г.М. О составителях «Повести временных лет» и ее источниках, преимущественно еврейских. — Берлин, 1924, стр. 263 // Slavia. 1927. Roč. VI. Seš. 1. S. 172–180.

[CXCII] Фрицлер Карл (Fritzler Karl), немецкий историк. Автор книги «Das russische Reich, eine Gründung der Franken» (Marburg: Drückerei H. Bauer, 1923. 46 s.). В своей концепции исходил из того, что варяги были франками, прибывшими на Русь в качестве торговцев и на-

емников. Собственно племя русь было тюркским, жившим в черноморских степях, а имя его затем перешло на подчиненных им славян. Прародина этого народа находилась в Закавказье, и у пророка Иезекииля он выведен под именем «рош».

[CXCIII] Исходя из контекста повествования, складывается впечатление, что при перепечатке текста неверно расшифрована фамилия ученого. Вместо чешского слависта И.Горака, никогда не занимавшегося вопросом происхождения Руси, здесь должен быть Герман (Гирш) Маркович Барац (1835–1922), юрист и историк. Еще до революции он начал изучать еврейские элементы в истории Древней Руси.

[CXCIV] Янушевский Григорий Ефимович (1861 — после 1934), военный деятель. генерал-лейтенант (1914). В эмиграции обратился к историческим исследованиям, опубликовал ряд работ, например: Янушевский Г.Е. Откуда происходит славянское племя Русь? Вильно: Издание Технического предприятия инженеров А.Витковского и Л.Даценка, 1923. 52 с.

[CXCV] Имеется в виду статья: Флоровский А.В. «Князь Рош» у пророка Иезекииля (гл. 38–39): (Из заметок об имени Русь) // Сборник в честь на Васил Н. Златарски. София: Историческо Дружество, 1925. С. 505–520. Иезекииль (Иезекиил; יְחֶזְקֵאל) — согласно христианскому учению, один из четырех ветхозаветных «великих пророков», в иудаизме — один из трех великих пророков.

[CXCVI] Ибн Мискавейх Абу Али Ахмед ибн Мухаммед, также Ибн Йакуб Мискавайх (ابن مسكويه, около 932/936–1030), историк, поэт и философ, живший на территории современных Ирана и Ирака.

[CXCVII] Имеется в виду Национальная библиотека Франции.

[CXCVIII] Имеется в виду набег руссов на Бердаа в 943 г. или 944 г. Бердаа — арабское название города Барда, бывшей столицы Кавказской Албании, в междуречье Куры и Аракса. Город считался одним из самых богатых торговых центров Каспийского региона.

[CXCIX] См.: Florovskij A. La Russie et les Tchéques selon l'histoire des leurs rapports moraux et politiques // Conférence des Historiens des États de l'Europe Orientale et du Monde Slave. Varsovie, le 27–29 juin, 1927. IIère partie: Compte-rendue et communications. Varsovie: Société polonaise d'Histoire, 1927. P. 85–96.

[CC] Скорее всего, речь дет о Борисе Николаевиче Лосском (1906–2001), сыне философа Н.О.Лосского, литераторе и историке искусства, который в пражский период жизни нередко подрабатывал переводами.

[CCI] Имеется в виду Русский народный университет, открытый в 1923 г. при пражском Земгоре (Объединение российских земских и городских деятелей в Чехословакии) по образцу Московского городского народного университета имени А.Л.Шанявского.

[CCII] См.: Флоровский А.В. Пути русско-чешской взаимности (К 10-летию независимой Чехословакии). // Современные записки. Париж, 1928. № 36. С. 493–509.

[CCIII] Комитет Дня русской культуры в Праге был образован в 1925 г. русскими эмигрантскими организациями для организации торжеств, приуроченных ко дню рождения А.С.Пушкина. Комитет издавал книги о русской литературе, музыке, науке, искусстве (как на русском, так и на чешском языках). См.: Ковалев М.В. Исторические праздники русской эмиграции как способ сохранения коллективной культурной памяти // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. 2008. № 25/2. С. 119–138. Он же. Празднование «Дня русской культуры» в 1920-е — начале 1940-х гг.: коммеморативные практики, символы, идентичность // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2017. Т. 8. Вып. 9 (63) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: https://history.jes.su/s207987840002024–5–1/ (дата обращения: 14.04.2019).

[CCIV] См.: Флоровский А.В. Почитание св. Вячеслава, князя чешского, на Руси // Научные труды Русского народного университета в Праге. Прага, 1929. Т. II. С. 305–325.

[CCV] Русский научный институт в Белграде был основан 16 сентября 1928 г. с целью поддержки и развития русской научной мысли. Финансирование Русского научного института взяло на себя правительство Королевства сербов, хорватов и словенцев. Просуществовал до 1941 г., пока не был закрыт немцами.

[CCVI] Белич Александр (Александар Белић; 1876–1960), сербский лингвист, президент Сербской академии наук и искусств в 1937–1960 гг., член-корреспондент Петербургской академии наук. Был близок к русской эмиграции.

[CCVII] Имеется в виду Национальная библиотека в Белграде, основанная в 1823 г. Сильно пострадала во время Второй мировой войны при бомбардировке югославской столицы в апреле 1941 г.

[CCVIII] Славянский институт (Slovanský ústav) основан в 1922 г. по инициативе первого президента Чехословакии Т.Г.Масарика, фактически начал работать в 1928 г. Финансировал исследования по славянской тематике, координировал международные научные связи Чехословакии, оказывал поддержку русским ученым. При поддержке института был издан ряд научных работ А.В.Флоровского. В 1953 г. включен в состав Чехословацкой академии наук.

[CCIX] Имеются ввиду: Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, издаваемый при управлении Виленского учебного округа. Вильно. 1867–1904. Т. 1–14; Акты, издаваемые Виленскою комиссиею для разбора древних актов. Вильно, 1865–1915. Т. 1–39; Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилёвской. Витебск. 1871–1906. Т. 1–32.

[CCX] Оломоуцкая иезуитская академия основана иезуитами в 1573 г., являлась вторым по возрасту высшим учебным заведением в чешских землях после Карлова университета. Пражская иезуитская академия — Иезуитский коллегиум Клементиниум (Clementinum, Klementinum) — основана 1552 г. К XVII в. Клементинум превратился в один из крупнейших в мире центров подготовки иезуитов. В 1622 г. в Клементинум была переведена библиотека Карлова университета. После упразднения ордена иезуитов (1773) коллегиум был перепрофилирован в образовательно-библиотечный центр.

[CCXI] См.: Florovskij A. Palladij Rogovskij: Eine Episode aus der Geschichte des Katholizismus in Moskau Ende des 17. Jahrhunderts // Zeitschrift für Osteuropäische Geschichte. Königsberg — Berlin, 1934. Bd. VIII. (Neue Folfe. Bd. IV). H. 2. S. 161–188.

[CCXII] Палладий Роговский (игумен Палладий; до 1687 года — 1703), игумен Заиконоспасского монастыря, ректор Славяно-греко-латинской академии. Первый русский доктор философии и богословия, получивший ученую степень в Западной Европе.

[CCXIII] См.: Florovskij A.V. Čeští jesuité na Rusi: Jesuité české provincie a slovanský východ. Praha: Vyšehrad, 1941. 468 s.

[CCXIV] Вейнгарт Милош (Miloš Weingart; 1890–1939), чешский языковед, славист и византиновед профессор Карлова университета в Праге. Профессор Университета Коменского в Братиславе и его ректор в 1925–1926 гг.

[CCXV] См.: Флоровский А.В. Чехи и восточные славяне: Очерки по истории чешско-русских отношений (X–XVIII вв.). Т. 1. Прага: Slovanský ústav, 1935. 527 с.

[CCXVI] Бидло Ярослав (Jaroslav Bidlo; 1868–1937), чешский славист и византиновед, профессор Карлова университета. Действительный член Королевского Чешского научного общества и Чешской академии наук и искусств.

[CCXVII] Лаппо Иван Иванович (1869–1944), историк, профессор Юрьевского университета, Русского юридического факультета и Русского народного университета в Праге, профессор университета Витаутаса Великого в Каунасе. Автор работ по истории Великого княжества Литовского, историографии.

[CCXVIII] Скорина Франциск Лукич (1486–1550?), белорусский просветитель, первопечатник.

[CCXIX] Второй том был издан лишь после Второй мировой войны. См.: Флоровский А.В. Чехи и восточные славяне: Очерки по истории чешско-русских отношений (X–XVIII вв.). Т. 2. Прага: Slovanský ústav, 1947. 548 с.

[CCXX] Горак Иржи (Jiří Horák; 1884–1975), чехословацкий литературовед и дипломат. Преподавал в Масариковом университет в Брно и Карловом университете в Праге. Член Чехословацкой академии наук (1956). В 1945–1948 гг. — посол Чехословакии в Москве.

[CCXXI] Мурко Матия (Матиаш, Матвей Мартынович) (Matija Murko; 1861–1952), словенский и чешский историк литературы, этнолог. Первый профессор южнославянских языков и литератур в Карловом университете (1920–1931), один из создателей Славянского института. Иностранный член АН СССР (1924)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

Беляев Леонид Андреевич —
член-корреспондент РАН, доктор исторических наук,
главный научный сотрудник Института археологии РАН;

Флоря Борис Николаевич —
член-корреспондент РАН, доктор исторических наук,
главный научный сотрудник Института славяноведения РАН;

Кожокин Евгений Михайлович —
доктор исторических наук, профессор, проректор по научной работе
МГИМО;

Мухин Михаил Юрьевич —
доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Института российской истории РАН;

Филимонов Дмитрий —
преподаватель кафедры славистики Университета Париж 8, Франция;

Малышева Елена Петровна —
кандидат исторических наук, декан факультета архивного дела
Историко-архивного института РГГУ;

Катагощина Мария Всеволодовна —
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Государственного Исторического музея;

Базаров Борис Ванданович —
академик РАН, доктор исторических наук, профессор,
директор Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН;

Гомбожапов Александр Дмитриевич —
кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института
монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН;

Нолев Евгений Владимирович —
кандидат исторических наук, научный сотрудник Института
монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН;

Сундуева Екатерина Владимировна —
доктор филологических наук, доцент, главный научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН;

Пивовар Ефим Иосифович —
член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, президент РГГУ;

Косован Елена Анатольевна —
кандидат исторических наук, доцент кафедры стран постсоветского зарубежья Института постсоветских и межрегиональных исследований РГГУ;

Афиани Виталий Юрьевич —
кандидат исторических наук, доцент, научный советник Архива РАН;

Ковалев Михаил Владимирович —
кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Архива РАН и Института всеобщей истории РАН.

INFORMATION ABOUT AUTHORS:

Leonid A. Belyaev —
Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences,
Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher of the Institute
of Archeology of the Russian Academy of Sciences;

Boris N. Florya —
Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences,
Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher at the Institute
of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences;

Evgeny M. Kozhokin —
Doctor of Historical Sciences, Professor, Vice-Rector for Research
at MGIMO;

Mikhail Yu. Mukhin —
Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher
at the Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences;

Dmitry Filimonov —
Lecturer of the Department of Slavistics, University Paris 8, France;

Elena P.Malysheva —
Candidate of Historical Sciences, Dean of the Faculty of Archives
of the Historical-Archival Institute of the RSUH;

Maria V. Katagoshchina —
Ph.D. in History, Senior Researcher at the State Historical Museum;

Boris V. Bazarov —
Dr.Sci.(Hist.), Professor, Member of the Russian Academy of Sciences,
Director of Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies,
Siberian branch of Russian Academy of Science.

Aleksandr D. Gombozhapov —
Cand.Sci.(Hist.), Leading researcher, Institute of Mongolian,
Buddhist and Tibetan Studies, Siberian branch of Russian Academy of Sciences.

Evgeniy Vl. Nolev —
Cand.Sci.(Hist.), researcher, Institute for Mongolian, Buddhist
and Tibetan studies, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences

Ekaterina Vl. Sundueva —
Dr. Sci.(philological sciences), Chief researcher, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan studies, Siberian branch of Russian Academy of Science

Efim I. Pivovar —
Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences,
Doctor of Historical Sciences, Professor, President of the RSUH;

Elena A. Kosovan —
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Department of post-soviet countries of the Institute of post-soviet and interregional studies;

Vitaly Yu.Afiani —
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Scientific Adviser of the Archives of the Russian Academy of Sciences;

Mikhail V.Kovalev —
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Senior Researcher at the Archives of the Russian Academy of Sciences and at the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences.

СОДЕРЖАНИЕ

РУССКОЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Л.А.Беляев
Алексеевский и Зачатьевский: два монастыря Москвы в зеркале археологии и истории XIV–XVI веков 5

Б.Н.Флоря
О русско-австрийских политических контактах в 70-х годах XVII века 46

РОССИЙСКИЙ ОПЫТ КРИЗИСОВ И МОДЕРНИЗАЦИЙ

Е.М.Кожокин
Георгий Гапон — антигерой революции 1905 года 57

М.Ю.Мухин
Авиастроители послевоенной поры. Персонал авиапромышленности в 1945–1955 гг. 78

Д.Филимонов *(Франция)*
Иностранные отделы редакций центральных газет СССР в 1940–50-е годы: лаборатория воссоздания образа *Другого* 117

Е.П.Малышева
Европейские стандарты и российская модель административной реформы в начале XXI века. К вопросу об исторической самоидентификации России 144

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

М.В. Катагощина
История частного коллекционирования в системе современного гуманитарного знания: междисциплинарные подходы, дискуссии, актуальные темы 171

ВОСТОКОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Б.В.Базаров, А.Д.Гомбожапов,
Е.В.Нолев, Е.В.Сундуева
У истоков империи Цин: генезис и развитие государственности при первых правителях маньчжурской династии 200

ИСТОРИЯ ЭМИГРАЦИИ

Е.И.Пивовар
Российское зарубежье в новейшей отечественной историографии 226

Е.А.Косован
Украинский научный институт (УНИ) в Берлине 259

В.Ю.Афиани, М.В.Ковалев
Мемуарные зарисовки профессора А.В.Флоровского 276

А.В.Флоровский
Неизвестные фрагменты автобиографии 284

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 328

CONTENTS

RUSSIAN MIDDLE AGES

Leonid A. Belyaev
Two Convents of Moscow, Saint Alexius and the conception of Saint Anna: archaeology *versus* the historical tradition of the 14th–16th centuries 5

B.N. Floria
About the Russian-Austrian political contacts in the 70s of the XVII century.. 46

RUSSIAN EXPERIENCE OF CRISES AND MODERNIZATIONS

E.M.Kozhokin
George Gapon — the antihero of the revolution of 1905 57

M.Yu.Mukhin
Aircraft manufacturers post-war pores. Aircraft personnel in 1945–1955 78

D.Filimonov *(France)*
Foreign departments of the editorial offices of the central newspapers of the USSR in the 1940s and 1950s: a laboratory for reconstructing the image of the *Other*. University of Paris-8, France. 117

E.P. Malysheva
European standards and the Russian model of administrative reform at the beginning of the XXI century. On the issue of historical identity of Russia 144

PROBLEMS OF DOMESTIC CULTURE

M.V.Katagoshchina
The history of private collecting in the system of modern humanitarian knowledge: interdisciplinary approaches, discussions, relevant topics 171

EAST STUDY

B.V.Bazarov, A.D.Gombozhapov, E.V.Nolev, E.V.Sundueva
At the root of the Qing Empire: the genesis and development
of statehood under the first rulers of the Manchu dynasty. 200

HISTORY OF EMIGRATION

E.I.Pivovar
Russian foreign community in the latest national historiography 226

Elena A.Kosovan
Ukrainian Scientific Institute (USI) in Berlin 259

V.Yu.Afiani, M.V.Kovalev
Memoirs sketches of Professor A.V. Florovsky 276

A.V.Florovsky
Unknown Fragments of Autobiography. 284

INFORMATION ABOUT AUTHORS 328

Монография

Исторические записки

Подписано в печать 15. 11. 2019
Формат 70x100/16
Гарнитура Times
Усл.-п. л. 21. Уч.-изд. л. 25,00
Тираж 300 экз.

Издатель – Российская академия наук

Верстка – Ларичева М.М.
Отпечатано ООО «Тип-Топ»

Издается по решению Научно-издательского совета
Российской академии наук (НИСО РАН)
и распространяется бесплатно